Фридрих

Дюрренматт

© Copyright by Philipp Keel, Zürich

Friedrich Dürrenmatt

GESAMMELTE WERKE

Copyright by Diogenes Verlag, Zürich

Фридрих Дюрренматт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

5

ПЬЕСЫ И РАДИОПЬЕСЫ

Перевод с немецкого

Харьков «Фолио»
Москва АО Издательская группа «Прогресс»
1998

ББК 84.4Ш
Д97

Серия «Вершины»
основана в 1995 году

Составитель
Е. Л. Кацева

Комментарии
В. Д. Седельника

Художники
М. Е. Квитка, О. Л. Квитка

Редактор
Л. П. Павлова

В оформлении издания использованы
живопись и графика автора
© Copyright 1978 by Diogenes Verlag AG, Zürich
© Copyright 1994 by Friedrich Dürrenmatt Stiftung, Zürich

All rights reserved
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zürich

Данное издание осуществлено при поддержке
фонда «PRO HELVETIA»
и центра «Echanges Culturels Est—Ouest» г. Цюрих,
а также при содействии
Посольства Швейцарии в Украине

Д 4703010100—028 Без объявл.
98

ISBN 966-03-0108-1 (т. 5)
ISBN 966-03-0103-0

ISBN 5-01-004570-2 (т. 5)
ISBN 5-01-004571-0

© Составление, комментарии, перевод на русский язык произведений, кроме отмеченных в содержании +, АО «Издательская группа "Прогресс"», издательство «Фолио», 1998
© М. Е. Квитка, О. Л. Квитка, художественное оформление, 1998
© Издательство «Фолио», издание на русском языке, марка серии «Вершины», 1997

Комедия частного банка

Франк Пятый

Frank der Fünfte
Komödie einer Privatbank

Действующие лица

Франк Пятый
Оттилия — его жена
Герберт — его сын
Франциска — его дочь
Эмиль Бёкман — его управляющий
Рихард Тот Самый — начальник отдела кадров
Фрида Фюрст
Лукас Хеберлин — кассир
Гастон Шмальц — кассир
Тео Каппелер — кассир
Пойли Новичок
Хайни Мусор
Гийом — кельнер
Эрнст Шлумпф — владелец машиностроительного завода
Аполлония Штройли — владелица гостиницы
Пиаже — владелец часового завода
Трауготт фон Фридеманн — президент республики
Мозер — пастор
Похоронная процессия
Слуга
Медсестра

Антракт после одиннадцатой картины.

1. Как герои Шекспира

Декорация: в центре сцены на нескольких ступеньках возвышается огромный портал банка, поддерживаемый двумя атлантами, наподобие второго сценического портала, с черным занавесом-ширмой. На фронтоне надпись золотыми буквами: «УПОТРЕБЛЯЙТЕ СЕРЕБРО МОЕ В ОБОРОТ, ПОКА Я НЕ ВОЗВРАЩУСЬ» (От Луки, 19, 13). Пространство перед банковским порталом на ступеньках образует авансцену, на которой тоже может разыгрываться действие. Заголовки отдельных сцен могут проецироваться на занавес-ширму.

Начальник отдела кадров Рихард Тот Самый выходит в праздничном одеянии перед ширмой банковского портала, слегка сдвинув шляпу назад.

Тот Самый.

К сожаленью, вам твердили неизменно,
Мол, устроен мир довольно-таки скверно.
И ныл благоверный:
Зачем нищий — нищ; а богатый — богач! —
Ты услышь этот плач,
В Своем Царстве упрячь нас, Боже!
(Желательно позже.)

Но оставьте романтические байки!
Человек не волен, век — в коллектива спайке,
Среди псов он и волков, в свалке, или в стайке
Сам за ближним следит, зрит за ним многоглазый
Тот ближний, с которым
Он взором повязан, делом общим помазан
И слетает разом, в день
С человека человечности тень.

Будь же тверд ты сам!
Смотри нашу трагедию, смотри наш балаган —

Комедию частного банка,
Историю Пятого Франка.

Персонажи: вся банда, вся свора —
От стряпчего — до прокурора,
Даже лично директор с супругой, которым
Пострадать предстоит пред тобой жестоко,
Ну и прочие — сбоку припека.

Зачем? Но пойми:
Запах нищенской сумы чуя, каждый затявкает пес!
Только с нами в коллективе будет взгляд твой объективен.
Жалость застит взор, не смотри сквозь слез,
Состраданье — завиральное чувство,
Только там, на воле вольной, после, скажем, миллиона —
Начинается правда искусства.

Узнай же скорее, христианнейший мир,
Что мы любим, узри, как порой среди игр
Убиваем, внемли шуткам прочих забав,
Упадем же, так шляпу сними,
Нам долг наш последний воздав.

Не одни ведь короли горем для родной земли
Бывали, не только отцы-генералы
Литры крови проливали, вязли канцлеры в скандалы.
Я — зам. зав. по кадрам, я Тот Самый, который...
Потому знаю сам и скажу вам, что в прорву
Вместе с нами летит он, —
Ростовщичий мир кредитов.
Мы — последние пройдохи — здесь и повсеместно.
После нас все будет тихо, злобно, тупо. Честно.

А пока
О, почтенная публика!
Ты возрадуйся нам, так как наверняка
То, что нынче лишь вонь от куска,
Скоро явится все — целиком на века.

Собери же отвагу свою, для того,
Чтоб узнать себя в нас, промышляя на бирже,
Мы ведь вместе бредем стезей мира сего,
Столь приниженное, что не может быть ниже,
Социальнейшее существо.

Для твоей мы здесь забавы, —
Палачи и боги мира,
Так же злы, жалки, кровавы,
Как герои У. Шекспира[1].

Уходит через ширму.

2. Когда смерть ухватила тебя за глотку

Справа спереди на авансцену выкатывается в кресле-коляске Франк Пятый.

Франк Пятый. Я — Франк Пятый, и зовут меня Франк — друг человека. Я стар. Позади целая жизнь, сорок лет службы в банке и т. д., впереди смерть, бесконечность и т. д., потому что не успеешь перенести четвертый инфаркт и отделаться легким испугом, как уже намечается пятый. Но пусть будет что будет. Я идеалист и знаю высшие ценности. Пастор Мозер.

Слева входит пастор Мозер.

Пастор Мозер. Сын мой.

Франк Пятый. Исповедаться.

Пастор Мозер. Слушаю, сын мой.

Франк Пятый. Я слишком мало поддерживал вдов и сирот.

Пастор Мозер. Пустяки.

Франк Пятый. Бедных и бездомных.

Пастор Мозер. Пустяки.

Франк Пятый. Не заботился о спасении душ заключенных.

Пастор Мозер. Пустяки.

Франк Пятый. Не поддерживал мусульманскую миссию.

Пастор Мозер. Пустяки.

Франк Пятый. Я слишком редко посещал библейские чтения для банкиров-христиан.

Пастор Мозер. Пустяки.

Франк Пятый. Перед смертью я хотел бы совершить еще одно доброе деяние.

---

[1] Здесь и далее (кроме особо оговоренных случаев) перевод стихов В. Санчука.

Пастор Мозер. Соверши его, сын мой.
Франк Пятый. Управляющего ко мне.

Слева входит Бёкман.

Бёкман. Господин директор?
Франк Пятый. Позови тех двух парней, которых нам прислали из ведомства по делам несовершеннолетних.
Бёкман. Войдите.

Слева робко входят Хайни Мусор и Пойли Новичок.

Хайни. Господин директор. (*Кланяется.*)
Пойли. Здравствуйте! (*В смущении.*)
Франк Пятый. Подойдите поближе. Черт возьми, вы что, никогда не видели умирающего?

Оба почтительно подходят ближе.

Хайни. Никогда, господин директор.
Франк Пятый. Ну так поглядите. Имя?
Хайни. Хайни Мусор, господин директор.
Пойли. Пойли Новичок.
Франк Пятый. Вы откуда?
Хайни. Из Дроссельдорфа, господин директор.
Пойли. Из Амзельдингена.
Франк Пятый. Так вы оба выпорхнули из одного гнезда. Криминал есть?
Хайни. Переспал с тринадцатилетней.
Пойли. Стибрил у мастера сто франков.
Франк Пятый. Значит, так, по-отечески вмешаемся, ласково направим, заботливо укажем верную дорогу. Юные господа, позвольте мне быть кратким. Тот, кого смерть ухватила за глотку, не любит многословия. Нам нужны сотрудники. Нашему деликатному ремеслу недостает идеалистической поросли. Время благоприятствует лишь самым прилежным. Я беру вас на испытательный срок. Деловая активность сделает из вас настоящих мужчин, биржа придаст вам манеры, касса закалит в своем горниле, капитал воспитает. Вперед!
Бёкман. Марш к начальнику отдела кадров.

Бёкман и оба парня уходят налево.

Пастор Мозер. Сын мой, твои грехи тебе отпускаются.

Франк Пятый. Аминь. Удаляюсь и умираю.

Выкатывается направо.

Пастор Мозер. «Отче наш, иже еси на небеси».

3. Летим к праотцам

Наплывом: в то время как Франк Пятый выкатывается направо, а пастор Мозер молится, слева и справа, сзади, огибая портал, на авансцену выходит похоронная процессия. В момент исполнения первой строфы хорала, служащие банка Хеберлин, Каппелер и Шмальц с начальником отдела кадров Тем Самым вносят с левой стороны, сзади, гроб, явно потрясенные смертью своего шефа — друга человека. Устанавливают гроб на переднем плане посередине, затем тихо проходят по авансцене направо, образуя группу, за которой непосредственно следует похоронная процессия, отошедшая налево и образовавшая там еще одну группу, к которой присоединяется пастор Мозер. Участники похоронной процессии — в торжественном облачении, в черных пальто и шляпах, некоторые в цилиндрах.

Все.

Ты, отпрыск человечий,
Ползя лучам навстречу
Из чрева темноты,
Что, дурень, ищешь здесь ты:
Мир правды, высшей чести?
Оставь мечты и бредни!
Не первый, не последний —
Умчишься к предкам ты!

Доверенный Эмиль Бёкман вводит с левой стороны вдову Оттилию Франк в вуали, опирающуюся на руку Фриды Фюрст, подводит ее к гробу, потом подходит к Тому Самому, точно так же и Фрида.

Нам тот, кого хороним,
Отцом был и патроном.
Мы будем век скорбеть.
Вознесшийся над миром,
Был всяким чтим банкиром,
В банкротствах устоял он,
Но во весь рост упал он.
Мал человек, огромна смерть!

Оттилия. Франк Пятый. Я твоя жена и знаю, что подобает. Никаких слез у твоего гроба, осознание неотвратимости, повиновение воле Божьей, самообладание.

Все демонстрируют самообладание.

Оттилия. Нет смысла заниматься самообманом. Эпоха, которая тебя воспитала, канула в Лету. Твой отец заправлял Уолл-стритом, у твоего деда в руках был весь Китай, а ты в конце своего правления был уже не в состоянии финансировать даже электростанцию среднего масштаба. Твоя власть улетучилась, и твое сердце разорвалось. С тем угасла твоя династия. Мы, те, что остаемся, должны устоять в мире карликов. Господин директор госбанка, господин директор объединенных банков, господин директор торгового акционерного общества, вы, господа члены наблюдательного совета, друзья, сотрудники: я прощаюсь с последним великим частным банкиром нашего времени: Готфрид, прощай. Отправляйся в родовой склеп!

Трое служащих банка и Тот Самый выносят гроб направо.

4. Все, чем мы промышляем

Наплывом: ширма раздвигается. Между банковским порталом большой, пышно накрытый стол: белая скатерть, вазы с фруктами, наполовину наполненные бокалы с красным вином, коньячные рюмки и т. д. Над столом сияющая люстра. Оттилия, Фрида Фюрст, Бёкман направляются к столу, позднее также трое кассиров и Рихард Тот Самый, в то время как похоронная процессия рассеивается во время финального хора.

Все.

Так рушится династий
Величие и счастье,
Так их дурачит свет.
Прославил ты, Франк Пятый,
Свой род, издревле знатный,
Нам придававший силы,
Ты мертв, и из могилы
Уже возврата нет.

Слева входит Пойли Новичок с чемоданчиком.

Пойли. Мои соболезнования, госпожа директор, от всего сердца.

Оттилия. Ты уже уходишь, Пойли Новичок?

Пойли. Я подал заявление об уходе начальнику отдела кадров, госпожа директор.

Оттилия. Только через три дня.

Фрида. Смотрите-ка.

Пойли. Хочу обратно в Амзельдинген.

Бёкман. Хочешь?

Пойли. У моего отца там сыроварня.

Хеберлин. Честное ремесло.

Пойли. Я только беспокоюсь за своего друга Хайни Мусора.

Каппелер. Вот и на поминках его нет.

Оттилия. Давайте сообщим в полицию.

Пойли. Не понимаю, госпожа директор.

Тот Самый. Твой друг Хайни Мусор был всего лишь бывшим подмастерьем мужского портного.

Пойли. Какое отношение это имеет ко мне, господин начальник отдела кадров?

Фрида. У твоего отца в Амзельдингене слесарная мастерская, я тоже из этой местности.

Пойли. Да какое это имеет значение, фройляйн Фрида?

Хеберлин. Ты думаешь?

Каппелер. Возможно, это все же имеет значение.

Шмальц. Ты ведь тоже слесарь, парень.

Оттилия. Пойли Новичок, залезь-ка в свой правый боковой карман и дай мне ключ от сейфа. Это, правда, дубликат, а не оригинал, но, раз ты хороший слесарь, и такой вполне пригодный.

Пойли. Пожалуйста, госпожа директор.

Подает ключ.

Бёкман. Цифровой код к сейфу я вчера нарочно оставил на письменном столе.

Пойли. Я его списал, господин управляющий.

Тот Самый. Ты хотел сегодня запереться в нашем банке, ночью открыть дверь твоему дружку Хайни и вместе с ним — и с миллионами — смыться. Верно?

Пойли. Верно, господин начальник отдела кадров.

Оттилия. Исчезновение Хайни Мусора расстроило все твои планы.

Пойли. Я во всем сознаюсь, госпожа директор. (*Садится подавленно на свой чемоданчик.*) Я сдаюсь, вызывайте полицию.

Все, кроме Пойли Новичка, встают.

Оттилия. Пойли Новичок, ты окончательно принят в наш банк. Твоя попытка взлома была достойна похвалы, хотя и дилетантски спланирована. Ну, а ключ к сейфу — работа безупречная.

Снова садятся, Пойли Новичок тотчас вскакивает.

Пойли. Вы не банкиры, вы гангстеры.

Тот Самый. Конечно, мы гангстеры.

Пойли. Господи, в какое болото я попал!

Оттилия. Мы еще ни разу не занимались честным бизнесом.

Бёкман. Мы работаем в государстве, прилежание граждан которого вошло в поговорку.

Хеберлин. Полиция организована образцово.

Фрида. Особенно полиция нравов.

Пойли. А дома моя мамочка молится за меня.

Каппелер. Ей не стоит так усердствовать.

Пойли. Где мой друг?

Шмальц. В нашем кругу друзей не бывает.

Пойли. Мой друг Хайни Мусор?

Тот Самый. Не твое дело.

Пойли. Нет, мое. Я полноценный член вашей трекля-той банды и хочу знать правду.

Оттилия. Готфрид, выходи.

Из глубины сцены выходит Франк Пятый, переодетый священником, здоровается.

Пойли. А, Франк, друг человека!

Франк Пятый. Это я.

Пойли. А Хайни? Что вы сделали с моим другом Хайни Мусором?

Франк Пятый. Нам срочно потребовался мужской труп, сын мой. Наши методы ведения дел теперь уже не скроешь, государственный контроль ужесточается, компьютеры безупречны, если они и ошибаются, то все больше в пользу клиентов. Поэтому мы решили ликвидировать банк. Скоро наша фирма отпразднует двухсотлетний юби-

лей. Немного погодя умрет и моя любезная супруга. Как и я. От инфаркта. После ее погребения мы проведем закат нашей жизни вместе под другими именами в более гуманном климате.

Тот Самый. Персонал тоже исчезнет.

Бёкман. Государство возьмет долги на себя, наши сбережения в надежном укрытии, и все будет в порядке.

Франк Пятый. Тем временем я собираюсь вести чисто духовный образ жизни. Я человек насквозь религиозный.

Оттилия. Хватит болтать, Готфрид. Пойли Новичок, тебе повезло.

Фрида. Собственно говоря, мы эту роль — лежать в гробу — предназначали тебе.

Хеберлин. Но Хайни Мусор захотел было нас шантажировать.

Каппелер. Нам пришлось его укокошить.

Шмальц. Мне. В подвале.

Пойли. Убийцы.

Франк Пятый. Нет, не убийцы, а бизнесмены, попавшие в затруднительное положение, сын мой.

Оттилия. А ты, Пойли, пойдешь в большую науку.

Тот Самый. Во внутреннюю охрану.

Бёкман. Марш, твоя карьера начинается.

Пойли. Это несправедливо! Я хотел лишь с помощью одного хитроумного приемчика разбогатеть, как вы, один-единственный раз, а потом вернуться к порядочному образу жизни.

Оттилия.

Что за речи, Новичок!

Франк Пятый.

Для начала чек своруй.

Бёкман.

Пальцем вексель нарисуй.

Тот Самый.

Научись укрыть налог.

Хеберлин.

И за правду выдать ложь.

Каппелер.

Сбыть фальшивку и отмыть.

Шмальц.

Сплавить труп и дело скрыть.

Фрида.

Бедность — счастьем назовешь!

Пойли.

Ишь ты, хват!

Франк Пятый.

Тише, брат!

Оттилия.

Поимей-ка разуменье!

Пойли.

Что еще за разъясненья?

Первые.

Мы воруем, безобразим,

Вторые.

Тащим, свищем, тянем, лямзим,

Первые.

Укрываем, надуваем,

Вторые.

Умыкаем, убиваем,

Все.

Средств других за неименьем.
Мы б по-честному хотели,
Но нужны монеты в деле.

Мы хотели подобру бы
Обустроить все. Но, ах!
Простофилям в мире грубом
Быть не при деньгах!

Пойли.

Простофилям в мире грубом

Все.

Быть не при деньгах!

5. Утром перед нашими злодеяньями

Ширма закрыта.

Слева кельнер Гийом устанавливает на авансцене столик с двумя стульями и накрывает его с приветливой улыбкой, справа выдвигается стойка бара. На уютно накрытом столике стоит пустая ваза.

Слева входит Фрида Фюрст, справа
Рихард Тот Самый с розой в руке.

Тот Самый. Фрида!
Фрида. Рихард!
Тот Самый.

Я лежал в «Империале» с миллионершей из Милуоки.
Занавески дрожали, светила луна,
Но в мыслях у меня была лишь ты.

Фрида.

Мое тело еще хранило тепло инженеровой плоти.
Пищала кошка, во дворе стоял голубой «шевроле».
Но я была лишь с тобой.

Тот Самый. Желаю тебе прекрасного утра.
Фрида. И я тебе желаю.
Тот Самый. Вот роза.
Фрида. Спасибо тебе.
Тот Самый.

С кем бы я ни спал в фешенебельном отеле,
Кто бы ни была клиентша,

Фрида.

С кем бы ни лежала я в дешевом пансионе,
Кто бы ни был мой клиент,

Тот Самый.

Отдаю ли я тебя ради банка,
Отдаешься ли ты ради денег,

Фрида.

Навек останемся невестой и женихом.

Тот Самый.

А все прочее — фрагмент[1].

Садятся за столик слева.

Фрида. Как всегда, Гийом.
Тот Самый. Мне тоже.

Гийом подает черный чай и йогурт.

Фрида ставит розу в вазу.

Фрида. Не забудь о своих каплях.

Он капает несколько капель в стакан с водой, она наливает чай.

Фрида. С сахаром?
Тот Самый. Две ложечки.
Фрида. Гренку?
Тот Самый. Одну.

Размешивают чай.

Фрида. Моя сестра в Андертале родила пятого ребенка. Мальчика.

Тот Самый. Моего брата в Майбрутге выбрали председателем общины. Добился-таки своего.

Пьют чай.

Фрида. Двадцать лет уж, как мы у Франка.
Тот Самый. Двадцать два.
Фрида. Каждый год мы хотим пожениться.

---

[1] Перевод В. Колязина.

Тот Самый. Бизнес всегда был помехой.

Фрида. Дела в банке шли не так, как надо.

Тот Самый. Но теперь он ликвидируется. Я купил в Майбругге маленький домик. Утопающий во фруктовых деревьях. С зелеными ставнями и красными поперечинами.

Фрида. У нас будет много детей.

Тот Самый. Все мальчики.

Фрида. Вот увидишь. Я еще смогу.

Едят йогурт.

Фрида.

В маленьком кафе
Рядом с частным банком на набережной
Мы оба мечтаем

Тот Самый.

Утром перед нашими злодеяньями.

Фрида.

Но слышен крик чайки,
Солнце золотит купола,
И все это снова,

Тот Самый.

Снова и снова.

Оба.

Проходит?
Когда-нибудь все будет иначе,
Когда-нибудь мы будем в одной постели,
Когда-нибудь все будет иначе[1].

Тот Самый. Завтрак окончен.

Встает.

Фрида. Снова нужно расставаться.

Он кланяется.

---

[1] Перевод В. Колязина.

Тот Самый. Прощай, Фрида.
Фрида. Прощай, Рихард.
Тот Самый. Пока.
Фрида. Не волнуйся по пустякам.

Тот Самый подходит к стойке бара, садится слева.

Тот Самый. Как всегда.
Гийом. Ваш абсент, господин Тот Самый.
Фрида. Как всегда, Гийом.
Гийом (*подает*). Ваш чай с ромашкой, фройляйн Фрида.

Фрида Фюрст принимается вязать детскую кофточку. Тот Самый зажигает сигару.

Справа входит Гастон Шмальц с газетой, присаживается к стойке рядом с Тем Самым.

Шмальц. Как всегда, Гийом.
Гийом (*подает*). Ваш лечебный чай и ваши хрустящие хлебцы, господин Шмальц.

Шмальц начинает прихлебывать грудной сбор.

Тот Самый. Господин Гастон Шмальц, я видел, как ты вчера парковал свой старый «фольксваген». Ты, конечно, страсть как не любишь долгов, хочешь сэкономить, стать независимым от нас. Только не надо возражать, на следующей неделе ты купишь себе «мерседес», который, как и полагается, удержит тебя на краю пропасти.
Шмальц. Ну ладно, господин Тот Самый. Так и сделаю.

Разворачивает газету. В бар входит Тео Каппелер, садится рядом со Шмальцем.

Каппелер. Как всегда, Гийом.
Гийом (*подает*). Ваша зельтерская из Вишти и ваши сухарики, господин Каппелер.
Тот Самый. Господин Тео Каппелер! Гуляю я недавно в городском парке, думаю исключительно о нашем деле, никаких дурных мыслей и в помине нет, и кого же я вижу на скамейке? Тебя, Каппелер, с твоей подружкой. Ты что, собираешься на этой девушке жениться?
Каппелер. На будущей неделе, господин Тот Самый. Она беременна.

Тот Самый. Беременна! И это должно служить оправданием тому, чтобы вдруг начать вести себя как добропорядочный мужчина? И вообще: заводить детей! У Франка Пятого и его жены тоже нет детей, снимаю шляпу перед этим браком. Мы должны отправиться в ад бездетными, Каппелер. Ты должен бросить твою девушку, хоть столько приличия я могу еще от тебя потребовать.

Каппелер. Господин Тот Самый, я возьму себя в руки.

В бар входит Лукас Хеберлин, садится рядом с Каппелером.

Хеберлин. Как всегда, Гийом.

Гийом (*подает*). Ваши мюсли, господин Хеберлин.

Хеберлин принимается черпать ложечкой свои мюсли.

Тот Самый. Лечебный чай, зельтерская, мюсли. Как в санатории. В годы моей юности, небо праведное, к этому времени вся компания была уже в доску пьяна. Что тут удивляться. Мы были еще молодые ребята! А вы что?

Хеберлин. Не спорю, господин Тот Самый, тогда были более приятные времена, но куда нам с нашим современным темпом? Нет, господин Тот Самый, давайте будем откровенны. Мы дряблые, усталые и замотанные. Нам не хватает профессионального удовлетворения, душевного равновесия, внутреннего покоя, ценностей, которые мы, видит Бог, могли бы обрести не в оргиях, а только за стенами исправительного учреждения.

Остальные смотрят удивленно.

Хеберлин. Я навел справки. Размеренная жизнь в тюрьме творит чудеса. Жалобы на желудок, нервное истощение, нарушение сердечной деятельности и кровообращения отсутствуют. И наоборот, как посмотрю я на всех нас — мы ведем собачью жизнь и хиреем.

Тишина. Все уставились на него угрожающе.

Тот Самый (*как нельзя более приятным тоном*). Интересно, Хеберлин. Ты занимаешься в свободное время исправительными заведениями.

Хеберлин. Меня осенило, господин Тот Самый.

Тот Самый. И чего доброго, еще и тоскуешь по таким местечкам?

Хеберлин (*не чувствуя подвоха*). Моя мечта, господин Тот Самый. Тихие вечера в камере, ранний отход ко сну, все темнеющее и темнеющее небо в окошке под потолком, первые звезды, безмятежный покой, приятная дремота. Ни спешки, ни страха перед разоблачением или предательством, радио, телевизор, а в скором времени разрешат даже раз в месяц визит особы женского пола из соответствующего учреждения, находящегося под санитарным наблюдением. За государственный счет. Ведь это, собственно говоря, идеальные условия жизни по сравнению с существованием в нашем банке. И при этом не нужно даже особенно беспокоиться о том, чтобы туда попасть. С нашей биографией это проще пареной репы. Один звонок прокурору — и ты садишься на всю жизнь, тебе не надо больше мучиться, и ты пышешь здоровьем.

Тот Самый (*спокойно*). Я знаю, я сумею это предотвратить. Кое-кто уже сильно пожалел, что клюнул на подобные фантазии, и я не позволю посягать на мою трудовую мораль, сколько бы ты ни рассказывал мне об исправительных заведениях. (*Резко.*) Еще одну, Лукас Хеберлин!

Хеберлин встает.

В прошлое воскресенье я встретил тебя в церкви Святого Духа. Что ты себе, собственно, воображаешь, я хотел бы тебя сурово предупредить! У тебя на совести куча всяких афер, а ты ходишь на проповеди, молишься, поешь «Господь — надежный наш оплот». По-моему, это неслыханно. Ты ведешь себя так, будто ты управляющий или даже начальник отдела кадров. Пожалуйста! Я могу позволить себе ходить в церковь. Мне все время приходится совершать такие вопиющие преступления, что мне вообще не светит считать себя приличным человеком, а для вас, кассиров...

Шмальц и Каппелер встают.

Для вас, трех кассиров, на ваших спокойных постах с вашими маленькими мошенническими замашками опасность стать честным человеком, по правде говоря, колоссальна! Вот где безобразие! Немного дисциплины, господа. Черт возьми, если банк когда-нибудь ликвидируют, вы

можете все вместе податься в Армию спасения, но до тех пор вы должны оставаться мошенниками, взываю к вашей совести.

Трое. Так точно, господин Тот Самый.

Тот Самый. Марш к своим обязанностям. Новый рабочий день начался.

Трое. Так точно, господин Тот Самый.

Уходят налево.

Тот Самый. Как всегда, Гийом.

Гийом. Ваши капли, господин Тот Самый. (*Подает. Ставит перед ним стакан с водой.*)

Тот Самый капает капли.

Фрида Фюрст продолжает вязать детскую кофточку.

Фрида. Видишь, Рихард, вот ты и разволновался.

Тот Самый. Ну, так вгрыземся же в биржевые сводки.

Свирепо разворачивает газету.

6. Цена любви

Управляющий Эмиль Бёкман выходит через ширму кафе «У Гийома» на авансцену, как и прежде. Слева Фрида занимается вязанием, справа Тот Самый читает газету.

Бёкман. Дамы и господа! Это было утро начальника отдела кадров. Порядок. Повседневную работу частного банка можно начинать. Тоже порядок. Однако пожелание дирекции ввести вас в существо нашего бизнеса я исполняю, скажем прямо, не без колебаний. Не только потому, что мне вряд ли свойствен в высшей степени впечатляющий пафос нашего начальника отдела кадров — да и вообще я человек гораздо более прозаический, — и не только потому, что у меня еще более разрушенное здоровье. Нет, мои трудности, сопряженные с вами, совсем в другом: в самой материи. Повседневный труд в финансовом учреждении вроде нашего почти невозможно продемонстрировать, разве что обозначить намеками, самое главное, самое решающее происходит втайне. Борьба запутанна и жестока. Прощения не бывает. Мы живем на острие ножа. Одна неудачная акция, один слишком уж шитый белыми нитками отчет — и мы катимся

в пропасть. То, что частенько так и бывает, что наше положение подчас оказывается действительно трагическим, — это вы можете себе представить. Так что, дамы и господа, давайте не будем строить иллюзий. Времена дрянные. Мы живем, увы, в правовом государстве. У нас совершенно отсутствует стимулирующая почва для всеобщей коррупции, на которую мы могли бы положиться, дабы нравственно обосновать максимы нашего бизнеса. Мы не можем засвидетельствовать свое почтение ни подкупленному министру финансов или шефу полиции, ни продажным ревизорам, нет, вокруг нас царит одна только неприкрытая честность, пусть даже с известными ограничениями, но эти ограничения устанавливаются отнюдь не нами. Если взглянуть на землю из ада, она покажется раем. Короче говоря, тем, что мы вообще есть, что мы вообще еще существуем, мы обязаны только нашей силе, только нашему собственному мужеству и только нашей дикой решимости еще и сегодня высоко держать освященные традицией коммерческие методы наших предков, невзирая на то, что износ мозгов и нервных субстанций ныне принимает чудовищные формы. Поэтому вы будете мне благодарны, если мы не станем обременять вас техническими подробностями, а в общем и целом сосредоточимся скорее на наших чисто человеческих заботах и конфликтах. Они ведь гораздо важнее. В конце концов лишь духовная жизнь имеет ценность. Готов признать, что для вашего экономического образования — да будет мне позволено так выразиться — было бы чрезвычайно благотворно понаблюдать совсем за другим, а именно за нашим гениальным, тщательно продуманным бизнесом, но мы, к сожалению, скованы определенными драматургическими законами. Со сцены на зрителя воздействует лишь то, что до него непосредственно доходит. Правда, показать процесс подлинно рафинированного бизнеса совершенно невозможно. А то не только вы как зрители доперли бы, в чем тут дело, но и клиента осенило бы, и фирма полетела бы к чертовой бабушке. Поэтому мы поневоле должны довольствоваться примером, причем так, что до вас-то смысл дойдет, а вот клиент будет околпачен. Ну, а то, что все это далеко не самые главные наши дела, — совершенно очевидно. Прекрасно. Вот и все. Простите меня за откровенность, за некоторую приостановку действия, зато теперь

вы в курсе дела и готовы к дальнейшему приятному времяпрепровождению.

Справа на авансцену выходит Шлумпф.

Бёкман. Господин Шлумпф.

Шлумпф тяжело опускается на стул у стойки бара рядом с Тем Самым.

Шлумпф. Виски.
Гийом. Пожалуйста. (*Подает.*)

Шлумпф также принимается читать газету.

Бёкман. Эрнст Шлумпф, машиностроительный завод в Бельцендорфе, один из наших верных старых клиентов, занятый чтением утреннего выпуска нашей всемирно известной местной газетенки. А теперь мы можем начать нашу маленькую демонстрацию.

Ширма раздвигается. На заднем плане три кассовых окошка, зарешеченные, с надписями слева направо: «Касса», «Сберкнижки», «Титулы»; за ними (слева направо) Шмальц, Каппелер, Хеберлин.

Бёкман проходит мимо трех окошек.

Бёкман. Дамы и господа! Я нахожусь в нашем кассовом зале, для которого не прошли бесследно годы, удачи, судьбы — он покрылся патиной славы. А теперь позвольте мне откланяться. (*Уходит налево.*)

Шмальц. Уже десять, а все еще ни души.

Каппелер. Какой же дурак захочет вкладывать в наш банк деньги?

Хеберлин. На номерных счетах тоже ни гроша.

Шмальц. С тех пор как мультимиллионеры пооткрывали свои собственные банки.

Каппелер. Мы лишились доверия даже серьезных людей из преступного мира.

Хеберлин. Подумать только, что в годы моей юности у нас держал свои деньги Аль Капоне!*

Шмальц. Баттиста*.

Шлумпф смотрит у стойки бара на часы, складывает газету.

Каппелер. Надо было ехать в Швейцарию.

Хеберлин. В Лихтенштейн.

Шлумпф входит в зал.

Шмальц. Там клиент на горизонте.
Каппелер. Машиностроительный завод в Бельцендорфе.
Хеберлин. Производит оружие.
Шмальц. Хочет только снять деньги.

Шлумпф подходит к Хеберлину.

Хеберлин. Добрый день, господин Шлумпф.
Шлумпф. Ну, Хеберлин, что вы скажете: Опплингер на плаву.
Хеберлин. Здорово, господин Шлумпф.
Шлумпф. Фройдигер раскошеливается.
Хеберлин. Сила, господин Шлумпф.
Шлумпф. Хёслер идет в гору.
Хеберлин. Блеск, господин Шлумпф.
Шлумпф. Пять тысяч.
Хеберлин. Хотите внести?
Шлумпф. Снять со счета.
Хеберлин. Снять со счета.
Каппелер. Снять со счета.
Шмальц. Снять со счета.

Шмальц звонит по телефону.
Шлумпф ставит подпись.

Хеберлин. Тысячными банкнотами?
Шлумпф. Сотенными.

Гийом снимает трубку в кафе.

Шмальц. Фриду Фюрст.
Гийом. Как всегда, фройляйн Фрида, вам пора.

Фрида Фюрст отпивает еще глоток ромашкового чая,
прячет свое вязанье.

Шлумпф. Ну вот, Хеберлин, я вложил миллионы в мою управляемую с помощью компьютера гаубицу «Аллилуйя», которая на расстоянии пяти километров сотрет в порошок любой вражеский танк, и чему же отдает предпочтение наш парламент? Натовской гаубице «Литтл Моби». Спокойной ночи, отечественная продукция. А все

почему? Потому что мы разложены левыми элементами, Хеберлин, левыми элементами.

Хеберлин. Но, господин Шлумпф, тогда бы вряд ли мы стали натовские гаубицы...

Шлумпф. Ни на что не годные натовские гаубицы.

Провожает взглядом Фриду Фюрст, проходящую мимо него к окошку «Касса».

Шлумпф. Еще две тысячи.
Хеберлин. Выдать.
Каппелер. Выдать.
Шмальц. Выдать.

Показывает Фриде Фюрст руками, что Шлумпф в общей сложности снял семь тысяч.

Шлумпф подписывает чек.

Шлумпф. Ни на что не годные натовские гаубицы.
Шмальц. Донья Инес?
Фрида. Пришел ли чек из Севильи?
Шлумпф. Поэтому мы и разложены левыми элементами.
Шмальц. Чек из Севильи?
Каппелер. Чек из Севильи?
Хеберлин. Сожалею.
Каппелер. Сожалею.
Шмальц. Сожалеем, донья Инес.
Фрида. Я единственная дочь генерала Родриго.
Шмальц. Это нам известно, донья Инес.
Фрида. Я не знаю в этом городе ни души.
Шмальц. Мы обязаны руководствоваться всеобщими банковскими правилами.
Фрида. Будьте гуманны. Мой отец тоже был гуманным. Он боролся против левых.
Шмальц. Сожалею, донья Инес. В законе ничего не написано про правый гуманизм.
Фрида. Обменяйте мои последние песеты. (*Выкладывает кучку банкнот.*)
Шмальц. Обменять.
Каппелер. Обменять.
Хеберлин. Обменять.
Шлумпф. Черт возьми! Еще две тысячи.
Хеберлин. Выдать.
Каппелер. Выдать.

Шмальц. Выдать.

Шмальц. В обмен на ваши последние песеты, донья Инес.

Кладет деньги. Подает знак, что Шлумпф получил девять тысяч.

Шлумпф подписывает чек, прячет деньги, представляется Фриде.

Шлумпф. Моя фамилия Шлумпф. Эрнст Шлумпф. Шлумпф-гаубица. Я владелец машиностроительного завода в Бельцендорфе. Это оружейная фабрика.

Фрида. Что вам угодно?

Шлумпф. Нечто само собой разумеющееся. Помощь.

Фрида. Помощь?

Шлумпф. «Аллилуйя».

Фрида. Как-как?

Шлумпф. Это название моей управляемой с помощью компьютера гаубицы, донья Инес.

Фрида. Ах вот что.

Шлумпф. Я до известной степени тоже своего рода наступательная гаубица, донья Инес, наступательная гаубица человеческой помощи. Будучи дочерью генерала, вы составили себе совершенно неверное представление о нашей маленькой стране. Позвольте мне исправить это представление, так сказать, показать все это в правильном свете. Как патриоту. Как представителю тяжелой индустрии. Вашу руку, мы пройдем в тот небольшой бар и подумаем, как мы можем снять вас с мели. (*Раскланивается с кассирами.*) Господа, ради того, чтобы песеты и наша милая Европа не провалились на наших глазах в пропасть, — Шлумпф-гаубица всегда на страже.

Хеберлин. Еще как, господин Шлумпф.

Каппелер. Неколебимо как скала, господин Шлумпф.

Шмальц. Родина вас не забудет, господин Шлумпф.

Ширма закрывается.

Тот Самый складывает газету и присаживается к стойке бара с правой стороны.

Тот Самый. Как всегда, Гийом.

Гийом (*подает*). Ваш абсент, господин Тот Самый.

Рядом с Тем Самым в баре усаживаются Шлумпф и Фрида Фюрст.

Шлумпф. Кельнер, бутылку «Вдовы Клико».

Фрида. Но, господин Шлумпф...

Шлумпф. Какой господин! И слышать не хочу. Зовите меня просто Шлумпфик, донья Инес, как все мои друзья. Налить.

Гийом. Пожалуйста, сударь. (*Разливает шампанское.*)

Шлумпф. С глаз долой.

Гийом. Будет сделано, сударь. (*Исчезает.*)

Шлумпф. Вы одиноки?

Фрида. Одинока.

Шлумпф. Я тоже. Несмотря на тяжелую промышленность. (*По ошибке ударяет Того Самого по плечу.*) Пардон.

Тот Самый. Ничего, сударь.

Шлумпф. Ваше здоровье, донья Инес.

Фрида. Ваше здоровье, господин Шлумпф.

Шлумпф. Ну, а теперь, дитя мое, давайте честно и прямо прозондируем ситуацию. Все это с чеком, только что в банке, было чистейшей воды обманным маневром. Верно?

Фрида. Господин Шлумпф.

Шлумпф. Шлумпфик, черт возьми.

Фрида. Шлумпфик, я...

Шлумпф. Вот что, выкладывай все как есть. Уж со мной-то нечего стесняться. Ты разорилась в пух и прах и хотела облапошить банк.

Фрида. Да, Шлумпфик.

Шлумпф. Вот видишь. (*Ухмыляясь, опять по ошибке ударяет Того Самого по плечу.*) Пардон.

Тот Самый. Ничего страшного, сударь.

Шлумпф (*снова обращаясь к Фриде Фюрст*). Мой ангел, на этот фокус теперь уже не клюнет ни один банк в мире, менее всего тот, которому я доверяю свои деньги. А донья ты только сзади, спереди — какая же ты донья? Что касается женщин, Аллилуйя-Шлумпфика не проведешь. К примеру, эту историю с твоим бравым папашей, старым генералом Родриго, который боролся с левыми, ты можешь преспокойно рассказывать в каком-нибудь маленьком городишке, но только не здесь, деточка, в настоящем городе, даже если мы до такой степени разложены левыми элементами, что скоро лишь гаубицы смогут остановить красную лавину. Ну, что хорошего ты можешь мне поведать, милашка?

Фрида. Мой отец был таксистом в Сантадере.

Шлумпф. А твоя драгоценная мамаша?

Ф р и д а. Она жила здесь в Мясницком переулке.

Ш л у м п ф. А потом перебралась в испанский бордель? Разве Шлумпфик не прав?

Ф р и д а. Мне так стыдно.

Ш л у м п ф. Тебе не надо стыдиться. Аллилуйя-Шлумпфик знает жизнь. Шлумпфику ничто человеческое не чуждо. Но деточка, зачем же сразу в слезы? Я ведь тебя понимаю, ты все это сделала только от одиночества.

Ф р и д а. Вы так добры ко мне, Шлумпфик.

Ш л у м п ф. Ну-ну! Только не будем преувеличивать. Я всего лишь гуманный человек. Кто же жульничает? В этом пункте Шлумпфик в высшей степени честен. Когда я подумаю, как я иногда делаю свой бизнес, черт возьми, вот это уже жульничество чуть ли не всемирно-политического масштаба. (*Снова по ошибке ударяет Того Самого по плечу.*) Пардон.

Т о т С а м ы й (*стучит по стойке бара*). Все дело в сердце, черт возьми, в сердце, а не в законах.

Ф р и д а. Да, Шлумпфик.

Ш л у м п ф. Прекрасно. Ситуация прозондирована, и теперь можно приступать к помощи.

Ф р и д а. Да, Шлумпфик.

Ш л у м п ф. Посмотрим, как мы продержим тебя некоторое время на плаву.

Ф р и д а. Да, Шлумпфик.

Ш л у м п ф. Ты одинока, и я одинок.

Ф р и д а. Да, Шлумпфик.

Ш л у м п ф. Ну и?

Ф р и д а. Ну и...

Она поднимается во весь рост за стойкой бара, в то время как Тот Самый тайком гладит ее левую руку.

Ф р и д а. Девять тысяч!

Ш л у м п ф. Договорились.

Ф р и д а. О'кей.

Ш л у м п ф. Кельнер, счет! (*Кладет сотенную на стойку.*)

Слева на авансцену врывается П о й л и Н о в и ч о к. Он в изумлении.

Ш л у м п ф. Ну, куда мы теперь, мышка?

Ф р и д а. В маленькую гостиницу, мой толстячок.

Она проходит со Шлумпфом мимо Пойли по авансцене налево, попутно беря со стола свою сумочку с вязаньем.

Пойли (*глядя вслед Фриде и Шлумпфу*). Это же наша Фрида.

Тот Самый. «Наша Фрида», «наша Фрида», я очень попрошу, Пойли Новичок. Ты должен говорить «фройляйн Фрида Фюрст».

Пойли. Фройляйн Фрида Фюрст.

Тот Самый. Как всегда, Гийом.

Гийом (*подает*). Ваши капли, господин Тот Самый.

Тот Самый.

Это утро начальника отдела кадров.
И каждое, каждое утро одно и то же.
Люди добрые, посмотрите, на что похоже!
Я держу на себе этот банк
Так, как будто бы небо — атлант
Над Землей непутевых людишек.
Абсент в бокале, все лицо в помаде
От поцелуев старухи-шлюхи из, видите ли, Милуоки,
Зато — с долла́рами.
Она торгует невестами, тепленькими от тел
клиентов,

Ну прям как товарами, как козочками из хлева,
И то — норовит налево.
Других терзая, я сам истерзан.
Сдохну скоро. Пардон, приближается приступ рвоты.
Нет, правда, в гроб сведут меня эти заботы.
И это — утро начальника отдела кадров!

Встает.

Тот Самый. Пойли Новичок, пойдем к госпоже директорше.

7. Подонок стильный стал — ах! — раритет

Ширма распахнута. Кабинет дирекции. На заднем плане четыре портрета предков, высотой от пола до потолка. Они выглядят словно мрачные великаны: от Франка Первого до Франка Четвертого. Слева письменный стол, посередине канапе, справа кресло. За письменным столом сидит Оттилия.

Оттилия.

Ушел навек век золотой,
Когда валил бандит толпой.

Теперь барыг и стерв тех нет,
Пахан им — не авторитет.
Все нынче — в прошлом.
Наш мир стал пошлым.
Подонок сильно сдал.
Подонок стильный стал — сам раритет.

Мой труд напрасен! Все прошло,
И все трудней творить тут зло,
И вор пошел — не вор, а шкет,
И где она, братва тех лет!
В упор не видишь,
С кем сядешь-выйдешь.
Подонок сильно сдал.
Подонок стильный стал — прям раритет.

Наш мертв закон! К чему мой шмон?
Где дух времен? Весь вышел он!
И нам достойной смены нет.
Полпадлы, да и то в семь лет.
Дела унылы,
Как вид могилы.
Подонок сильно сдал.
Подонок стильный стал — ах! — раритет.

Справа входят Тот Самый и Пойли.

Оттилия. Рихард Тот Самый. Пойли Новичок. События развиваются более бурно, чем предвиделось. Добрый Хеберлин в кассовом зале незаменим. Я сама не чую под собой ног, лорд Лейстер вчера оказался несговорчивей, чем ожидалось. Каппелер вынужден спорить с Нильсом Магеном из Копенгагена, а Шмальц — сразу с тремя сестрами из Бёзингена. Ну, оставим это. А сейчас мы ожидаем владелицу гостиницы Аполлонию Штройли. Этой добродетельной даме одна прорицательница предсказала по гороскопу, что она найдет свое счастье близ кафе «У Гийома» с земляком из Бразилии по имени Хуго фон Альберсло. Прорицательницу подкупила я, а земляк — это мой верный Рихард.

Тот Самый. Само собой разумеется, госпожа директор. (*Делает пометку.*) Хуго фон Альберсло. Купить сигары.

Оттилия. Хорошая фирма возникает на основе коллективного труда. Тебе же, Пойли, придется выполнить первую самостоятельную выездную миссию. (*Листает бу-*

маги.) Нет смысла обманывать себя, Пойли Новичок. Твое положение более чем сомнительно. В бухгалтерском деле ты оказался лопухом, а по части подделки документов — полнейшей бездарью. Однако мы решили принять во внимание твои умственные способности и резко сократили твои проблемы — мы же не звери. Ты должен будешь провести переговоры с владельцем часового завода. Детская игра. Записывай.

Пойли пишет в маленькую записную книжку.

Оттилия. Добряка зовут Пиаже. Вчера вечером в баре «Фантазия» наш Шмальц за тремя виски с содовой внушил ему, что на Большом Хаксле в Восточных Альпах найден уран, а сегодня утром, как ты думаешь, кого Пиаже случайно встречает в вестибюле гостиницы? Нашего друга Тео Каппелера. Тот заливает ему, что в кафе «У Гийома» ошивается некий Оскар Штукки, который продает акции одного рудника. Догадываешься, где находится этот чудный рудник, сын мой? Тоже на Большом Хаксле. А знаешь, кто такой этот постоянный клиент Оскар Штукки?

Пойли. Понятия не имею.

Оттилия. Ты, Пойли Новичок. Здесь у тебя сто акций. Предложи их Пиаже. С выдумкой, юноша, с выдумкой. (*Передает ему пакет акций.*)

Пойли. Постараюсь, госпожа директор.

Оттилия. Пятьсот за акцию. Если он купит, мы сделаем потрясающий бизнес, в действительности на руднике нет ничего, кроме ничего не стоящего серного колчедана. А он купит. Где пахнет прибылью, поведение человека предсказуемо. Итак, вы оба — марш на набережную. В три часа владелец часового завода придет кормить чаек, он любит фауну, и Аполлония Штройли тоже явится, ведомая своей звездой, мой верный Рихард. Частный банк желает вам счастья.

Ширма закрывается.

8. Серный колчедан и сияние горных вершин

Авансцена. Слева за столом Тот Самый, справа у бара Пойли. Слева входит Пиаже, кормит чаек посередине передней части сцены ближе к рампе.

Пойли. Гийом, порцию мяса по-граубюнденски.

Тот Самый. Прекрасно.

Гийом ставит перед Пойли тарелку.
Пойли идет с ней через центральную часть сцены
к рампе и начинает кормить чаек мясом.

Пиаже (*удивленно смотрит на него*). Что вы тут делаете?

Пойли. Кормлю чаек.

Пиаже. Мясом по-граубюнденски?

Пойли. Чем дороже, тем лучше.

Пиаже. Дорогое же удовольствие.

Пойли. Птицы — моя слабость. Все они Божьи твари и разделяют мою радость. Я продаю рудник.

Пиаже (*заинтересованно*). Рудник на Большом Хаксле?

Пойли. Верно. (*Делает вид, что он изумлен.*) Черт возьми, как это вы угадали?

Пиаже (*притворно*). Да так. Чутье, знаете ли.

Пойли. Рудник — это, сударь мой, была катастрофа. Я напрасно пытался получить золото из серного колчедана, подъездные пути были слишком плохи, ничто не приносило доход, и я загорал со своим пакетом акций. Но вчера? Чудеса — звонок из моего банка. Он покупает.

Пиаже. О да, это социальный, гуманистический банк!

Пойли. Прямо как в сказке.

Пиаже. Сколько он предлагает?

Пойли. Две сотни за штуку.

Пиаже. Кельнер, и мне мясо по-граубюнденски.

Гийом. Уже готово. (*Подает Пиаже тарелку с мясом по-граубюнденски.*)

Пиаже теперь тоже кормит им чаек.

Пиаже. Меня зовут Пиаже.

Пойли. А я Оскар Штукки.

Пиаже. Сколько у вас всего акций?

Пойли. Сто.

Пиаже. Банк предлагает двадцать тысяч?

Пойли. Точно.

Пиаже. А если я дам двадцать одну?

Пойли, якобы очень удивившись,
перестает кормить чаек.

Пойли. Двадцать одну?

Пиаже. Я ведь тоже гуманист.

Пойли. Тут что-то не так, господин Пиаже. Это дело кажется мне в высшей степени подозрительным.

Пиаже. Двадцать две? (*Достает банкноты из кармана.*)

Пойли. Не обижайтесь на меня, господин Пиаже, но я сначала должен навести точные справки.

Пиаже. Двадцать три прямо в ваши руки. (*Кладет Пойли банкноты на тарелку.*)

Пойли. Двадцать три тысячи? (*Передает Пиаже пакет акций.*) Серный колчедан на Большом Хаксле ваш, господин Пиаже.

Пиаже. Господин Оскар Штукки, вы еще услышите обо мне. (*Кладет банкноту на его тарелку и передает ее Гийому.*) Кельнер, плачу за все! (*Уходит направо.*)

Пойли победно машет Тому Самому банкнотой. Тот вскакивает, но слева уже спешит Аполлония Штройли. Она явно чего-то ожидает. Тот Самый, сохраняя присутствие духа, садится за стол слева.

Госпожа Штройли. Разрешите?

Тот Самый. Пожалуйста, сударыня.

Она таинственно рассматривает Того Самого, затем нерешительно присаживается к нему.

Госпожа Штройли. Кельнер, эспрессо.

Тот Самый. Шампанского. Из лучших сортов.

Гийом подает.
Пойли берет возле стойки высокий стул и садится посередине, жаждая насладиться искусством жульничества.

Госпожа Штройли. Похоже, у нас праздник?

Тот Самый. Есть еще пока доходы. (*Закуривает сигару.*)

Госпожа Штройли. Импортная?

Тот Самый. С моей новой родины.

Госпожа Штройли (*радостно*). Из Бразилии?

Тот Самый. Из Рио.

Госпожа Штройли. Я из Штеффигена. Меня зовут Аполлония Штройли.

Тот Самый. Гуго фон Альберсло.

Госпожа Штройли (*таинственно*). Я — лев.

Тот Самый. Я тоже. И я надеюсь, что созвездия принесут вам счастье так же, как и мне, сударыня.

Госпожа Штройли. Ах, господин Альберсло.

Тот Самый. Какие-нибудь заботы?

Госпожа Штройли. У меня есть гостиница, «Сияние горных вершин». Вы не поверите, но когда-то Штеффиген был очень известен, туда съезжались все больше лорды и тому подобная публика, а теперь мой храм в стиле модерн уже второй год на замке.

Тот Самый. Моя дорогая госпожа Штройли, тут можно только надеяться, что молния однажды разнесет ваш дворец в щепки.

Госпожа Штройли. Об этом я молю Бога денно и нощно, господин Альберсло.

Пойли в ответ на грозный взгляд Того Самого пересаживается за стол справа.

Тот Самый. Если мне позволено будет дать вам совет, высокочтимая, разумеется, ни к чему не обязывающий, застрахуйте свою гостиницу на четыре миллиона. Я знаю одну маленькую страховую компанию — она называется «Ирена», — с ней вам стоило бы заключить договор.

Госпожа Штройли (*изумленно*). Чего ради?

Тот Самый. Страховка на случай пожара ну просто до смешного дешевая. Четыре тысячи в год за четыре миллиона. Пожалуйста. (*Кладет четыре тысячные банкноты на стол.*)

Госпожа Штройли. Четыре тысячи. И вы их просто так кладете — вот так просто?

Тот Самый. Вы удивились насчет моего шампанского. Видите ли, один мой дальновидный знакомый оказался в сходном с вашим положении, у него была никудышная фабрика в Алльгое. Он ее застраховал в «Ирене» на два миллиона, фабрика сгорела, страховая компания обязана была платить, я получил комиссионные, а мой знакомый теперь строит виллу.

Госпожа Штройли. И вы за это получаете комиссионные?

Тот Самый. В конце концов, я двадцать лет был профессором химии в Университете Рио-де-Жанейро, на кафедре взрывчатых веществ, госпожа Аполлония Штройли.

Госпожа Штройли. Кельнер, мне тоже шампанского.

Гийом. Уже готово. (*Подставляет бокал шампанского.*)

Госпожа Штройли. Хуго?

Тот Самый. Аполлония?

Госпожа Штройли. Вполне конкретно: а с моей гостиницей тоже бы получилось?

Тот Самый. Я ученый.

Пьют.

Госпожа Штройли. Профессор, возьмите ваши деньги назад. Четыре тысячи в «Ирену» я заплачу сама.

Тот Самый. Вы не пожалеете. Через неделю мы встречаемся в этом кафе, вы передаете мне ключ от своей гостиницы, ваш храм в стиле модерн обращается в прах, и вы богатая дама. Тоже с виллой.

Госпожа Штройли. Вилла мне не нужна. Я путешествую. Езжу к моим лордам. Кельнер, я плачу за все. (*Кладет деньги на стол.*)

Они встают.

Тот Самый. Через неделю, Аполлония.

Госпожа Штройли. Через неделю, Хуго. (*Уходит направо, еще раз возвращается, кивает.*) Звезды не лгут. (*Уходит направо.*)

Тот Самый (*приветливо*). Ну, Пойли, сравним наши успехи.

Пойли подсаживается к нему.

Пойли. У меня классно выгорело, господин Тот Самый. Двадцать три тысячи.

Тот Самый (*подчеркнуто любезно*). Двадцать три.

Пойли. Да, двадцать три, — что-нибудь не в порядке?

Тот Самый (*спокойно*). Пойли, сколько ты должен был попросить за одну акцию?

Пойли. Две сотни.

Тот Самый. Посмотри, сколько ты записал.

Пойли смотрит в записную книжку.

Пойли (*испуганно*). Пятьсот.

Тот Самый (*со зловещим спокойствием*). Пойми, я давно уже еле сдерживаюсь. Я терплю, но когда-нибудь взорвусь.

Пойли. Господин Тот Самый...

Тот Самый (*с чудовищным спокойствием*). Ни слова больше. Это бесчеловечно, то, что мне приходится переносить, это выше моих сил. Я пущу себе пулю в лоб, если с собой не совладаю, я пущу себе пулю в лоб. Двадцать семь тысяч пиши пропало. Ты должен был продать пакет за пятьдесят тысяч.

Пойли. Господин Тот Самый! А что вы сделали с госпожой Штройли? Это же было совершенно бессмысленно, что вы тут сделали, ведь с этого банк не получит ни гроша.

Тот Самый. Так. Ни гроша. Пойли, ты только что был свидетелем самой изящной сделки наших дней. И сам того не заметил. (*Вскакивает, стучит кулаком по столу, кричит.*) Сам того не заметил! (*Снова садится, тяжело дыша.*) Пойли, страховая компания «Ирена» принадлежит нашему банку, а у прогоревшей владелицы гостиницы счет в объединенном банке на девятьсот тысяч. Ну как, твои глаза, наконец, раскрылись? Ее гостиницу я сожгу, но страховая компания «Ирена» раскусит обман, и опрятная дама из Штеффигена у нас в ловушке. (*Опорожняет бокал шампанского.*) Ни слова больше, Новичок, прекратим наши споры, у меня уже начинается аритмия. Ты не справился с делом, совершенно не справился. Ступай теперь в подвал, что ли.

Пойли (*испуганно*). В какой подвал, господин Тот Самый?

Тот Самый. В подвал нашего банка.

Пойли. А что мне делать в подвале, господин Тот Самый?

Тот Самый. Сегодня ночью я пошлю к тебе Хеберлина. Он меня замучал своими разговорами об исправительных заведениях.

Молчание.

Пойли. Я должен его — того?

Тот Самый. Того.

Молчание.

Пойли. Этого вы не можете от меня потребовать, господин Тот Самый...

Тот Самый. Ты думаешь, твой друг Хайни Мусор был исключением? Все мы с этого начинали, каждый из

нас когда-то сначала сидел, как ты, в этом маленьком баре. Утром еще почти совсем невинным, в обед уже мошенником, чтобы в полночь салфеткой вытирать кровь с рук. (*Вытирает пот со лба.*) Двадцать семь тысяч. Просто так прошляпить... (*безутешно*) и при этом мне совершенно нельзя волноваться. (*Вскакивает с криком.*) Господи! Мне пора к миллионерше!

Гийом. Как всегда, господин Тот Самый.

Тот Самый, пошатываясь, уходит направо.

Пойли

Стой, Солнце, стой! И заходить не смей! —
Сожги меня! А Ветер — прах развей!
Был я — невинный юноша. Теперь —
Холодный негодяй, убийца, зверь!
Проступок малый в страшные дела
Преступные разросся, алчет зла!
Где мне спасенье?!
Молю: о, положи, Господь, предел
Позору моему!

Франк Пятый, переодетый священником, выходит слева.

Пойли. Ну хорошо. Я уступаю. (*Уходит направо.*)

Слева Гийом уносит налево стол и два стула. Стойка бара на правой стороне задвигается за кулисы.

Франк Пятый идет по направлению к ширме.

9. Ее плоть и кровь

Ширма раздвигается.

Кабинет дирекции, как и в прежних сценах.

Франк Пятый ходит взад-вперед.

Франк Пятый.

О, Франк Первый, основатель, тот,
Кто из нищеты наш поднял род,
Пращур мой, я схож с тобой, да вот —
Лишь лицом, судьбой — наоборот.

Ты король работорговли!
Черный флаг! Под скрип снастей
Путь твой красным был от крови,
Зато шлюхи — всех мастей.
Кто тягаться мог с тобою?
Ты клиентов обдирал, как коз.
Где ты, времечко былое!
Безвозвратно унеслось!

Франк Второй, кто дважды обобрал
Друга и его же страже сдал,
Жалости не знавший, если б знал
Ты, сколь я ничтожен, жалок, мал!
Подкупил ты папу в Риме,
Трон украл; за годом год —
В бой — стараньями твоими —
На народ вставал народ.
По телам, как по паркету,
Шел ты вброд сквозь реки слез.
О, былое время, где ты?
Безвозвратно унеслось!

Справа появляется Оттилия с несколькими книгами.

Оттилия. Готфрид! Какая неосторожность. Тебя слышно даже внизу, в кассовом зале. Если тебя обнаружит уборщица, мы пропали!

Франк Пятый. Я просто уже не в силах торчать безвылазно в этой мансарде!

Оттилия кладет книги на письменный стол.

Оттилия. Франк! Быть твоей вдовой — не подарок!

Франк Пятый. Эти похороны лишили мое существование последней крохи смысла.

Оттилия. За это страховая компания уплатила триста тысяч.

Франк Пятый. Оттилия, я должен бродить под видом священника, чтобы меня никто не узнал! Никогда дела частного банка Франков не шли так плохо, и это при моем правлении! Провал, полный провал!

Оттилия. Что за ерунда!

Франк Пятый. Никакой я не директор банка, я, к сожалению, очень и очень хороший человек.

Бредет через зал, жалуясь на свою судьбу.

Франк Пятый.

Третий Франк, Гонконга властелин,
Маковых плантаций и долин,
Колумбийский идол, исполин! —
Ты людей давил, как пластилин.
Конопля, да мак, да кока...
Миллиарды — всякий раз! —
Уж ты сам не помнил — сколько
Слушать славный тот рассказ,
Оседлав твои колени,
Мне мальчишкой довелось.
Где же ты, былое время?
Безвозвратно унеслось.

Оттилия. Не волнуйся. Иди. Почитай своего Гёте или снова займись Мёрике*.

Франк Пятый (*берет две книги*). Гёте! Мёрике! Я теперь просто не способен сосредоточиться на благом мире духа. Когда я смотрю на своих предков, я валюсь на пол от стыда. (*Бредет дальше.*) На литературу им было наплевать. Слово «благотворительность» они никогда не слышали, никогда не ступали на порог церкви, но жизненная сила била у них через край. А что я? Они заправляли игорным бизнесом, а я — председатель церковного общества, при них бордели росли как из-под земли, а я устраиваю поэтические вечера! (*Швыряет обе книги на пол.*) А их дисциплина! Они разрушали континенты своими махинациями, но их служащие — все без исключения — были порядочными людьми. А у меня? Все жульничают, даже уборщица и та ворует, и я не отваживаюсь сказать ей слово из страха: а вдруг она что-то знает. Ах, почему я не могу быть здоровым, сильным коммерсантом, какими были мои праотцы!

Франк Четвертый, ты, отец родной!
Я — твой бестолковый сын дрянной,
Кто за мусор честности пустой
Платит богомерзкой нищетой.
Скинут был Дюпон* великий,
Чтоб гребла твоя рука —
В марте — медь; в апреле — никель;
В мае — нефть и ВПК.

Ты, лишь пикнет кто, — любого
Мигом втаптывал в навоз.
Не вернуть уже былого!
Все навеки унеслось!

Стук в дверь справа.

Франк Пятый. Уборщица.

Оттилия. Если Эмми тебя увидит, все кончено!

Франк Пятый. Задуши ее на месте.

Оттилия. Задуши! Всегда я да я. Задуши ты хоть раз.

Франк Пятый. Я не умею, Оттилия, я не умею.

Оттилия. И к тому же уборщицу, сейчас, когда они такая редкость.

Франк Пятый. Надо — значит, надо.

Оттилия. Пойди в соседнюю комнату.

Франк Пятый. Это не поможет, она же меня слышала. Придуши ее, бедняжку Эмми.

Снова стук. Франк прячется за портретом одного из предков. Оттилия снимает с плеч шелковую шаль, садится за письменный стол, готовит удавку. Стучат в третий раз.

Оттилия. Войдите.

Справа входит Бёкман.

Бёкман. Милостивая государыня!

Оттилия (*с облегчением*). Бёкман!

Франк выходит из-за портрета предка.

Франк Пятый. Мой управляющий! Мой лучший друг! Слава Богу, Эмми спасена.

Присаживается рядом с Оттилией за письменный стол.

Оттилия. Что стряслось, Бёкман, почему так поздно?

Бёкман. Пропащая моя жизнь.

Франк Пятый. Ну, дружище, ну!

Бёкман. Я был сегодня у нашего доверенного врача. Он швырнул мне правду в глаза.

Молчание.

Бёкман. Я не открыл вам ничего нового, не так ли?

Оттилия. Бёкман...(*Она возмущена.*)

Бёкман. Надо же, мне без конца твердят, что мои проблемы с желудком — дело безобидное, клянутся всеми небесами, а теперь оказывается, что уже поздно.

Франк Пятый. Доктор Шлоберг — человек чести.

Бёкман. Конечно. Он же прикрывал каждое наше убийство диагнозом.

Франк Пятый. Всякий врач может заблуждаться.

Бёкман. Ну, в заблуждение он все эти годы вводил не себя, а меня. Вам это точно известно.

Франк Пятый. Ты же не будешь утверждать...(*Он возмущен.*)

Бёкман (*категорически*). Буду.

Молчание. Франк с достоинством поглядывает на свою жену.

Франк Пятый. Если это безусловно необходимо. Говори, Оттилия.

Оттилия. Всегда я!

Франк Пятый. Я этого просто не могу. Бёкман — мой друг. Мой единственный друг.

Оттилия (*подбирая слова*). Бёкман... доктор Шлоберг — видишь ли, доктор Шлоберг нам еще два года тому назад...

Бёкман. Два года тому назад?

Оттилия. Доктор Шлоберг рекомендовал неотложную операцию, но мы опасались...

Бёкман. Чего вы опасались?

Оттилия. Бёкман, мы опасались, что ты под наркозом позволишь себе кое-какие высказывания... доктор Шлоберг сам не оперирует, и мы должны были бы отправить тебя в клинику, а на это мы просто не решились.

Молчание.

Бёкман. Из страха вы оставили меня подыхать.

Франк Пятый. Бёкман, я...

Бёкман. Из страха. Все, что мы делаем, мы делаем из страха. Из страха перед разоблачением, из страха перед тюрьмой, и вот я сейчас вдруг стою перед смертью, и страх вдруг настиг меня.

Франк Пятый. Бёкман, Гёте в своих «Максимах» говорит...

Бёкман. Оставь меня в покое со своим Гёте!

Оттилия. Бёкман, я не хочу защищать Готфрида и себя. Ты наш лучший друг, и мы тебя предали. Хорошо. Но это произошло не только из-за страха. Ты узнал правду о себе, Бёкман, а теперь ты должен узнать правду о нас: у нас есть дети.

Бёкман (*уставившись на обоих*). Дети?

Оттилия. Двое.

Франк Пятый. Герберту двадцать лет, он учится в Оксфорде.

Оттилия. По специальности «Национальная экономика».

Франк Пятый. Франциске девятнадцать, она воспитывается в Монтрё.

Оттилия. В одном пансионате.

Бёкман. Они что-нибудь знают о наших коммерческих методах?

Франк Пятый. Они ничего не знают о нашем банке.

Оттилия. У нас вилла на Боденском озере, они к нам туда приезжают на уик-энд и во время каникул.

Франк Пятый. Там мы фигурируем под именем Хансены.

Бёкман. Хансены.

Франк Пятый. Под этой фамилией мы купили еще одну виллу в Испании. На взморье.

Бёкман. Ваши дети принимают вас за честных людей?

Оттилия. Они верят в нас.

Франк Пятый. Они почитают нас.

Оттилия. Они нас любят.

Франк Пятый. Мы ведем счастливую семейную жизнь.

Бёкман. Счастливую семейную жизнь. И для того, чтобы вы могли вести эту счастливую семейную жизнь, вы оставляете меня подыхать.

Оттилия. Бёкман! Я, как и ты, измотана нашим жестоким бизнесом, я старая женщина, которая уже много лет плетется по этой ужасной жизни с помощью морфия. Я пропащая, я проклята, Господь может поступить со мной как ему заблагорассудится, но мои дети не должны жить так, как я, они должны иметь возможность быть порядочными людьми, угодными Богу и людям.

Франк Пятый. Все, что мы сделали, мы сделали ради наших детей.

Молчание.

Бёкман. У вас есть дети. И для меня дети — самое высокое, самое чистое, самое невинное. Я всегда тосковал по детям. Не по своим — мы, управляющие, вообще-то скептически настроены по отношению к собственной наследственной массе — по детям из приюта или что-то в этом роде. Я всю жизнь мечтал основать приют. Но теперь все позади.

Франк Пятый. Крик! Это же был крик.

Оттилия. Пойли Новичок со стариком Хеберлином в подвале.

Франк Пятый. Бедный Лукас Хеберлин, добрый Лукас Хеберлин...

Бёкман. Прощайте. Завтра вы увидите меня снова. В бухгалтерии. На своем посту. (*Уходит направо.*)

Франк Пятый. А еще говорят, что в мире бизнеса нет гигантов.

Берет книгу, начинает читать.

Оттилия. После Бёкмана останется два миллиона. Они достанутся нам.

Франк Пятый (*кладет книгу на письменный стол*). Оттилия! Бёкман — мой лучший друг.

Оттилия. Ты не хочешь взять его деньги?

Франк Пятый. Не для нас, для наших детей.

Франк снова принимается за чтение.

Оттилия. Ну так как?

Франк Пятый. Оттилия! Ты все время заставляешь страдать мою душу.

Сзади справа Пойли втаскивает гроб
и исчезает с ним спереди справа.

В кабинете дирекции Оттилия
садится рядом с Франком на канапе,
сжимая его руку.

Оттилия.

Положение... О, мне известно:
Что ни предприми, куда ни ткнись, —
Ах, когда бы дело делать честно,
То с делом вместе
Сам рухнешь вниз.

Что натворю я, будет шито-крыто.
Пусть не по чести жила, но хоть —
Детишки будут чисты и сыты,
Детишки будут чисты и сыты.
Они ведь моя кровь и плоть!

Все мои грехи на этом свете —
Лишь ради детей, ради детей!
В счастье жить имеют право дети!
В том числе эти —
Мои, ей-ей!

Что натворю, — все будет позабыто!
Пусть не по чести жила, но хоть —
Детишки будут чисты и сыты,
Детишки будут чисты и сыты.
Они ведь моя кровь и плоть!

10. Братец и сестрица

Авансцена пуста. Слева Герберт втаскивает гроб на середину просцениума, взламывает его с помощью лома.

Герберт. Это не папочка.

Франциска втаскивает второй гроб,
Герберт взламывает и его.

Герберт. Тоже не папочка.

Франциска. Я сразу смекнула: похороны-то дутые.

Герберт. К счастью, мы нашли папочкины мемуары.

Франциска. Типичный случай: он хочет утаить от нас свой банк, а вот дневник он, видите ли, должен вести.

Герберт. Самое время взять лавочку в свои руки.

Франциска. Самое время дать старикам пинка под зад.

Танец меж гробами.

Герберт.

Я Оксфорд посещал, узнал я
Там жизни праведный секрет:
Из многих в мире идеалов
Свят лишь один: их вовсе нет.

Необходим порядок стаду.
И свиньям — хлев. И тот, кто всех
Слабее, значит — навзничь падай!
Лишь сильный вылезет наверх.
Мой накрепко девиз усвой:
Дуй, добрый ветер, в парус злой!
С наукою такой вдвоем,
Сестрица, сразу и начнем
Мы будущее завтра днем.

Франциска.

В Монтрё училась я, — узнала
Там жизни истинный секрет:
Страданья... радость... значат мало.
А чувства? — выброси в клозет.
Отдавшись раз, потом пускала
Я всех мужчин к себе в кровать.
Во всем быть профессионалом
Решила, — деньги стала брать.
Проникнись знанием моим
И спи с любой, как я с любым!
Имея стаж такой, вдвоем,
Мой братец, запросто начнем
Мы будущее завтра днем.

Герберт. Их преступлением было не то, что они скрыли от нас банк...

Франциска. О прекрасных семейных денечках на Боденском озере я вспоминаю с удовольствием.

Герберт. Их преступлением было решение ликвидировать банк вместо того, чтобы повести дело по-новому.

Франциска. Честность — вопрос не духовной жизни, а организации.

Герберт. Чтоб ее блюсти, требуется значительно бóльшая беспощадность, чем для свершения дурных дел.

Франциска. Только настоящие мерзавцы в состоянии творить добро.

Герберт. Из-за их расхлябанности ситуация стала почти безнадежной.

Франциска. Мы уж как-нибудь справимся, братец.

Герберт. Полагаюсь на тебя, сестрица.

Франциска. Я стала любовницей министра финансов.

Герберт. Я отделал Пойли Новичка.
Франциска. А скоро я приземлюсь в постели президента.
Оба.

Мы, молодежь, ступаем твердо

Герберт.

Из ваших чресл на свет дневной!

Франциска.

(В час, когда Бог воскликнул: «К черту!»,

Герберт.

А черт вскричал: «О Боже мой!»)

Франциска.

На месте вакханалий ваших

Герберт.

Свой собственный воздвигнем храм:

Франциска.

Я, дочь, — бордель, а сын — папаше

Герберт.

Задаст пример (не по зубам):

Франциска.

Вас следует убрать, — пардон, —

Герберт.

Поскольку сами вы в таком

Франциска.

Слабы искусстве. Мы вдвоем —

Оба.

Земли грядущее возьмем,
И не поздней, чем завтра днем.

Тащат вдвоем оба гроба направо,
исчезая за кулисами.

11. На свете вещицы прекраснее нету

Ширма раздвигается.

В кабинете Франка за длинным столом проводится ночное заседание. Слева направо: Пойли, Шмальц, Каппелер, Оттилия, Франк Пятый, Бёкман, Тот Самый и Фрида Фюрст. Франк — в одежде священника. На заднем плане пять огромных портретов, от Франка Первого до Франка Пятого.

Франк Пятый встает.

Франк Пятый. Коллеги. Я с волнением констатирую, как мало нас осталось. Когда я сорок лет назад принял банк у своего отца, в моем распоряжении было больше ста служащих. А теперь их всего шесть. Слишком жестоким было буйство смерти, мы потеряли немало верных сотрудников, всего лишь неделю тому назад — доброго старого кассира Хеберлина.

Все встают.

Франк Пятый. Мир праху его.

Делает знак, остальные снова садятся.

Франк Пятый. Однако, друзья, в этот ночной час мы собрались не для того, чтобы оплакивать наших незабвенных. Случилось нечто непредвиденное — то, что одним ударом поставило под сомнение ликвидацию банка. Дирекция получила письмо. Некий незнакомец пронюхал про нас все. Незнакомец угрожает выдать нас полиции, если мы в течение недели не выплатим ему двадцать миллионов.

Тишина.

Пойли. Проклятье!
Шмальц. Надо смываться.
Каппелер. Наше бегство подготовлено.
Шмальц. Чего ради ждать юбилея.
Каппелер. Хватит романтики.
Франк Пятый. Коллеги, мы не можем бежать. Незнакомец проведал не только о моем мнимом погребении: он знает, где именно я собирался скрыться со своей супругой.

Передает письмо Пойли, Шмальцу и Каппелеру.

Пойли. Черт возьми!

Каппелер. Итак, он знает, что я хочу осесть на Тенерифе.

Шмальц. А я в Канаде.

Возвращают письмо.

Франк Пятый. Друзья, нам не остается ничего другого, кроме как выждать. Мы не знаем, кто этот шантажист, мы не знаем, посторонний он или — и это, к сожалению, возможно — один из нас.

Тишина.

Шмальц. Новичок. Ясное дело. Новенький.

Каппелер. Или ты, Шмальц.

Тот Самый. Больше всего я подозреваю тебя, Каппелер, с твоей брюхатой подружкой. Отцовство делает алчным.

Каппелер. Господин Тот Самый...

Франк Пятый. Друзья, мы знаем только одно: борьба будет безжалостной. Предоставляю слово нашему управляющему. Он коротко обрисует нам экономическое положение. Наш многолетний верный сотрудник, неустанно содержащий в порядке нашу липовую бухгалтерию: Эмиль Бёкман.(*Садится.*)

Участники совещания стучат по столу
в знак приветствия, Бёкман встает.

Бёкман. Коллеги, друзья! Затребовано двадцать миллионов. В состоянии ли мы заплатить эту сумму, если дойдет до самого худшего, ибо с возможностью победы шантажиста мы ведь тоже должны, к сожалению, считаться? Я не хочу говорить о долгах, относящихся еще к времени Франка Четвертого, даже Франка Третьего, — они давно уже перевалили за пятимиллиардный рубеж; да и кого же не разорит хозяйствование фавориток! Нет. Мы должны обратить гораздо бóльшее внимание на резервы. Друзья, коллеги, наши резервы составляют сорок миллионов, должны были бы составлять, сегодня же они составляют всего пять миллионов, если присовокупить полтора миллиона, завещанные нам бедным добрым Хеберлином. Причину вы все знаете. Каждый из нас тайком изготовил ключ к сейфу и потрошил нашу общую

казну. Цифровой код и без того уже известен. Все о'кей, деньги уплыли. Однако до двадцати миллионов недостает значительной суммы. Будем честны. Промотано не все, каждый отложил свою часть на черный день. Поэтому есть только один выход: мы должны вернуть наши сбережения. (*Садится.*)

Каппелер. Я ничего не откладывал на черный день.

Шмальц. Что уж мы там зарабатываем. Просто курам на смех.

Франк Пятый. Передаю слово моей любезной супруге: наша мужественная соратница госпожа директор Оттилия Франк.

Все стучат по столу в знак приветствия,
Оттилия встает с записной книжкой
в руках.

Оттилия. Друзья! Я занесла наши сбережения в записную книжку. Франк и я доверили пять миллионов Объединенному банку, на личные счета. Облигации, акции и ипотеки были для нас по налоговым соображениям слишком рискованными. Бёкман вложил два миллиона в госбанк, а Тот Самый — три с половиной миллиона в региональный банк. В том же банке Фрида Фюрст держит пятьсот тысяч. Каппелер поместил свой миллион в банковский союз, затем еще четыреста тысяч в Акционерное общество «Коммерция», Шмальц — восемьсот тысяч в «Пекунию», а те двести тысяч Новичка, которые он вчера стащил из нашей пенсионной кассы, все еще находятся у него под кроватью. Деньги надо сдать в течение пяти дней. (*Садится.*)

Франк Пятый. Как и отмычки.

Тишина.

Каппелер. Сдать?

Шмальц. То, что я сэкономил на желудке?

Фрида. То, что я заработала таким тяжелейшим трудом?

Пойли вскакивает.

Пойли. Отдать двести тысяч? Мне? Чего я только не делал для вас, господа хорошие! Я убил старого кассира Хеберлина, и потом?

Когда мисс Штейли,
Что из Нью-Дели,
Удумала закрыть свой счет,
Один лишь я, тот самый, кто
Разбил об дуру свой авто,
Но дело сделал до конца.
Вам — экономия, приход!
А мне — опять бессонница!

Снова садится.

Фрида. Бессонница?

Все разражаются смехом. Оттилия встает.

Оттилия. Мальчонка страдает от бессонницы! Ну так я тебе расскажу, что проделала и выстрадала я!

Когда лорд Лайчестер,
Покинув Манчестер,
Наследство вздумал получить,
Весь на уши поставил банк,
Наехал, гад, на нас, как танк,
Не мной ли был сей господин
Отправлен червяков кормить?
А мне — опять апоморфин!

Снова садится.

Все.

На свете вещицы прекраснее нету!
Свобода — как ветер. Попробуй — схвати!
Прикормят чуть-чуть, и уже на крючке ты;
Рванешься на волю, а сам — взаперти.

Каппелер вскакивает.

Каппелер.

Когда Нильс Маген
(Дания, Копенгаген)
Решил вдруг подвести баланс,
Кто, как не я, — из всех ребят —
Подсунул старой крысе яд?
Раз нужно — что за разговор!

Я вас в тот раз и дело спас!
А у меня с тех пор — запор!

Не успевает сесть, так как вскакивает Тот Самый.

Тот Самый. Запор! Запор! Я отдал бы целое состояние только за то, чтобы иметь всего лишь запор!

А когда герр Глаузер, а! —
Главный из Шаффгаузена
Всю недостачу углядел,
Кто ему глотку затыкал,
Пихал на стройке в терминал?
Я провернул все четко — факт!
Ну вы, конечно, не у дел...
А у меня — второй инфаркт!

Не успевает сесть, так как вскакивает Шмальц.

Шмальц. Что вы все время об инфаркте да об инфаркте, господин Тот Самый! Я бы на вашем месте...

Фрида Фюрст вскакивает.

Фрида Фюрст. Господин Гастон Шмальц. Рихард вконец измотан, знает Бог, он исполняет свой долг, а я — я хочу тебе кое-что поведать, мой сладкий, слушай внимательно:

А фон Пален
Из Вестфаля!
Пронюхал все про каждый вклад,
Меня к кровати привязал:
Имел, имел, — аж сам устал, —
Всю чуть не разорвал — козел!
Но я молчала. Так ведь, гад, —
Он с током провода подвел!

Каппелер бежит от стола налево.

Каппелер. Теперь еще и потаскуха начинает жаловаться!

Тот Самый не выдерживает.

Тот Самый. Господин Тео Каппелер!

Шмальц бежит от стола направо.

Шмальц. Электрошок, немножко электрошока, так это же ерунда.

Как-то трех сестер
Я в лесок завел...
Не знаю почему, из трех —
Так вот и вижу труп второй,
Как обливаю кислотой...
Хотя клиент и есть клиент...
Но вот — весны переполох...
А я, похоже, импотент!

Тот Самый набрасывается на Шмальца.

Тот Самый. Заткнись, Шмальц, это не интересует ни единого человека!

Шмальц. Но меня интересует, господин начальник отдела кадров!

Шмальц набрасывается на Того Самого.

Оттилия. Тишина! И это заседание? Все на место!

Все направляются на свои места, смущенно садятся, тихо поют припев.

Все.

На свете вещицы прекраснее нету!
Свобода — как ветер. Попробуй — схвати!
Прикормят чуть-чуть, и уже на крючке ты;
Рванешься на волю, а сам — взаперти.

Бёкман поднимается.

Бёкман.

Когда Герберта Мольтена
Из города Ольтена,
Того, который — ревизор,
Пришлось выбрасывать в окно,
То в сторону ушел я, но
За слабину отвечу! Мрак
Навечно скроет мой позор.
Врачи нашли у меня рак.

Франк вскакивает.

Франк Пятый. Довольно! И не стыдно вам?

Бёкман в испуге садится.

Франк Пятый.

Все это пустяки!
Ваши вопли.
Эти сопли...
Меня бы постеснялись хоть!
Забыты мною Тракль*, фон Кляйст*...
На Шиллера — вообще накласть.
Банк взял все мысли — до гроша!
Вам всем спасти бы только плоть!
А у меня болит душа!

Все (*свирепо*).

На свете вещицы прекраснее нету!
Свобода — как ветер. Попробуй — схвати!
Прикормят чуть-чуть, и уже на крючке ты;
Рванешься на волю, а сам — взаперти.

Тот Самый вскакивает, переходит к стене налево.

Тот Самый. Дамы и господа! Я нахожу ваше поведение ну просто жалким. Ведь как тут к вам обращаются? «Друзья и коллеги»! Ну, ладно, это — дело высокого руководства, но я как ваш начальник отдела кадров в этом не участвую. Вы негодяи и должны из профессиональных соображений оставаться негодяями, и я хочу разговаривать с вами на совершенно ином языке. (*Вытаскивает два пистолета.*)

Пойли, Шмальц и Каппелер поднимают руки вверх.

Тот Самый. В течение пяти дней каждый является ко мне со своими деньжонками, понятно? И при этом продолжается усердная работа. Даже с нашими сбережениями не хватает более семи миллионов. Они должны быть на месте, даже если нам придется выпотрошить весь город. И если кто-нибудь захочет дать деру со своими сбережениями на Тенерифе или еще куда-нибудь, оставить высокое руководство в беде, то он должен будет тотчас держать ответ перед небесами. Сознание

долга, вы, мафиози, дух товарищества, вы, жулики, чувство ответственности, вы, убийцы! Или я всех вас перестреляю!

Фрида Фюрст вскакивает.

Фрида Фюрст. Рихард! Я своих денег не отдам.

Растерявшийся Тот Самый опускает пистолет.

Тот Самый. Фрида!

Фрида. Уже несколько лет, как банк хотят прикончить, и все время что-нибудь случается. Теперь этот шантаж! Кто нам вообще скажет, что это не выдумка?

Франк Пятый. Но фройляйн Фрида!

Бёкман. Письмо шантажиста, в конце концов, факт!

Фрида. Это письмо точно так же могла написать дирекция, чтобы и дальше держать нас в узде. Персонал может поступать как хочет. Я в этом не участвую, я всеми этими баснями сыта по горло. Мои пятьсот тысяч останутся там, где они лежат, в региональном банке. (*Снова садится.*)

Все смотрят на Франка.

Франк Пятый. Оттилия, говори ты.

Оттилия (*тихо*). Вечно я.

Величественно встает.

(*С ледяным спокойствием.*) Фройляйн Фрида Фюрст. Итак, вы оставляете нас в беде, да, вы нас даже упрекаете в обмане. Давайте поговорим начистоту. Я хочу сейчас оставить в стороне вашу достойную сожаления внутреннюю позицию и говорить исключительно о ваших профессиональных способностях! Они оставляют желать многого, фройляйн Фрида. Упомяну дело со Шлумпфом. Вместо девяти тысяч вы принесли три с удивительным обоснованием, что ему, видите ли, нужно содержать больную мать и что вообще он ощущает спад конъюнктуры. Далее, от инженера-тоннелестроителя на днях вы заприходовали и того меньше — всего две тысячи, а в ответ сказали, что у него больные легкие. Я привожу только эти два примера, фройляйн Фрида. Так дело дальше не пойдет. Ваша сентиментальность пустит нас по миру.

Фрида. Госпожа Оттилия Франк, я целых двадцать два года...

Оттилия (*угрожающим тоном*). Я знаю, фройляйн Фрида Фюрст. Двадцать два года вы занимаетесь в нашей фирме своим ремеслом. Однако я бы на вашем месте этим не хвасталась. Нам очень жаль, но будем вынуждены подыскать более молодую сотрудницу. Объявление уже подано. (*Садится. Тишина.*)

Фрида Фюрст встает.

Фрида (*спокойно и решительно*). Госпожа Франк, я знаю, что́ в этом банке означает увольнение. Вы хотите меня погубить, как погубили всех тех, кто больше не был нужен. Меня отправят в подвал. Госпожа Франк, я не такая женщина, как вы, я не дама. То, что я делала, я делала из любви. Я хочу когда-нибудь выйти замуж за Рихарда Того Самого. Вы говорите о моем возрасте, госпожа Франк. Да, мне уже сорок, но именно поэтому я больше ни одного часа не позволю вам обворовывать меня, так как я еще мечтаю иметь детей, госпожа Франк, создать семью с моим Рихардом. Вы думаете, что можете поступать со мной, как с любым другим. Но вы сильно ошибаетесь, госпожа Франк. Вы не знаете ничего другого, кроме вашего бизнеса и ваших денег. Но теперь вам придется изведать силу любви. Рихард меня защитит, госпожа Франк. Я плюю на ваши угрозы! (*Садится.*)

Молчание.

Оттилия. Готфрид, закрывай заседание.

Франк Пятый. Господа, заседание окончено.

Остальные тоже встают. Франк уводит Оттилию налево на задний план, остальные следуют за ними, только Фрида Фюрст остается на своем месте у правого края стола. Тот Самый медленно присаживается у левого края, так что между ними оказывается огромный длинный стол заседаний.

Фрида. Я ей вмазала-таки. Она совсем побледнела и еле выкатилась отсюда.

Тот Самый. Не знаю, Фрида.

Фрида. Рихард, мы должны бежать. Сей же час. Бежать из этого города, из этой страны, куда угодно, ведь деньги у нас есть.

Тот Самый. Послушай, Фрида...

Фрида. Мы любим друг друга, Рихард. Я в опасности, если я не сбегу. Они меня прикончат в своем ужасном подвале.

Тот Самый. Это только твои фантазии, Фрида.

Фрида. Они всех поубивали!

Тот Самый. Я не могу сейчас оставить банк в беде, Фрида, это ты должна понимать, фирма действительно переживает трудные времена, черт возьми!

Фрида (*уставившись на него*). Рихард, ты на стороне банка?

Тот Самый. Фрида, ты должна понять...

Фрида. Ты не хочешь со мной бежать?

Тот Самый. Фрида, ты знаешь, мне нельзя волноваться ни при каких обстоятельствах. Прошу тебя, не создавай мне лишних трудностей.

Фрида не осмеливается даже вздохнуть.

Фрида. Какие трудности я создаю тебе, Рихард?

Тот Самый. Ты ведь знаешь, что́ я имею в виду. (*Тоном, полным упрека.*) Вот видишь, снова мне нужно принимать капли. (*Берет кусочек сахара, отсчитывает капли.*)

Она все понимает.

Фрида. Понимаю.

Тот Самый. Ничего не поделаешь, Фрида.

Фрида. Прости, что я тебя разволновала.

Тот Самый. Мне очень трудно, Фрида. В самом деле.

Фрида. В подвале?

Тот Самый. Как всегда.

Фрида. Сию минуту?

Тот Самый. Скоро.

Звучит мелодия «Когда-нибудь все будет иначе, когда-нибудь мы будем в одной постели».

Фрида. Что-то вдруг похолодало.

Тот Самый. Наступило утро. (*Встает.*)

Фрида. Я хочу только подкраситься.

Он ждет. Она достает из сумочки свою сберкнижку, бросает ее на стол.

Фрида. Вот тебе моя сберкнижка.

Тот Самый. Спасибо. (*Берет сберкнижку.*)
Фрида (*встает*). О'кей. Пошли в подвал.

Уходят направо в глубь сцены.

12. Мадам может вздохнуть облегченно

Авансцена пуста.

Оттилия и Рихард Тот Самый
идут навстречу друг другу.

Тот Самый. Мадам, наш план заняться нефтяным бизнесом, к сожалению, сорвался, миллионерша вернулась в Милуоки.

Оттилия. Над нашим банком сгущаются мрачные тучи.

Тот Самый. Но есть и просветы, мадам. Мои усилия по привлечению необходимой молодой смены наконец увенчались успехом. Правда, фальшивомонетчик из Линца оказался липовым, этот негодяй сделался честным мастером графических искусств, а карманный вор в Аугсбурге теперь выступает в цирке, но зато я раскопал новую дельную сотрудницу.

Оттилия. Ее имя?

Тот Самый. Она говорит, вы еще успеете его узнать. Мы можем вздохнуть облегченно, мадам. Она заговорила со мной в городском парке. На скамейке у памятника героям у меня исчезли золотые часы, за завтраком в «Вечной лампе» — портмоне, так что, когда мы лежали рядом в постели в одном маленьком отеле, я ей в порыве восторга пообещал аванс уже в пятьдесят тысяч.

Оттилия. Золотые часы можешь списать на накладные расходы.

Тот Самый. Спасибо, мадам.

Оттилия. Насчет аванса — ты уж сам постарайся дать этому делу обратный ход.

Тот Самый. Не придется стараться, мадам. Я ей уже выписал чек на наш банк.

Оттилия. Пока, мой верный Рихард.

Оттилия идет направо, Тот Самый налево.

13. Женщина орудует шприцем

Ширма раздвигается.

Спальня Бёкмана. Посередине кровать изголовьем к публике, так что видны только руки Бёкмана, которые от боли впились в железную решетку. Слева от кровати стул, справа у изголовья тумбочка, позади справа стол.

Слева входит Франк в одежде священника, направляясь к своему умирающему другу.

Бёкман. Высокочтимый! Спасибо, что вы пришли.

Франк Пятый. Бёкман. Это же я, Франк, твой лучший друг.

Бёкман. Какие адские боли.

Франк Пятый. Мужайся.

Бёкман. Мне страшно.

Франк Пятый. Мужайся.

Бёкман. Я умираю.

Франк Пятый. Мужайся.

Бёкман. Ты называешь меня своим лучшим другом, а являешься ко мне как фальшивый священник.

Франк Пятый. Бёкман, нельзя же, чтобы люди узнали во мне Франка, это был бы конец для всех нас.

Бёкман. Конец для всех нас! Притворяйся ты или нет, липовый священник, — мне все равно пришел конец. Ты думаешь, твое одеяние так же необходимо, как все наши преступления. Ни в чем не было необходимости, липовый ты священник, ни в одном, самом малом, малейшем обмане, ни в одном убийстве.

Франк Пятый (*садится на постель*). Но Бёкман, мы ведь не могли иначе. Наследие было слишком горьким. Тебе же известно все это немыслимое жульничество наших отцов, ты же знаешь, что нам не оставалось другого выбора, кроме как убивать и обманывать дальше, ты же знаешь, что было невозможно повернуть обратно.

Бёкман (*хватает Франка за полы*). Врешь. Каждую минуту у нас была возможность повернуть обратно, в каждое мгновение нашей гаденькой жизни. Нет такого наследия, от которого было бы невозможно отказаться, и нет преступления, которое обязательно надо совершить. Мы были свободны, липовый ты священник, мы были созданы на свободе и предоставлены свободе! (*Снова опус-*

кается на кровать.) Прочь с моего смертного ложа, призрак, проваливай назад в свой склеп, сейчас придет пастор Мозер.

Франк Пятый (*в испуге поднимается*). Ты пригласил священника?

Бёкман. Я хочу умереть, как умирали мои предки.

Франк Пятый. Ты хочешь исповедаться?

Бёкман. Я хочу принести покаяние. Я раскаиваюсь в своей жизни. Не хочу мучиться этой адской мукой еще и в вечности.

Франк Пятый. Но Бёкман, Господь ведь милостив сам по себе, вот увидишь, тебе вовсе не нужно исповедоваться при безмерной милости Господней.

Бёкман. Ты осмеливаешься говорить о милости, липовый ты священник, осмеливаешься поминать всуе имя Господа? А если Бог не проявит ко мне милости? Был ли я милосерден? Испытывал ли я сострадание к бедному Герберту Мольтену и ко всем остальным? Я хочу покончить со своими грехами, прежде чем смерть покончит со мной. Ухо истинного служителя Бога пусть услышит о моих преступлениях. Я не хочу быть покинутым в мой судный час. Кто-то должен просить за меня о помиловании, тот, кто не замешан в моих подлостях, кто имеет право на эту просьбу, даже если она столь чудовищна.

Слева выходит Оттилия с большой дамской сумкой. Франк подходит к ней.

Франк Пятый. Вот и ты наконец. Он пригласил священника.

Оттилия. Я так сразу и подумала.

Франк Пятый. Хочет исповедоваться. Да это же просто средневековье!

Бёкман. Каждый преступник имеет право исповедаться. Самый гнусный негодяй. И вы хотите мне это запретить?

Оттилия подходит к ногам больного.

Оттилия. Милый Бёкман, никакой ты не преступник. Наоборот. Ты всю свою жизнь хотел открыть на свои деньги приют для сирот. Тебе только неблагоприятные обстоятельства помешали.

Бёкман. Какие адские боли!

Оттилия. Мужайся.

Бёкман. Мне страшно.

Оттилия. Мужайся.

Бёкман. Я должен умереть.

Оттилия. Мужайся.

Бёкман. Священник уже на пути ко мне, слуга Господа Бога. Я прокричу ему в лицо обо всех своих преступлениях.

Франк Пятый. Плохо дело, знаю, плохо.

Оттилия. Так. Уже на пути. Мой милый, милый Бёкман, как ты можешь подсовывать нам такую свинью, нам, своим лучшим друзьям, делившим с тобой горе и радость всю жизнь. Лежишь на смертном одре лицом к лицу с вечностью и совершаешь столь постыдный грех. Позвать священника!

Франк Пятый. Я вспоминаю, как умирал мой отец! С язвительным смехом, Бёкман, с язвительным смехом, видит Бог, вот это была смерть.

Оттилия. В самом деле, Бёкман, это непорядочно с твоей стороны, этого мы в самом деле от тебя не заслужили. Исповедоваться! Ушам своим не верю! Ни один посторонний не должен узнать о наших методах ведения дел, тебе это хорошо известно. Конечно, существует тайна исповеди. Но священник, в конце концов, тоже человек, и если он проронит хоть одно слово где-нибудь, что тогда? Но хватит об этом. Прекратим дискуссию.

Она подходит к изголовью, утирает пот с лица Бёкмана.

Мы должны облегчить твои страдания. Они просто ужасны. Я сделаю тебе укол. Доктор Шлоберг назначил. Готфрид, запри дверь.

Франк Пятый. Да, Оттилия, сейчас. (*Уходит налево.*)

Бёкман. Хочу исповедаться! Исповедаться! Хочу сбросить со своей души непосильное бремя грехов!

Франк Пятый. Запер.

Оттилия подходит к столу справа сзади,
готовит шприц.

Оттилия. И не стой как вкопанный, делай же что-нибудь, твой лучший друг может в любое мгновение уйти в мир иной, доставь ему радость, утешь его, у тебя ведь такой красивый голос и ты видишь, как он страдает.

Франк Пятый. Конечно, Оттилия, само собой разумеется. (*Садится на край кровати.*)

Мрак стеной
Предо мной,
Вечный мрак ночной.
Как же так, о друг мой! —
Чуть тебя не сгубил я своей рукой?!
Ты с пути
Мог смести,
Не прося наград,
Все препятствия враз,
Когда в деле был, для нас
Не было преград!

Бёкман. Господь, я предавал Тебя в каждое мгновение моей жизни, но теперь помоги мне, Господи! Вызволи меня из рук моих друзей, вели прийти священнику, слуге Твоему!

Оттилия. Пой, Готфрид, дай ему покой, дай ему забвение. (*Старательно отводит поршень шприца.*)

Франк встает.

Франк Пятый.

Мрак сплошной
Предо мной —
Страшный мрак ночной!
Как же вдруг, о друг мой! —
К гробу я тебя подвел
Собственной рукой?!

Бёкман. Исповедаться... Милости Божьей...

Франк Пятый.

В чем я врал,
Где что крал, —
Все ты покрывал.
Без тебя врать и красть —
Мне — одна напасть.

Бёкман. Исповедаться. Я хочу исповедаться.

Оттилия поднимает шприц, проверяет его.

Франк Пятый.

Мрак стеной
Предо мной —
Вечный мрак ночной!
Как-то так, о друг мой! —
Я тебя вдруг убил
Собственной рукой!

Оттилия. Мощнее, величественней.

Подходит к правой стороне кровати, берет руку Бёкмана.

Франк Пятый.

Жена! Бери скорей шприц свой!
Во всем нам помогал друг мой.
Он устал! — нужен бедняге покой!
Помоги ему — дело теперь за тобой.

Оттилия с силой вонзает шприц. Бёкман вскрикивает.

Бёкман. Господи! Услышь меня! Вели явиться священнику, Господи!

Франк Пятый.

Ах, мой друг! — все прошло!
Утро будет как стекло —
Солнечный свет...
А тебя — нет!
Вид твоего трупа меня огорчит —
Еще до того, как петух прокричит.

Бёкман умирает. Оттилия подходит к столу справа сзади.

Франк Пятый.

Здесь управлял
Ты, но пал
За капитал.
Теперь уж не встать,
Навеки спать —
Твой, знать, удел:
В деле судьбы
Ты не преуспел.

Кто-то стучит в дверь.

Это священник.

Оттилия. Спрячься в соседней комнате.

Франк уходит налево на задний план,
Оттилия отходит налево.

Вы пришли слишком поздно, отец Мозер. Эмиль Бёкман только что уснул вечным сном.

14. Туда и сюда

Авансцена.

Гийом ставит слева маленький стол с двумя стульями,
с правой стороны выдвигается стойка бара.

Входит Тот Самый с тяжелым чемоданом,
садится за маленький стол слева.

Тот Самый. Как всегда, Гийом.
Гийом (*подавая*). Ваш абсент, господин Тот Самый.

Гастон Шмальц входит с тяжелым чемоданом,
садится за стойку бара справа ближе к кулисам.

Шмальц. И мне абсент, Гийом.
Гийом. С удовольствием, господин Шмальц. (*Подает.*)
Тот Самый. Господин Гастон Шмальц!
Шмальц. Доброе утро, господин Тот Самый.
Тот Самый. Надеюсь, ты принес свои сбережения?
Шмальц. Да, господин Тот Самый.
Тот Самый. Обычно ты шикарно подъезжал на своем новом «мерседесе», а сегодня идешь пешочком.
Шмальц. Мне пришлось оттащить его на буксире, господин Тот Самый, кто-то распорол мне шины.
Тот Самый. И стащил твой фальшивый паспорт. Этот кто-то был я, сын мой. Так. Хотел слинять, сначала к морю, а потом в Канаду, оставить наш драгоценный банк на мели.
Шмальц. Но, господин Тот Самый...
Тот Самый. А ты знаешь, кого я вчера встретил в ночном экспрессе? Чисто случайно? На пути на свой любимый Тенерифе? Нашего дорогого друга и коллегу Каппелера. Было очень темно, и с дверью последнего вагона было, видимо, что-то не в порядке, она внезапно распахнулась, драгоценный наш только и успел передать

мне сбережения и на глазах у меня ухнул в бездну. К праотцам. Поезд шел со скоростью сто двадцать.

Шмальц. Что пропало, то пропало, господин Тот Самый.

Пойли входит с тяжелым чемоданом,
садится рядом со Шмальцем.

Пойли. Тоже абсент, Гийом.

Гийом. Очень хорошо, господин Новичок. (*Подает.*)

Тот Самый. Господин Пойли Новичок!

Пойли. Доброе утро, господин Тот Самый.

Тот Самый. Твои сбережения!

Пойли. Принес, господин Тот Самый.

Тот Самый. Пойли Новичок, ты сделал известные успехи, не стану отрицать, торговца зерном ты обмишурил что надо. Но чего тебе еще недостает, так это последнего штриха, утонченности в обхождении с человеком.

Пойли. Буду совершенствоваться, господин Тот Самый.

Часовой фабрикант Пиаже входит,
спотыкается, увидев Пойли.

Пиаже. Молодой человек, вот вы где! Тут тысяча!

Пойли. Но, господин Пиаже...

Пиаже. А вот еще одна.

Пойли. Я не знаю...

Пиаже. Еще одна.

Пойли. Господин Пиаже, я...

Пиаже. Еще одна.

Пойли. Но я... господин Пиаже... я понятия не имею...

Пиаже. И еще тысяча вам, господин кельнер. А мне тоже абсент.

Гийом подает.

Пиаже. Юноша, вы еще молоды и неопытны в коммерческих делах, и поэтому я хочу вам на будущее продемонстрировать, что такое нюх, чутье большого бизнеса. Посмотрите: когда вы несколько недель тому назад всучили мне акции рудника, каждый бы сказал, что перед нами — мошенник, каждый. Помилуйте, кто же продает акции рудника, это же допотопный трюк, но я, с моим безотказным инстинктом насчет стопроцентного шанса, — инстинктом, который можно обрести только в

часовой промышленности, моментально со скоростью света соображаю, что вы как раз и есть великое исключение, одним словом: наивный дурак, продающий мне рудник именно на Большом Хаксле, где обнаружен уран. Я кидаю вам двадцать тысяч, пожалуйста, хорошенькая сумма для столь молодого человека, и в тот же день иду к профессору Штабу, моему школьному товарищу и знаменитому геологу, сообщаю ему о моем мистическом чутье. Тот осматривает рудник, давится со смеху: старина Пиаже, там ничего нет, кроме серного колчедана, какой там уран — тут его счетчик Гейгера начинает трещать, как пулемет, и мы стоим перед богатейшим месторождением урана во всех Восточных Альпах. (*Выпивает стакан абсента.*) Молодой человек, это была большая честь для меня. Вот вам еще тысяча. Я моментально стал богатейшим человеком страны благодаря моему сверхчувствительному носу. Черт знает, что вас могло подвигнуть на то, чтобы бросить мне на голову такое золотое дно, но это уж ваше дело. Высшей пробы уран кругом... великолепно, профессор Штаб уже преставился. Полное радиоактивное облучение. И я тоже этого хватанул; я счастлив безмерно, вы бы только видели кредиты, которые пошли косяком. Через три недели я там. Посмотрите. (*Снимает шляпу, показывает свою лысину.*) Волосы уже выпали. Чудеса. Лысина в темноте светится. Будьте здоровы, я счастлив безмерно, еду в Милан, в «Евроатом», а потом в рудник. (*Уходит.*)

Пойли. Мне жаль, господин Тот Самый.

Шмальц. Поворот судьбы, господин Тот Самый.

Молчание.

Тот Самый. Бывают моменты в жизни, это я говорю вам обоим, когда нужно сидеть тихо и скромно. И еще одно, господин Гастон Шмальц, еще одно, причем раз и навсегда: от твоей ухмылочки я просил бы меня избавить, понятно? (*Орет.*) Нечего тут ухмыляться!

Медсестра ввозит на коляске госпожу Штройли, всю в бинтах.

Госпожа Штройли. Альберсло, профессор, мой дорогой, дорогой Хуго. Вы меня не узнаете?

Тот Самый. С кем... имею честь?

Госпожа Штройли. Я же Аполлония Штройли. Вот вам тысяча.

Тот Самый. Но госпожа Штройли!

Госпожа Штройли. Вот еще одна.

Тот Самый. Я не знаю...

Госпожа Штройли. И еще.

Тот Самый. Госпожа Штройли, я...

Госпожа Штройли. Еще одна.

Тот Самый. Но я... госпожа Штройли, я понятия не имею.

Госпожа Штройли. И тысяча вам, господин кельнер. Хуго фон Альберсло, ваше искусство пускать фейерверки больше никому не понадобится. Вы со всеми химическими науками можете снова отчаливать домой.

Тот Самый. Что... вы хотите этим сказать, госпожа Штройли?

Госпожа Штройли. Хуго! Профессор! Я последовала вашему совету, иду в «Ирену», страхую деревянный сундук на пять миллионов, приглашаю позавчера еще раз моих друзей из Штеффингена, располагаюсь с ними в большом салоне, глава общины, полицейский вахмистр, капитан пожарной команды, пью за лучшее будущее и — вот теперь, профессоришка, удивляйтесь, то, что теперь происходит, это чудо, настоящее чудо, подлинное откровение: ударяет молния, шарах, в западное крыло, шарах, в восточное, и вдобавок, вы просто не поверите, шарах, третья в главный корпус, и все это совершенно законно, так сказать, под наблюдением пожарников. Один-единственный язык пламени, один-единственный пучок искр — и моя премилая гостиница «Сияние Альп» сгорает дотла. Самый красивый фейерверк в Штеффингене с тысяча восемьсот девяносто второго года. Ура, ожоги первой, второй, третьей степени, сами видите, в каком я состоянии, я жестоко страдаю, это же просто чудесно, не поддается описанию, что я испытываю. Я, так сказать, ликую беспрерывно, колоссально, оттого, как оно жжет. Терпеть невозможно. Могу от радости разума лишиться и от боли сойти с ума. Пять миллионов должна мне заплатить «Ирена», пять миллионов, я как раз забрала их с моим адвокатом из франковского частного банка, страховая компания принадлежит ему.

Тот Самый. Забрала.

Госпожа Штройли. Забрала. В девять часов. Банк был еще закрыт. Госпожа директор Франк открыла неохотно. Бедной даме было нелегко наскрести пять миллионов. Ничего странного, банк трещит по швам с тех пор, как умер ее муж. Хуго фон Альберсло, дай Бог вам здоровья, вы меня спасли. Вы — гений, уникум, бесценный, величайший химик, которого я когда-либо знала. Вот вам еще тысяча.

Медсестра выкатывает ее обратно.

Тот Самый. Стакан воды, Гийом.

Гийом. Готово, господин Тот Самый. (*Подает.*)

Тот Самый. Я должен принять капли.

Гийом. Как всегда, господин Тот Самый.

Тот Самый. Этим утром мы потеряли пять миллионов.

Пойли. И урановый рудник.

Шмальц. Который мог бы нас спасти.

Тот Самый. Мы обладали несметными богатствами, не ведая о том. Вот в чем трагедия. (*Достает капли.*) Только сохранять спокойствие. Взять себя в руки. Лучше всего глубоко вдохнуть.

Шмальц. Дышать равномерно и глубоко.

Тот Самый глубоко дышит.

Тот Самый (*облегченно*). Вот теперь я спокоен.

Пойли. Слава Богу.

Тот Самый (*взрываясь*). Не стыдно ли природе разом подкашивать нас двумя такими невероятными случайностями? Вот она ежечасно действует с неумолимой неотступностью, вершит свои дела, каждой причине подыскивает следствие, вот она плодит, рожает без передышки, снова изничтожает, пожирает возникшее, каждый день тащит несметное количество живых существ, растений, животных, людей в пропасть. Да что там! В своем суровом упрямстве она взрывает целые солнца вместе с окружающими их планетами. А что подсовывает она нам? Двух простофиль, глупость которых омрачает небеса и чье счастье заставляет разум краснеть от стыда! И в самом деле, я обращаюсь к вам обоим, какие еще бизнесмены подвергались такому чертовскому испытанию, как мы трое? Тут

нужно иметь колоссальную веру в свою профессию, чтобы не впасть в отчаяние от такой несправедливости.

Тот Самый устало поднимается.

Тот Самый. Пошли в банк.

Все направляются со своими чемоданами в банк.

15. Счастье жизни

Перед ширмой появляется Франк Пятый в одежде священника. Авансцена выглядит так же, как и прежде.

Франк Пятый.

Всему конец! Я предан теми, чья
Работа: ненавидеть и бояться.
Здесь, в сейфе, денежки еще хранятся —
Вся давешняя выручка моя.
Банк в запустении. Кругом должник,
Он стал вам пугалом, мои клиенты!
Уж с молотка урановый рудник
Пошел, а с ним — пять миллионов ренты.
Шкафы пусты. Кругом разор. О, кто —
Незримый, ты, кто сам мне мнится в каждом!
Кто нас подставил так, что лишь на то,
Верней, на ту, надежда, что однажды
Оттилия, гуляя, повстречала
Среди девиц известного квартала.
Господь, нам помоги! — в мероприятье,
Что не осилит тысяча чертей:
По обряженью новой шлюхи в платье
Приличия. Прошу ради детей!
Что днесь я сам! Но котик мой, но киска...
Достойны счастья Герберт и Франциска!
И радости! Сними же, Бог мой, Ты
С них этот груз безвестной нищеты,
Мне, знать, написанной здесь на роду,
С которой, гиблый банк закрыв, пойду
Еще, быть может, я от лютых бед —
К величественнейшей из всех побед.
Ведь о людской я все проведал злобе —
Она всего лишь первозла подобье.

Мы только исполнители. Со дна
Подъемлет нас и вновь из тьмы — на свет
Бросает эта страшная волна.
О, Мёрике!
Довольно! Пора за дело! Пусть нас ночь рассудит.
На все вопросы даст прямой ответ.
И будь что будет.
Отмычки к сейфу собраны.
Но, мнится мне, не все...
У каждого — другой на подозренье.
Нет веры меж волков. Разъединенье!
Сам поспешу в подвал.
Понять мне нужно:
Рай или ад судьбу мне нагадал
И безоружного ли встретит безоружный! (*Уходит.*)

Ширма раздвигается. Темнота. Входит Шмальц с большим черным чемоданом и карманным фонариком. Освещает сейф в середине на заднем плане, ставит чемодан на пол, открывает сейф, достает из него большой, туго набитый конверт, сует его в боковой карман, запирает сейф. В этот момент появляется Тот Самый. Шмальц выключает карманный фонарик и прячется за чемоданом. Тот Самый, тоже с большим чемоданом, направляет свой фонарик на сейф, и тут Шмальц высвечивает его лучом своего фонарика.

Шмальц. Господин Рихард Тот Самый!

Тот Самый прячется за свой чемодан, направляет фонарик на него.

Тот Самый. Господин Гастон Шмальц.

Шмальц. Очень мило, что вы осматриваете подвал.

Тот Самый. Только сейчас подумал, что встречу тебя внизу, господин Гастон Шмальц.

Шмальц. Чувство долга, господин Тот Самый.

Тот Самый (*освещая сейф*). Подумать только, что там внутри лежат наши накопления.

Шмальц (*освещая сейф*). Подумать только, что нам пришлось сдать свои отмычки.

Снова направляют свои фонарики друг на друга.

Вы останетесь тут внизу, господин Тот Самый?

Тот Самый. Да, я тоже.

Шмальц. На всю ночь?

Тот Самый. На всю ночь.

Входит Пойли. Тот Самый и Шмальц гасят свои фонарики, Шмальц перебегает к Тому Самому, оба прячутся за чемоданами. Пойли, тоже с большим черным чемоданом, освещает сейф фонариком, Тот Самый и Шмальц освещают Пойли, прячущегося за чемоданом.

Ну иди, Пойли. Не церемонься.

Пойли. Вы тут, внизу?

Шмальц. Тут, внизу.

Тот Самый. Ты думаешь, мы взламываем сейф?

Пойли. Ну что вы, господин Тот Самый.

Шмальц открывает свой чемодан, Тот Самый и Пойли делают то же самое.

Шмальц. Я захватил автомат.

Тот Самый. Я тоже.

Пойли. Я тоже. Маленький.

Шмальц. Твоя слесарная мастерская делает успехи?

Пойли. Вы что, думаете, у меня есть вторая отмычка, свиньи?

Тот Самый. Возможно.

Пойли. Я совсем недавно в этом банке. Если у кого-нибудь есть уйма времени на изготовление отмычек, то только у вас двоих.

Шмальц. Но мы же не слесари.

Входит Франк Пятый. Троица гасит свои карманные фонарики, прячется. У Франка автомат наперевес и большой черный чемодан. Он включает свет, как только свет зажигается, поворачивается к трем остальным спиной.

Тот Самый. Добрый вечер, господин директор.

Франк резко оборачивается.

Пойли. Добрый вечер, господин директор.

Шмальц. Добрый вечер, господин директор.

Франк Пятый. Добрый вечер.

Тоже прячется за своим чемоданом, так что все четверо оказываются друг против друга за укрытиями; они наблюдают друг за другом, каждый готов в любой момент выстрелить; опасность, страх и недоверие правят этим адом.

У вас, я вижу, тоже автоматы.

Тот Самый. Да, господин директор.

Пойли. Да, господин директор.

Шмальц. Да, господин директор.

Франк Пятый. Вы не ушли домой.

Тот Самый. Мы решили заночевать тут внизу.

Франк Пятый. Наверху у меня в мансарде тоже было очень одиноко.

Пойли. Опасность сплачивает, господин директор.

Открывают чемоданы, достают оттуда всякую снедь.

Шмальц. Не желаете ли бутерброд с сыром, господин директор? Крестьянской ветчины?

Тот Самый. Сардин? Салями? Солонины?

Пойли. Французскую булочку?

Франк Пятый. Да у вас тут целая куча продуктов!

Шмальц. Припасов на три дня.

Тот Самый. На четыре.

Пойли. На пять!

Франк достает булочку и термос.

Франк Пятый. А у меня ровно на неделю.

Шмальц. Пока наши денежки лежат в сейфе, никто нас не выставит из банка, господин директор.

Франк Пятый. Меня тоже. Вот еще один автомат. (*Достает из чемодана второй автомат, остальные тоже.*)

Тот Самый. У меня тоже.

Пойли. И у меня.

Шмальц. И у меня.

Франк Пятый. Подкрепимся?

Тот Самый. Подкрепимся.

Шмальц. Присядем?

Франк Пятый. Присядем.

Начинают есть.

Тот Самый. Господин директор!

Франк Пятый. Что, Тот Самый?

Тот Самый. Любопытно, когда же все-таки придет шантажист.

Пойли. Да и придет ли он вообще? (*Встает.*)

Шмальц. Существует ли он вообще?

Франк Пятый. Что ты хочешь этим сказать, Шмальц?

Шмальц. Ничего.

Пойли приближается к сейфу, остальные трое вскакивают, направляют на него оружие.

Тот Самый. Что тебе нужно у сейфа, Новичок?

Пойли. Тоже ничего. Хотел только сделать небольшую разминку. (*Делает приседание.*)

Франк Пятый. Присядем снова.

Тот Самый. Присядем.

Садятся. Продолжают есть.

На авансцене Оттилия садится за стол.
За стойкой бара появляется Гийом.

Гийом. Госпожа директор!

Оттилия. Джину, Гийом. Я жду нашу новую сотрудницу.

Франк Пятый. Вы действительно верите, что я только и делаю, что читаю Гёте и Мёрике, а?

Шмальц. Но, господин директор...

Франк Пятый. Мне совершенно ясно, что у каждого из вас есть по меньшей мере еще одна отмычка.

Пойли. Но, господин директор...

Гийом несет справа от стойки джин.

Гийом. Ваш джин, госпожа директор.

Франк Пятый. Да и шантажистом-то я считаю одного из вас троих.

Тот Самый. Но, господин директор...

Гийом возвращается обратно к стойке и выходит.

Франк Пятый. Между прочим, у меня в чемодане еще парочка ручных гранат. (*Стучит по чемодану.*)

Шмальц. У меня тоже. (*Стучит по чемодану.*)

Пойли. И у меня. (*Стучит по чемодану.*)

Тот Самый. Лимонки.

Достает из кармана лимонку, остальные бросаются в укрытие, направляя автоматы на Того Самого, тот вскакивает, зажав лимонку в руке. Молчание.

(*Умиротворительно.*) Продолжим ужин?

Шмальц. Не знаю.

Пойли. Что до меня, то это слишком большой риск.

Франк Пятый. У меня пропал аппетит.

Они все еще держат автоматы направленными на Того Самого, который тем временем делает новое предложение.

Тот Самый. Не теряем ли мы время зря?

Шмальц. Как всегда, когда наш банк еще процветал? (*Медлит.*)

Пойли. Когда еще не было шантажиста? (*Он все еще недоверчив.*)

Франк Пятый. Когда мы еще могли доверять друг другу?

Тот Самый прячет лимонку. Трое других опускают свои автоматы.

Тот Самый. Давайте рассказывать истории, которые мы рассказывали всегда в перерывах между работой. (*Садится.*)

Шмальц. Истории о честных людях.

Пойли. О порядочных людях. (*Садится.*)

Франк Пятый. О хороших людях.

Тоже хочет сесть, делает неосторожное движение, остальные вскакивают, и снова они стоят наготове с автоматами друг против друга, и лишь потом все четверо наконец садятся.

Шмальц. Тогда мы уже не так будем бояться друг друга.

Запевают «Песню о четырех сторонах света», то направляя автоматы друг на друга, то опуская их, то покачивая ими, то кладя палец на дуло, то играя ими, словно это гитары, то пожимая друг другу руки, то танцуя, и т. д.

Франк Пятый.

Жил заводчик там, где круг полярный, —
Рыбий жир топил и продавал,
Набожный был очень — регулярно
Сиротам и нищим помогал.

Остальные.

О, славное предание.

Франк Пятый.

О, славное предание.

Все.

На севере, в Гренландии, где день и ночь полярные.

Франк Пятый.

А когда на бирже был обвал,
Сам он все добро свое раздал,
Стал безгрешным вовсе,

Остальные.

Стал безгрешным вовсе.

Франк Пятый.

Санитаром, говорят, служит он в Давосе.

Все.

Порядочность, порядочность —
Не сон ли жизни это,
И не тебя ли день за днем
Мы от людей ждем тщетно!

Пойли.

Негр на юге жил у себя дома,
Там, где речка Конго или Чад.
Белые пришли, напившись рома,
Перебили жен его и чад.

Остальные.

Ужасная история.

Пойли.

Ужасная история.

Все.

На юге, там, где Конго,

Пойли.

Они, напившись рома,
Убили всех односельчан; а он, потупив взгляд,
«Аминь!» сказал и вдаль пошел скитальцем,
говорят.
О, мудрость несравненная!

Остальные.

О, мудрость несравненная!

Пойли.

Самим Спасителем в наш мир он послан был,
наверное.

Все.

Порядочность, порядочность —
Не сон ли жизни это,
О, не тебя ли день за днем
Мы от людей ждем тщетно!

Тот Самый.

Жил крестьянин где-то на востоке —
Хутор свой лелеял и жену.
Кроме них двоих, там только волки —
С голодухи воют на луну.

Остальные.

О, славное предание.

Тот Самый.

О, славное предание.

Все.

На востоке, во Владивостоке...

Тот Самый.

А слегла от немощи, одну
Он не бросил, к названному дню,
Сам позвал к той жинке,

Остальные.

Сам позвал к той жинке

Тот Самый.

Весь колхоз, не пожалев денег, на поминки.

Тот Самый нащупал в кармане Шмальца конверт — вынимает его. Шмальц ничего не замечает.

Все.

Порядочность, порядочность —
Не сон ли жизни это,
О, не тебя ли день за днем
Мы от людей ждем тщетно!

Шмальц.

Некий проповедник жил в Чикаго,
Был душою мягок, духом тверд —
Ближним и Всевышнему во благо —
Пел с бродягами среди трущоб.

Остальные.

Славнейшая история!

Шмальц.

Славнейшая история!

Все.

В Чикаго, там, на западе, за океаном-морем.

Шмальц.

Гангстера спасти от казни чтоб,
Сам за того гангстера лег в гроб.
Жаль, нас не пожалел он,

Остальные.

Жаль, нас не пожалел он:

Шмальц.

На стуле электрическом за изверга сгорел он.

Тот Самый приставляет Шмальцу дуло автомата к спине. Шмальц поднимает руки, Тот Самый выводит его направо на задний план.

Остальные.

Порядочность, порядочность —
Не сон ли жизни это!
О, не тебя ли день за днем
Мы от людей ждем тщетно!

На заднем плане справа слышна автоматная очередь.

Франк Пятый. Бедный Гастон Шмальц, добрый Гастон Шмальц.

Тот Самый возвращается, передает Франку конверт и ключ.

Тот Самый. Его деньги и его отмычка.

Троица, поглядывая друг на друга, садится на свои чемоданы.

Пойли. Теперь нас только трое.

Тот Самый. Скоро, быть может, будет еще меньше. Если явится шантажист.

Франк Пятый. Мой персонал тает на глазах.

Пойли. Мне что-то опять есть захотелось. (*Снова принимается грызть свою французскую булочку.*)

Франк Пятый. Скоро восемь.

Пойли. Сейчас у вашей жены встреча с новой сотрудницей, господин директор.

Франк Пятый. Поворотный пункт.

Тот Самый. Кто-то идет. (*Показывает назад.*)

Франк Пятый. В укрытие!

Тот Самый идет на левую сторону к Франку,
оба прячутся за его чемоданом, держа автоматы наготове.
Пойли отходит направо назад, чтобы держать их
в поле зрения, автомат у него тоже наготове.

Следующая сцена должна играться в стремительном темпе,
поскольку она классическая и написана в стихах.

Пойли. Руки вверх!

Направляет автомат на Того Самого и Франка,
те поднимают руки.

Ну что, братцы?
Не ожидали? А ну-ка, встать!

Франк и Тот Самый встают.

Бросить оружие!
Делать, что я сказал! Не то — стреляю!

Франк и Тот Самый кладут автоматы на чемодан.

Выйти вперед.

Тот Самый.

Да это же измена.

Пойли.

Вас удивляет эта перемена?
Меня вы сами воспитали в вашем духе,
И вот теперь я боссу новому протягиваю руки.

Из-за сейфа выходит Герберт.

Тот Самый. Ровно восемь.
Герберт.

Мой милый папуля, глаза так не пяль,
Я — шантажист и буду крепок, как сталь.

Франк Пятый. Мой сын!

Справа выходит Франциска.

Франциска.

Мамуля, без сцен, пора на свалку,
Я та, кто потаскушку заменит в банке[1].

Оттилия. Моя дочь!

Главный занавес падает.

16. Утешение Господне

Перед главным занавесом с левой стороны выходит Оттилия.

Оттилия.

Ты видишь, публика, греха и срама связь,
Запачкана я по уши, втоптана в грязь.
Уж сколько брошено на женщин сора,
Но ни одна еще такого не изведала позора:
То было у Гийома. Пробили восемь
Часы собора.
Ждала я встречи с нашей новой девкой,
Ее Тот Самый подцепил так скоро.
Она пришла. Мое дитя. Девочка моя. Широк
пролитой крови из-за нее поток,

[1] Перевод В. Колязина.

Моя снегурочка, моя принцесса, золотое семя,
ты белочка моя, мой чудный лепесток.
Благовоспитанна, верна. Сама невинность. Какая
кротость во всех уроках,
Чиста кристально, как вода,
Взлелеяна любовью, от наглых взоров ограждена,
Теперь мегера, продажна и бесстыдна,
Искушена во всех пороках,
В разбой вовлечена
И всякой чести лишена.
О Фрида Фюрст! О Бёкман! Покойники давно,
Вы видите, как я страдаю!
Мои деяния земные — одно паскудство.
Пора.
Отныне я решаю стать на путь добра:
Отродие мое я проклинаю, плод безумства!
Итак, пришел мой срок! Мое решенье,
В конце концов:
Я закрываю банк моих отцов![1]

Перед главным занавесом справа выходит слуга.

Слуга. Его превосходительство господин президент Трауготт фон Фридеман.

Двое слуг вводят слепого главу государства, снова удаляются. Остается только первый слуга.

Президент. Кто тревожит мой покой? Чье отчаяние сверлит мне уши?

Оттилия. Это я, Оттилия, та, что была твоей любовницей много лет назад.

Президент. Оттилия?

Оттилия. Оттилия Франк.

Глава государства, похоже, что-то припоминает, на его лице обозначается радость.

Президент. Оттилия, прости, что я принимаю тебя в холле. Но госсовет ждет. Чего ты хочешь от меня, любовь моя?

Оттилия. Я должна сделать признание.

Президент. Я слушаю. (*Садится.*)

---

[1] Перевод В. Колязина.

Оттилия. Мы совершили в банке наших предков великое множество преступлений.

Молчание.

Мы занимались ростовщичеством, вымогательством, делали бизнес на разврате.

Молчание.

Мало того, моя дочь стала потаскухой.

Молчание.

Мы убивали.

Молчание.

Мы стоим перед финансовым крахом.

Президент. И чего же ты теперь требуешь от меня, любовь моя?

Оттилия. Разрушить наше семейное предприятие. Устроить процесс против нашего частного банка. Я требую справедливости.

Президент. Справедливости?

Оттилия. Справедливости, даже если она меня уничтожит.

Президент поднимает руку. Слуга вносит узкий письменный столик — Президент что-то подписывает.

Президент. Оттилия Франк, внемли же моему вердикту:

Мое сокровище, иди и не печалься,
Твои деяния, конечно, дрянь, но все же
Мой глаз точней, тут нет несчастья,
Убийство завтра будет стоить подороже,
Подороже.
Ну кто ж так делает, моя голубка,
Ни в коем разе, ни в какое время
Столь радикальной быть не след.
Да и к чему такое бремя?

Мой милый пылкий изувер,
Понятно, ты хочешь правду сегодня или никогда.
Иди, не вешай нос, и гнев умерь.
Мир добр, хоть ты и плачешь иногда,

Плачешь иногда.
Твоя дочурка потаскушка? Полно, мышка,
Ни в коем разе, ни в какое время
Столь радикальной быть не след,
К чему такое бремя?[1]

Оттилия. Трауготт! Я не желаю милости! Я хочу закрыть банк наших предков.

Президент. Закрыть? Боже упаси, Оттилия, банк твоих предков? Моя драгоценная, я всего лишь человек. Если бы у тебя на совести было на несколько сотен миллионов долгов и на две дюжины убийств меньше, нам еще было бы о чем спорить. Я бы обошелся с тобой строго, недаром меня зовут Трауготтом Немилосердным. А так? Мне пришлось бы разрушить все мировое устройство, моя киска. Я должен думать о взаимосвязи вещей, в слишком деликатном взаимодействии находятся справедливость и несправедливость, и только пустяки допускают вмешательство, но твои деяния — не пустяки, они прямо-таки грандиозны. Нет, нет, не жди от меня наказания, жди от меня лишь милости.

Оттилия. Трауготт!

Президент.

А потому, моя подружка, каяться не надо,
Будь умницей и этот чек прими,
Госбанк тебе как жулику дает награду,
Сухими из воды с тобою выйдем мы,
Сухими выйдем мы.
Ты медлишь все еще, моя лошадка?
Ни в коем разе, ни в какое время
Столь радикальной быть не след,
К чему такое бремя?[2]

Передает Оттилии чек.

Президент. Вернемся, Отто, к делам государственной важности.

Глава государства и слуга уходят. Маленький письменный столик также уносят.

---

[1] Перевод В. Колязина.
[2] Перевод В. Колязина.

Оттилия стоит с чеком одна на сцене,
потом медленно уходит направо.

Главный занавес открывается.

17. Отставка

Ширма закрыта.

Слева стол с двумя стульями, справа бар. За столом Франк Пятый пьет джин. Тот Самый — спиной к публике — подметает ступеньки, ведущие к ширме. На нем рабочий халат.

Слева входит Оттилия. Хочет пройти к бару,
но останавливается посередине авансцены.

Оттилия. Готфрид!

Франк Пятый. Что, Оттилия?

Оттилия. Ты снял одежду священника?

Франк Пятый. К чему она? Все уже давно забыли, что я вообще жил на этом свете.

Оттилия подходит к Франку, садится рядом с ним.

Оттилия. Гийом, мне тоже джину.

Гийом подает.

Оттилия. Я была у Президента. Созналась перед ним в наших преступлениях. Мой вечный страх перед разоблачением оказался бессмысленным. Вот чек. (*Подает ему чек.*) Банк наших предков снова на ногах. Нам не нужно больше бояться ни одного шантажиста в мире, и теперь мы можем наконец самоликвидироваться.

Франк Пятый. Мы уже ликвидированы.

Оттилия. Шантажист приходил?

Франк Пятый. Прошлой ночью.

Оттилия. Вы его прикончили?

Франк Пятый. Парень висел у меня на крючке. Но в один прекрасный момент все это мне до чертиков надоело, и из меня вдруг полезла добродетель — как из вулкана.

Оттилия. И что было потом, после этого извержения вулкана?

Франк Пятый. Старушка, я подарил шантажисту банк своих предков.

Оттилия. Подарил?

Франк Пятый. Да, подарил. Хочу наконец стать бедным и добродетельным — это всегда было моей мечтой.

Оттилия. Готфрид!

Франк Пятый. Что, Оттилия?

Оттилия. Кто был этот шантажист?

Франк Пятый. Неважно. Какой-то интеллектуал. С Пойли в союзе. Эдакий человек чести. Проделывает свои махинации до отвращения честно. Но — без меня. В этом Франк Пятый больше не участвует, уж теперь-то, будучи бедняком, я могу себе это позволить.

Оттилия. «С Пойли в союзе». Смешно, какие же абсурдные мысли порой приходят в голову. Еще один джин, Гийом.

Франк Пятый. Два.

Франк Пятый рассматривает чек, смеется.

И теперь ты вдобавок оказала знатному джентльмену своим признанием еще одну колоссальную услугу. Чек выписан на банк, и только новый директор сможет его оприходовать.

Гийом подает.

Оттилия. Мы сами себя переиграли.

Франк Пятый. Швейцар!

Тот Самый неуклюже подходит.

Тот Самый. Да?

Франк Пятый. Отнеси этот чек новому директору.

Тот Самый. Хорошо. (*Так же тяжело ступая, идет в банк.*)

Молчание.

Оттилия. Это же был Тот Самый.

Франк Пятый. Деградировал. А Пойли теперь на его месте. Тоже стал отвратительно честным. Все наше воспитание — к чертям собачьим!

Оттилия. Тот Самый — швейцар! Какая халатность! Такого гения просто так пустить в расход.

Франк Пятый. И уборщицу они тоже выгнали.

Оттилия. Ну и сброд. Никакого социального чутья!

Франк Пятый. Самое время подавать в отставку. Иначе только запачкаешься.

Молчание.

Оттилия.

Оттилия. Что, Готфрид?

Франк Пятый. Ты ведь вчера вечером встречалась с новенькой...

Оттилия. Ну и что?

Франк Пятый. Кто эта девушка?

Оттилия. Не имеет значения. Так, одна... ничего особенного.

Франк Пятый. Почему же ты созналась во всем Президенту?

Оттилия. Потому что и я хочу выйти из игры, Франк! Потому что и я хочу наконец-то стать бедной и доброй — как и ты.

Франк Пятый. Конечно, кто же еще это мог быть, кроме «так, одна... ничего особенного»... Чепуха, чего только порой не придет в голову! Гийом, еще один джин.

Оттилия. Два.

Франк Пятый. Я был неважным негодяем. Как бы это сказать? — негодяем, далеким от совершенства: тоска по добру во мне была слишком страстной, но она была настоящей. Меня когда-нибудь будут сравнивать с Гамлетом.

Гийом подает джин.

Оттилия. Старый болтун.

Молчание.

Франк Пятый. Оттилия!

Оттилия. Что, Готфрид?

Франк Пятый. Я постоянно думаю о Франциске, о нашей дочурке. Все время!

Оттилия. А я о Герберте, о нашем сыне.

Франк Пятый. Ты еще помнишь, как она сделала первый шаг, держась за мою руку, а потом еще один?

Оттилия. А ты помнишь, как у него была дифтерия и врачи уже лишили нас всякой надежды? Но я его выходила, Готфрид, я его выходила.

Франк Пятый. Одно я знаю, Оттилия, одно я знаю твердо: Франциска осталась хорошей девочкой. Мужчина, который однажды возьмет ее в жены, будет счастлив.

Оттилия. Мой сын Герберт. Славный парень. Надеюсь, он не слишком много курит.

Франк Пятый. Гийом, рассчитай. (*Расплачивается.*)

Оттилия. Куда теперь?

Франк Пятый. Не знаю. У нас нет ни копейки.

Оттилия. Почти что так.

Молчание.

Франк Пятый. Пора залегать на дно.

Оттилия. Пора.

Тот Самый.

Ступают вниз... Витает над ними алкоголь, —
Бормочет он из Гёте; в глазах у нее — боль.
Низложен Пятый Франк! О мир, замри
Хотя б на миг в молчании и скорби!
Он был пройдоха, право, но за ним
Придут такие негодяи вскоре...
О! первые уже спешат сюда!

Ширма распахивается.

Кабинет дирекции с портретами предков
от Франка Первого до Франка Пятого.

На софе Герберт, Франциска,
Пойли Новичок.

Тот Самый.

Позвольте же представить, господа,
Вам новую дирекцию...
Шестого Франка поприветствуем. Он — нынче власть!
Так как стал прежний нерентабельным бардак.
Убийства отменяются! Теперь:
процент — учет — доход.
Лишь честность нас действительно к злой
цели приведет.
Ну вот! Конец нашей истории. Но я не кончил слова! —
Пока делишками кишит наш мир, всегда, —
опять и снова

Меня к вам вытолкнет на свет — вселенский торг.
Теперь мне время пол мести и обивать порог...
Но завтра же ваш счет подделаю,
И еще в нынешнем финансовом году
Вы Того Самого, меня, в моем, том самом, кресле
Узрите. Я воскресну! Как — видите? — воскресли
Все те, кого злой банк послал гореть в аду.

Все участники спектакля выходят
на сцену и идут к рампе.

Тот Самый.

А потом, друзья, настанет
Снова время палачей
Для таких, как мы, кто вздумал быть самих
себя ловчей,
Кто б, убийственно-логичный, ни вступил
во власти дрянь.
Глянь налево! Глянь направо! Да куда угодно глянь!
Подставляй страну и даты...
Персонаж найдешь всегда ты.
И тогда затянет песню вновь с припевом
подзабытым
Тот, кто был собой доволен, и всевластным здесь,
и сытым.

Все.

На свете вещицы прекраснее нету!
Свобода — как ветер. Попробуй — схвати!
Прикормят чуть-чуть, и уже на крючке ты;
Рванешься на волю, а сам — взаперти.

ПРИМЕЧАНИЕ

В новую редакцию «Франка Пятого» я включил финал первой постановки 1958 года; более человечный финал показался мне предпочтительней более жестокого. Песню «Подонок стильный» я сохранил в память о Терезе Гизе; она записана на пластинке Немецкого граммофонного общества (Литературный архив 140012) и библиотеки Гелиодор (Стерео 2671 011). С драматургической точки зрения это не обязательно, чего не скажешь о песне «Положение», которую Гизе — игравшая на премьере Оттилию — исполняет на той же пластинке.

Финальный хор из редакции 1960 года

Кровь горяча, но честность холодом ранит.
Зимою потянуло, стужей и туманом,
Необходимость, как и камень, не перешибить,
И по закону цифра стала капитаном.
Ледовая эпоха на дворе. Рой глетчеров несется
На человечество, что ввысь уже не рвется,
Манил нас прежде, вопрошая, дух,
А нынче мы застыли в праздности услуг,
Мы кары избежали и всевышнего суда,
А справедливость не оплатишь никогда[1].

[1] Перевод В. Колязина.

Посвящается Терезе Гизе

Комедия в двух действиях

ФИЗИКИ

Die Physiker

Eine Komödie in zwei Teilen

Действующие лица

Доктор Матильда фон Цанд — врач-психиатр
Марта Болль — старшая медсестра
Моника Штеттлер — медсестра
Уве Зиверс — старший санитар
Мак-Артур — санитар
Мурильо — санитар
Герберт Георг Бойтлер, называемый Ньютоном — пациент
Эрнст Генрих Эрнести, называемый Эйнштейном — пациент
Иоганн Вильгельм Мёбиус — пациент
Миссионер Оскар Розе
Лина Розе — его жена
Адольф-Фридрих, Вильфрид-Каспар, Йорг-Лукас — ее сыновья
Рихард Фосс — инспектор уголовной полиции
Гуль — полицейский
Блохер — полицейский
Судебный врач

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Место действия: гостиная уютной, хотя и несколько запущенной виллы частного санатория «Вишневый сад». Окружающая местность: рядом с санаторием — берег озера, на некотором удалении уже застроенный, еще дальше — небольшой, скорее даже маленький городок.

Некогда прелестное местечко с замком и старинным центром ныне украшено уродливыми зданиями страховых обществ и живет в основном за счет скромного университета с довольно большим теологическим факультетом и летними языковыми курсами, а также двух училищ — коммерческого и стоматологического, нескольких пансионатов и крошечных предприятий легкой промышленности и уже в силу этих обстоятельств может считаться тихим уголком. Вдобавок к этому на нервы успокаивающе действует еще и окружающая природа, во всяком случае здесь имеются голубые горные хребты, поросшие живописным лесом холмы и довольно большое озеро, а неподалеку раскинулась еще и обширная, по вечерам окутывающаяся туманом равнина, некогда бывшая гиблым болотом, а ныне плодородная земля, прорезанная сетью каналов, на которой где-то вдали расположено некое место заключения со своими большими сельскохозяйственными угодьями, так что повсюду встречаются группы и группки молчаливых, словно призраки, заключенных, рыхлящих и перекапывающих землю. Однако окружающая местность, в сущности, не играет для нас никакой роли и описывается здесь лишь ради большей точности, ведь мы ни разу не выйдем за пределы виллы сумасшедшего дома (*наконец это слово все же сказано*), а если быть более точным, не выйдем и за пределы гостиной, ведь мы задались целью строго блюсти единство места, времени и действия: ведь драма, разыгрывающаяся среди сумасшедших, должна соответствовать самому строгому классическому канону.

Однако ближе к делу. Что касается виллы, то в ней ранее размещались все пациенты основательницы санатория, старой девы, почетного доктора наук и доктора медицины Матильды фон Цанд, то есть выжившие из ума аристократы, пораженные склерозом политики — за исключением тех, кто все еще держит в своих руках бразды правления, — а также дебильные миллионеры, писатели-шизофреники, магнаты индустрии, страдающие депрессивно-маниакальным психозом, и т. д., короче говоря, душевнобольная элита чуть ли не всей Европы, ибо доктор Цанд пользуется широкой известностью не только потому, что эта горбунья и старая дева в неизменном своем врачебном халате

происходит из местной влиятельной семьи, последним, имеющим какой-то вес отпрыском которой она является, но также и благодаря своим гуманным взглядам и репутации выдающегося психиатра, можно даже уверенно утверждать — в мировом масштабе (только что вышел из печати том ее переписки с К. Г. Юнгом). Однако ныне все эти знаменитые и не всегда приятные пациенты давно переселились в новые светлые и элегантные здания лечебницы — за баснословные деньги даже самое темное прошлое оборачивается чистым удовольствием. Новая лечебница расположена в отдельных особнячках (часовня с витражами работы Эрни*), рассеянных в южной части обширного парка с видом на равнину, в то время как вилла венчает собой зеленую лужайку с отдельными могучими деревьями, полого спускающуюся к озеру. Вдоль берега тянется каменная ограда.

В гостиной заметно опустевшей виллы обычно проводят время трое пациентов, случайно оказавшихся физиками, нет, все же не совсем случайно, ибо здесь придерживаются гуманных принципов и селят вместе только людей, близких друг другу по духу. Эти трое живут своей жизнью, каждый замкнут в пространство своего воображаемого мира, вместе они лишь принимают пищу в гостиной, иногда беседуют о своей науке или же молча сидят, уставившись в пустоту, безобидные, симпатичные и милые психопаты, сговорчивые, послушные и непритязательные, поэтому ухаживать за ними легко. Одним словом, их можно было бы считать образцовыми пациентами, если бы в последнее время не случилось тревожных, более того — прямо-таки ужасных событий: три месяца назад один из них задушил медсестру, и теперь то же самое повторилось. Поэтому на вилле опять появилась полиция. И в гостиной гораздо больше людей, чем обычно. Чтобы напрасно не пугать зрителей, тело медсестры лежит на полу в глубине сцены, и положение его столь же недвусмысленно, сколь и трагично. Однако нельзя не заметить, что в комнате происходила борьба. Мебель сдвинута со своих мест и приведена в беспорядок. Торшер и два кресла валяются на полу, слева на авансцене лежит круглый стол, перевернутый таким образом, что его ножки обращены к зрителю.

В остальном в гостиной заметны последствия перестройки виллы в психолечебницу (некогда вилла была летней резиденцией семейства Цанд). Стены на высоту человеческого роста покрашены гигиеничной эмалевой краской, лишь выше этого уровня видна гипсовая штукатурка с частично сохранившейся лепниной. Три двери, ведущие в комнаты физиков из небольшого холла в глубине сцены, обиты черной кожей. Кроме этого, они пронумерованы — 1, 2, 3. Слева рядом с холлом уродливая батарея центрального отопления, справа — умывальник с полотенцами на металлическом штыре. Из комнаты номер 2 (она в середине) доносится игра на скрипке под аккомпанемент фортепьяно. Это Бетховен, «Крейцерова соната». Слева — стена с высокими окнами, выходящими в парк и начинающимися от самого пола, покрытого линолеумом. Слева и справа ряд окон обрамлен тяжелыми занавесями. Двустворчатая дверь ведет на террасу, сквозь ее каменную балюстраду виден парк, освещенный относительно ярким ноябрьским солнцем. Время — чуть позже половины пятого пополудни. Справа над камином, не используемым по прямому назначению и огражденным решетчатым экраном, в тяжелой позолоченной раме висит портрет старика с остроконечной бородкой. На авансцене справа — тяжелая дубовая дверь. С темного кессонного потолка свисает тяжелая люстра. Мебель: у круглого стола — когда гостиная будет приведена в порядок — стоят три стула, выкрашенные белой

краской, как и стол. Остальные предметы меблировки слегка потерты и разностильны. Справа на авансцене — диван с маленьким столиком и двумя креслами по бокам. Обычное место торшера — за диваном, чтобы не загромождать комнату. Короче говоря: для оформления спектакля, в котором, в отличие от античной трагедии, сатирова драма предшествует самой трагедии, вещей на сцене должно быть немного. Ну теперь, пожалуй, можем и начинать.

Трупом занимаются полицейские, это спокойные, добродушные дядьки в штатском, которые уже успели принять свою дозу белого вина, и пахнет от них соответственно. Они производят замеры, снимают отпечатки пальцев, очерчивают контуры трупа мелом и т. д. В середине гостиной стоит инспектор уголовной полиции Рихард Фосс в плаще и шляпе, слева от него — старшая медсестра Марта Болль, решительный вид которой соответствует ее натуре. Справа на авансцене в кресле сидит полицейский и составляет протокол. Инспектор вынимает сигару из коричневого портсигара.

Инспектор. Надеюсь, курить дозволяется?

Старшая медсестра. Здесь это не принято.

Инспектор. Пардон. (*Прячет сигару в портсигар.*)

Старшая медсестра. Чашечку чаю?

Инспектор. Я бы предпочел рюмочку шнапса.

Старшая медсестра. Вы находитесь в лечебном учреждении...

Инспектор. Тогда ничего не надо. Блохер, можно фотографировать.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Фотографирует со вспышкой.

Инспектор. Как звали медсестру?

Старшая медсестра. Ирена Штрауб.

Инспектор. Возраст?

Старшая медсестра. Двадцать два. Родом из Кольванга.

Инспектор. Родственники?

Старшая медсестра. Брат в Восточной Швейцарии.

Инспектор. Известили?

Старшая медсестра. По телефону.

Инспектор. Кто убил?

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор, ведь бедняга больной человек.

Инспектор. Ну ладно: кто это сделал?

Старшая медсестра. Эрнст Генрих Эрнести. Мы зовем его Эйнштейн.

Инспектор. Почему?

Старшая медсестра. Потому что он считает себя Эйнштейном.

Инспектор. Ах вот оно что. (*Обращаясь к стенографирующему полицейскому.*) Записали показания старшей медсестры, Гуль?

Гуль. Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Тоже задушена, доктор?

Судебный врач. Несомненно. Шнуром от торшера. Эти психопаты часто обладают недюжинной силой. Потрясающее явление.

Инспектор. Так. Вы так считаете. Тогда я нахожу безответственным, что этих психопатов обслуживают женщины. Это уже второе убийство...

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор...

Инспектор. ...второй несчастный случай за три месяца в лечебнице «Вишневый сад». (*Вынимает записную книжку.*) Двенадцатого августа некий господин Герберт Георг Бойтлер, считающий себя великим физиком Ньютоном, задушил медсестру Доротею Мозер. (*Прячет записную книжку.*) В этой самой гостиной. Этого бы не случилось, если бы вместо медсестер были санитары-мужчины.

Старшая медсестра. Вы так думаете? Сестра Доротея Мозер была членом женского клуба по спортивной борьбе, а сестра Ирена Штрауб — чемпионкой страны по дзюдо.

Инспектор. А вы?

Старшая медсестра. Я занимаюсь тяжелой атлетикой.

Инспектор. Могу я наконец видеть убийцу...

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор.

Инспектор. ...ну, того, кто это сделал?

Старшая медсестра. Он играет на скрипке.

Инспектор. Что это значит «он играет на скрипке»?

Старшая медсестра. Вы же сами слышите.

Инспектор. Так пусть изволит прекратить. (*Старшая сестра никак не реагирует.*) Мне надо его допросить.

Старшая медсестра. Ничего не выйдет.

Инспектор. Это почему же?

Старшая медсестра. С медицинской точки зрения это недопустимо. Господину Эрнести в данный момент необходимо играть на скрипке.

Инспектор. Но ведь этот тип задушил медсестру!

Старшая медсестра. Господин инспектор. Речь идет не о каком-то там типе, а о больном человеке, которому надо успокоиться. А поскольку он считает себя Эйнштейном, он успокаивается, только когда играет на скрипке.

Инспектор. Может, это я рехнулся?

Старшая медсестра. Да нет.

Инспектор. От всего этого ум заходит за разум. (*Вытирает пот.*) Ну и жара здесь!

Старшая медсестра. Что вы, ничего подобного.

Инспектор. Сестра Марта, пожалуйста, попросите сюда главного врача.

Старшая медсестра. Из этого тоже ничего не выйдет. Фройляйн доктор аккомпанирует Эйнштейну на фортепьяно. Эйнштейн успокаивается, только если фройляйн доктор ему аккомпанирует.

Инспектор. А три месяца назад фройляйн доктор должна была играть с Ньютоном в шахматы, чтобы он успокоился. Нет, сестра Марта, во второй раз я на это не соглашусь. Мне совершенно необходимо поговорить с главным врачом.

Старшая медсестра. Пожалуйста. Но тогда вам придется подождать.

Инспектор. Сколько времени будет продолжаться это пиликанье?

Старшая медсестра. Четверть часа или целый час. Как когда.

Инспектор (*с трудом сдерживаясь*). Ну что ж. Я подожду. (*Взрывается и орет.*) Я подожду!

Блохер. У нас все готово, господин инспектор.

Инспектор (*бормочет себе под нос*). Я, кажется, тоже уже готов... (*Пауза. Инспектор вытирает пот со лба.*) Можете выносить труп.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Старшая медсестра. Я покажу вам, как пройти через парк в часовню.

Она открывает двустворчатую дверь. Труп выносят. Потом убирают все инструменты, которыми пользовались

полицейские. Инспектор снимает шляпу, устало опускается в кресло слева от дивана. Все еще слышна игра на скрипке под аккомпанемент на фортепьяно.

Из комнаты номер 3 выходит Герберт Георг Бойтлер в костюме начала XVIII века и парике.

Ньютон. Сэр Исаак Ньютон.

Инспектор. Инспектор уголовной полиции Рихард Фосс. (*Продолжает сидеть.*)

Ньютон. Я рад. Весьма рад. В самом деле. Я слышал какую-то возню, стоны, хрипы, потом какие-то люди то входили, то выходили. Разрешите узнать, что здесь происходит?

Инспектор. Задушили медсестру Ирену Штрауб.

Ньютон. Чемпионку страны по дзюдо?

Инспектор. Вот именно — чемпионку.

Ньютон. Но это же ужасно.

Инспектор. Ее задушил Эрнст Генрих Эрнести.

Ньютон. Но ведь он играет на скрипке.

Инспектор. Ему нужно успокоиться.

Ньютон. Видимо, борьба с ней его очень утомила. Ведь он довольно хилого телосложения. А чем он ее?..

Инспектор. Шнуром от торшера.

Ньютон. Шнуром от торшера?.. Что ж, можно и так. Ох уж этот Эрнести! Мне его жаль. В высшей степени жаль. Но и чемпионку по дзюдо тоже жалко. Разрешите? Мне нужно тут немного прибрать.

Инспектор. Пожалуйста. Протокол уже составлен.

Ньютон ставит на место стол, затем стулья.

Ньютон. Не выношу беспорядка. Я и физиком-то стал только из любви к порядку. (*Поднимает торшер.*) Чтобы мнимый беспорядок в природе объяснить высшим порядком. (*Закуривает сигарету.*) Вам не мешает, что я курю?

Инспектор (*радостно*). Наоборот! Я... (*Хочет достать сигару.*)

Ньютон. Извините, но мы как раз говорили о порядке: здесь разрешается курить только пациентам. Если станут курить и посетители, вся гостиная пропахнет дымом.

Инспектор. Понятно. (*Прячет портсигар в карман.*)

Ньютон. Вы не против, если я выпью рюмочку коньяку?

Инспектор. Отнюдь.

Ньютон достает из-за каминной решетки бутылку коньяку и рюмку.

Ньютон. Ох уж этот Эрнести! Никак не могу прийти в себя. Как может человек взять и удушить свою сиделку!

Садится на диван и наливает себе коньяку.

Инспектор. Но и вы ведь задушили свою сиделку.

Ньютон. Я?

Инспектор. Медсестру Доротею Мозер.

Ньютон. Ту, что занималась борьбой в спортивном клубе?

Инспектор. Ну да, двенадцатого августа. Шнуром от портьеры.

Ньютон. Но это же совсем другое дело, господин инспектор. Ведь я-то не сумасшедший. За ваше здоровье!

Инспектор. И за ваше!

Ньютон пьет.

Ньютон. Медсестра Доротея Мозер. Помню-помню. Блондинка. Необычайно сильная. И какая гибкая, несмотря на полноту! Она любила меня, и я любил ее. Эту дилемму можно было решить только с помощью шнура от портьеры.

Инспектор. Где же здесь дилемма?

Ньютон. Моя задача — думать о всемирном тяготении, а вовсе не любить женщину.

Инспектор. Понял.

Ньютон. К тому же — между нами огромная разница в возрасте.

Инспектор. Это уж само собой. Вам ведь наверняка давно перевалило за двести.

Ньютон (*удивленно уставясь на него*). Как это?

Инспектор. Ну, Ньютон-то... Известное дело...

Ньютон. Да вы что, господин инспектор, слегка тронутый или только делаете вид?

Инспектор. Послушайте...

Ньютон. Вы в самом деле верите, что я — Ньютон?

Инспектор. Но вот вы же — верите.

Ньютон (*тревожно оглядываясь*). Могу я доверить вам тайну, господин инспектор?

Инспектор. Разумеется.

Ньютон. Я вовсе не сэр Исаак. Я только выдаю себя за Ньютона.

Инспектор. А зачем?

Ньютон. Чтобы не смущать Эрнести.

Инспектор. Ничего не понимаю.

Ньютон. В отличие от меня Эрнести действительно болен. Воображает, будто он — Альберт Эйнштейн.

Инспектор. При чем здесь вы?

Ньютон. Если бы Эрнести узнал, что на самом деле Эйнштейн — это я, он бы взбесился так, что небу стало жарко.

Инспектор. То есть вы хотите сказать...

Ньютон. Вот именно. Знаменитый физик и создатель теории относительности — это я. Я родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме.

Инспектор (*поднимаясь в легкой растерянности*). Очень рад.

Ньютон (*тоже встает*). Называйте меня просто Альбертом.

Инспектор. А вы меня — Рихардом.

Пожимают друг другу руки.

Ньютон. Могу вас заверить, что я исполнил бы «Крейцерову сонату» гораздо темпераментнее, чем это делает сейчас Эрнст Генрих Эрнести. Анданте звучит у него прямо-таки варварски.

Инспектор. Я ничего не понимаю в музыке.

Ньютон. Давайте присядем. (*Усаживает инспектора на диван и обнимает его за плечи.*) Рихард!

Инспектор. Да, Альберт?

Ньютон. Вам, наверное, очень досадно, что вы не можете меня арестовать?

Инспектор. Ну что вы, Альберт...

Ньютон. А за что вам хочется меня арестовать — за то, что я задушил медсестру, или за то, что я подготовил почву для создания атомной бомбы?

Инспектор. Ну что вы, Альберт...

Ньютон. Рихард, если вы повернете вон тот выключатель возле двери, что произойдет?

Инспектор. Зажжется свет.

Ньютон. Другими словами, вы замкнете электрическую цепь. Вы что-нибудь смыслите в электричестве, Рихард?

Инспектор. Я ведь не физик.

Ньютон. Я тоже мало что понимаю в этом. И только на основе наблюдений над природными явлениями создаю некую теорию природы электричества. Эту теорию я излагаю на языке математики и получаю несколько формул. Затем за дело берутся технари. Этим только формулы и нужны. Они обращаются с электричеством, как сутенер с проституткой. Они его используют. Они создают механизмы, но механизмы могут функционировать только тогда, когда они не зависят от научного открытия, которое привело к их изобретению. Вот почему нынче любой остолоп может зажечь электрическую лампочку — или взорвать атомную бомбу. (*Похлопывает инспектора по плечу.*) И вы хотите меня за это арестовать, Рихард? Это несправедливо.

Инспектор. Я вовсе не собираюсь вас арестовывать, Альберт.

Ньютон. Только потому, что считаете меня сумасшедшим. Но тогда почему же вы решаетесь включать свет, хотя ничего не понимаете в электричестве? И если кто-то из нас двоих преступник, то это вы, Рихард. А теперь мне пора припрятать мой коньяк, не то старшая медсестра Марта Болль поднимет скандал. (*Ньютон прячет бутылку за каминную решетку, оставляя на столе рюмку.*) Прощайте.

Инспектор. Прощайте, Альберт.

Ньютон. Вам бы следовало арестовать самого себя, Рихард! (*Вновь скрывается за дверью комнаты номер 3.*)

Инспектор. Ну уж теперь-то я закурю. (*Решительно достает сигару, раскуривает ее и затягивается.*)

Из двери в сад входит Блохер.

Блохер. Мы готовы ехать, господин инспектор.

Инспектор (*топнув ногой*). А я жду! Главного врача!

Блохер. Понял, господин инспектор.

Инспектор (*берет себя в руки, ворчливо*). Бери людей и возвращайся в город, Блохер. Я скоро приеду.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор. (*Уходит.*)

Инспектор молча курит, окутываясь клубами дыма, потом встает, сердито расхаживает по гостиной,

останавливается перед портретом, висящим над камином, и разглядывает его. Звуков скрипки и фортепьяно уже не слышно. Дверь комнаты номер 2 открывается, из нее выходит доктор Матильда фон Цанд — горбунья лет пятидесяти пяти, в белом халате и со стетоскопом.

Доктор. Это мой отец, тайный советник Август фон Цанд. Он жил на этой вилле, пока я не превратила ее в санаторий. Великий был человек, настоящий праведник. Я — его единственная дочь. Он ненавидел меня всеми фибрами души, он вообще всех ненавидел. Видимо, у него были на то основания — ведь перед крупными дельцами открываются такие темные пропасти человеческой души, которые для нас, психиатров, навсегда закрыты. Уж такие мы, психиатры, безнадежные романтики и филантропы.

Инспектор. Три месяца назад здесь висел другой портрет.

Доктор. То был портрет моего дяди. Он был политическим деятелем и премьер-министром. Иоахим фон Цанд. (*Кладет ноты на столик перед диваном.*) Ну вот, Эрнести успокоился. Лег в постель и уснул. Как беззаботное дитя. И я могу наконец свободно вздохнуть. А уже боялась, что он примется играть еще и Третью сонату Брамса. (*Садится в кресло слева от дивана.*)

Инспектор. Извините меня, фройляйн доктор фон Цанд, за то, что я здесь курю вопреки запрету, но...

Доктор. Курите, курите, инспектор. Мне и самой сейчас необходимо выкурить сигарету, что бы там ни говорила сестра Марта. Дайте мне огня.

Инспектор дает ей прикурить.

(*Курит.*) Чудовищно. Бедная сестра Ирена. Чистейшая юная душа. (*Замечает на столе рюмку.*) Здесь был Ньютон?

Инспектор. Имел удовольствие познакомиться.

Доктор. Лучше я уберу эту рюмку.

Инспектор, опередив ее, прячет рюмку за каминную решетку.

Чтобы не сердить старшую медсестру.

Инспектор. Я понял.

Доктор. Вы побеседовали с Ньютоном?

Инспектор. Да, и узнал кое-что новое. (*Садится на диван.*)

Доктор. Поздравляю.

Инспектор. Ньютон на самом деле считает себя Эйнштейном.

Доктор. Это он рассказывает всем и каждому. Но в действительности он все же считает себя Ньютоном.

Инспектор (*растерянно*). Вы уверены?

Доктор. Кем считают себя мои пациенты, решаю я. Я знаю их намного лучше, чем они сами.

Инспектор. Возможно. Но тогда вы должны нам помочь, фройляйн доктор. Власти требуют ясности.

Доктор. Прокурор?

Инспектор. Вне себя от бешенства.

Доктор. Мне нет до него дела, Фосс.

Инспектор. Как-никак два убийства...

Доктор. Прошу вас, инспектор.

Инспектор. Ну два несчастных случая. В течение трех месяцев. Вы должны признать, что в вашем заведении не приняты достаточные меры безопасности.

Доктор. А как вы представляете себе эти меры, инспектор? У меня лечебное учреждение, а не тюрьма. В конце концов вы ведь и сами не можете арестовать убийцу, пока он не убьет.

Инспектор. Но речь идет не об убийцах, а о сумасшедших, а они могут убить в любой момент.

Доктор. Здоровые люди тоже могут, причем значительно чаще. Стоит только вспомнить моего деда Леонида фон Цанда, генерал-фельдмаршала, и проигранную им войну. В каком веке мы с вами живем? Разве медицина не добилась успехов? Разве в нашем распоряжении нет новых лекарств и препаратов, превращающих буйно помешанных в кротких овечек? Неужели нам опять запирать своих больных в одиночные камеры, да еще и связывать их по рукам и ногам? Как будто мы не умеем отличать опасных пациентов от безопасных.

Инспектор. Однако это умение отказало вам в случаях с Бойтлером и Эрнести.

Доктор. К сожалению. Это меня и беспокоит, а вовсе не ваш рассвирепевший прокурор.

Из комнаты номер 2 выходит Эйнштейн со скрипкой в руках. Он худощав, носит усы, седые длинные волосы ниспадают на плечи.

Эйнштейн. Ну вот, я проснулся.

Доктор. Однако, профессор...
Эйнштейн. Я хорошо играл?
Доктор. Великолепно, профессор.
Эйнштейн. А медсестра Ирена Штрауб...
Доктор. Не надо об этом думать, профессор.
Эйнштейн. Тогда я, пожалуй, посплю еще.
Доктор. Вот и прекрасно, профессор!

Эйнштейн возвращается в свою комнату.
Инспектор вскакивает.

Инспектор. Так это он!
Доктор. Да, это Эрнст Генрих Эрнести.
Инспектор. Тот, кто убил...
Доктор. Прошу вас, инспектор.
Инспектор. Ну, тот кто это сделал и кто считает себя Эйнштейном. Когда он к вам поступил?
Доктор. Два года назад.
Инспектор. А Ньютон?
Доктор. Год назад. Оба неизлечимы. Видите ли, Фосс, я в своем деле, славу Богу, не новичок, это известно и вам и прокурору тоже, он всегда уважал мои диагнозы. Мой санаторий известен во всем мире, и плату я беру соответствующую. Ошибок я просто не могу себе позволить, тем более происшествий, после которых здесь появляется полиция. И если тут есть чья-то вина, то это вина медицины, а не моя. Эти несчастные случаи невозможно было предусмотреть, точно так же можно ожидать от меня или от вас, что мы задушим сиделку. Медицина не дает объяснений для таких случаев. Разве что... (*Берет новую сигарету.*)

Инспектор дает ей прикурить.

Инспектор, вы не замечаете ничего странного?
Инспектор. В чем именно?
Доктор. В этих двух пациентах.
Инспектор. А что такое?
Доктор. Оба они физики. Ядерщики.
Инспектор. Ну и что?
Доктор. Инспектор, вы и в самом деле не обладаете особой проницательностью.
Инспектор (*напряженно думает*). Фройляйн доктор...
Доктор. Да, Фосс?

Инспектор. И вы полагаете?..

Доктор. Оба исследовали радиоактивные вещества.

Инспектор. И вы подозреваете здесь какую-то связь?

Доктор. Я только констатирую, вот и все. Оба помешались, у обоих болезнь прогрессирует, оба становятся опасными для окружающих, и оба задушили своих сиделок.

Инспектор. Вы думаете, что психические заболевания могут быть следствием радиоактивного облучения?

Доктор. К сожалению, я вынуждена учитывать такую возможность.

Инспектор (*оглядывается*). Куда ведет эта дверь?

Доктор. В переднюю, в зеленую гостиную, на верхний этаж.

Инспектор. Сколько пациентов все еще находятся здесь?

Доктор. Трое.

Инспектор. Только трое?

Доктор. Всех остальных сразу же после первого несчастного случая перевели в новое здание. К счастью, мне удалось вовремя закончить его постройку. Деньгами помогли богатые пациенты и мои родственники. Тем, что поумирали один за другим. В основном тут. И я оказалась единственной наследницей. Судьба, Фосс. Я всегда оказываюсь единственной наследницей. Род у нас такой древний, что можно считать почти что медицинским чудом сравнительно благополучное состояние моего здоровья, — я имею в виду, конечно, свою психику.

Инспектор (*размышляет*). А кто третий пациент?

Доктор. Тоже физик.

Инспектор. Очень странно. Вам не кажется?

Доктор. Ничуть. Ведь я сама размещаю своих пациентов. Писателей с писателями, промышленников с промышленниками, миллионерш с миллионершами и физиков с физиками.

Инспектор. Как его зовут?

Доктор. Иоганн Вильгельм Мёбиус.

Инспектор. Он тоже работал с радиоактивными веществами?

Доктор. Нет.

Инспектор. А он не может...

Доктор. Он здесь уже пятнадцать лет, все в том же состоянии, совершенно безобиден.

Инспектор. Однако прокурор категорически требует, чтобы к вашим физикам были приставлены санитары-мужчины. Вам этого не избежать.

Доктор. Пусть так и будет.

Инспектор (*берет в руки шляпу*). Прекрасно, я рад, что вы это понимаете. Мне уже дважды довелось побывать в «Вишневом саду», фройляйн доктор фон Цанд. И я надеюсь, что больше не придется. (*Надевает шляпу, выходит через левую дверь на террасу и удаляется через парк.*)

Доктор Матильда фон Цанд задумчиво смотрит ему вслед. Справа появляется старшая медсестра с историей болезни в руках.

Старшая медсестра (*принюхивается, затем возмущенно*). Прошу вас, фройляйн доктор!

Доктор. О! Извините. (*Гасит сигарету.*) Поставлены ли носилки с телом Ирены Штрауб на возвышение?

Старшая медсестра. Да, под органом.

Доктор. Поставьте вокруг свечи и возложите венки.

Старшая медсестра. Я уже позвонила в цветочный магазин.

Доктор. Как себя чувствует тетя Зента?

Старшая медсестра. Слишком возбуждена.

Доктор. Удвойте дозу. А кузен Ульрих?

Старшая медсестра. Без перемен.

Доктор. Вот что я должна вам сообщить, Марта Болль. К сожалению, мне придется нарушить одну из традиций «Вишневого сада». До сих пор я нанимала для ухода за больными только сиделок, завтра медсестер на вилле сменят санитары.

Старшая медсестра. Фройляйн доктор, предупреждаю вас, что никому не уступлю моих трех физиков. Они — самые интересные больные в моей медицинской практике.

Доктор. Мое решение — окончательное.

Старшая медсестра. Интересно, где вы раздобудете санитаров. При нынешней нехватке рабочей силы.

Доктор. Это уж моя забота. Жена Мёбиуса пришла?

Старшая медсестра. Она ждет в зеленой гостиной.

Доктор. Пригласите ее сюда.

Старшая медсестра. Вот история болезни Мёбиуса.

Доктор. Спасибо.

Старшая медсестра (*передает ей историю болезни и направляется к двери справа, но у двери оборачивается*). Однако...

Доктор. Прошу вас, старшая медсестра Марта, прошу вас... (*Старшая сестра уходит. Доктор фон Цанд кладет историю болезни на круглый стол и читает ее. Старшая медсестра вводит Лину Розе и трех мальчиков, четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет. В руках у старшего портфель. Шествие замыкает миссионер Розе. Доктор встает с кресла.*) Дорогая моя госпожа Мёбиус...

Лина Розе. Теперь я ношу фамилию Розе. Я жена миссионера Розе. Вероятно, я вас неприятно удивлю, фройляйн доктор, но три недели назад я вышла замуж за миссионера Розе. Может быть, это поспешный шаг, ведь мы познакомились только в сентябре на одной конференции. (*Она краснеет и несколько смущенно кивает в сторону своего нового мужа.*) Оскар овдовел.

Доктор (*пожимает ей руку*). Поздравляю, госпожа Розе, от души поздравляю. И вас также, господин миссионер. Желаю вам счастья. (*Приветливо кивает ему.*)

Лина Розе. Значит, вы одобряете наш поступок?

Доктор. Ну конечно же, госпожа Розе. Жизнь должна идти своим чередом.

Миссионер Розе. Какая здесь тишина! И какой покой вокруг. В этом доме царит воистину божественный мир. Как сказано в одном из псалмов: Господь внемлет сирым и не отворачивается от узников.

Лина Розе. Оскар — прекрасный проповедник, фройляйн доктор. (*Краснеет.*) А это мои мальчики.

Доктор. Здравствуйте, мальчики.

Трое мальчиков. Здравствуйте, доктор!

Младший поднимает что-то с пола.

Йорг-Лукас. Это шнур от лампы, фройляйн доктор. Он лежал на полу.

Доктор. Спасибо, мой мальчик. У вас чудесные мальчики, госпожа Розе. Вы можете с радостью смотреть в будущее.

Лина Розе садится на диван справа, доктор — к столу слева. Позади дивана стоят трое мальчиков, в кресло справа опускается миссионер Розе.

Лина Розе. Фройляйн доктор, я не случайно привела с собой своих мальчиков. Оскар согласился возглавить миссию на Марианских островах.

Миссионер Розе. В Тихом океане.

Лина Розе. И я сочла своей обязанностью перед отъездом познакомить мальчиков с их отцом. Они увидятся в первый и последний раз. Ведь когда отец заболел, они были слишком малы, а теперь им придется попрощаться с ним, и, вероятно, навеки.

Доктор. Госпожа Розе, с медицинской точки зрения целесообразность этой встречи может вызвать некоторые сомнения, но чисто по-человечески я понимаю ваше желание и охотно разрешаю вам эту встречу.

Лина Розе. Как поживает мой дорогой Иоганн Вильгельм?

Доктор (*листая историю болезни*). Состояние нашего милого Мёбиуса не ухудшилось и не улучшилось, госпожа Розе. Он замкнулся в своем воображаемом мире.

Лина Розе. И по-прежнему уверяет, будто ему является царь Соломон?

Доктор. Да, по-прежнему.

Миссионер Розе. Какое злосчастное и пагубное заблуждение.

Доктор. Строгость вашего суждения меня несколько удивляет, господин Розе. Как духовное лицо, вы все же должны считаться с возможностью чуда.

Миссионер Розе. Само собой разумеется — но не при психическом заболевании.

Доктор. Реальны или нет видения, посещающие душевнобольных, не дано судить психиатрии, дорогой господин миссионер. Нас заботит только состояние психики и нервов больного, и с этим у нашего милого Мёбиуса дела обстоят достаточно плохо, хотя болезнь и протекает вяло. Как ему помочь? О Господи! Признаю, что вероятно уместен был бы курс инсулина, но поскольку все остальные способы лечения не дали никакого результата, я решила отказаться и от этого. Увы, госпожа Розе, я не волшебница и не могу вернуть здоровье нашему милому Мёбиусу, но мучить его я тоже не хочу.

Лина Розе. Знает ли он, что я... Я хочу сказать — знает ли он о нашем разводе?

Доктор. Да, я ему сообщила.

Лина Розе. И он понял?

Доктор. Его теперь почти не интересует то, что происходит в мире.

Лина Розе. Фройляйн доктор, поймите меня правильно. Я познакомилась с ним в доме моего отца, когда он пятнадцатилетним гимназистом снимал у нас каморку на чердаке. Он был сиротой и беден, как церковная мышь. Я дала ему возможность сдать на аттестат зрелости и поступить на физический факультет университета. Мы поженились в тот день, когда ему исполнилось двадцать. Против воли моих родителей. Мы с ним трудились день и ночь. Он писал свою диссертацию, а я поступила на службу в транспортную контору. Четыре года спустя на свет появился наш старшенький, Адольф-Фридрих, потом и два других сына. Наконец появилась надежда получить профессуру и немного передохнуть, но тут Иоганн Вильгельм заболел, и его болезнь поглотила огромные средства. Чтобы прокормить семью, я поступила работать на шоколадную фабрику. К Тоблеру. (*Украдкой смахивает слезу.*) Всю жизнь я надрывалась как могла.

Все взволнованы.

Доктор. Госпожа Розе, вы — мужественная женщина!

Миссионер Розе. И хорошая мать.

Лина Розе. Фройляйн доктор, до сих пор я оплачивала содержание Иоганна Вильгельма в вашей лечебнице. Хотя это было мне совсем не по средствам, но Господь всегда приходил мне на помощь. Однако сейчас мои финансовые возможности исчерпаны. И я не смогу собрать необходимую сумму.

Доктор. Вполне понятно, госпожа Розе.

Лина Розе. Боюсь, вы подумали, будто я вышла за Оскара только для того, чтобы избавиться от забот об Иоганне Вильгельме. Но это не так, фройляйн доктор. Теперь мне стало еще труднее. С Оскаром в нашу семью приходят шестеро его сыновей.

Доктор. Шестеро?

Миссионер Розе. Шестеро.

Лина Розе. Оскар такой любящий отец. И теперь придется кормить девятерых детей, при том что Оскар отнюдь не двужильный, а жалованье у него нищенское. (*Плачет.*)

Доктор. Не надо, госпожа Розе, не надо. Не плачьте.

Лина Розе. Я так кляну себя за то, что бросила моего бедного Иоганна Вильгельма на произвол судьбы.

Доктор. Госпожа Розе! Вам незачем так убиваться.

Лина Розе. Его теперь наверняка придется перевести в казенную лечебницу.

Доктор. Отнюдь. Наш милый Мёбиус останется на вилле. Даю вам честное слово. Он привык быть здесь и нашел милых, приятных коллег. Не изверг же я, в конце концов!

Лина Розе. Вы так добры ко мне, фройляйн доктор

Доктор. Ничего подобного, госпожа Розе, ничего подобного. Просто на свете существуют разные фонды. К примеру, фонд Оппеля для больных ученых, фонд доктора Штайнемана. Деньги просто валяются под ногами, и мой врачебный долг позаботиться о том, чтобы кое-что перепало вашему Иоганну Вильгельму. Так что вы можете отправляться на Марианские острова со спокойной совестью. Однако пора уже пригласить сюда нашего милого Мёбиуса. (*Идет в глубину сцены и открывает дверь в комнату номер 1.*)

Лина Розе в волнении вскакивает с места.

Дорогой Мёбиус, к вам пришли гости. Оставьте келью ученого затворника и выйдите к ним.

Из комнаты номер 1 выходит Иоганн Вильгельм Мёбиус, немного неуклюжий мужчина лет сорока. Он робко обводит взглядом комнату, замечает Лину Розе, потом мальчиков и наконец миссионера Розе, долго смотрит на них непонимающим взглядом и молчит.

Лина Розе. Иоганн Вильгельм!

Мальчики (*хором*). Папа!

Мёбиус молчит.

Доктор. Мой милый Мёбиус, надеюсь, вы все-таки узнали вашу супругу.

Мёбиус (*уставясь на Лину Розе*). Лина?

Доктор. Картина мало-помалу проясняется, Мёбиус. Конечно же, это ваша жена.

Мёбиус. Здравствуй, Лина.

Лина Розе. Иоганн Вильгельм, дорогой, любимый мой Иоганн Вильгельм!

Доктор. Ну вот. С этим мы справились. Господа, если захотите еще немного со мной побеседовать, я к вашим услугам. Найдете меня в новом здании. (*Уходит в левую дверь*).

Лина Розе. Это твои сыновья, Иоганн Вильгельм.

Мёбиус (*растерянно*). Трое?

Лина Розе. Ну конечно же трое, Иоганн Вильгельм. (*Подталкивает мальчиков к нему.*) Адольф-Фридрих, твой старший сын.

Мёбиус пожимает ему руку.

Мёбиус. Очень рад, Адольф-Фридрих, мой старший сын.

Адольф-Фридрих. Здравствуй, папочка.

Мёбиус. Сколько тебе лет, Адольф-Фридрих?

Адольф-Фридрих. Шестнадцать, папочка.

Мёбиус. И кем ты хочешь стать?

Адольф-Фридрих. Священником, папочка.

Мёбиус. Я вспомнил. Как-то раз я вел тебя за руку по площади Святого Иосифа. Солнце пекло, и тени были резко прочерчены. (*Поворачивается ко второму сыну.*) А ты... Как тебя зовут?

Вильфрид-Каспар. Меня зовут Вильфрид-Каспар, папочка.

Мёбиус. Тебе четырнадцать?

Вильфрид-Каспар. Пятнадцать. Я хотел бы изучать философию.

Мёбиус. Философию?

Лина Розе. Он необыкновенно развитой мальчик.

Вильфрид-Каспар. Я читал Шопенгауэра и Ницше.

Лина Розе. А вот и наш младшенький, Йорг-Лукас. Ему четырнадцать.

Йорг-Лукас. Здравствуй, папочка.

Мёбиус. Здравствуй, Йорг-Лукас, мой младшенький.

Лина Розе. Он больше всех на тебя похож.

Йорг-Лукас. Я хочу стать физиком, папочка.

Мёбиус (*испуганно глядя на младшего сына*). Физиком?

Йорг-Лукас. Да, папочка.

Мёбиус. Этого не следует делать, Йорг-Лукас. Ни в коем случае. Выбрось это из головы. Я... я тебе запрещаю.

Йорг-Лукас (*растерянно*). Но ведь ты и сам стал физиком, папочка.

Мёбиус. Мне тоже не следовало этого делать. Ни в коем случае. Я не сидел бы теперь в сумасшедшем доме.

Лина Розе. Что ты говоришь, Иоганн Вильгельм! Ты заблуждаешься. Ты живешь в санатории, а не в сумасшедшем доме. У тебя расстроены нервы, только и всего.

Мёбиус (*качает головой*). Нет, Лина. Меня считают помешанным. Все. И ты тоже. И мои мальчики. Потому что мне является царь Соломон.

Все смущенно молчат. Лина Розе решается представить Мёбиусу миссионера.

Лина Розе. Я хочу представить тебе Оскара Розе. Этой мой муж. Он миссионер.

Мёбиус. Твой муж? Но ведь твой муж я!

Лина Розе. Уже нет. (*Краснеет.*) Ведь мы развелись.

Мёбиус. Мы развелись?

Лина Розе. Ты же об этом знаешь.

Мёбиус. Нет.

Лина Розе. Фройляйн доктор Цанд тебе сообщила. Это точно.

Мёбиус. Возможно.

Лина Розе. И потом я вышла замуж за Оскара. У него шестеро сыновей. Он был пастором в Гутаннах, а теперь получил место на Марианских островах.

Миссионер Розе. Это в Тихом океане.

Лина Розе. Послезавтра мы садимся на пароход в Бремене.

Мёбиус молчит. Все растеряны.

Да. Вот как обстоят дела.

Мёбиус (*приветливо кивает миссионеру*). Рад был познакомиться с новым отцом моих мальчиков, господин миссионер.

Миссионер Розе. Я полюбил их всем сердцем, господин Мёбиус, всех троих. Господь поможет нам, ибо в псалме сказано: Господь пастырь мой, и не будет мне ни в чем нужды.

Лина Розе. Оскар знает все псалмы наизусть. И псалмы Давида, и псалмы Соломона.

Мёбиус. Я рад, что мои мальчики обрели столь достойного отца. Я был плохим отцом.

Лина Розе. Что ты такое говоришь, дорогой!
Мёбиус. Поздравляю от всей души!
Лина Розе. Нам уже пора.
Мёбиус. На Марианские острова.
Лина Розе. Пора прощаться.
Мёбиус. Навсегда.
Лина Розе. Твои мальчики необычайно музыкальны, Иоганн Вильгельм. Они так прелестно играют на флейте. Сыграйте папочке что-нибудь на прощанье, мои дорогие.
Мальчики. Хорошо, мамочка.

Адольф-Фридрих открывает портфель, вынимает флейты и раздает братьям.

Лина Розе. Присядь, мой милый.

Мёбиус садится за круглый стол. Лина Розе и миссионер Розе опускаются на диван. Мальчики становятся в ряд посреди гостиной.

Йорг-Лукас. Что-нибудь из Букстехуде*.
Адольф-Фридрих. Раз, два, три!

Мальчики играют на флейтах.

Лина Розе. Больше чувства, мальчики, задушевнее!

Мальчики играют задушевнее. Мёбиус вскакивает.

Мёбиус. Не надо! Прошу вас, не надо!

Мальчики растерянно прекращают игру.

Не надо больше играть. Прошу вас. Ради царя Соломона. Больше не играйте.
Лина Розе. Как же так, Иоганн Вильгельм! Отчего же.
Мёбиус. Пожалуйста, больше не играйте. Пожалуйста, больше не играйте. Пожалуйста, пожалуйста.
Миссионер Розе. Господин Мёбиус, именно царь Соломон порадовался бы игре этих невинных детей. Подумайте сами: ведь царь Соломон — автор псалмов, творец Песни песней.
Мёбиус. Господин миссионер. Я знаю Соломона в лицо. Он больше не тот великий царь в золотых одеждах, что воспевал Суламифь и юных косулей, пасущихся среди роз, он сбросил с плеч пурпурную мантию... (*Внезапно бросается мимо своего перепуганного семейства к двери в*

свою комнату и распахивает ее.) Нагой и вонючий, сидит он, скорчившись, в моей комнате, этот бедный владыка Истины, и псалмы его ужасны. Слушайте внимательно, господин миссионер, ведь вы так любите псалмы и знаете их все наизусть. Выучим-ка еще и этот. (*Подходит к круглому столу, переворачивает его вверх ножками, забирается в середину и усаживается там.*) Псалом царя Соломона для исполнения астронавтами.

Мы рванули в космос.
К лунным пустыням.
И погрузились в их пыль.
Без звука подохли
Уже там многие. Но большинство
Сварилось в свинцовых парах Меркурия
И растворилось в масляных пятнах Венеры,
И даже на Марсе нас пожирало Солнце —
Громоподобное, радиоактивное, желтое.

Мёбиус.

Юпитер, этот шар густой метановой каши,
Смердел на всю Вселенную
И так давил на нас своей мощью,
Что мы облевали весь Ганимед.

Миссионер Розе. Послушайте, господин Мёбиус...
Мёбиус.

Сатурн мы осыпали бранью,
А что потом — не стоит и вспоминать:
Уран, Нептун — сплошь
Серовато-зеленые льдышки,
На Плутон и Трансплутон полетели
Последние сальные шутки.

Мальчики. Папочка...
Мёбиус.

А мы уж давно перепутали
С Солнцем Сириус,
А Сириус — с Канопусом.
Отверженные, мы мчались вверх к глубинам глубин,
К неведомым, раскаленным добела звездам,
Не надеясь их в жизни достичь...

Лина Розе. Боже мой, Иоганн Вильгельм, дорогой!

Мёбиус.

Мы давно уже стали мумиями,
Покрытыми коростой нечистот.

Справа появляется старшая медсестра вместе с сестрой Моникой.

Старшая медсестра. Бог с вами, господин Мёбиус.

Мёбиус.

И на наших мертвых застывших рожах
Нет и тени воспоминания о живой дышащей Земле.

Он сидит неподвижно с застывшим, как маска, лицом между ножками перевернутого стола.

Лина Розе. Но дорогой мой Иоганн Вильгельм...

Мёбиус. Убирайтесь наконец на свои Марианские острова!

Мальчики. Папочка...

Мёбиус. Вон! И поскорее! На Марианские острова! (*Встает с угрожающим видом.*)

Семейство Розе в полном смятении.

Старшая медсестра. Пойдемте, госпожа Розе, и вы, мальчики, пойдемте, господин миссионер. Ему нужно успокоиться, вот и все.

Мёбиус. Вон! Убирайтесь все!

Старшая медсестра. Небольшой приступ. Сестра Моника побудет с ним и успокоит его. Всего лишь небольшой приступ.

Мёбиус. Выметайтесь же! И навсегда! На Тихий океан!

Йорг-Лукас. Прощай, папочка! Прощай!

Старшая медсестра уводит перепуганное, плачущее семейство в дверь справа.

Мёбиус (*кричит им вслед*). Не хочу вас больше видеть! Вы оскорбили царя Соломона! Будьте прокляты! Провалитесь вместе со своими островами в Марианский желоб на глубину в одиннадцать тысяч метров! И пропадите пропадом в самой черной дыре океана, забытые Богом и людьми!

Медсестра Моника. Мы с вами одни. Ваши родные вас уже не слышат

Мёбиус удивленно сверлит взглядом Монику, наконец приходит в себя.

Мёбиус. Ах так, ну да, конечно. (*Моника молчит. Он немного смущен.*) Я и впрямь порядком вышел из себя?

Медсестра Моника. Да уж.

Мёбиус. Я не мог не сказать им правду.

Медсестра Моника. Видимо, так.

Мёбиус. И разволновался.

Медсестра Моника. Вы только делали вид.

Мёбиус. Вы видите меня насквозь?

Медсестра Моника. Но ведь вы уже два года на моем попечении.

Мёбиус (*расхаживает по комнате, затем останавливается*). Хорошо. Признаюсь. Я строил из себя сумасшедшего.

Медсестра Моника. Зачем?

Мёбиус. Чтобы навсегда распрощаться с женой и сыновьями. Навсегда.

Медсестра Моника. Таким ужасным способом?

Мёбиус. Таким гуманным способом. Если уж сидишь в сумасшедшем доме, то с прошлым лучше всего покончить, изобразив безумие. Теперь мои родные могут забыть обо мне с чистой совестью. Моя выходка навсегда отобьет у них охоту меня навещать. Как это отзовется на мне лично, не имеет значения, важна только жизнь за стенами этого дома. Изображать сумасшествие стоит громадных денег. И моя добрая Лина целых пятнадцать лет платила за меня совершенно немыслимые суммы, пора было положить этому конец. Да и момент оказался на редкость благоприятным. Царь Соломон открыл мне все, что должен был открыть, система всех возможных открытий завершена, последние страницы продиктованы, а тут и жена моя нашла себе нового мужа, благопристойнейшего миссионера Розе. Так что вы можете успокоиться, сестра Моника, теперь со мной все в порядке. (*Хочет уйти.*)

Медсестра Моника. Вы действуете вполне обдуманно.

Мёбиус. Я же физик. (*Направляется к своей комнате.*)

Медсестра Моника. Господин Мёбиус!

Мёбиус (*останавливается*). Да, сестра Моника?

Медсестра Моника. Мне нужно с вами поговорить.

Мёбиус. Пожалуйста.

Медсестра Моника. Это касается нас обоих.

Мёбиус. Давайте присядем.

Они садятся: она — на диван, он — в кресло слева.

Медсестра Моника. Мы с вами тоже должны попрощаться. И тоже навсегда.

Мёбиус (*испуганно*). Вы меня покидаете?

Медсестра Моника. Таков приказ.

Мёбиус. А что случилось?

Медсестра Моника. Меня переводят в главный корпус. Уже завтра здесь будут дежурить санитары-мужчины. Медсестрам вход сюда будет запрещен.

Мёбиус. Из-за Ньютона и Эйнштейна?

Медсестра Моника. Этого потребовал прокурор. А главный врач побоялась неприятностей и уступила.

Молчание.

Мёбиус (*грустно*). Сестра Моника, я страшно удручен. Я разучился выражать свои чувства, профессиональные беседы с больными физиками, моими соседями, вряд ли можно назвать человеческим общением. Я потерял дар речи, боюсь, что и душа моя онемела. Но я хочу, чтобы вы знали: с тех пор, как мы с вами познакомились, все для меня переменилось. А теперь, оказывается, это время миновало. Два года я был хоть немного счастливее, чем раньше. Потому что благодаря вам, сестра Моника, я нашел в себе душевные силы, чтобы достойно переносить свое затворничество и свою судьбу — жить в сумасшедшем доме. Будьте счастливы. (*Встает и хочет пожать ей руку.*)

Медсестра Моника. Господин Мёбиус, я не считаю вас... сумасшедшим.

Мёбиус (*смеется, вновь садится в кресло*). Я тоже не считаю. Но это ничего не меняет в моем положении. Моя беда состоит в том, что мне является царь Соломон. А ведь в мире науки нет ничего более возмутительного, чем чудо.

Медсестра Моника. Господин Мёбиус, а я верю в это чудо.

Мёбиус (*растерянно глядит на нее*). Вы верите?

Медсестра Моника. Да, я верю в царя Соломона.

Мёбиус. Вы верите в то, что он мне является?

Медсестра Моника. Да, и в это тоже.

Мёбиус. Каждый день и каждую ночь?

Медсестра Моника. Да, каждый день и каждую ночь.

Мёбиус. И что он открывает мне тайны природы? И связь всех вещей? И систему всех возможных научных открытий?

Медсестра Моника. Да, я во все это верю. И если вы мне скажете, что вам являлся и царь Давид со всеми своими придворными, я и в это поверю. Я просто знаю, что вы не больны. Я это чувствую.

Тишина. Потом Мёбиус вскакивает.

Мёбиус. Сестра Моника! Уходите!

Медсестра Моника (*не вставая с места*). Я остаюсь.

Мёбиус. Я не желаю вас больше видеть.

Медсестра Моника. Но я вам нужна. Ведь кроме меня у вас никого на свете нет. Ни одной живой души.

Мёбиус. Поверить в царя Соломона — это верная смерть!

Медсестра Моника. Но я вас люблю.

Мёбиус (*растерянно смотрит на сестру Монику и вновь садится. Пауза. Потом тихо, упавшим голосом*). Вы идете навстречу своей гибели.

Медсестра Моника. Я боюсь не за себя, я боюсь за вас. Ньютон и Эйнштейн — опасные люди.

Мёбиус. Я умею с ними ладить.

Медсестра Моника. Сестры Доротея и Ирена тоже умели с ними ладить. Но потом ушли из жизни.

Мёбиус. Сестра Моника. Вы признались мне, что верите мне и любите меня. Вы вынуждаете и меня сказать вам правду. Я тоже люблю вас, Моника.

Она неотрывно смотрит на него.

Люблю больше жизни. И поэтому вам грозит опасность. Раз мы любим друг друга.

Из комнаты номер 2 выходит Эйнштейн.
Он курит трубку.

Эйнштейн. Я опять проснулся.

Медсестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Я вдруг вспомнил.

Медсестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Ведь я задушил сестру Ирену.

Медсестра Моника. Не думайте больше об этом, господин профессор.

Эйнштейн (*разглядывая свои руки*). Смогу ли я еще когда-нибудь играть на скрипке?

Мёбиус поднимается, словно бы для того, чтобы защитить Монику.

Мёбиус. Ведь вы только что играли на скрипке.

Эйнштейн. Ну и как — сносно?

Мёбиус. Вы играли «Крейцерову сонату». Как раз когда здесь была полиция.

Эйнштейн. «Крейцерову сонату». Слава Богу! (*Выражение его лица на миг светлеет, потом снова становится мрачным.*) На скрипке я вообще-то не очень люблю играть, а трубку и вовсе терпеть не могу. Вкус у нее отвратительный.

Мёбиус. Ну, так и бросьте ее курить.

Эйнштейн. Не могу. Как-никак я же Альберт Эйнштейн. (*Пристально всматривается в лица обоих.*) Вы что — любите друг друга?

Медсестра Моника. Да, мы любим друг друга.

Эйнштейн в задумчивости удаляется в глубь сцены, туда, где лежала убитая медсестра, и рассматривает нарисованные мелом очертания ее тела.

Эйнштейн. Мы с сестрой Иреной тоже любили друг друга. Она готова была сделать для меня все, эта сестра Ирена. Я ее предупреждал. Я кричал на нее. Я обращался с ней как с собакой. Умолял ее бежать отсюда. Все тщетно. Она осталась. Хотела уехать вместе со мной в деревню. В Кольванг. Хотела выйти за меня замуж. Даже получила разрешение на это от фройляйн доктора фон Цанд. Тогда я ее задушил. Бедная сестра Ирена. Нет на свете большей бессмыслицы, чем то неистовство, с которым женщины приносят себя в жертву.

Медсестра Моника (*подходит к нему*). Вам сейчас лучше прилечь, господин профессор.

Эйнштейн. Можете называть меня Альбертом.

Медсестра Моника. Будьте же благоразумны, Альберт.

Эйнштейн. Будьте и вы благоразумны, сестра Моника. Послушайтесь вашего возлюбленного и бегите отсюда! Иначе пропадете. (*Опять направляется к комнате номер 2.*) Пойду еще посплю. (*Исчезает за дверью своей комнаты.*)

Медсестра Моника. Бедняга, совсем помешался.

Мёбиус. Но он по крайней мере убедил вас, что любить меня невозможно?

Медсестра Моника. Вы же не сумасшедший.

Мёбиус. С вашей стороны было бы благоразумнее считать меня сумасшедшим. Бегите отсюда! Испаритесь! Исчезните! Иначе мне тоже придется обойтись с вами как с собакой.

Медсестра Моника. Лучше обращайтесь со мной как с возлюбленной.

Мёбиус. Идите сюда, Моника. (*Он подводит ее к одному из кресел, сам садится в кресло напротив и берет ее руки в свои.*) Выслушайте меня. Я совершил тяжкую ошибку. Я выдал людям свою тайну, проболтался, что мне является царь Соломон. За это мне придется расплачиваться. До конца моих дней. Я это заслужил. Но вы-то не должны из-за этого страдать. Посторонние будут думать, что вы полюбили сумасшедшего. Вы навлечете на себя беду. Уйдите из этой лечебницы, забудьте меня. Так будет лучше для нас обоих.

Медсестра Моника. Разве я вам не желанна?

Мёбиус. Почему вы говорите со мной таким образом?

Медсестра Моника. Потому что я хочу с вами спать и рожать от вас детей. Знаю, что слова мои бесстыдны. Но почему вы на меня не смотрите? Разве я вам не нравлюсь? Правда, этот халат и чепец отвратительны. (*Срывает с головы белую шапочку.*) Я ненавижу свою профессию! Пять лет я ухаживала за больными во имя любви к ближнему. Никогда я не отворачивалась от них, всегда была рядом, я жертвовала собой для всех. Но теперь я хочу жертвовать собой для одного человека, жить для него, а не для всех. Я хочу жить ради любимого. Ради вас. Я буду делать все, что вы захотите, буду работать для вас день и ночь, только не прогоняйте меня! У меня ведь тоже нет никого на свете, кроме вас! Я ведь тоже совсем одинока!

Мёбиус. Моника, я вынужден вас прогнать.

Медсестра Моника (*в отчаянии*). Значит, ты совсем меня не любишь?

Мёбиус. Наоборот, я люблю тебя, Моника. О Господи, я люблю тебя, это и есть безумие...

Медсестра Моника. Почему же ты меня предаешь? И не только меня. Ты утверждаешь, что тебе является царь Соломон. Почему ты и его предаешь?

Мёбиус (*крайне возбужден, хватает ее*). Моника! Можешь думать обо мне что угодно и считать меня слабаком. Это твое право. Я недостоин твоей любви. Но царю Соломону я остался верен. Он ворвался в мою жизнь нежданно-негаданно, использовал меня, как хотел, изуродовал мою судьбу, но я не предал его.

Медсестра Моника. Ты в этом уверен?

Мёбиус. А ты сомневаешься?

Медсестра Моника. Ты думаешь, что тебе приходится расплачиваться за то, что ты рассказал о своих видениях. А может, ты расплачиваешься именно потому, что не стал бороться за то, что он тебе открыл.

Мёбиус (*отпускает ее*). Я... не понимаю тебя.

Медсестра Моника. Он поведал тебе систему всех возможных открытий. Борешься ли ты за ее признание?

Мёбиус. Но меня же все считают сумасшедшим.

Медсестра Моника. Почему ты так малодушен?

Мёбиус. Мужество в моем случае — преступление.

Медсестра Моника. Иоганн Вильгельм, я говорила о тебе с фройляйн доктор.

Мёбиус (*уставился на нее*). Ты говорила с ней обо мне?

Медсестра Моника. Ты свободен.

Мёбиус. Свободен?

Медсестра Моника. И мы можем пожениться.

Мёбиус. Боже мой.

Медсестра Моника. Фройляйн доктор фон Цанд уже все устроила. Правда, она считает тебя больным, но не опасным для окружающих. И думает, что твоя болезнь не передается по наследству. Она даже заявила, что сама куда безумнее тебя, и рассмеялась.

Мёбиус. Это очень мило с ее стороны.

Медсестра Моника. Она просто изумительный человек!

Мёбиус. Несомненно.

Медсестра Моника. Иоганн Вильгельм! Я согласилась занять должность медсестры в муниципальной клинике Блюменштайна. У меня есть сбережения. Так что бедствовать нам не придется. И мы сможем просто любить друг друга.

Мёбиус поднимается. В гостиной мало-помалу сгустились сумерки.

Разве это не чудесно?

Мёбиус. Конечно.

Медсестра Моника. Ты вовсе не рад.

Мёбиус. Все это так неожиданно.

Медсестра Моника. Я сделала и еще кое-что.

Мёбиус. Что именно?

Медсестра Моника. Я поговорила со знаменитым физиком профессором Шербертом.

Мёбиус. Он был моим учителем.

Медсестра Моника. Он тебя сразу вспомнил. И сказал, что ты был его лучшим учеником.

Мёбиус. О чем же ты с ним говорила?

Медсестра Моника. Он обещал мне, что прочтет твои рукописи и оценит их совершенно объективно.

Мёбиус. А ты сказала ему, что они надиктованы мне царем Соломоном?

Медсестра Моника. Разумеется.

Мёбиус. Ну, а он?

Медсестра Моника. Он рассмеялся и сказал, что ты всегда был ужасным шутником. Иоганн Вильгельм! Мы обязаны думать не только о себе. Ты — Божий избранник. Тебе являлся во всем своем блеске царь Соломон, ты приобщен к мудрости небес. Теперь ты должен неуклонно идти по пути, предуказанному чудом, даже если этот путь ведет сквозь насмешки и издевательства, сквозь неверие и сомнения. Но он ведет нас отсюда, из этой лечебницы, в широкий мир, не к одиночеству, а к борьбе. И я буду рядом, чтобы тебе помочь, чтобы бороться вместе с тобой, ибо небо, пославшее к тебе царя Соломона, послало тебе и меня. (*Мёбиус неотрывно смотрит в окно.*) Любимый мой!

Мёбиус. Что, любимая?

Медсестра Моника. Ты не рад?

Мёбиус. Я очень рад.

Медсестра Моника. Пора укладывать твои чемоданы. Поезд в Блюменштайн уходит в восемь двадцать. (*Она скрывается за дверью номер 1.*)

Мёбиус. Укладывать-то почти нечего.

Из комнаты номер 1 выходит Моника
с пачкой рукописей.

Медсестра Моника. Вот твои рукописи. (*Кладет их на стол.*) Стало совсем темно.

Мёбиус. Да, теперь ночь наступает рано.

Медсестра Моника. Я зажгу свет. Потом уложу твой чемодан.

Мёбиус. Подожди. Подойди сначала ко мне.

Она идет к нему. Видны лишь эти два силуэта.

Медсестра Моника. У тебя на глазах слезы.

Мёбиус. У тебя тоже.

Медсестра Моника. Это от счастья.

Он срывает портьеру и набрасывает на нее.
Короткая борьба. Их силуэты больше не видны.
Потом наступает тишина. Дверь комнаты номер 3
открывается. В гостиную падает полоса света. В проеме
двери стоит Ньютон в костюме своего времени.
Мёбиус подходит к столу и берет свои рукописи.

Ньютон. Что тут произошло?

Мёбиус (*направляется к своей комнате*). Я задушил свою сиделку Монику Штеттлер.

Из комнаты номер 2 слышатся звуки скрипки.

Ньютон. Эйнштейн опять играет на скрипке. Это «Прекрасный Розмарин» Крайслера. (*Подходит к камину и достает из тайничка коньяк.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же гостиная час спустя. За окном ночь. В комнате снова полиция. Опять замеряют, записывают, фотографируют. Только теперь публика уже догадывается, что труп Моники Штеттлер лежит справа под окном, хотя его и не видно. Гостиная освещена. Горят и люстра, и торшер. На диване сидит фройляйн доктор Матильда фон Цанд, мрачная, погруженная в свои мысли. На маленьком столике перед ней стоит коробка с сигарами, в кресле справа на авансцене сидит полицейский Гуль с блокнотом. Инспектор Фосс в шляпе и плаще отходит от трупа и выходит на передний план.

Доктор. Хотите сигару?

Инспектор. Нет, спасибо.

Доктор. Рюмку шнапса?

Инспектор. Попозже. (*Молчание.*) Блохер, можешь фотографировать.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Фотографирует со вспышкой.

Инспектор. Как звали медсестру?

Доктор. Моника Штеттлер.

Инспектор. Возраст?

Доктор. Двадцать пять. Родом из Блюменштайна.

Инспектор. Есть родственники?

Доктор. Нет.

Инспектор. Гуль, вы записали показания?

Гуль. Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Доктор, опять удушение?

Судебный врач. Несомненно. И опять с недюжинной силой. Но на этот раз шнуром от портьеры.

Инспектор. Точно так же было три месяца назад. (*Устало опускается в кресло справа на авансцене.*)

Доктор. Не хотите видеть убийцу...

Инспектор. Прошу вас, фройляйн доктор.

Доктор. ...я хотела сказать — того, кто это сделал?

Инспектор. И не подумаю.

Доктор. Однако...

Инспектор. Фройляйн доктор фон Цанд. Я выполняю свой долг: составляю протокол, осматриваю труп, велю его фотографировать и прошу нашего судебного врача его освидетельствовать. Но Мёбиуса я обследовать не буду. Предоставляю его вам. Окончательно и бесповоротно, равно как и остальных облученных физиков.

Доктор. Что думает обо всем этом прокурор?

Инспектор. На сей раз даже не бесится. Размышляет.

Доктор (*вытирает пот со лба*). Здесь очень жарко.

Инспектор. Что вы, ничуть.

Доктор. Это третье убийство...

Инспектор. Прошу вас, фройляйн доктор.

Доктор. ...этот третий несчастный случай... Только его мне не хватало в «Вишневом саду». Пора уходить в отставку. Моника Штеттлер была моей лучшей сиделкой. Она понимала больных. Очень чуткая была девушка. Я любила ее как дочь. Но ее смерть — еще не самое страшное. Погибла моя медицинская репутация.

Инспектор. Ну, это дело поправимое. Блохер, сделай еще один снимок сверху.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Справа два верзилы санитара ввозят столик с посудой и едой. Один из них негр. Их сопровождает старший санитар такого же исполинского роста.

Старший санитар. Ужин для наших дорогих больных, фройляйн доктор.

Инспектор (*вскакивает*). Уве Сиверс?

Старший санитар. Правильно, господин инспектор, Уве Сиверс. Бывший чемпион Европы по боксу в тяжелом весе. Ныне — старший санитар в лечебнице «Вишневый сад».

Инспектор. А два других великана?

Старший санитар. Мурильо, южноамериканец, тоже чемпион по боксу в тяжелом весе, и Мак-Артур (*указывает на негра*) — североамериканский чемпион по боксу в среднем весе. Поставь стол на ножки, Мак-Артур.

(*Мак-Артур переворачивает стол.*) Мурильо, скатерть! (*Мурильо стелет на стол белую скатерть.*) Мак-Артур, мейсенский фарфор! (*Мак-Артур расставляет фарфоровую посуду.*) Мурильо, столовое серебро! (*Мурильо раскладывает приборы.*) Мак-Артур, супницу поставьте на середину стола! (*Мак-Артур ставит супницу на стол.*)

Инспектор. Чем кормят нынче наших дорогих больных? (*Поднимает крышку супницы.*) Супчик с клецками из печенки.

Старший санитар. Далее — цыпленок на вертеле и кордон блю.

Инспектор. Фантастика!

Старший санитар. Высший класс!

Инспектор. Я чиновник четырнадцатого разряда, так что у меня дома таких кулинарных изысков не случается.

Старший санитар. Кушать подано, фройляйн доктор.

Доктор. Вы свободны, Сиверс. Пациенты обслужат себя сами.

Старший санитар. Имею честь откланяться, господин инспектор.

Санитары кланяются и уходят направо.

Инспектор (*смотрит им вслед*). Черт меня побери!

Доктор. Довольны?

Инспектор. Завидую. Нам бы заполучить таких орлов в полицию...

Доктор. Эти орлы получают баснословные деньги.

Инспектор. У вас тут лечатся промышленные магнаты и мультимиллионерши, так что вы можете себе это позволить. Ну, теперь-то прокурор наконец успокоится. От этих молодчиков никто не улизнет.

Из комнаты номер 2 слышатся звуки скрипки — играет Эйнштейн.

Доктор. Опять «Крейцерова соната».

Инспектор. Я знаю. Анданте.

Блохер. Мы закончили, господин инспектор.

Инспектор. Что ж, тогда выносите труп.

Двое полицейских поднимают тело. Вдруг из комнаты номер 1 выбегает Мёбиус.

Мёбиус. Моника! Любовь моя!

Полицейские, несущие труп, замирают на месте.

Доктор (*поднимается с величественным видом*). Мёбиус! Как вы могли? Вы убили мою лучшую сиделку, мою добрейшую сиделку, мою милейшую сиделку!

Мёбиус. Мне так жаль, фройляйн доктор.

Доктор. Значит, вам все-таки жаль.

Мёбиус. Но так приказал царь Соломон.

Доктор. Ах, царь Соломон... (*Бледнеет и тяжело опускается в кресло.*) Значит, его величество повелел совершить это убийство.

Мёбиус. Я стоял у окна и глядел в темноту. Вдруг царь, явившись со стороны парка через террасу, приблизился ко мне и прошептал этот приказ сквозь оконное стекло.

Доктор. Извините меня, Фосс. Что-то нервы сдают.

Инспектор. Ну, ладно, ладно. Не о чем говорить.

Доктор. В такой лечебнице можно и самой сойти с ума.

Инспектор. Легко себе представить.

Доктор. Я, пожалуй, пойду... (*Встает.*) Господин инспектор Фосс, передайте прокурору мое глубочайшее сожаление по поводу того, что случилось в моем санатории. И заверьте, что теперь все будет в порядке. Господин доктор, господа, имею честь кланяться. (*Идет сначала налево в глубь сцены, почтительно склоняется перед телом Моники, бросает взгляд в сторону Мёбиуса и уходит направо.*)

Инспектор. Так-так. Ну, теперь вы наконец можете отнести тело в часовню. Положите рядом с медсестрой Иреной.

Мёбиус. Моника!

Двое полицейских, несущих тело, и все остальные, участвующие в следствии, выходят в дверь, ведущую в парк. За ними следует судебный врач.

Моника, любимая моя!

Инспектор (*подходит к столику возле дивана*). Теперь я все же закурю сигару. Я ее заслужил. (*Берет из коробки толстенную сигару и долго ее разглядывает.*) Вот это да! (*Откусывает кончик сигары и раскуривает ее.*)

Дорогой Мёбиус, за решеткой камина сэр Исаак Ньютон спрятал бутылку коньяка.

Мёбиус. Прошу, господин инспектор. (*Инспектор молча пускает клубы дыма, пока Мёбиус достает бутылку и рюмку.*)

Разрешите налить?

Инспектор. Охотно. (*Берет рюмку, пьет.*)

Мёбиус. Еще рюмочку?

Инспектор. С удовольствием.

Мёбиус (*наливает*). Господин инспектор, вынужден просить вас арестовать меня.

Инспектор. С чего бы это, мой дорогой Мёбиус?

Мёбиус. Как же — ведь это я убил сестру Монику...

Инспектор. Но согласно вашему собственному признанию вы действовали по приказу царя Соломона. Покуда я не смогу его арестовать, вы тоже останетесь на свободе.

Мёбиус. И все-таки...

Инспектор. Никаких «все-таки». Налейте-ка мне еще рюмашечку.

Мёбиус. Пожалуйста, господин инспектор.

Инспектор. А теперь спрячьте-ка бутылку на прежнее место, а то санитары вылакают.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. (*Прячет коньяк.*)

Инспектор. Давайте присядем.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. (*Садится на стул.*)

Инспектор. Нет, вот сюда. (*Показывает на диван.*)

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. (*Садится на диван.*)

Инспектор. Видите ли, каждый год в самом городке и его окрестностях мне приходится сажать за решетку несколько убийц. Не так уж много. Едва с полдюжины наберется. Одних я сажаю с удовольствием, другие вызывают у меня жалость. Однако сажать их мне все равно приходится. Закон есть закон. Но вот являетесь вы и двое ваших коллег. Поначалу я просто из себя выходил из-за того, что не мог принять соответствующих мер, а теперь? Теперь меня это только радует. Да я готов вопить от счастья. Я нашел трех убийц, которых с чистой совестью имею право не сажать в тюрьму. Закон впервые дает мне

передохнуть. Прекрасное ощущение! Друг мой, служение закону изнуряет человека, оно разрушает и здоровье, и душу, так что передышка мне попросту необходима. И этим удовольствием я обязан вам, дружище. Прощайте. Передайте мой сердечный привет Ньютону и Эйнштейну, а царю Соломону — низкий поклон.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор.

Инспектор уходит. Мёбиус остается один.
Он опускается на диван и сжимает виски ладонями.
Из комнаты номер 3 выходит Ньютон.

Ньютон. Чем нас сегодня потчуют? (*Мёбиус не отвечает. Ньютон открывает крышку супницы.*) О, супчик с клецками из печенки. (*Снимает крышки с остальных блюд, стоящих на сервировочном столике.*) Цыпленок на вертеле и кордон блю. Удивительно! Обычно ужин у нас слишком легкий. И довольно скромный. С тех пор, как остальных пациентов перевели в новое здание. (*Наливает себе суп.*) А вы не хотите поесть? (*Мёбиус молчит.*) Понимаю. После кончины моей сиделки у меня тоже пропал аппетит. (*Садится и начинает есть суп с клецками.*)

Мёбиус встает и хочет уйти в свою комнату.

Погодите.

Мёбиус. В чем дело, сэр Исаак?

Ньютон. Мне надо с вами поговорить, Мёбиус.

Мёбиус (*останавливается*). Итак?

Ньютон (*показывает на кушанья*). Не хотите ли все же отведать супчик с печеночными клецками? Супчик отменный, скажу я вам.

Мёбиус. Нет.

Ньютон. Дорогой Мёбиус, за нами отныне не будут ухаживать сестры, нас будут охранять санитары. Здоровенные верзилы.

Мёбиус. Это не имеет значения.

Ньютон. Для вас, Мёбиус, может, и не имеет. Ведь вы, очевидно, хотите окончить свои дни в сумасшедшем доме. Но для меня это очень важно. Я хочу выбраться отсюда. (*Кончает есть суп.*) Ну так вот. Возьмемся теперь за цыпленка на вертеле. (*Кладет себе на тарелку.*) Появление санитаров вынуждает меня действовать. Сегодня же.

Мёбиус. Это ваше дело.

Ньютон. Не совсем. Признаюсь вам, Мёбиус, я вовсе не сумасшедший.

Мёбиус. Конечно нет, сэр Исаак.

Ньютон. Я не сэр Исаак Ньютон.

Мёбиус. Знаю: вы — Альберт Эйнштейн.

Ньютон. Бред! Но я и не Герберт Георг Бойтлер, как здесь считают. Мое настоящее имя Килтон, мой мальчик.

Мёбиус (*в ужасе на него смотрит*). Алек Джаспер Килтон?

Ньютон. Совершенно верно.

Мёбиус. Основоположник теории соответствий?

Ньютон. Он самый.

Мёбиус (*подходит к столу*). Вы сюда пробрались..

Ньютон. ...изобразив сумасшедшего.

Мёбиус. Чтобы за мной шпионить?

Ньютон. Нет, чтобы выяснить, что же кроется за вашим безумием. Мой безупречный немецкий стоил мне чудовищных усилий. Меня обучали в лагере наших спецслужб.

Мёбиус. И когда бедная сестра Доротея о чем-то догадалась, вы ее...

Ньютон. Да. Не перестаю сожалеть о случившемся.

Мёбиус. Понимаю.

Ньютон. Но приказ есть приказ.

Мёбиус. Разумеется.

Ньютон. Я не мог поступить иначе.

Мёбиус. Конечно, не могли.

Ньютон. Создалась угроза моей миссии — секретнейшей акции нашей разведки. И чтобы избежать малейшего подозрения, мне пришлось ее убить. Медсестра Доротея перестала считать меня сумасшедшим, главный врач находила, что я лишь немного не в себе, так что мне пришлось убить, дабы окончательно доказать свое безумие. Послушайте, этот цыпленок в самом деле необычайно вкусен!

Из комнаты номер 2 слышится игра на скрипке.

Мёбиус. Эйнштейн опять играет на скрипке.

Ньютон. Гавот Баха.

Мёбиус. Его ужин остынет.

Ньютон. Пусть себе спокойно играет, этот псих. Не надо ему мешать.

Мёбиус. Это угроза?

Ньютон. Я чрезвычайно чту вас. И мне будет очень жаль, если придется прибегнуть к силовым мерам.

Мёбиус. Вам поручено меня отсюда вывезти?

Ньютон. В случае, если подозрения наших спецслужб подтвердятся.

Мёбиус. Какие именно?

Ньютон. Вас случайно сочли самым гениальным физиком современности.

Мёбиус. Я тяжелый психический больной, Килтон, и ничего больше.

Ньютон. Наши разведчики придерживаются другой точки зрения.

Мёбиус. А что вы сами обо мне думаете?

Ньютон. Просто полагаю, что вы величайший физик всех времен.

Мёбиус. А как ваши спецслужбы напали на мой след?

Ньютон. Благодаря мне. Я случайно прочел вашу монографию об основах новой физики. Сначала я счел ее розыгрышем. Но потом у меня словно пелена упала с глаз. Передо мной лежало самое гениальное творение современной физики. Я стал наводить справки об авторе, но не мог продвинуться ни на шаг. Тогда я поставил в известность наши спецслужбы, а они уже напали на ваш след.

Эйнштейн. Не только вы один прочли эту монографию, Килтон. (*Он незаметно появился из комнаты номер 2 со своей скрипкой и смычком в руках.*) Дело в том, что я тоже не сумасшедший. Разрешите представиться? Я тоже физик. И тоже состою на службе в разведке. Но несколько иной. Меня зовут Иосиф Эйслер.

Мёбиус. Автор эффекта Эйслера?

Эйнштейн. Он самый.

Ньютон. Пропавший без вести в тысяча девятьсот пятидесятом году.

Эйнштейн. По собственной воле.

Ньютон (*внезапно выхватывает из кармана револьвер*). Будьте любезны, Эйслер, встаньте-ка лицом к стене!

Эйнштейн. Пожалуйста. (*Не спеша направляется к камину, кладет на него скрипку, вдруг резко поворачивается, держа в руке револьвер.*) Мой дорогой Килтон, поскольку мы оба, как я полагаю, хорошо владеем оружием, не лучше ли нам обойтись без дуэли, вы не находите? Я готов

отложить в сторону свой браунинг, если и вы положите свой кольт...

Ньютон. Согласен.

Эйнштейн. Положим их за каминную решетку, туда, где вы держите коньяк. На случай, если вдруг нагрянут санитары.

Ньютон. Хорошо.

Оба кладут свое оружие за каминную решетку.

Эйнштейн. Вы смешали мне все карты, Килтон. Я считал вас по-настоящему помешанным.

Ньютон. Утешьтесь: я вас тоже.

Эйнштейн. Вообще многое пошло вкривь и вкось. К примеру, то, что произошло с медсестрой Иреной сегодня днем. Она что-то заподозрила и тем самым подписала свой смертный приговор. Я чрезвычайно огорчен всем происшедшим.

Мёбиус. Понимаю.

Эйнштейн. Но приказ есть приказ.

Мёбиус. Разумеется.

Эйнштейн. Я не мог поступить иначе.

Мёбиус. Конечно, не могли.

Эйнштейн. Создалась угроза и моей миссии, секретнейшей акции моей разведки. Давайте присядем?

Ньютон. Что ж, присядем. (*Садится к столу слева, Эйнштейн справа.*)

Мёбиус. Полагаю, что и вы, Эйслер, собираетесь меня принудить...

Эйнштейн. Что вы, Мёбиус!

Мёбиус. Ну, уговорить отправиться в вашу страну.

Эйнштейн. В конце концов, мы тоже считаем вас величайшим физиком мира. Но в данную минуту меня чрезвычайно интересует ужин. Воистину прощальная трапеза. (*Наливает себе суп.*) У вас по-прежнему нет аппетита, Мёбиус?

Мёбиус. Наоборот. Только что появился. Внезапно. Как только выяснилось, что вы оба все знаете. (*Садится между ними за стол и тоже наливает себе суп.*)

Ньютон. Бургундского, Мёбиус?

Мёбиус. Наливайте.

Ньютон (*наливает ему вина*). А я, пожалуй, примусь за кордон блю.

Мёбиус. Чувствуйте себя как дома.
Ньютон. Приятного аппетита.
Эйнштейн. Приятного аппетита.
Мёбиус. Приятного аппетита.

Они едят. Справа появляются трое санитаров, у старшего санитара в руке блокнот.

Старший санитар. Пациент Бойтлер!
Ньютон. Здесь.
Старший санитар. Пациент Эрнести!
Эйнштейн. Здесь.
Старший санитар. Пациент Мёбиус!
Мёбиус. Здесь.
Старший санитар. Старший санитар Сиверс, санитар Мурильо, санитар Мак-Артур. (*Прячет блокнот в карман.*) По указанию начальства необходимо принять некоторые меры безопасности. Мурильо, опустите решетки. (*Мурильо опускает оконные решетки. Комната сразу становится немного похожей на тюрьму.*) Мак-Артур, запри их. (*Мак-Артур запирает решетки.*)

Есть ли у вас, господа, какие-либо пожелания на ночь? Пациент Бойтлер?
Ньютон. Нет.
Старший санитар. Пациент Эрнести?
Эйнштейн. Нет.
Старший санитар. Пациент Мёбиус?
Мёбиус. Нет.
Старший санитар. Господа, разрешите нам удалиться. Спокойной ночи.

Трое санитаров уходят. Молчание.

Эйнштейн. Скоты!
Ньютон. В парке притаилось еще несколько таких парней. Я уже давно заметил их из окна своей комнаты.
Эйнштейн (*встает и осматривает решетку*). Крепкая. С особым замком.
Ньютон (*идет к своей двери, открывает ее и заглядывает внутрь*). На моем окне тоже откуда ни возьмись решетка. Как по волшебству. (*Открывает две другие двери в глубине сцены.*) И у Эйслера. И у Мёбиуса. (*Подходит к двери справа.*) Заперта.
Эйнштейн. Мы все в ловушке.

Ньютон. Логично. После того, что мы сделали со своими сиделками...

Эйнштейн. Теперь мы сумеем выбраться из сумасшедшего дома, только если будем действовать сообща.

Мёбиус. Но я вовсе не собираюсь отсюда бежать.

Эйнштейн. Мёбиус...

Мёбиус. Не вижу для этого ни малейшей причины. Наоборот. Я доволен своей судьбой.

Молчание.

Ньютон. Зато я ею недоволен, а это имеет немаловажное значение, вы не находите? При всем уважении к вашим личным чувствам. Вы — гений и как таковой принадлежите не только самому себе. Вы проникли в новые области физики. Но ведь вы не взяли всю науку в личную аренду. И просто обязаны открыть туда двери и нам, негениям. Едемте со мной! Через год мы напялим на вас фрак, препроводим в Стокгольм, и вы получите Нобелевскую премию.

Мёбиус. Ваши спецслужбы удивительно бескорыстны.

Ньютон. Признаюсь, Мёбиус, на них наибольшее впечатление произвело чье-то предположение, что вы решили проблему гравитации.

Мёбиус. Это верно.

Молчание.

Эйнштейн. И вы говорите это так спокойно?

Мёбиус. А как, по-вашему, я должен это сказать?

Эйнштейн. Моя разведка предполагает, что вы создали единую теорию элементарных частиц...

Мёбиус. И вашу разведку могу успокоить. Я действительно создал единую теорию поля.

Ньютон (*вытирает салфеткой пот со лба*). То есть вывели формулу Вселенной!

Эйнштейн. Смех, да и только. Орды хорошо оплачиваемых физиков в огромных государственных лабораториях годами пытаются сдвинуть физику с мертвой точки, а вы добились этого так, между прочим, сидя за письменным столом в сумасшедшем доме. (*Тоже вытирает салфеткой пот со лба.*)

Ньютон. А система всех возможных открытий, Мёбиус?

Мёбиус. Она тоже существует. Я составил ее из любопытства, как практическое дополнение к моим теоретическим выкладкам. К чему изображать невиновного? Все наши идеи приводят к определенным последствиям. Так что я просто обязан был изучить воздействие теории поля и учения о гравитации на практику. Результат получился ужасающий. Высвободились бы новые, невиданные доселе виды энергии, и возникли бы технологии, превосходящие любую фантазию, если бы мои открытия попали в руки людей.

Эйнштейн. Этого вам вряд ли удастся избежать.

Ньютон. Вопрос лишь в том, кому они раньше достанутся.

Мёбиус (*смеется*). Вы, Килтон, наверное, хотели бы осчастливить этим свою разведку и Генеральный штаб, который за ней стоит?

Ньютон. Почему бы и нет? Чтобы вернуть величайшего физика всех времен в сообщество ученых, я готов сотрудничать с любым Генеральным штабом.

Эйнштейн. А я готов сотрудничать только со своим. Мы предоставляем человечеству могущественные орудия власти. Это дает нам право ставить свои условия. И мы должны сами решать, в чьих интересах применять на практике нашу науку. Так что я решился.

Ньютон. Чепуха все это, Эйслер. Речь идет о свободе нашей науки, и больше ни о чем. Мы должны быть первопроходцами, вот и вся наша задача. Сумеет ли человечество пойти по тому пути, который мы ему прокладываем, это дело не наше с вами, а человечества.

Эйнштейн. Вы жалкий эстет, Килтон. Почему не приходите к нам, если вам важна лишь свобода науки? Мы тоже уже давно не можем позволить себе опекать физиков. Нам тоже нужны результаты. Наша политическая система тоже вынуждена есть из рук ученых.

Ньютон. Обе наши политические системы, Эйслер, вынуждены ныне есть из рук Мёбиуса.

Эйнштейн. Наоборот. Ему придется подчиниться нам. Мы оба в конце концов загнали его в угол.

Ньютон. В самом деле? Скорее, мы с вами загнали друг друга в угол. Наши спецслужбы, к сожалению, пришли к одной и той же мысли. Если Мёбиус пойдет с вами, я не смогу этому помешать, потому что вы не допустите,

чтобы вам мешали. Но если Мёбиус примет решение в мою пользу, вы тоже ничего не сможете изменить. Так что выбирает здесь он, а не мы.

Эйнштейн (*встает с торжественным видом*). Придется достать револьверы.

Ньютон (*тоже встает*). Что ж, драться так драться.

Достает из-за каминной решетки оба револьвера и передает один из них Эйнштейну.

Эйнштейн. Мне очень жаль, что дело принимает кровавый оборот. Но мы вынуждены стрелять — и друг в друга, и в стражей. В крайнем случае и в Мёбиуса. Хоть он и самый ценный человек на земле, но рукописи его еще ценнее.

Мёбиус. Мои рукописи? Да я их сжег.

Гробовая тишина.

Эйнштейн. Вы их сожгли?

Мёбиус (*смущенно*). Только что. До того, как полиция вернулась. Чтобы обезопасить себя.

Эйнштейн (*разражается сардоническим смехом*). Он их сжег!

Ньютон (*кричит вне себя от ярости*). Вы сожгли результаты пятнадцати лет труда!

Эйнштейн. От этого и впрямь можно сойти с ума.

Ньютон. Официально мы и есть сумасшедшие.

Оба прячут свои револьверы и в полном отчаянии опускаются на диван.

Эйнштейн. Теперь, Мёбиус, мы целиком и полностью в вашей власти.

Ньютон. И ради этого я задушил сиделку и выучил немецкий язык!

Эйнштейн. А я учился играть на скрипке! Истинное мученье для человека, начисто лишенного слуха.

Мёбиус. Может, нам все-таки доесть ужин?

Ньютон. Аппетита как не бывало.

Эйнштейн. Жалко оставлять кордон блю.

Мёбиус (*встает*). Мы трое — физики. И решение, которое мы должны принять, — это решение физиков. Давайте подойдем к нему научно. Мы не имеем права руководствоваться субъективными мнениями, мы должны

подчиняться только логике. Давайте попытаемся найти разумный выход. Мы не имеем права на ошибку в рассуждениях, потому что ошибочный вывод может привести к мировой катастрофе. Отправная точка ясна. У всех нас одна общая цель, но тактика у каждого своя. Эта цель — развитие физики. Вы, Килтон, хотите сохранить науке свободу и отрицаете ее ответственность. Вы же, Эйслер, перекладываете на физику ответственность за политику силы, проводимую определенным государством. А как обстоит дело в действительности? Если вы хотите, чтобы я принял решение, то я требую ясного ответа на этот вопрос.

Ньютон. Вас ждет целая группа виднейших физиков. Оплата вашего труда и условия жизни — идеальные, правда, место там гибельное, но воздух в помещениях кондиционирован.

Мёбиус. Эти физики совершенно свободны?

Ньютон. Ах, дорогой Мёбиус! Эти физики заявили, что готовы решать те научные проблемы, которые имеют решающее значение для обороноспособности страны. Отсюда вы можете сделать вывод...

Мёбиус. Значит, не свободны. (*Поворачивается к Эйнштейну.*) Йозеф Эйслер. Вы выступаете с позиции силы. Для этого надо обладать властью. Она у вас есть?

Эйнштейн. Вы меня не совсем поняли, Мёбиус. Моя позиция силы как раз в том и состоит, что я отказался от личной власти в пользу какой-то одной организации.

Мёбиус. Можете ли вы направлять эту организацию в духе вашего понимания своей ответственности или же существует опасность, что эта организация сама будет управлять вами?

Эйнштейн. Мёбиус! Это же просто смешно. Разумеется, я могу лишь надеяться, что эта организация прислушается к моим советам, не более того. Однако без такой надежды вообще не может быть никаких политических убеждений.

Мёбиус. Но ваши физики по крайней мере свободны?

Эйнштейн. Поскольку они также работают на оборону...

Мёбиус. Поразительно! Каждый из вас превозносит свою теорию, однако предлагает мне практически одно и

то же: тюрьму. Тогда уж лучше остаться в этой психушке. Тут я по крайней мере уверен, что меня не используют в своих целях политические проходимцы.

Эйнштейн. На известный риск приходится, конечно, идти.

Мёбиус. Существует такой риск, на который человек не имеет права идти: риск гибели всего человечества. Что творится в мире тем оружием, которое уже создано, мы знаем и можем себе представить, что люди натворят тем оружием, которое создадут благодаря мне. Этой мысли я подчинил все свои действия. Я был беден. У меня была жена и трое детей. Университет сулил мне славу, промышленность — деньги. Оба пути были слишком опасны. Мне пришлось бы опубликовать свои работы, следствием был бы переворот в нашей науке и крах всей экономической структуры. Чувство ответственности вынудило меня избрать иной путь. Я отказался от академической карьеры, послал ко всем чертям промышленность и бросил семью на произвол судьбы. Я надел на себя шутовской колпак. Достаточно было заявить, что мне является царь Соломон, как меня заперли в психушку.

Ньютон. Но это же не выход!

Мёбиус. Разум толкнул меня на этот шаг. Наша наука подошла к границе познаваемого. Мы знаем несколько точно формулируемых законов, несколько основных соотношений между непостижимыми явлениями, и это все. Остается необозримое поле явлений, недоступных нашему разуму. Мы подошли к концу нашего пути. Но человечество в целом от нас отстало. Мы вырвались вперед настолько, что за нами никто не следует и вокруг нас пустота. Наша наука стала внушать страх, наши исследования стали опасными, а открытия смертоносными. Так что нам, физикам, остается только капитулировать перед действительностью. Она нам не по плечу. Из-за нас она погибнет. Мы должны отречься от наших знаний, вот я и отрекся. Другого выхода нет, и для вас тоже.

Эйнштейн. Что вы хотите этим сказать?

Мёбиус. У вас есть секретные радиопередатчики?

Эйнштейн. Ну и что?

Мёбиус. Сообщите вашему начальству, что вы ошиблись и что у меня действительно крыша поехала.

Эйнштейн. Тогда мы застрянем здесь на всю жизнь.

Мёбиус. Само собой.

Эйнштейн. О провалившихся разведчиках никто и не вспомнит.

Мёбиус. Вот именно.

Ньютон. Что вы хотите этим сказать?

Мёбиус. Что вы должны остаться здесь вместе со мной.

Ньютон. Мы?

Мёбиус. Вы оба.

Молчание.

Ньютон. Мёбиус! Не можете же вы требовать, чтобы мы навсегда...

Мёбиус. Но для меня это — единственный шанс сохранить мои открытия в тайне. Только в сумасшедшем доме мы еще остаемся свободными. Только в сумасшедшем доме мы еще можем спокойно думать. На свободе наши мысли приобретают взрывную силу.

Ньютон. Но мы, в конце концов, не сумасшедшие.

Мёбиус. Да, но мы — убийцы.

Оба озадаченно смотрят на Мёбиуса.

Ньютон. Я протестую!

Эйнштейн. Этого вам не стоило говорить, Мёбиус!

Мёбиус. Тот, кто убивает, — убийца, а мы убивали. У каждого из нас была своя задача, которая и привела его в это заведение. Каждый из нас убил свою сиделку ради определенной цели. Вы — ради того, чтобы не подвергать риску свою секретную миссию, а я — из-за того, что сестра Моника поверила в меня. Она считала меня непризнанным гением. Она не понимала, что ныне долг гения — оставаться непризнанным. Убийство — это нечто ужасное. Я убил, чтобы не допустить еще более ужасных убийств. Но вот появились вы. Вас я не могу устранить, но может, мне удастся вас убедить? Неужели мы убивали зря? И что это было: мы приносили жертвы или совершали преступления? Либо мы останемся в сумасшедшем доме, либо мир станет сумасшедшим домом. Либо мы исчезнем из памяти человечества, либо человечество исчезнет с лица земли.

Молчание.

Ньютон. Мёбиус!

Мёбиус. Что, Килтон?

Ньютон. Но эта психушка. Эти громилы санитары. Эта горбунья врачиха!

Мёбиус. Ну и что?

Эйнштейн. Нас посадят в клетку, как диких зверей!

Мёбиус. А мы и есть дикие звери. Нас нельзя выпускать к людям.

Молчание.

Ньютон. Неужели и впрямь нет другого выхода?

Мёбиус. Нет.

Молчание.

Эйнштейн. Иоганн Вильгельм Мёбиус! Я порядочный человек. Я остаюсь.

Молчание.

Ньютон. Я тоже остаюсь. Навсегда.

Молчание.

Мёбиус. Благодарю вас. За тот небольшой шанс спастись, который благодаря вам еще остается у мира. (*Поднимает свой бокал.*) За наших сиделок!

Все торжественно встают.

Ньютон. Я пью за Доротею Мозер.

Двое других. За сестру Доротею.

Ньютон. Доротея! Я вынужден был принести тебя в жертву. И смертью отплатил тебе за твою любовь. И теперь хочу доказать, что достоин тебя.

Эйнштейн. Я пью за Ирену Штрауб.

Двое других. За сестру Ирену!

Эйнштейн. Ирена! Я вынужден был принести тебя в жертву. В твою честь и в память о твоей преданности я хочу поступить так, как велит разум.

Мёбиус. Я пью за Монику Штеттлер.

Двое других. За сестру Монику!

Мёбиус. Моника! Я вынужден был принести тебя в жертву. Пусть твоя любовь освятит союз, который мы, трое физиков, заключили в память о тебе. Дай нам силу верно

хранить тайны нашей науки, прикрывшись шутовским колпаком. (*Пьют, потом ставят бокалы на стол.*)

Ньютон. Давайте опять превратимся в психов. Примем образ Ньютона.

Эйнштейн. Станем играть на скрипке Бетховена и Крайслера.

Мёбиус. Пусть снова является царь Соломон.

Ньютон. Будем сумасшедшими, но мудрыми.

Эйнштейн. Узниками, но свободными.

Мёбиус. Физиками, но не преступниками.

Все трое кивают друг другу и расходятся по своим комнатам. Гостиная пуста. Справа входят Мак-Артур и Мурильо. Оба в черных мундирах и фуражках, у обоих в кобуре пистолет. Они убирают посуду со стола. Мак-Артур вывозит сервировочный столик с посудой в дверь справа, Мурильо ставит перед окном справа круглый стол и кладет на него стулья кверху ножками, как делают при уборке ресторана. Потом Мурильо тоже уходит в правую дверь. Гостиная вновь пуста. Затем справа появляется фройляйн доктор Матильда фон Цанд. Как всегда, на ней врачебный халат со стетоскопом в кармане. Она оглядывается. Наконец входит Сиверс, тоже в черном мундире.

Старший санитар. Слушаю вас, босс.

Доктор. Сиверс, портрет.

Мак-Артур и Мурильо вносят в гостиную большую картину в тяжелой позолоченной раме, это портрет генерала. Сиверс снимает старый портрет и вешает на его место новый.

Генерал Леонид фон Цанд здесь гораздо уместнее, чем в женском корпусе. У старого вояки все еще бравый вид, несмотря на базедову болезнь. Он любил героические смерти, и сейчас нечто подобное произошло в этом доме. (*Рассматривает портрет своего отца.*) Зато тайный советник переедет в женский корпус, к миллионершам. Поставьте его пока в коридоре.

Мак-Артур и Мурильо выносят портрет в правую дверь.

Прибыл ли генеральный директор Фребен со своими орлами?

Старший санитар. Они ожидают в зеленой гостиной. Прикажете подать икру и шампанское?

Доктор. Эти важные господа приехали сюда не пировать, а работать. (*Садится на диван. Мак-Артур и Мурильо возвращаются через дверь справа.*) Сиверс, пригласите сюда всех троих.

Старший санитар. Слушаюсь, босс. (*Подходит к двери комнаты номер 1 и открывает ее.*) Мёбиус, на выход!

Мак-Артур и Мурильо открывают двери номер 2 и 3.

Мурильо. Ньютон, на выход!

Мак-Артур. Эйнштейн, на выход!

Ньютон, Эйнштейн и Мёбиус выходят из своих комнат. У все троих просветленные лица.

Ньютон. Какая таинственная ночь. Бесконечная и возвышенная. Сквозь решетку на моем окне мерцают Юпитер и Сатурн, открывая мне законы Вселенной.

Эйнштейн. Какая благодатная ночь. Она дарит нам покой и мир. Загадки бытия исчезли, вопросы застыли на устах. Хочу играть на скрипке до конца своих дней.

Мёбиус. Ночь, полная благоговения. Глубокая синева и благочестие. Ночь могущественного царя. Его бледная тень отделяется от стены. Глаза его излучают свет.

Молчание.

Доктор. Мёбиус. По распоряжению прокурора я могу разговаривать с вами только в присутствии одного из санитаров.

Мёбиус. Понимаю, фройляйн доктор.

Доктор. Но то, что я собираюсь вам сообщить, относится и к вашим коллегам, Килтону и Эйслеру. (*Оба изумленно на нее смотрят.*)

Ньютон. Вы... все знаете? (*Оба пытаются выхватить револьверы, но Мурильо и Мак-Артур их обезоруживают.*)

Доктор. Ваш разговор, господа, прослушивался. Я уже давно заподозрила всех вас. Мак-Артур и Мурильо! Принесите радиопередатчики Килтона и Эйслера.

Старший санитар. Все трое — руки на затылок!

Мёбиус, Эйнштейн и Ньютон кладут руки на затылок, Мак-Артур и Мурильо входят в комнаты номер 2 и 3.

Ньютон. Забавно! (*Смеется. Его смех звучит одиноко и зловеще.*)

Эйнштейн. Не понимаю...
Ньютон. Смешно! (*Опять смеется. Потом умолкает.*)

Мак-Артур и Мурильо возвращаются
с радиопередатчиками.

Старший санитар. Руки опустить!

Физики подчиняются. Молчание.

Доктор. Прожектора, Сиверс.
Старший санитар. О'кей, босс. (*Поднимает руку.*)

Прожектора, установленные в парке,
освещают физиков ослепительным
светом. Одновременно Сиверс
выключает свет в гостиной.

Доктор. Вилла оцеплена. Всякая попытка к бегству бессмысленна. (*Санитарам.*) Убирайтесь, вы, трое. (*Трое санитаров покидают гостиную, унося с собой оружие и радиопередатчики. Молчание.*) Только вы одни узнаете мою тайну. Потому что это уже не имеет значения — знаете вы ее или нет.

Молчание.

(*Торжественно*) Мне тоже являлся царь Соломон в золотых одеждах.

Трое физиков озадаченно
смотрят на нее.

Мёбиус Царь Соломон?
Доктор. Да, все эти годы.

Ньютон тихонько
прыскает в кулак.

(*Твердо.*) Впервые он явился мне в моем кабинете. Теплым летним вечером. Солнце еще светило, из парка доносился стук дятла, как вдруг прилетел царь в золотых одеждах. Словно архангел.

Эйнштейн. Она сошла с ума!

Доктор. Его взгляд покоился на мне. Его уста отверзлись. Он заговорил со мной, своей служительницей. Царь Соломон восстал из мертвых, он захотел вернуться к

власти, некогда принадлежавшей ему в этом мире, и явил свою мудрость, дабы Мёбиус его именем правил на всей земле.

Эйнштейн. Ее необходимо изолировать. Ее место в дурдоме.

Доктор. Но Мёбиус его предал. Он попытался умолчать о том, о чем молчать было нельзя. Ибо то, что ему открылось, — не тайна. Потому что это постижимо. А все, что постижимо, человек сможет постичь. Теперь или в будущем. То, что открыл царь Соломон, могут когда-нибудь открыть и другие. Но царь Соломон хотел, чтобы это деяние осталось за ним, оно давало ему возможность владычествовать над миром. Поэтому он и посетил меня, свою недостойную слугу.

Эйнштейн (*настойчиво*). Вы помешались. Послушайте, вы помешались!

Доктор. Царь Соломон повелел мне сместить Мёбиуса и вместо него править миром. Я повиновалась. Я была врачом, а Мёбиус моим пациентом. Я могла делать с ним все, что хотела. Я давала ему снотворное много лет кряду и снимала фотокопии с откровений царя Соломона, пока в моих руках не оказалось все до последней странички.

Ньютон. Вы спятили! Окончательно и бесповоротно! Поймите же наконец! (*Тихо.*) Мы все спятили.

Доктор. Я действовала осторожно. Поначалу я завладела лишь несколькими открытиями, чтобы накопить необходимый капитал. Потом я основала гигантские предприятия, приобретала одну фабрику за другой и объединила это все в могущественный трест. Теперь я смогу наконец использовать систему всех возможных открытий, господа.

Мёбиус (*настойчиво*). Фройляйн доктор Матильда фон Цанд, вы больны. Никакого царя Соломона нет и в помине. Он никогда мне не являлся.

Доктор. Вы лжете.

Мёбиус. Я его выдумал, чтобы сохранить свои открытия в тайне.

Доктор. Вы отрекаетесь от него!

Мёбиус. Ну образумьтесь же. Поймите, что вы помешанная.

Доктор. Не больше вас.

Мёбиус. Значит, мне придется сообщить всему миру правду. Все эти годы вы обкрадывали меня. Без стыда и совести. И еще заставляли мою бедную жену платить вам.

Доктор. Вы бессильны, Мёбиус. Даже если бы ваш голос и услышали, вам бы никто не поверил. Ибо в глазах общественности вы опасный сумасшедший. Вы же убийца.

Все трое начинают понимать,
в какое положение они попали.

Мёбиус. Моника?
Эйнштейн. Ирена?
Ньютон. Доротея?

Доктор. Я лишь не упустила представившуюся возможность. Надо было обезопасить открытия Соломона и покарать вас за предательство. Я была вынуждена вас обезвредить и для этого подтолкнула вас к убийству. Я натравила на вас трех сиделок. Вашу реакцию я знала наперед. Вы были управляемы, как автоматы, и убивали, как палачи. (*Мёбиус хочет на нее наброситься. Эйнштейн его удерживает.*) Мёбиус, бросаться на меня так же бессмысленно, как бессмысленно было сжигать рукописи, которые уже в моих руках. (*Мёбиус отворачивается.*) Теперь вас отгораживают от мира не стены сумасшедшего дома. Эта вилла — сокровищница моего треста. В ней заключены трое физиков. Кроме них — и меня — никто в мире не обладает истинным знанием. И те, кто вас охраняет, вовсе не служители сумасшедшего дома: Сиверс — начальник моей заводской охраны. Вы укрылись в собственной тюрьме. Царь Соломон внушил вам свои мысли и действовал вашими руками, теперь же он уничтожит вас — моими руками.

Молчание. Фройляйн доктор говорит
все это тихо и кротко.

Я же принимаю на себя его власть. И не боюсь. В моей клинике полно моих сумасшедших родственников, увешанных драгоценностями и орденами. Я — последний нормальный отпрыск нашего рода. Это конец. Я бесплодна. Мне осталась лишь любовь к ближнему. Но царь Соломон сжалился надо мной. Он, обладающий тысячью

жен, избрал меня. И я буду могущественнее всех моих предков. Мой трест будет владеть миром, он захватит все страны и континенты, всю Солнечную систему и долетит до туманности Андромеды. Задача решена — не в пользу человечества, а в пользу горбатой старой девы. (*Звонит в колокольчик.*)

Справа входит Сиверс.

Сиверс. Что прикажете, босс?

Доктор. Идемте, Сиверс. Совет директоров ждет. Всемирный трест приступает к работе, производство начинается. (*Вместе с Сиверсом выходит в дверь справа.*)

Трое физиков остаются одни. Тишина.
Игра проиграна. Все молчат.

Ньютон. Это конец. (*Садится на диван.*)

Эйнштейн. Мир попал в руки сумасшедшей докторши из сумасшедшего дома. (*Садится рядом с Ньютоном.*)

Мёбиус. Все, до чего человек додумался, нельзя у него отнять. (*Садится в кресло слева от дивана.*)

Молчание. Все трое смотрят в одну точку перед собой. Потом начинают говорить и говорят совершенно спокойно и непринужденно, словно просто представляются публике.

Ньютон. Я — Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Родился четвертого января тысяча шестьсот сорок третьего года в Вулсторпе возле Грендхема. Я — президент королевского общества. Но из-за этого вовсе не надо вставать. Я написал «Математические начала натуральной философии». Мне принадлежат слова: я не придумываю гипотез. В экспериментальной оптике, теоретической механике и высшей математике у меня были значительные достижения, но вопрос о сущности всемирного тяготения я вынужден был оставить открытым. Были у меня и богословские труды: комментарии к пророку Даниилу и к Апокалипсису Иоанна. Я — Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Президент королевского общества. (*Встает и уходит к себе в комнату.*)

Эйнштейн. Я — Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн. Родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. В тысяча девятьсот

втором году я работал экспертом патентного бюро в Берне. Там я создал свою теорию относительности, с которой началась новая физика. После этого меня избрали членом Прусской академии наук. Потом я стал эмигрантом. Потому что я еврей. Я открыл формулу $E = mc^2$, то есть ключ к превращению массы в энергию. Я люблю людей и мою скрипку, но при моем содействии люди изготовили атомную бомбу. Я — Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн. Родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. (*Встает и уходит в свою комнату. Вскоре слышатся звуки скрипки. Это Крейслер. «Муки любви».*)

Мёбиус. Я — Соломон. Я — бедный царь Соломон. Некогда я был сказочно богат, мудр и богобоязнен. Моя власть сотрясала могущественные троны. Я был царем мира и справедливости. Но моя мудрость уничтожила мою богобоязненность, и, когда я перестал бояться Бога, моя мудрость уничтожила мое богатство. Ныне мертвы города, в которых я правил, и пусто царство, вверенное мне. Кругом лишь синеватое мерцание пустыни, и где-то там далеко вокруг маленькой желтой безымянной звезды кружится и кружится без цели и смысла радиоактивная Земля. Я — Соломон, я — Соломон, я — бедный царь Соломон. (*Уходит в свою комнату.*)

Гостиная пуста. Слышится только скрипка Эйнштейна.

Посвящается Лотти к 4 сентября 1962 года

Комедия

Геркулес и Авгиевы конюшни

Herakles und die Augiasställe

Eine Komödie

Действующие лица

Геркулес — национальный герой
Деянира — его возлюбленная
Полибий — его секретарь
Авгий — президент Элиды
Филей — его сын
Иола — его дочь
Камбиз — его батрак
Лихас — письмоносец
Тантал — директор цирка
Десять парламентариев
Двое рабочих сцены

Антракт после девятой картины.

I. Открытая сцена и пролог

Полибий выходит на авансцену.

Полибий. Дамы и господа, несомненно, вид этой сцены, символизирующей наш мир, может вызвать у вас легкую неприязнь. У меня только одно оправдание: другого драматургического решения просто не существует. Мы попытаемся рассказать вам историю, которую никто до нас не решался показать в театре, поскольку в ней, если можно так выразиться, борются два враждующих человеческих начала: потребность в чистоте и художественный инстинкт. И если мы все же отваживаемся на это рискованное предприятие и даже соорудили перед вами целый мир из нечистот, то лишь потому, что нас окрыляет вера в способность драматургического искусства преодолеть любую трудность. Вернее, почти любую: ибо воспроизвести остальные подвиги нашего национального героя невозможно, — как, например, изобразить проникших в колыбель к Геркулесу змей, которых младенец раз, раз и... (*жестом изображает удушение*) или, например, сцену, когда могучий младенец с такой силой тянет сосок богини Геры, что струя божественного молока разливается по всему небу, — событие космического масштаба, которому мы обязаны появлением Млечного Пути... Где возьмешь таких змей, такого младенца, такую грудь? Но вернемся к делу. Открывающийся вашему взору пейзаж из коровьего помета, или, выражаясь научно, весь этот мифический компост, — не что иное, как тот самый античный навоз, который скапливался в Элиде столетиями и уже давным-давно затопил всю страну. И пусть вас утешит хотя бы то, что если мы предлагаем вам навоз, так уж зато навоз — знаменитый! Дирекция пошла вам навстречу еще в одном

пункте: для сцен, которые будут происходить в других, так сказать, более опрятных местах, она предоставила помост и даже снабдила его занавесом. Вот пожалуйста.

Из навоза выкатывается помост,
завешенный спереди белым занавесом.

Кулисы мы будем спускать сверху, например вот этот фасад виллы в Фивах, он нам скоро понадобится.

Фасад опускается сверху до половины высоты
сцены и снова уплывает вверх.

А вот, например, наш естественный спутник — луна.

Наверху слева показывается полная
луна, потом закатывается.

Разве может быть искусство без романтики, романтика — без любви, любовь без лунной ночи? Мы ведь показываем не реалистический спектакль, не нравоучительную пьесу и уж никак не абсурдную драму. Мы предлагаем вашему вниманию произведение поэтическое. Пусть наш сюжет и не очень приятен для обоняния — аромат истинной поэзии возьмет свое. Остальной реквизит притащат на сцену двое рабочих сцены. Например, вот этого обессиленного вепря.

Двое рабочих, кряхтя, кладут на помост
вепря, потом собирают в складки занавес —
теперь он напоминает ледяную глыбу.

Без этой скотины нам не обойтись. А то, что на ногах у рабочих высокие сапоги, — простительно, если принять во внимание то, что у них под ногами. Дамы и господа! Вот, собственно, и все, что я собирался вам сказать. Но прежде, чем начать спектакль, я хочу вам представиться. Я — грек. Имя мое Полибий, и я родом из Самоса. Я — личный секретарь нашего национального героя. Но даже самое забитое, безответное существо — я умышленно выбираю эти выражения — должно когда-нибудь заговорить после всех этих бесконечных и, с исторической точки зрения, бесплодных столетий. Поэтому-то я и решился заговорить, так сказать, приподнять завесу прошлого. Мы ведь тоже мечтали о месте под солнцем и надеялись на достойное человека существование. И куда же мы приземлились? Вид этой сцены вам все объяснит. Пора, однако, я заболтался. Вон идет мой шеф. Видите, он вешает лук на ледяную глыбу. Садится на помост.

Появляется Геркулес. На нем львиная шкура, в руках лук и дубинка. Он садится на помост рядом с вепрем.

Итак, мы начинаем: «Геркулес и Авгиевы конюшни». Это пятый подвиг нашего национального героя, но мы начнем с конца четвертого. Снег. Две тысячи девятьсот одиннадцать метров над уровнем моря. Дамы и господа! Начали.

II. На Олимпийском глетчере

Геркулес, запорошенный снегом, сидит рядом с засыпанным снегом вепрем.

Геркулес. Холодно.

Полибий. Холодно.

Геркулес. Воздух такой разреженный.

Полибий. Высокогорный воздух. (*Дует в ладони, хлопает руками по телу, топчется, пытаясь согреться.*)

Геркулес. Садись. Твои танцы меня нервируют.

Полибий. Пожалуйста. (*Залезает на помост и садится слева от вепря.*)

Молчание. Оба мерзнут.

Геркулес. Ветер северный.

Полибий (*слюнявит правый указательный палец, затем поднимает его кверху*). Северо-западный.

Геркулес. К счастью, я захватил львиную шкуру.

Полибий. А я, к сожалению, одет слишком по-летнему.

Геркулес. Туман сгущается.

Полибий. В десяти шагах ничего не видно.

Геркулес. Снег опять пошел.

Полибий. Начинается буран.

Геркулес. Греки на глетчере — жалкое зрелище.

Грохот.

Полибий. Лавина.

Геркулес. Наша нация не создана для альпинизма.

Полибий. Тем более мы можем гордиться, что первыми взошли на Олимп.

Геркулес. Первым взошел вепрь.

Грохот.

Полибий. Камни летят.

Геркулес. Полгоры катится вниз.

Полибий. А Олимп вообще-то солидная гора?

Геркулес. Понятия не имею.

Молчание. Вьюга.

Полибий!

Полибий. Что прикажете, маэстро Геркулес?

Геркулес. Перестань стучать зубами.

Полибий. Пожалуйста.

Геркулес. Я что-то задумался.

Полибий. Это от холода.

Геркулес. Работаю как лошадь. Побеждаю древних чудовищ, чтобы они не топтали полей Греции. Развешиваю на деревьях разбойников, ставших грозою наших дорог. Но с тех пор, как ты у меня служишь, дела идут хуже, хотя ты и привел в порядок мою корреспонденцию. Я предпочел бы, чтобы было наоборот.

Полибий. Вы правы, маэстро. Первые три подвига, которые я вам организовал, принесли нам немного. Гонорар за немейского льва выплачивали по весу, а лев-то оказался карликовой балканской породы. Гидра утопла в лернейских болотах, а керинейская лань и вовсе от вас сбежала. Остается, правда, эримантский вепрь. Вот это была погоня! До самой вершины божественной горы, которой до нас человеческий глаз и не видывал!

Геркулес. Мы ее тоже не видим.

Полибий. Зато мы наконец пристукнули этого страшного вепря.

Геркулес. А снег все идет.

Полибий. Наконец-то мир вздохнет спокойно.

Геркулес. А нам-то какой прок?

Полибий. Огромный. Эримантский вепрь лежит бездыханный в снегу, а там, где вепрь, там и гонорар.

Геркулес. Но это же не эримантский вепрь, а какая-то дохлая свинья.

Полибий (*рассматривает тушу*). А ведь и верно. Свинья.

Молчание.

Наверное, за вепрем гналась.

Геркулес. Как и мы.

Полибий. Маэстро, нельзя терять присутствие духа.

Грохот.

Геркулес. Опять лавина.

Полибий. Где свинья, там и вепрь.

Геркулес. Он в том ущелье.

Полибий. В ущелье?

Геркулес. Эримантский вепрь на моих глазах свалился в пропасть.

Полибий. Значит, и гонорар туда же. Пятнадцать тысяч драхм там лежат.

Геркулес. На три тысячи больше, чем я в среднем зарабатываю на разбойнике.

Молчание.

Полибий. А нельзя его оттуда достать?

Геркулес. Слишком глубоко.

Молчание.

Полибий. Надо это дело обдумать.

Геркулес. Свинья тоже замерзла.

Молчание.

Полибий. Эврика!

Геркулес. Что?

Полибий. В Фивах у меня есть знакомый чучельщик. Можно его попросить...

Геркулес. О чем?

Полибий. Чтобы он свинью переделал в вепря. Разница невелика.

Молчание.

Геркулес. Снег прошел.

Полибий. И туман рассеивается.

Геркулес. Встанем.

Встают, отряхивают с себя снег.

Сделаем зарядку.

Приседают, размахивают руками.

Теперь голова опять ясная.

Полибий. Слава Богу.

Геркулес. Ты меня хочешь превратить в авантюриста.

Полибий (*испуганно*). Но, высокочтимый маэстро...

Геркулес. Ты хочешь, чтобы я свинью выдал за вепря.

Полибий. Но ведь иначе у нас пропадет гонорар! Подумайте только: пятнадцать тысяч драхм!

Геркулес. Плевать я хотел на твои пятнадцать тысяч!

Полибий. Но, высокочтимый маэстро! Вспомните, сколько у вас долгов!

Молчание. Геркулес рассеянно смотрит на Полибия.

Геркулес. Помолчи!

Полибий. Пожалуйста!

Геркулес (*громовым голосом*). Мы на Олимпе.

Грохот.

Полибий. Опять лавина.

Молчание.

Геркулес (*орет*). А мне плевать!

Грохот.

Полибий. Еще одна.

Молчание.

Если будете орать, и другая половина горы вниз покатится.

Геркулес (*в бешенстве*). Сам ты у меня сейчас покатишься! Нет у меня долгов! Понятно?!

Полибий. Есть, высокочтимый маэстро!

Геркулес. Врешь! (*Хватает Полибия за плечи.*)

Полибий (*в смертельном страхе*). Я не вру, высокочтимый маэстро! Вы же это сами знаете. Вы кругом в долгу! Банкиру Эврисфею должны? Должны. А опекунскому управлению, а архитектору Аясу, а портному Леонидасу?.. Всему городу должны, высокочтимый...

Тьма. Грохот. Тишина.

III. Перед помостом

Полибий, хромая, выходит из-за помоста.
Он потирает зад, левая рука его — в гипсе.

Полибий (*задыхаясь*). Он всегда славился своей вспыльчивостью и сейчас еще знаменит этим. Он столкнул

меня вместе со свиньей с Олимпа. Мы упали в лес у подножия горы, а потом он и сам скатился вниз, вместе с верхушкой скалы. (*Вытаскивает из-за шиворота сосульку.*) Сосулька! (*Швыряет ее в оркестр.*) К счастью, громадные скалы милостиво меня миновали, зато Геркулес свалился прямо на меня. Он остался невредим. В общем, из нас троих ему больше всех повезло. А я лежал между свиньей и национальным героем. Ладно, хватит об этом. Я бы уже давным-давно бросил эту службу. Но секретарю без диплома (*и в Афинах, и в Родосе я завалился на экзаменах*) трудно найти место, а кроме того, национальный герой мне уже два месяца задерживает зарплату. Но даже самые страшные вспышки гнева смягчает его...

Деянира (*за сценой*). Геркулес!

Полибий. ...слава... Это Деянира, его возлюбленная. Фантастическая женщина — что за фигура, что за ум! О ней можно рассказывать чудеса!

Геркулес высовывает голову
за край занавеса.

Геркулес. Полибий, ты слышишь этот дивной красоты голос, напоминающий серебристый звон колокольчика? Ну, разве она не совершенство? Ее фигура, походка... А звук ее голоса, когда она смеется, поет, читает стихи или произносит мое имя... А как она танцует!.. (*Вновь исчезает за занавесом.*)

Полибий. Какая прекрасная пара, как дополняют они друг друга! Геркулес — геройская натура, он груб и простодушен, а она изящна и очень тонко чувствует оттенки. Ради нее он совершает самые необыкновенные подвиги, каких требует его ремесло, ибо в ней, по его мнению, воплощен греческий дух, для нее он и очищает свою родину от скверны. Деяниру это иногда даже беспокоит. «Я знаю», — сказала она мне как-то.

Справа появляется Деянира
с большой чашей в руках.

Деянира. Я знаю, что нас с Геркулесом считают идеальной греческой парой. Мы и на самом деле очень любим друг друга. Но с тех пор, как у меня эта чаша с черной кровью, я просто боюсь выходить за него замуж.

Полибий. Чаша с черной кровью?

Деянира (*с чашей в руках садится на край помоста*). Когда мы добрались до реки Эвен, меня пытался похитить кентавр Несс. Геркулес подстрелил его отравленной стрелой. Перед смертью кентавр посоветовал мне собрать его кровь в чашу и пропитать ею сорочку Геркулеса, тогда, мол, он мне останется навсегда верен. А я этого еще не сделала. Он ненавидит сорочки и почти всегда ходит голый, если не надевает львиную шкуру. Пока мы еще свободны. Но когда-нибудь придется обвенчаться. Тогда я буду бояться его потерять, и он будет носить рубашку, потому что с годами станет мерзнуть. Тогда вот я и пропитаю его рубашку черной кровью кентавра. (*С чашей в руках уходит направо.*)

Полибий. Вот вам и Деянира. Что же касается царя Авгия, чья дерзость сыграла решающую роль в жизни нашей героической пары, — то он представится вам лично. Итак, выход Авгия. (*Уходит налево.*)

Слева появляется Авгий. Он в сапогах. Быстрым взглядом окидывает помост, потом выходит к публике.

Авгий. Сперва кое-какие сведения о нашей Элиде. Она расположена в Греции чуть южней тридцать восьмой параллели, приблизительно на уровне Сицилии, а точнее — в западной части Пелопоннеса. Ее северная и южная границы проходят по рекам Пеней и Алфей, на западе она омывается Ионическим морем, а на востоке граничит с Аркадией, — довольно безотрадным местом, вопреки тому, что о нем говорят. Почва у нас хорошо унавожена. Под навозом лежат молассы, а еще глубже — гнейс. Климат, если не считать частых проливных дождей, вполне приличный. Таковы же и обычаи. Зима, к сожалению, довольно суровая, а теплый горный ветер действует усыпляюще. Отсюда пословица: «Заспанный, как элидиец». Главный город, как и вся страна, называется Элида. А вот данные о поголовье скота — у нас восемьсот тысяч голов крупного рогатого скота и шестьсот тысяч свиней. Считая округленно. Кур несколько миллионов. Яиц... (*Роется в карманах, достает яйцо, показывает.*) Яйца у нас очень крупные, питательные и вкусные. Населения — двести тысяч. Тоже если округлить. Религия: умеренно дионисийская, но есть и общины, по старинке поклоняющиеся Аполлону. Политика либерально-патриархальная. Нам приходится лавиро-

вать между Афинским морским союзом, гегемонией Спарты и персидской мировой державой. О себе самом распространяться не буду. Сказать по правде, я даже и не царь, а всего-навсего президент Элиды. А точнее говоря, просто самый богатый из крестьян, а так как страна у нас крестьянская, то наиболее уважаемый и правит парламентом. Семейное положение — вдовец. Двое детей. Разрешите вам их представить.

Слева и справа выходят Филей и Иола. Филей неуклюже кланяется. Иола делает книксен. Оба несколько занавожены.

Филей — мой сын, восемнадцатилетний сорванец, и Иола — моя дочурка. Ей четырнадцать. Ладно, можете убираться.

Дети уходят.

Вот и вся моя личная жизнь. Что же касается пресловутого навоза, — он-то и стал предметом жарких дискуссий в нашем великом национальном собрании. Будьте добры, отодвиньте помост... итак, мы — в старинной ратуше элидийской крестьянской республики.

Помост отъезжает в глубину сцены и исчезает.

(*Смущенно.*) То есть я хотел сказать... Понимаете ли... Так как ратуша — как бы это выразиться? — уже давным-давно там, внизу, — одним словом, погребена под нашими агрономическими отбросами... Ну вот, пришлось поэтому перенести заседание Великого национального собрания в мою конюшню. Проще и удобнее.

IV. Первая в Авгиевой конюшне

Над серединой сцены висит веревка с коровьим колокольчиком. Десять парламентариев, вынырнув из навоза, окружают Авгия. Их видно лишь по пояс. Они похожи на огромных загаженных идолов. Вся сцена играется в очень медленном темпе. Авгий звонит в колокольчик. Сначала вообще ничего не происходит.

Первый парламентарий. Воняет в нашей стране. Просто невыносимо.

Второй парламентарий. Кругом навоз. И больше ничего.

Третий парламентарий. В прошлом году хоть крыши были видны, теперь и они скрылись.

Четвертый парламентарий. Да. Сидим по горло в дерьме.

Все парламентарии. По горло.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Пятый парламентарий. Но мы же сидим в дерьме!

Шестой парламентарий. По горло. И даже выше.

Седьмой парламентарий. Загажены.

Восьмой парламентарий. Насквозь провоняли.

Все парламентарии. Не продохнуть.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Первый парламентарий. Хоть бы выкупаться... Но и в воде дерьмо.

Второй парламентарий. Ноги хоть бы вымыть.

Третий парламентарий. Лицо.

Четвертый парламентарий. Говорят, есть страны, где уровень навоза пониже.

Остальные парламентарии. Зато у нас он больно высок.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Девятый парламентарий. Зато мы все здоровы.

Остальные парламентарии. Но по уши в дерьме.

Десятый парламентарий. Зато мы посещаем храм.

Остальные парламентарии. Но по уши в дерьме.

Девятый парламентарий. Зато мы древнейшая демократия Греции.

Остальные парламентарии. Но по уши в дерьме.

Десятый парламентарий. Самый свободный народ в мире.

Остальные парламентарии. Но по уши в дерьме.

Девятый парламентарий. Мы — самые древние из греков.

Остальные парламентарии. Но по уши в дерьме.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Первый парламентарий. Нам необходимо ввести культуру, как в остальных частях Греции.

Второй парламентарий. Промышленность, туризм.

Третий парламентарий. Чистоту.

Четвертый парламентарий. Либо мы очистим страну от навоза, либо погрязнем в нем по уши.

Остальные парламентарии. По уши.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Пятый парламентарий. Время не терпит.

Шестой парламентарий. Позор!

Седьмой парламентарий. Надо принять меры.

Восьмой парламентарий. Какие?

Девятый парламентарий. Понятия не имею.

Десятый парламентарий. Не то мы провоняем. Насквозь.

Остальные парламентарии. Насквозь.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Первый парламентарий. Против судьбы не попрешь.

Остальные парламентарии. Не попрешь.

Молчание.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Мужи Элиды!

Третий парламентарий. Слушайте президента Авгия!

Остальные. Послушаем.

Авгий. У меня есть идея!

Молчание.

Все. Идея?

Авгий. Неожиданная идея.

Молчание.

Четвертый парламентарий. Я даже испугался.

Молчание.

Все. Говори.

Молчание.

Авгий. Мужи Элиды! Нам, по-моему, необходимо избавиться от навоза. Среди нас нет таких, кто бы не выступил против навоза. Более того, из всех греков мы, жители Элиды, самые непримиримые враги навоза.

Все. Правильно.

Авгий. Однако есть разница между показной и радикальной уборкой. Если мы освободимся от навоза лишь частично, он через год вновь поднимется до нынешнего уровня, а то и выше, если учесть нашу производительность. Поэтому я за радикальную уборку.

Все. Правильно!

Пятый парламентарий. Итак, долой навоз!

Все. Долой навоз!

Авгий. Долой навоз! Это — великие слова. Мы — подлинная демократия и стоим на пороге решительного обновления государства. Задача, поставленная перед нами, столь ответственна, что нам необходимо выбрать Верховного ассенизатора, если мы всерьез хотим ее выполнить. Правда, с другой стороны, мы подвергаем угрозе нашу свободу. Дерьма не будет, а Верховный ассенизатор останется, и удастся ли нам его тоже убрать — большой вопрос. История нас учит, что верховные ассенизаторы всегда остаются. Но нам грозит и еще большая опасность. Если мы займемся уборкой навоза, у нас не останется времени для ухода за коровами, производство сыра и масла снизится, экспорт сократится. Убытки превысят всю пользу от этой затеи.

Девятый и десятый парламентарии. Убытки.

Остальные. Пусть за уборку платят богатые.

Шестой парламентарий. От них больше всего навоза.

Девятый и десятый парламентарии. С нас и так дерут налоги.

Остальные. Пусть уберут навоз, и весь разговор.

Авгий. Мужи Элиды! Я перехожу к своей идее. На последнем Совете Правителей в Аркадии говорилось о каком-то Геркулесе, которого называют Спасителем отчизны от нечисти. Он-то нам и нужен для спасения от нечисти или нечистот, что одно и то же. Я хочу написать ему письмо. Мы ему предложим приличный гонорар и оплатим издержки. Пока мы будем смотреть за скотом, он сможет приступить к работе. Таким образом нам уборка обойдется дешево.

Все. Дешево!

Седьмой парламентарий. Вот именно. Так мы и сделаем.

Все. Правильно!

Авгий и десять членов парламента снова погружаются в навоз.

V. Перед домом Геркулеса в Фивах

Сверху на помост опускается фасад античного здания.
Справа появляется письмоносец Лихас.

Лихас. Меня зовут Лихас. Мой почтовый участок в Фивах — Кадмея. Я должен отнести нашему национальному герою Геркулесу, проживающему по улице Кадма, тридцать четыре, заказное письмо от Авгия. Следовательно, я — письмоносец. И еще какой письмоносец! На свете много выдающихся царей, много выдающихся полководцев, много выдающихся артистов и даже много гениев, но выдающийся письмоносец только один. Это я. И, надеюсь, вам не покажется нескромным мое утверждение, что я представляю собой, так сказать, основной персонаж этой пьесы, хотя появляюсь в ней всего лишь раз, а именно — теперь. Все дело в том, что я — тот самый классический вестник беды, который, спустя несколько лет после эпизода с Авгиевыми конюшнями, передаст Геркулесу знаменитую посылку с рубашкой Несса. Это случится на острове Эвбея, куда меня к тому времени переведут по распоряжению почтового ведомства. Отправитель: Деянира. Место назначения — постоялый двор в предгорье Кениона. Впрочем, сама по себе рубашка была белоснежной, ничто не

указывало на то, что она пропитана черной кровью кентавра. Я-то думал — рубашка есть рубашка, и передал посылку. Сейчас я вам покажу, как все это происходило.

Сверху прямо в руки Лихаса падает пакет.

Полдень. Небо серебристого цвета, пасмурное. Январь. Холодно. Относительно холодно.

Смена освещения. Фасад становится прозрачным и призрачным. Справа на сцену вдвигается могильный холм Филея — куча земли, увенчанная разбитым шлемом и пропитанным кровью элидийским одеянием с порванными свадебными лентами.

Направляюсь я, значит, к гостинице, прохожу мимо кургана Филея. (*Поднимает с холма шлем, показывает его публике.*) С сыном Авгия вы уже знакомы. Молодой человек отыскал наконец Геркулеса, вызвал его на дуэль, ну а потом останки его сгребли... (*Кладет на место шлем.*) Дохожу до дверей, звоню. (*Дергает за звонок, но звонка не слышно.*) Дверь отворяет Иола, дочка Авгия, ее вы тоже знаете. Отворяет, как ни в чем не бывало. Будто не ее брата убили. Та самая Иола, к которой ревнует Деянира.

Иола отворяет дверь.

В прозрачном одеянии, увешанная драгоценностями. Конечно, все это подарки Геркулеса, который захватом города Ойхалия поправил наконец свои дела. А ведь эта потаскуха еще недавно ходила в лохмотьях, босая. Я говорю ей: примите почту, барышня, посылку нашему национальному герою от его супруги. Она принимает посылку и исчезает.

Иола запирает дверь.

(*Садится на помост слева, возле двери.*) Исчезает. Видели? Ни слова не сказала, только улыбнулась. И при этом глянула на меня глазами косули. Нежно и невинно. (*Достает из-за фасада дома кувшин с вином.*) Я, конечно, мог сразу уйти. Но остался. К сожалению. Пью, значит. (*Пьет.*) Слышу, как там, на постоялом дворе, смеется Иола.

Слышен задорный смех.

Но вдруг все замолкает.

Тишина.

Вот тут-то Геркулес меня и сцапает. Сейчас появится в дверях.

Дверь распахивается, появляется Геркулес. Он весь в крови.

Геркулес. Смотрите все на меня, смотрите и ужасайтесь!

Лихас. Он пропал. Черная кровь Несса уже разъел его тело.

Темно. Виден лишь Лихас.

(*Устремляется вперед, глядя в публику.*) Теперь понятно, почему одним мощным движением он запустил меня ввысь. Понятно, хотя и несправедливо. Впрочем, мой стремительный полет открыл передо мной картину поистине грандиозную. Сверху была видна вся Греция. Акрополь казался крохотным кубиком, Олимп — засахаренной норкой крота. И я чрезвычайно горд за нашу прекрасную, еще не целиком охваченную нашим почтовым ведомством, родину. А дальше вот что. Я падаю. Но, дамы и господа, я лучше избавлю вас от этого зрелища. Все дальнейшее — чисто почтовое мероприятие, предпринятое над моей особой. И эта посылка прибыла к месту назначения. В преисподнюю. Пятый круг. Отделение для болтунов. Я был несколько удивлен, должен признаться. Хотя и далек от критики. Но не было ли это ошибкой главного почтового управления?

Сцена вновь освещается, виден фасад.
Могильный курган Филея отъезжает вправо.

Но я забежал вперед. Надо вернуться в Фивы, к дому нашего национального героя по улице Кадма, тридцать четыре. Передадим ему письмо Авгия. Вот оно, это письмо. (*Подымает руку с письмом.*) Поистине роковая весть. (*Опускает руку с письмом.*) Дамы и господа, я знаю, что вы сейчас обо мне думаете. Но это ошибка. Тайна переписки есть тайна переписки. Это кредо нашей почты, в том числе и мое кредо. И дело не только в том, что я снова заклеиваю каждое прочитанное мною письмо, но и в том, что я читаю их не как частное лицо, а исключительно по соображениям почтово-психологическим. Ведь наше почтовое управление наряду с прекрасным вкусом и художественным чутьем — достаточно указать на выпускаемые

нами юбилейные марки — обладает также и большим тактом. Но именно такт требует знакомства с содержанием всех почтовых отправлений. Представьте себе, что я вручаю какое-то очень печальное сообщение и при этом напеваю веселую песню. Или, наоборот, я прихожу с радостным известием, а лицо мое выражает грусть. Такая бесчеловечность была бы просто губительной. Однако тс-с! Больше ни слова о письме, которое я сейчас вручу. (*Подходит к двери, чтобы позвонить, но вновь оборачивается к публике.*) Скажу лишь одно: оно очень неприятное. И не только с точки зрения стиля. Ведь элидийцы явно понимают термин «спаситель отчизны от нечисти» слишком буквально, как «спаситель от нечистот». Такое обращение может лишь обидеть Геркулеса, да и не его одного: вся нация почувствует себя оскорбленной, если письмо это станет известным. Я просто побелел, когда ознакомился с его содержанием. И не только я один, но и моя жена, а также пекарь Антипоин, мясник Ликимний, столяр Мирмион, жестянщик Офельт, виноторговец Крот, трактирщик Ойней, полицейский Трион, боксер Мероп, жрец Панопей, гетера Пирена — между прочим, очень недорогая и вполне чистоплотная, поет, танцует, прекрасно читает стихи, особенно классиков, наше почтовое отделение ее горячо рекомендует (Центральный городской ров, шестнадцать.) Короче говоря — все прочитавшие письмо были возмущены. Но это строго между нами. Я — письмоносец. Мое дело разносить письма и вручать их без комментариев, а не оплакивать судьбы мира. (*Звонит.*)

На этот раз звонок слышен.

Появляется Полибий.

Пожалуйста. (*Передает письмо Полибию.*)

Полибий. Спасибо. (*Берет письмо и исчезает за дверью.*)

Лихас. Дамы и господа! Смотрите внимательно. Сейчас такое будет. (*Уходит налево.*)

Тишина.

В доме страшный грохот, трезвон, потом стоны.

Тишина.

Выбегает разъяренный Геркулес.

Геркулес. Я побежал в трактир. К Ойнею. Напьюсь. (*Уходит направо.*)

Тишина.

Слева появляются двое рабочих сцены с носилками. Они исчезают в доме и вскоре выносят оттуда чье-то тело. После их ухода справа появляется Полибий. На нем одной повязкой стало больше. Опирается на костыль.

Полибий. На носилках лежал я. Но предложение Авгия все равно необходимо принять. Мне пора, наконец, получить мои деньги, хотя бы герою пришлось моими костями драить преисподнюю. Я поговорю об этом с Деянирой, потому что еще одна такая беседа с Геркулесом может стоить мне жизни.

VI. В доме Геркулеса в Фивах

Полибий по-прежнему стоит справа. фасад дома уплывает вверх и исчезает. На помосте — Деянира на фоне греческого интерьера. Она сидит на греческой кушетке и чистит щеткой львиную шкуру. В глубине виден спящий Геркулес.

Деянира. Мне, право, очень жаль, Полибий, что Геркулес так вспылил.

Полибий. Ерунда!

Деянира. Геркулес тебя очень ценит. У него грубая внешность, но доброе сердце.

Полибий. А это главное.

Деянира. Нога еще болит?

Полибий. Главное, что температура упала.

Деянира. А что тебя ко мне привело?

Полибий. Президент Элиды прислал письмо.

Деянира. Это тот смешной мужик, который требует, чтобы Геркулес убрал у него навоз? Ну и хохотала же я!

Полибий. Мне, к сожалению, было не до смеха, мадам. Моя нога...

Деянира. Да, конечно, Полибий, твоя нога... (*Смущенно умолкает, продолжая чистить шкуру.*) Ты ведь не считаешь, что нам надо было принять это предложение?

Полибий. Мадам, памятуя наши долги...

Деянира (*смотрит на него с удивлением*). Разве у нас есть долги?

Полибий. Увы, мадам.

Деянира. И много?

Полибий. Нас осаждают кредиторы. Я уже не говорю о штрафах. Мы на грани банкротства.

Молчание.

Деянира (*продолжает упрямо чистить шкуру.*) Я продам драгоценности.

Полибий. Мадам, все ваши камни — фальшивые. Настоящие мы были вынуждены продать. В этом доме теперь все поддельное.

Деянира. Одна львиная шкура. (*Встряхивает ее.*)

Поднимается облако пыли. Полибий кашляет.

Полибий. Вот именно.

Деянира (*продолжает чистить шкуру, потом прерывает свою работу*). А сколько предлагает Авгий?

Полибий. Трудно сосчитать. Элидийцы — крестьяне. Очень прилежные, но примитивные, лишенные всякой культуры. Они умеют считать только до трех. Они мне дали пергаментный свиток. Он весь усеян тройками, и я их как раз подсчитываю. Пока я насчитал триста тысяч драхм.

Деянира. Нас это выручит?

Полибий. Более или менее, мадам.

Деянира. Я поговорю с Геркулесом.

Полибий. Буду вам очень признателен, мадам. (*С облегчением ковыляет направо.*) Одно дело сделано. (*Уходит.*)

Деянира. Геркулес! (*Продолжает чистить шкуру.*) Геркулес!

В глубине сцены поднимается
все еще хмельной Геркулес.

Геркулес (*робко*). Алло.

Деянира (*ласково*). Алло.

Геркулес (*смелее*). Уже поздно?

Деянира. Скоро вечер.

Геркулес (*чуть-чуть испуганно*). Вечер? (*Берет себя в руки.*) А я только проснулся.

Деянира. Сядь.

Геркулес. Лучше не надо. Не то опять засну. А ты все чистишь?

Деянира. Чищу. Твоя шкура снова пришла в чудовищный вид.

Геркулес. Немыслимое одеяние! К тому же слишком деликатное для моей профессии.

Деянира. Немыслимым, дорогой, стало твое поведение с тех пор, как ты получил письмо от этого Авгия. Ты измываешься над своим секретарем, напиваешься в фиванских кабаках, насилуешь в городском парке гетеру Ойрату и возвращаешься пьяным домой только к утру. С двумя девками.

Молчание. Деянира чистит шкуру.

Геркулес (*удивленно*). С двумя девками?

Деянира. Голодные твари из Македонии. Я их тут же с первым кораблем спровадила домой.

Молчание. Деянира чистит шкуру.

Геркулес. Голова раскалывается.

Деянира. Могу себе представить.

Геркулес. Я ничего не помню.

Деянира. Приходила полиция.

Геркулес. Полиция?

Деянира. Да. Лейтенант Диомед.

Геркулес. А почему меня не разбудили?

Деянира. Пытались. Пришлось мне самой его принять. Пока я лежала в ванной.

Молчание. Деянира продолжает чистить шкуру.

Геркулес. Неужели ты хочешь сказать...

Деянира. Хочу.

Геркулес. Что ты этого Диомеда в ванной...

Деянира. Моя ванная все же — не городской парк, дорогой.

Геркулес. Этот Диомед — знаменитый на всю Грецию бабник.

Деянира. Вроде тебя.

Молчание. Деянира продолжает чистить шкуру.

Геркулес. Чего ему надо было, сопляку?

Деянира. Поставить меня в известность.

Геркулес (*мрачно*). Об этой гетере? Могу себе представить. Эта шлюха, конечно, ему сама все рассказала. Публики в парке не было. Если вообще все это правда.

Деянира. Правда. Мимо вас проходила группа отцов города. Но он приходил не из-за этого. Ты разрушаешь банки.

Геркулес. Банки?

Деянира. Вырвал с корнем все колонны Фиванского банка, выломал бронзовые двери в Дорийском банке, а с банка Эврисфея сорвал крышу. И чего это ты против них ополчился?

Геркулес. Так. Просто надоело приносить пользу человечеству и нянчиться с ним, как с ребенком. Все эти подвиги мне просто осточертели! А наших самодовольных, зажравшихся горожан глаза бы мои не видели! Наживаются, сволочи, на моем благородстве. В бешенство от них прихожу. К тому же у меня долги. Пойду-ка я лучше высплюсь.

Деянира чистит шкуру.

Пыль проклятая.

Деянира. Мне необходимо с тобой серьезно поговорить.

Геркулес. Серьезно поговорить? Да ты же целое утро...

Деянира. Сейчас уже почти вечер.

Геркулес. Но ты целое утро серьезно со мной говорила.

Деянира указывает на диван.

Пожалуйста. (*Садится на диван справа, рядом с Деянирой.*)

Деянира. Геркулес! Нам необходимо принять предложение Авгия.

Молчание.

Геркулес. Деянира! Я спустил с лестницы своего секретаря и выбросил его во двор, когда он об этом заикнулся.

Деянира. Что ж, ты и меня хочешь куда-нибудь выбросить?

Геркулес. Но ты же не можешь от меня требовать, чтобы я пошел чистить дерьмо!

Деянира. Мы кругом в долгах.

Геркулес. Я одолел самых страшных чудовищ, победил гигантов, справился с великанами Герионом и Антеем,

носил на плечах небосвод со всем грузом его созвездий. И вот теперь от меня требуют, чтобы я стал придворным золотарем у человека, который и считать-то умеет только до трех, и даже никакой не царь, а всего-навсего президент. Да ни в жизнь.

Деянира. Наш дом опишут.

Геркулес. Вся Греция будет надо мной смеяться.

Деянира. Нам грозит банкротство.

Геркулес. Ни за что.

Деянира. Ты не имеешь права отказываться. Должен же ты, наконец, понять. Важно не то, что человек делает, а как он это делает. Раз ты герой, значит, ты и с дерьмом будешь обращаться как герой. Что бы ты ни делал — это не может быть смешным, раз это делаешь ты.

Молчание. Деянира чистит шкуру.

Геркулес. Деянира!

Деянира. Что, Геркулес?

Геркулес. Пойми же, я не могу. Не могу. Не могу.

Молчание.

Деянира (*откладывает в сторону щетку, поднимается с дивана*). Тогда я беру на неделю отпуск.

Геркулес. Отпуск? (*Растерянно на нее смотрит.*) Зачем?

Деянира. Чтобы посетить банкира Эврисфея и торговца оружием Фукидида — двух богатейших мужей Греции, а потом и всех царей, одного за другим.

Молчание.

Геркулес. Чего тебе надо от этих ничтожеств?

Деянира. Отныне ты должен стать самым богатым из греков. Не напрасно же я была величайшей гетерой Греции, прежде чем стала твоей возлюбленной!

Геркулес (*встает*). Я их всех убью.

Деянира. Тебе это ничего не даст.

Геркулес. Но ведь это безумие!

Деянира. Нам нужны деньги.

Геркулес. Ты никуда не пойдешь.

Деянира. Нет, пойду.

Они смотрят друг на друга.

Геркулес. Пойду я. В Элиду. Чистить дерьмо. Лучше быть скотником, чем сутенером.

Помост с Деянирой и Геркулесом откатывается назад и исчезает.

VII. Прибытие в Элиду

Сцена представляет собой сплошное море навоза.
Из него могучим прыжком выскакивает Филей.

Филей (*задыхаясь*). Граждане Элиды! Выходите из конюшен! Грядет Геркулес! Я сам видел, как он причалил к берегу Пенея на корабле с алым парусом. Огромный, голый вышел он на берег, держа в своих мощных руках возлюбленную, закутанную в львиную шкуру. Она прекрасна, как богиня. И я убежал, не в силах выдержать этой красоты. Бросьте все дела, бросьте все, вылезайте на свет Божий, торопитесь украсить город! Геркулес идет, идет Геркулес! (*Снова исчезает в навозе.*)

Слева выныривают Авгий и Великое национальное собрание. Невидимый оркестр исполняет первую строфу государственного гимна. Справа появляется Геркулес и Полибий на костыле. Оба в неописуемом виде. Они несут паланкин, в котором угадывается Деянира. Элидийцы затягивают государственный гимн.

Элидийцы.

О родина!
Жемчужина
На берегу Пенея!
Народ-герой
Вслед за тобой
Идет вперед смелее!

Пение постепенно прекращается, лишь оркестр исполняет гимн до конца. Авгий идет навстречу Геркулесу. Церемонно раскланивается. Геркулес отвечает поклоном.

Авгий. Геркулес! Национальный герой! Наконец-то наступил этот великий исторический момент. Наконец-то ты здесь — в стране свободы, в стране древнейших греков! Ты явился к нам как спаситель... (*Собранию.*) Кланяйтесь!

Великое национальное собрание раскланивается.

Ты явился к нам как спаситель, поскольку мы еще не освободились от... (*Роется в карманах.*) Прости, не могу найти текста речи, а ведь, пока я доил, она у меня была здесь. Ну, ничего не поделаешь. Прости нам наш государственный гимн. Он у нас не очень удачный. Никто не может выучить текста как следует. «Народ-герой вслед за тобой», или наоборот. Текст ужасный, впрочем, как текст всякого гимна. Короче говоря: добро пожаловать к нам, в Элиду!

Геркулес. Президент Авгий! Элидийцы! Благодарю за дружеский, теплый прием! Дорога к вам была чудовищной. Мы прошли сквозь ад. Мы вязли в болотах, карабкались на высоченные горы, барахтались в навозе, разгоняя миллионы кудахтающих кур. Борода полна навозных жуков, а тело облепили мухи. Элидийцы! Выслушайте мою торжественную клятву. Я спасу вашу страну от навоза. Радикально и навсегда. Я запружу обе реки — Алфей и Пеней — и смою навоз в океан, хотя бы мне пришлось утопить в дерьме все Ионическое море.

Авгий. Геркулес из Фив! Твоя речь подобна лучу света, озарившему наше темное царство. Иди со мной, я поведу тебя и твоих спутников на Лужайку приемов, где нас ждет скромная трапеза.

Все уходят влево. Оркестр исполняет государственный гимн.

VIII. Первая лунная ночь

Из навоза опять выплывает помост. На помосте открытый шатер, в котором сидит Деянира. Слева и справа — еще два шатра. Луна наверху слева.

Деянира. Наконец-то кончился банкет. Теперь хоть поговорить можно. Ведь я родом из страны, где женщины не значат ничего, а гетеры — всё. И вот меня занесло в страну, где даже гетерам голоса не дано. О мои семиврат-ные Фивы, о золотой град Кадмея, и зачем только я вас покинула! Теперь меня окружает мрачный и варварский мир. Я беспомощна. Я в отчаянии. Моя душа полна кошмарных видений. Не могу отделаться от ужаса, когда вспоминаю, как здесь пожирают целые стада быков и свиней, тонны бобов, опустошают целые бочки водки.

И при этом еще произносят бесконечные тосты. И все время целуются. Могу только плакать в одиночестве. Но слава Богу, хоть этот пир позади. Мы ведь даже не в самой Элиде, а на какой-то скале неподалеку от города, которая, подобно острову, торчит из океана навоза. Тут даже есть серебряный ручеек, в котором мы умываемся. Скоро рассвет. Луна вот-вот зайдет.

Луна закатывается в сторону горизонта.

Тишина. Лишь журчит ручеек. Геркулес и Полибий спят в своих шатрах, а мне не спится. Я сижу на львиной шкуре моего возлюбленного и смотрю на луну, которая ухитряется даже горы навоза превратить в нежно-голубые холмы. Но вдруг прямо передо мной возникает юноша в высоких сапогах. Он смущен. Он смотрит на меня удивленно своими большими глазами, потом опускает взгляд. Мое тело мерцает как белый мрамор в лунном свете, оно так прекрасно, что молодой человек не в силах поднять на него глаза.

Перед Деянирой стоит Филей.

Кто ты?..

Филей. Я...

Деянира. Ты не умеешь говорить?

Филей. Я — Филей, сын Авгия.

Деянира. Что тебе нужно?

Филей. Я... Я пришел за Геркулесом, чтобы он осмотрел навоз. Я ему принес сапоги. (*Ставит на землю пару сапог.*)

Деянира. Посреди ночи?

Филей. Прости.

Деянира. Ты мне скажешь правду?

Филей. До вашего приезда я видел только лошадей, быков и коров. Я рос, как все здесь в Элиде. Грубым и сильным. Меня били, и я бил. Но вот я увидел Геркулеса и тебя, и мне кажется, что я впервые узнал людей и что сам я — косматый зверь.

Деянира. За этим ты и пришел?

Филей. Я хотел побыть возле вас.

Деянира. Ты еще очень молод.

Филей. Мне восемнадцать.

Деянира. Присядь рядом со мной.

Филей. Ты ведь... Я никогда раньше не видел раздетой женщины.

Деянира. О, я прикроюсь львиной шкурой. Хочешь сесть рядом?

Филей. Если разрешишь. (*Робко присаживается около нее.*)

Деянира. Я устала, но не могу заснуть. Я боюсь этой страны, этих людей, и когда луна пошла на убыль, мне вдруг показалось, что кто-то пробирается сюда, чтобы убить меня и Геркулеса. И вот пришел ты. Молодой человек с горячим телом и добрыми глазами. Я положу голову к тебе на колени, чтобы мне не было страшно, когда луна окончательно исчезнет.

Луна закатилась. Освещение меняется. Утро. Из правого шатра высовывается голова Геркулеса, из левого — Полибия. Они выходят наружу.

Геркулес. С добрым утром.

Полибий. С добрым утром.

Геркулес (*делает зарядку*). До чего же воняет навозом.

Полибий. Пар идет.

Геркулес. Видно, элидийский навоз где-то совсем близко.

Полибий. Нет, это ветер.

Геркулес. Как твоя левая рука?

Полибий. Уже могу двигать.

Геркулес. А правая нога?

Полибий. Больше не болит.

Геркулес (*массирует затылок*). Не пойму... Эта ихняя водка...

Полибий. Я сейчас приготовлю завтрак. Бобы, сало, говядина. Элидийское национальное блюдо.

Геркулес. Давай-ка приступим к работе.

Оба одновременно замечают Деяниру и Филея. Молчание.

Ах ты, черт...

Полибий. Я просто потрясен, высокочтимый маэстро.

Геркулес. Это кто?

Полибий. Понятия не имею, высокочтимый маэстро.

Геркулес. Как он сюда попал?

Полибий. Сходить за дубинкой?

Геркулес. Ерунда, Полибий. Я же не людоед. Разбуди его. Только осторожно.

Полибий (*костылем дотрагивается до Филея*). Эй!

Филей (*испуганно выскакивает*). Ой! (*Испуганно смотрит на Геркулеса и Полибия.*)

Геркулес (*тихо*). Извини за беспокойство.

Филей (*смущенно*). Деянира просила...

Геркулес (*тихо*). Не так громко, не то она проснется.

Филей (*тихо*). Деянира просила, чтоб я разрешил ей положить голову ко мне на колени.

Геркулес. Вижу.

Молчание.

А ты, собственно, кто такой?

Филей. Филей, сын Авгия.

Геркулес. Очень рад.

Молчание.

Филей (*смущенно*). Я пришел навестить тебя.

Геркулес. Вижу.

Филей. Я принес тебе сапоги. (*Показывает на сапоги.*)

Геркулес. Для этой местности они пригодятся.

Филей. Я думал, что ты сегодня захочешь осмотреть элидийский навоз.

Геркулес. Элидийский навоз надо не осматривать, а убирать, мой мальчик. Я с утра примусь за работу и запружу реки.

Филей. Это нельзя.

Геркулес (*озадаченно*). Чего нельзя?

Филей. Реки запруживать.

Геркулес. Почему?

Филей. Потому что у тебя нет санкции водного управления.

Геркулес (*гневно*). Водного управления?

Филей (*тихо*). Потише, Деянира...

Молчание.

Геркулес (*тихо*). На что мне санкции водного управления?

Филей. Потому что мы в Элиде. У нас на все нужна санкция.

Молчание.

Геркулес. Давай сюда сапоги. (*Натягивает сапоги.*) Полибий!

Полибий. Высокочтимый маэстро Геркулес?

Геркулес. Мы идем к Авгию.

Полибий (*бледнеет*). Высокочтимый маэстро. Вы можете мною как угодно распоряжаться. Ведь я ваш личный секретарь. Но все же существует предел человеческих возможностей. Я не колеблясь пошел с вами в вонючие лернейские топи за этой Гидрой, не раздумывая карабкался на обледенелую вершину Олимпа, но в это дерьмо я второй раз не полезу.

Геркулес (*надел сапоги*). Пошли. (*Идет направо.*)

Полибий ковыляет за ним следом.

(*Останавливается возле Филея.*) А ты здесь побудь. И охраняй сон прекрасной дамы.

Полибий. Молодой человек, радуйся, что ты еще жив. (*Ковыляет вслед за Геркулесом.*)

IX. Вторая в Авгиевой конюшне

Слева, из глубины, торопливо проходят направо, к авансцене двое рабочих сцены с носилками. Потом появляется Авгий со своим батраком Камбизом. У каждого из них к спине привязана скамейка. В руке подойник.

Авгий. Нет, это великая честь, мой батрак Камбиз! Мне оказали великую честь, дав возможность продемонстрировать четырех лучших из ста моих коров. Подай-ка жиру, Камбиз.

Они натирают жиром руки.

За вымя надо браться осторожно. Дойка хотя и требует силы, но это тонкое искусство. Вон та крайняя в красных пятнах — это Пеструха. Великолепный экземпляр горной элидийской породы. Очень выносliва и продуктивна. А рядом с ней — Корона. Она, сами видите, поприземистей и пошире, и рога у нее не такие острые. Зато, как золото, горит, когда солнце проникает в щели, прорезая темный мрак хлева. Подбавь-ка Короне и Пеструхе сена, Камбиз, да и двум другим тоже.

Камбиз берет в руки вилы и делает вид, будто подает сено.

Люблю работать в своем хлеву — сразу забываешь о мирской суете, в которой приходится погрязать президенту. Эти большие тихие звери меня успокаивают, особенно когда возвращаешься к ним после заседания парламента. Сейчас, например, у нас было очень бурное ночное заседание. По правде сказать, самый вонючий навоз у нас не в конюшне. Кстати, Корона уже четырнадцать раз телилась, такая добросовестная, терпеливая скотина. Слышите, как нежно мычит? Дамы и господа, она смотрит на вас тем королевским взглядом, который отличает нашу отечественную равнинную породу скота. Однако надо посторониться.

Двое рабочих сцены несут на носилках справа налево какое-то тело.

Простите. Пострадавшего уносят в больницу. Наша элидийская почва имеет свои недостатки. (*Всматривается в лежащего на носилках.*) Полибий. Какая жалость. Скатился с высокой навозной кучи, пробил крышу и упал на моего лучшего племенного быка. Но вернусь к моим призерам. Вот это Буренка — бурая горная порода с верхнего Пенея. Дает пятнадцать литров молока в день. Нижняя часть живота и уши изнутри — белые. Ты мое золотце, сейчас тебя подою! И, наконец, Леди — черная красавица. Пять раз получала призы. Двадцать литров в день дает играючи! Гордость нашего элидийского молочного хозяйства. Но хватит. Разболтался. Пора нам с батраком приступать к работе.

Садятся. Авгий слева, Камбиз справа. Ласкают коров, которые существуют только в воображении публики.

Не балуй, Буренка.

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Начинают доить. Из глубины справа появляется Геркулес.

Геркулес. Авгий, у меня к тебе дело.

Авгий. Не балуй, Буренка.

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Геркулес. Шел к тебе по колено в дерьме.

Авгий. Очень жаль, что твой секретарь...

Геркулес. Пустяки. Это я сам зашвырнул его на твой сарай.

Авгий. Ах, вот как?

Геркулес. Со зла, что твой заказ принял.

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Геркулес. Я сотру в порошок весь твой чертов рай, всю твою дерьмовую республику.

Авгий. Не балуй, Буренка.

Геркулес. Ты видишь, я в бешенстве, а ты все доишь!

Камбиз. Проклятые мухи.

Авгий. Садись.

Геркулес. Куда, к коровам?

Авгий. Они тебя не тронут.

Камбиз. Подвяжи скамейку. (*Швыряет ему скамейку.*)

Геркулес привязывает скамейку.

Геркулес. Только этого не хватало.

Авгий. Это очень практично.

Камбиз. Удобно.

Авгий. Не балуй, Буренка.

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Оба невозмутимо продолжают доить.
Геркулес садится посреди сцены.

Авгий. Хорошее молочко.

Камбиз. Замечательное!

Оба окунают пальцы в подойник, облизывают.

Авгий. Хочешь попробовать?

Геркулес. Нет.

Авгий. Ну и не надо.

Геркулес (*с возмущением*). Оказывается, на уборку навоза нужна санкция водного управления.

Авгий. А ты как думал?

Геркулес. Вы тут все с ума посходили. Да меня сотня мамонтов не заставит идти к ним кланяться.

Камбиз что-то вылавливает в подойнике
и швыряет в сторону.

Камбиз. Навозный жук в молоко попал.

Авгий. Пустяки.

Камбиз. Бывает.

Оба продолжают доить.

Геркулес. Ненавижу присутственные места.

Авгий. Я тоже. Но от них никуда не денешься. Водное управление тебя не задержит. Недели через две-три получишь разрешение. Но потом тебе придется зайти в иностранный отдел.

Геркулес. В иностранный отдел?

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Авгий. И еще в управление подземного строительства.

Геркулес (*мрачно*). В управление подземного строительства...

Авгий. Когда там оформишься, зайдешь в финансовое управление.

Геркулес (*вытирает пот*). Сидите в дерьме, а управлений у вас хватает.

Авгий. Именно потому.

Камбиз. Навозное управление у нас тоже имеется.

Авгий. Там тебе тоже придется отметиться. Мне самому тебя жалко, хотелось бы избавить тебя от этих хождений, но так уж постановило сегодня ночью Великое национальное собрание.

Геркулес. Когда в Фивах ко мне привязалось налоговое управление, я от тамошней ратуши камня на камне не оставил.

Авгий. Не балуй, Буренка.

Геркулес. А тут воображают, что я буду обивать пороги учреждений.

Камбиз. Не балуй, Пеструха.

Авгий. Если хочешь уважать наши законы, ничего другого тебе не остается.

Геркулес (*упрямо*). Вы же сами меня сюда затребовали для уборки навоза, я вас об этом не просил.

Авгий. Но ты принял заказ.

Молчание. Авгий и Камбиз спокойно доят.

Геркулес (*устало*). Эта страна лишит меня разума, все вокруг дышит теплой сыростью, я этого просто не выдержу.

Авгий (*с достоинством встает и подходит к Геркулесу*). Геркулес, тебя к нам вызвали по моему совету, — я ведь знал, что своими силами элидийцам никогда от навоза не избавиться. Кроме болтовни, у них ничего не будет. И вот ты здесь. Твоя неслыханная сила способна

преобразить нашу страну. Но на этом моя миссия кончается. Больше я для тебя ничего сделать не могу. У элидийцев теперь есть возможность навести порядок в своем государстве, отныне все зависит только от них самих. Я не революционер. Я президент страны и обязан придерживаться ее законов. И тебя я тоже об этом прошу. Итак, не падай духом и смело вступай в борьбу со всеми управлениями. Представь себе, что ты сражаешься с чудовищами. Но не разрушай, а убеждай: ты ведь теперь наш пробный камень. Иди же, смири свой гнев, подчинись всему, что здесь считается необходимым, даже если это тебе и кажется нелепым.

Камбиз (*тоже встает*). Я Камбиз, батрак Авгия. И я тебе хочу дать совет, о Геркулес из Фив! Приступай сразу же к уборке, иначе тебе никогда не очистить страны. У нас еще никто не выигрывал боя с учреждениями. Сегодня же запруди обе реки и смой всю эту чертову Элиду в море. Пусть одна скала останется торчать. Никто этой страны не пожалеет. (*Вновь садится и продолжает доить.*) Не балуй, Корона.

Авгий. Прости, мне надо доить. (*Также садится.*) Не балуй, Леди.

Молчание. Геркулес отвязывает скамейку.

Геркулес. Я ведь человек добродушный, президент Авгий. Я хочу уважать ваши законы. Поэтому я отправляюсь в путь. В водное управление. (*Уходит в глубь сцены.*)

Авгий и Камбиз продолжают доить.

Авгий. Не балуй, Леди.
Камбиз. Не балуй, Корона.

X. На скале

На помосте в открытом шатре Деянира и Филей.
Слева и справа — два других шатра.

Деянира.

Много есть чудес на свете.
Человек — их всех чудесней.

Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревущим вкруг волнам[1].

Филей. Красиво ты говоришь.

Деянира. Это стихотворение Софокла.

Филей. Мы стихов не знаем. Нам язык нужен, только чтобы скотину покупать.

Деянира.

Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомима,
Год за годом мучит он
И с конем своим на поле
Всюду борозды ведет.
Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И стада в лесу дремучем,
И зверей в дубравах темных,
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
Он быков неутомимых
Под свое ведет ярмо.

Филей. Мне понятны эти слова. Человек должен быть хозяином земли.

Деянира. Для того человеку и дана земля, чтобы он мог укрощать огонь, ветер и море, дробить камни и воздвигать из них храмы и строить дома. Тебе бы хоть раз взглянуть на мою родину Фивы, на город с семью вратами и золотой крепостью Кадмеей.

Филей (*робко*). Ты любишь свою родину?

Деянира. Я люблю ее, потому что она создана человеком. Без него она бы осталась бесплодной пустыней, ибо земля слепа и жестока без человека. Люди ее оросили. Они уничтожили диких зверей. Теперь земля покрыта зеленью, на ней растут оливы, дубы, злаки и виноградники. Она

---

[1] Перевод С. Шервинского.

дает человеку все, что ему нужно. В благодарность за его любовь.

Филей. Хорошо иметь родину, которую можно любить.

Деянира. Родину всегда нужно любить.

Филей. Но свою я любить не могу. Мы больше не владеем нашей землей. Она владеет нами. Мы под властью ее коричневого тепла. Мы заснули в ее конюшнях.

Деянира. Геркулес их очистит.

Филей. Я этого боюсь.

Деянира. Боишься?

Филей. Потому что мы не умеем жить без навоза. Потому что нам никто не покажет, на что способен человек, не научит нас свершать великие и благородные подвиги. Я боюсь будущего, Деянира.

Из глубины сцены, слева появляется Геркулес. В руках у него громадный котел.

Геркулес. Бобы и говядина.

Филей (*смущенно встает*). Мне пора идти. (*Отвешивает поклон Деянире.*) Прости. Уже поздно. Мне надо пригнать отцовское стадо. (*Кланяется Геркулесу, краснеет и уходит в глубь сцены направо.*)

Геркулес. Что с мальчиком? Он чем-то смущен.

Деянира. В жизни каждого мужчины бывают такие минуты, когда бобы и мясо ему кажутся тривиальными.

Геркулес. Не понимаю. Когда я впервые тебя увидел, я от восторга съел целого быка. (*Разливает суп в две тарелки.*)

Деянира. Новые препятствия?

Геркулес. Да те же, что и все эти месяцы.

Деянира. В управлении подземных работ?

Геркулес. Там тоже. А теперь еще в управлении по делам семьи. У них там опасения морального порядка. Тебя ведь каждый день посещает сын Авгия, а так как ты к тому же не вполне одета...

Деянира. Да тут же все свои!

Геркулес. Не считая элидийцев, которые засели на этих дубах и сутками с них не слезают.

Деянира. Ох! (*Набрасывает на себя одежду.*) Приятного аппетита.

Геркулес. Приятного аппетита.

Приступают к еде.

Деянира. Элидийское национальное блюдо.

Геркулес. Тоже который месяц его едим!

Деянира. Раньше добавляли сало.

Геркулес. Сала мы не можем себе больше позволить. Командировочные все истрачены.

Деянира. А аванс тебе не положен?

Геркулес. Финансовое управление возражает.

Деянира (*вздыхает*). Давай обедать.

Геркулес. Давай.

Продолжают есть.

Деянира. Геркулес!

Геркулес. Что, Деянира?

Деянира. А мы ведь здесь окончательно обнищали. Хуже, чем в Фивах.

Геркулес. Хуже.

Справа появляется директор Тантал.

Тантал. Перед вами стоит ваш спаситель, высокочтимый маэстро!

Геркулес (*недоверчиво*). Ты кто такой?

Тантал. Минос Аякс Радамант Тантал из Микен, директор элидийского государственного цирка.

Геркулес. Чего тебе надо?

Тантал. Маэстро! Разрешите сначала издать ликующий крик: моя жизнь в искусстве вступила в решающую фазу — встретились величайший герой и величайший директор цирка.

Геркулес. Чем могу служить?

Тантал. Я вряд ли ошибусь, утверждая, что искусство цирка, так же как и почитание героев, пришло в полный упадок. Моя касса пуста, а что касается вас, то, как мне сообщил мой коллега из Фив, дом ваш, к сожалению, продан с молотка. Вместе с мебелью.

Геркулес. Впервые слышу.

Деянира (*в отчаянии*). Наш дом на улице Кадма?

Тантал. Итак, что касается нашего обоюдного краха: высокочтимый маэстро, причина его, во-первых, в том, что охота на мамонтов и рыцарей-разбойников перестала быть актуальной, поскольку в мамонтах нуждаются только зоопарки, а в рыцарях-разбойниках — политические партии, а во-вторых, в том художественном застое, который

в моей сфере деятельности достиг наивысшего предела. Я денно и нощно твержу о необходимости преодолевать косность в нашем деле.

Геркулес. А что тебе нужно от меня?

Тантал. Высокочтимый маэстро, мне необходимо заключить с вами союз.

Геркулес. Как это понять?

Тантал. Вы символ всего героического, всего патриотического. Я же символизирую искусство, артистизм. Вы — сила, я — дух. Рука об руку с вами мы можем возродить и поставить на ноги элидийское цирковое искусство. Стоит вам несколько раз поклониться публике или выжать несколько гирь на вечернем представлении (*считая по пятьсот драхм за каждый поклон и за каждый жим*), и моя касса снова будет полна, а дом в Фивах снова будет вашим. Высокочтимый маэстро, обдумайте мое предложение, а я с вами прощаюсь. (*Уходит направо.*)

Молчание.

Геркулес. Слышала, Деянира, что этот нахал предлагает?

Деянира. Конечно.

Геркулес. Жалко, что я не скинул его со скалы.

Деянира (*тихо*). Наш прекрасный дом в Фивах.

Геркулес. Я, конечно, откажусь от этого предложения.

Деянира (*вздыхает*). Давай есть.

Геркулес. Давай есть.

Едят.

Деянира!

Деянира. Что, Геркулес?

Геркулес. Ты еще согласна выйти за меня замуж? (*Наливает себе полную тарелку.*)

Деянира. Я не знаю, а ты-то сам еще хочешь на мне жениться?

Геркулес. Откровенно говоря, я немного побаиваюсь. Я ведь не очень тебе подхожу — моя профессия...

Деянира. Я сама в растерянности. Ты герой, и я тебя люблю. Но мне иногда кажется, что я для тебя только идеал, как и ты для меня.

Геркулес. Нас разделяют твой ум, твоя красота и мои подвиги, моя слава. Ты ведь это имеешь в виду, Деянира. Не так ли?

Деянира. Да, Геркулес.

Геркулес. Вот видишь. Тебе надо выйти замуж за этого очаровательного юношу, за Филея. Он тебя любит, ты ему нужна. И ты можешь любить его не как идеал, а как молодого человека, которому нужна такая женщина, как ты.

Молчание. Деянира перестает есть.

Деянира (*боязливо*). Неужели мне всю жизнь здесь оставаться?

Геркулес. Разве ты не любишь этого Филея? (*Снова наливает себе полную тарелку супа.*)

Деянира. Люблю.

Геркулес. Значит, твоя судьба оставаться здесь, а моя — уходить.

Деянира. Но это такая ужасная страна.

Геркулес. Я ее почищу.

Молчание.

Деянира. Неужели ты еще на это надеешься?

Геркулес. А почему бы нет?

Деянира. Теперь, когда тебя грабят кредиторы, а управления не дают ходу?

Геркулес. Я и не с такими трудностями справлялся.

Деянира. Если я здесь останусь, не видеть мне больше моих Фив, моих садов, моей золотой крепости Кадмеи!

Геркулес. Что с возу упало, то пропало. Устрой себе здесь Фивы и золотую крепость Кадмею. А я уберу эти горы дерьма, одним словом, возьму на себя всю черную работу, с которой один только я и могу совладать. Ты же одухотворишь вычищенную мной страну, придашь ей красоту и смысл. Таким образом, мы оба принесем ей пользу, очеловечим ее. Останься у Филея, Деянира, тогда мой самый грязный подвиг станет моим самым славным.

Деянира. Благодарю тебя, друг мой.

Геркулес. Я тебя никогда не забуду.

Деянира. На прощанье я подарю тебе эту чашу с черной кровью, которую мне дал кентавр Несс.

Геркулес. Я вылью ее, чтобы кровь просочилась в землю и в ней исчезла.

Деянира встает. Геркулес тоже встает.

Деянира. Геркулес, спокойной ночи.

Геркулес. Спокойной ночи, Деянира.

Деянира скрывается в своем шатре, который Геркулес запирает. Из глубины сцены слева появляется забинтованный Полибий. Он опирается на два костыля.

Полибий (*со счастливой улыбкой*). Вот я и снова здесь, высокочтимый маэстро!

Геркулес. Полибий!

Полибий. Меня подштопали.

Геркулес. Я рад тебя снова видеть живым и здоровым.

Полибий. Здоровым — это громко сказано, высокочтимый маэстро. Попробовали бы сами перенести трепанацию черепа в здешней больнице. Слава Богу, что хоть жив остался.

Геркулес (*смущенно*). Еще бы!

Полибий. А как здесь переломы лечат, уму непостижимо!

Геркулес. Могу себе представить.

Полибий. Счастье, что хотя бы на костылях передвигаюсь.

Геркулес. Может, присядешь?

Полибий. С удовольствием. (*С трудом подсаживается к остывшему костру с котлом. Гордо.*) Позвоночник тоже не в порядке.

Геркулес (*наливает ему тарелку супа*). Есть еще бобы и говядина.

Полибий. Самую малость. (*Ковыряет еду.*)

Геркулес. Этого больше никогда не будет, Полибий, чтобы я тебя... Я хочу сказать, что я тебя больше никогда не буду швырять!

Полибий. Да, с инвалидом эти шутки плохи. (*Осторожно ест.*) К еде мне тоже надо постепенно привыкать. В больнице кормили отбросами. Ведь за меня никто не платил.

Геркулес. Понимаешь, у меня сейчас с финансами...

Полибий. Понимаю.

Геркулес. Но когда я наконец получу гонорар...

Полибий. Не знаю, высокочтимый маэстро. Я в больнице еще раз стал подсчитывать все эти тройки. Времени у меня хватало. Мы рассчитывали на триста тысяч драхм, а выходит что-то около тридцати тысяч.

Молчание.

(*Отодвигает тарелку.*) У меня вообще такое чувство, что эти элидийцы нарочно считают только до трех, чтобы легче было надувать иностранцев. (*Встает.*) Пойду-ка я спать.

Геркулес (*тихо*). Тридцать тысяч.

Полибий. Можете мне поверить, высокочтимый маэстро. Эти элидийцы самый прожженный народ, с которым я когда-либо имел дело. Кого хочешь обведут вокруг пальца. Не одного меня. (*Ковыляет к левому шатру и в нем исчезает.*)

XI. Вторая лунная ночь

Прежняя сцена. Геркулес один. Он прибирает.

Геркулес. Тридцать тысяч... Все-таки деньги. А кроме того — поклоны в государственном цирке Тантала и поднятие тяжестей. Тоже что-то дадут.

Сверху слева спускается луна.

(Направляется в шатер Деяниры, потом неожиданно останавливается, идет к своему шатру. Вытаскивает из-за него Иолу и тащит ее через сцену налево.)

Чего тебе надо в моем шатре?

Иола. Я хотела...

Геркулес. Ну?

Иола. К тебе...

Геркулес. Зачем?

Иола. Уже много девушек побывало в твоем шатре. И много женщин.

Геркулес. Это еще не повод и тебе туда лезть.

Иола молчит.

Выходи-ка из тени. На лунный свет.

Иола (*медлит*). Я — элидийка.

Геркулес. Надо думать.

Иола. Я тебе, наверно, покажусь некрасивой.

Геркулес. Поживее!

Иола выходит на свет. Геркулес молчит.

Иола. Я очень некрасива?

Геркулес. Сколько тебе лет?

Иола (*медлит*). Четыр... шестнадцать.

Геркулес. Как тебя зовут?

Иола молчит.

Если не ответишь, я тебя отведу к Авгию. Тот тебя заставит говорить.

Иола (*тихо*). Пожалуйста, не надо.

Геркулес. Ну?

Иола. Я — Иола, его дочь.

Молчание.

Ты не расскажешь отцу?

Геркулес. Нет.

Иола. Спасибо.

Геркулес. Но ты мне должна сказать, чего тебе надо было в моем шатре?

Иола (*страстно*). Я тебя люблю. Я мечтала хоть раз в жизни обнять тебя в темном шатре, и ты навсегда остался бы моим и принадлежал только мне одной в моих снах.

Молчание.

Геркулес. Теперь иди.

Иола стоит.

Почему ты не слушаешься?

Иола. Теперь я буду несчастна. Всю жизнь.

Геркулес. Ерунда.

Иола. Я единственная, кого ты отверг.

Геркулес. Иола, подойди ко мне.

Иола подходит к нему.

Поближе. Сядь со мной рядом.

Иола садится рядом с ним.

Ты очень красивая девушка, Иола.

Иола (*радостно*). Я тебе правда нравлюсь?

Геркулес. Правда.

Иола. Очень?

Геркулес. Ужасно.

Иола. Значит, ты меня не прогонишь?

Геркулес. Прогоню. Именно потому, что ты мне так нравишься. Знаешь, кого бы ты обняла в моем шатре и кого обнимают другие девушки и женщины Элиды, когда проникают в мой шатер? Пойди погляди.

Иола. В шатре?..

Геркулес. Ступай.

Иола (*встает, делает шаг, потом останавливается*). Я боюсь.

Геркулес. Не надо бояться правды. Ступай погляди.

Иола идет к правому шатру, осторожно притрагивается к завесе.

Распахни его пошире, чтобы туда проник лунный свет.

Иола поднимает завесу шатра. Потом снова опускает ее, смертельно испугавшись. Молчание. Иола тяжело дышит.

Ну?

Иола. Батрак Камбиз.

Геркулес. Вот его бы ты и обняла. Подойди ко мне.

Иола медленно возвращается к Геркулесу.

Садись.

Иола (*механически садится*). Ты обманывал элидиек.

Геркулес. Я просто их избегал.

Иола. Значит, это неправда, что рассказывают о тебе и о твоих похождениях?

Геркулес. Преувеличивают. Например, рассказывают, будто я за одну ночь соблазнил пятьдесят дочерей царя Фестия.

Иола (*не понимает*). Пятьдесят?

Геркулес. Трижды три помножить на три, помножить на два, вычесть три, вычесть один.

Иола. Но ты этого не сделал?

Геркулес. Подумай сама. У кого может быть столько дочерей?

Иола. Ну да, конечно.

Геркулес. Вот видишь.

Иола. Спасибо тебе, что ты меня спас.

Геркулес. Я рад, что так получилось.

Иола. Но элидийки очень разозлятся, если это узнают.

Геркулес. Поэтому молчи.

Иола. Я никому не скажу.

Геркулес. Теперь ты знаешь мою тайну, а я твою. Ступай.

Иола. Ты меня убьешь, если прогонишь.

Геркулес. Это тебе сейчас так кажется.

Иола. Ты меня принимаешь всерьез. Меня еще никто не принимал всерьез.

Геркулес. Молоденьких девушек надо всегда принимать всерьез.

Иола. Я никогда не смогу полюбить другого. Никогда в жизни.

Геркулес. Потому что ты меня считаешь героем?

Иола. Ты величайший из всех героев.

Геркулес. Герой — это только слово. Оно пробуждает высокие представления и этим воодушевляет людей. Но на самом деле, Иола, я не слово, а человек, случайно обладающий тем, чем не обладают другие, во всяком случае, в таком объеме, как я: я сильнее остальных людей, и поскольку мне не приходится никого бояться, я словно и не человек. Я — чудовище, наподобие тех пресмыкающихся, которых я побивал в болотах. Их время прошло, и мое тоже. Я принадлежу кровавому миру, Иола, и у меня кровавое ремесло. Смерть — мой спутник, которого я посылаю со своими отравленными стрелами. Я многих убил. Я убийца в ореоле людской славы. Мне редко удается бывать человеком, вот как сейчас, когда я тебя гоню от себя при мягком свете луны. Тебе надо полюбить настоящего мужчину, настоящего героя, который знает, что такое страх, как все люди, но умеет его преодолевать. И ты должна народить детей, которые будут любить мирную жизнь на земле. Пусть твои дочери и сыновья думают, что чудовища, с которыми я сражаюсь, — детские сказки: только такая жизнь достойна настоящих людей!

Молчание.

Ступай к отцу, Иола.

Иола (*медленно поднимается*). Прощай, мой Геркулес.

Геркулес. Иди к людям, Иола, иди! (*Встает — огромный и грозный.*) Беги! Ну, быстро, чтобы тебя и след простыл! В четырнадцать лет забираться в мой шатер! Ну и дура! Высечь бы тебя!

Иола уходит, сперва нехотя, а потом бегом.

XII. Третья в конюшне Авгия

На сцене сплошной мифический навоз. Над серединой сцены опять свисает веревка с колокольчиком. Из навоза снова выныривают десять парламентариев во главе с Авгием.

Авгий. Тихо!

Третий парламентарий. Навоз опять поднялся.

Остальные. Поднялся.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

Слово предоставляется Пенфею Свинарному.

Пенфей Свинарный (*первый*). Господа! Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что я по-прежнему глубоко убежден в абсолютной необходимости уборки навоза.

Второй парламентарий. Кто против — тот враг отечества!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Пенфей Свинарный. Но мой долг как президента Комитета по делам культуры указать комиссии по уборке при Великом национальном собрании на то обстоятельство, что под навозом находятся громадные художественные ценности.

Остальные. Художественные ценности?

Пенфей Свинарный. Достаточно назвать поздние архаические фасады и цветную деревянную резьбу на площади Авгия, храм Зевса в раннем ионическом стиле и всемирно известные фрески в зале Спорта. Эти культурные сокровища могут быть при уборке повреждены потоками воды, а то и вовсе уничтожены. А так как наши патриотические чувства...

Остальные. Патриотические чувства?

Пенфей Свинарный. ...в значительной степени зиждутся на этих культурных ценностях, следует опасаться, что при радикальной уборке они будут смыты вместе с навозом.

Остальные. Смыты?

Пенфей Свинарный. Мне могут возразить, что этот мой довод не состоятелен, поскольку наши культурные богатства покоятся под навозом и, следовательно, мы их все равно не видим. Но в ответ мне хочется восклик-

нуть: да, мы не видим наших сокровищ искусства — нашу святыню, — но она существует! А это лучше, чем если бы она перестала существовать.

Третий парламентарий. Образуем комиссию!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Остальные. Решено образовать комиссию.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо! Слово предоставляется Кадму Сыроварному.

Кадм Сыроварный (*четвертый*). Господа члены комиссии по уборке! Мне, как представителю Патриотического комитета, хотелось бы выразить свое согласие с предыдущим оратором в той части его выступления, в которой он рассматривает наши культурные ценности как национальную святыню. Однако, господа, я никак не могу согласиться с его мнением, что уборка навоза может испортить эту святыню.

Седьмой парламентарий. Кто подрывает уборку, подрывает отечество!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Кадм Сыроварный. Гораздо больше я опасаюсь того, что эта святыня никогда и не существовала.

Остальные. Никогда?

Кадм Сыроварный. Поскольку она существует только как элемент нашей веры.

Остальные. Веры?

Кадм Сыроварный. В этом случае, господа, уборка навоза стала бы великим несчастьем и даже предательством по отношению к нашей святыне.

Остальные. Предательством?

Кадм Сыроварный. Надежда целой нации обнаружить их под навозом была бы разбита в прах.

Остальные. В прах?

Кадм Сыроварный. И вся гордость элидийцев за свое прошлое, весь их патриотизм обернулись бы чистой утопией. А так как наши культурные ценности необходимы для сохранения единства нации...

Остальные. Необходимы?

Кадм Сыроварный. ...и так как в случае отмены уборки вопрос о том, существуют они или нет, останется открытым, то при политически трезвом подходе снятие с повестки дня этого вопроса равносильно тому, что они, эти сокровища, существуют. И поэтому я прихожу к вы-

воду, что хотя уборка навоза, как я уже говорил выше, абсолютно необходима, мы все же не должны торопиться с решением этого вопроса.

Десятый парламентарий. Образуем встречную комиссию.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Остальные. Решено образовать встречную комиссию.

Девятый парламентарий. Кто не верит в уборку, не верит в родину.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Слово имеет Сизиф Молочный.

Сизиф Молочный (*восьмой*). Господа! Я — экономист. Я буду выражаться менее популярно, зато по существу. Ведь дело вовсе не в том, существуют ли под навозом деревянные резные изделия или нет, словно они и вправду наша святыня.

Второй парламентарий. Наша святыня — отечественная обувная промышленность!

Седьмой парламентарий. Наш высокожирный экспортный сыр!

Сизиф Молочный. Господа, наша святыня — это народное хозяйство, а оно у нас здоровое.

Остальные. Здоровое!

Сизиф Молочный. И вот именно с точки зрения народного хозяйства приходится констатировать, что уборка навоза ставит нас перед дилеммой.

Остальные. Дилеммой?

Сизиф Молочный. Перед чисто элидийской дилеммой. Элида — богатая страна. Нашему торговому балансу завидуют, наша валюта устойчива. Почему? Да потому, что наше народное хозяйство покоится на солидном фундаменте, а этот солидный фундамент не что иное, как навоз. Ведь не только вся Греция, но и Египет и Вавилон удобряют землю элидийским компостом.

Остальные. Элидийским компостом!

Сизиф Молочный. Это наше национальное достояние, которым нам следует гордиться. А вместо этого мы собираемся спустить его в Ионическое море.

Остальные. Спустить в море.

Сизиф Молочный. Итак, уберем навоз! Но, господа, поверьте старому опытному хозяйственнику — как

ни нужна нам эта уборка, она все же ставит нас на край пропасти, которую нам никогда не удастся заполнить чужеземной продукцией.

Остальные. Заполнить!

Пятый парламентарий. Образуем междуведомственную комиссию.

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Остальные. Решено: образовать междуведомственную комиссию!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Мужи Элиды!

Шестой парламентарий. Слушайте нашего президента Авгия!

Остальные. Послушаем его!

Авгий. Элидийцы! Ведь это же идиотизм!

Остальные. Идиотизм?

Авгий. До сих пор нам казалось, что все идет на благо нашей стране, что нас всех озарила счастливая звезда. Даже большинство управлений и те в конце концов согласились с нами, за исключением навозного управления, что вполне естественно, а также управления по делам семьи и народного образования. Но они всегда были консервативны. И вот теперь Великое национальное собрание придумало все эти комиссии. Я обращаюсь к вашему здравому смыслу.

Остальные. Здравому смыслу!

Авгий. Нам надо убрать навоз, не теряя ни минуты времени!

Молчание.

Девятый (*просветленно*). Образуем верховную комиссию!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Остальные. Решено: образовать верховную комиссию!

Шестой парламентарий. Пусть специальные комиссии решат, не расшатает ли отсутствие навоза основы нашей религии!

Седьмой парламентарий. Не уменьшит ли поголовье скота!

Восьмой парламентарий. Не толкнет ли на стезю порока наших женщин!

Десятый парламентарий. Не разорит ли богатых!

Первый парламентарий. Не подорвет ли экономику!

Второй парламентарий. Не сотрет ли различия между городом и деревней!

Третий парламентарий. Не повлияет ли на нравственный мир наших детей!

Четвертый парламентарий. Ведь исчезнет наш древний навозный уют!

Остальные. Древний уют!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Пятый парламентарий. Создадим комиссию по изучению влияния уборки навоза на стратегическую мощь нашей армии!

Шестой парламентарий. Наши военачальники готовили армию к навозной войне!

Остальные. Наши военачальники!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Седьмой парламентарий. И, наконец, господа, я требую создать комиссию для выяснения вопроса о том, не повлияет ли уборка навоза на голоса наших избирателей, не перейдут ли они в объятия македонской рабочей партии!

Восьмой парламентарий. Это был бы конец всему!

Остальные. Конец!

Авгий (*звонит в колокольчик*). Тихо!

Молчание.

(*В отчаянии отирает со лба пот.*) Навоз поднимается. Мы опаздываем.

Все парламентарии (*умиленно покачивая головами*).

Нет, ни за что, никогда!
Политика наша,
Политика наша
В срок поспевает всегда!

Молчание.

Девятый парламентарий. Черт возьми. Тяжелая была работка!

Авгий и Великое национальное собрание погружаются в навоз. На сцене сплошной мифический навоз.

XIII. В государственном цирке Тантала

Цирковая музыка. За помостом — занавес цирка. Впереди справа — ложа. Входит Деянира, садится в ложу. Двое рабочих сцены, десять парламентариев и Камбиз с трудом вносят огромные гири, кладут их перед помостом. Филей входит в ложу, становится за спиной Деяниры.

Филей. Деянира!

Деянира. Что, Филей?

Филей. Я искал тебя повсюду, по всей Элиде, а ты, оказывается, в этой жалкой ложе среди мерзкой ликующей толпы.

Деянира. Здесь выступает Геркулес.

Филей. Позор! Человек, который мог бы очистить страну от навоза, этот единственный поистине положительный герой, вынужден выступать в цирке.

Деянира. Нам нужны деньги.

Слева появляется директор Тантал. Он в сапогах, в руке у него хлыст.

Тантал. Дамы и господа, медам э месье, ледиз энд джентльмен! После выступлений дрессированной гориллы, конькобежца-мамонта, обнаженной танцовщицы Ксантиппы, после акробатического номера на трапеции братьев Кефалов мне доставляет неописуемое удовольствие предложить вашему вниманию невероятную сенсацию не только нашего столетия, но и всей античной эпохи. Итак, выступает наш высокоуважаемый национальный герой Геркулес, чьи подвиги вызывают невыразимое восхищение всего мира. (*Щелкает бичом.*)

Справа выходит Геркулес в полном героическом облачении.

Вы видите героя в львиной шкуре. В правой руке — страшная палица, которую не смог бы поднять ни один из наших олимпийских чемпионов, а в левой — знаменитый лук, который в силах натянуть только он один.

Геркулес раскланивается.

Вы видите — он кланяется. Обратите внимание на его затылок, который ласкали сотни нежных дев и влюбленных женщин, на эти плечи, которые подпирали весь небосвод. А теперь, ледиз энд джентльмен, наступил тот

священный и захватывающий дух момент, когда вам будет показан единственный в истории цирка силовой номер: Геркулес выжмет астрономический вес в тысячу тонн. Тысяча тонн, дамы и господа, тысяча тонн! Гири проверены элидийским управлением мер и весов, свидетельство об этом находится в дирекции цирка.

Туш. Геркулес готовится.

Филей. Давай поженимся, Деянира. Мой отец богат, и Геркулесу не придется больше подрабатывать этим унизительным ремеслом.

Деянира. Это очень мило с твоей стороны.

Филей. Я уверен, с очисткой еще дело выгорит. Вот увидишь. Президент междуведомственной комиссии по вопросам уборки продолжает относиться к этой идее положительно.

Деянира. Это очень мило с его стороны.

Филей. А сын вице-президента верховной комиссии обещал еще раз поговорить со своим отцом.

Деянира. Прекрасно.

Геркулес берется за гири. Барабанная дробь.

Геркулес выжимает гири.

Тантал. Обратите внимание, дамы и господа, на игру мускулов героя, на эту симфонию силы. Трепещите и ужасайтесь! Единственная возможность восхититься мужской красотой в ее наиболее совершенном выражении.

Геркулес опускает гири.

Тысяча тонн! Дамы и господа! Так как гири проверены, я объявляю о новом мировом рекорде. Медам э месье! Мне, от имени дирекции государственного цирка Тантала, выпала честь закончить этот вечер церемонией вручения нашему национальному герою золотого лаврового венка чемпиона мира. Попрошу публику встать. Оркестр попрошу исполнить элидийский государственный гимн. Национальный герой, прошу вас опуститься на колени.

Геркулес становится на колени.
Тантал надевает на него венок.

Филей (*тихо*). Деянира! Встань! Играют государственный гимн.

Деянира. Ах, прости! (*Поднимается.*)

Они стоят, держась за руки.

Филей. Поверь, Деянира, поверь мне, нам удастся устроить здесь жизнь, достойную человека. Мы построим твой золотой город Кадмею. Только не теряй веры, Деянира. Скоро ты будешь моей женой.

Деянира. Я люблю тебя, Филей.

Государственный гимн окончен. Филей и Деянира уходят направо. Геркулес садится на помост. Тантал усаживается рядом с ним.

Тантал. Вот так. Дело сделано. (*Достает из складок своей одежды бутылку водки, пьет, снова прячет ее.*) Публика вела себя вяло. А ведь гири стоят бешеных денег.

Геркулес (*сухо*). Гонорар, прошу вас.

Тантал. Конечно. (*Вынимает бумажник и протягивает деньги.*)

Геркулес (*угрожающе*). Директор Тантал!

Тантал. Маэстро?

Геркулес. Мы договорились о том, что будет пятьсот.

Тантал. Ну?

Геркулес. А тут пятьдесят.

Тантал. Вечерняя касса пуста, дорогой.

Геркулес. Но ведь цирк был переполнен!

Тантал. Контрамарки, маэстро, бесплатные контрамарки. Без них зал не набьешь, да и те, что пришли, хотели поглазеть на нового глотателя огня. То, что и он провалился, — одна из тех трагедий, из-за которых мир идет ко всем чертям. К счастью, у меня есть еще эта голая танцовщица. Вам бы такие овации — цирк просто шатало. На одних поклонах и гирях далеко не уедешь. Это каждый может. У нынешнего культурного человека более высокие запросы. Но вот если вы согласитесь выступить против других атлетов, я мог бы подобрать десяток-другой противников. А кроме того, в моем зверинце есть носорог — роскошный экземпляр! Вот бы вам его выжать! Семьсот драхм за вечер я вам гарантирую. На настоящее искусство я не скуплюсь. А теперь отдайте-ка мне назад этот золоченый венок. По договору он вам не положен.

Геркулес. Пожалуйста. (*Робко отдает Танталу лавровый венок.*)

Тантал. Спасибо. (*Уходит налево.*)

Геркулес взваливает на плечи огромные гири.

Геркулес. Самое важное, что сегодня вечером соберется верховная комиссия по уборке. (*Уходит с гирями налево.*)

XIV. Снова на скале

Сцена почти пуста. Только навоз окончательно утвердился. Из него чуть выступает помост. Он без занавеса, одни голые доски. Справа куча лохмотьев — это изодранный шатер Геркулеса. Перед помостом — потухший костер с котлом. Впереди слева — чаша с черной кровью. Из глубины справа выходит Полибий.

Полибий. Понимаю вас, дамы и господа. Вы не находите слов. Все наши высокие представления о Древней Греции рухнули. И правда: зло подшутила над нами наша любимая античность. Победителем вышел навоз. Вот он курится. Окончательно и бесповоротно. Так уже бывало и в другие исторические эпохи. Теперь он постепенно добрался и до нас. Поглотил скалу, подгреб под себя деревья, затопил серебряный ручеек и, несмотря на то что Геркулес победил несколько десятков профессиональных атлетов, а потом справился с мамонтом и нокаутировал гориллу, — несмотря на все это, государственный цирк Тантала потерпел полный финансовый крах. Прогорел почтенный храм искусства. (*Продрогший, усталый, присаживается к костру, мешает половником в котле.*) Бобов тоже нет, одна водица. Директор Тантал сбежал ночью в Сиракузы. Геркулес так и не увидел своего гонорара. Надежда на уборку окончательно рухнула, комиссии разрослись, как грибы. Одним словом, полная катастрофа. (*Пробует суп из половника.*) Отвратительная бурда. Доказательство того, что мы подходим к кризисной точке нашей истории. Уже почти подошли. А вышел я к вам вовсе не для того, чтобы еще раз напомнить о своем ничтожестве. Вздор. Чистая трагедия — поле деятельности только для начальства. Личному секретарю в ней делать нечего. А вот мой шеф себя обессмертил. В его попытке очистить нашу планету от дерьма есть что-то трогательное.

Что-то грандиозно-наивное. А вот наши начальники со своими экспериментами... Жизнь — не поэзия, дамы и господа. Справедливости в ней не ищите. И меньше всего поэтической. Кто хочет ее добиться, достигает прямо противоположного. Кто настаивает на своих правах — гибнет. Вот я, например, ничего, кроме своих кровных заработанных денег, не добивался. А ведь из-за этих несчастных грошей мне пришлось согнать Геркулеса с небес, сквозь землю, в ад. И, главное, зазря. Совершая свой последний подвиг — двенадцатый, — он бросит меня в туманностях преисподней. У берегов Стикса. Просто-напросто забудет меня там. Я обращаюсь к вам снова, дамы и господа, только из любви к исторической правде. Как невероятно это ни звучит, но я должен предупредить вас, что дело принимает еще более зловещий оборот.

Из глубины слева выходит Геркулес. Он озадачен.

Геркулес. Полибий!

Полибий. Высокочтимый маэстро Геркулес?

Геркулес. Куда-то пропал шатер Деяниры. И твой тоже.

Полибий. Здесь были судебные исполнители. Они оставили только ваш шатер. Элидийки защищали его с остервенением.

Геркулес. И чашу с черной кровью.

Полибий. А на что она им?

Геркулес. Кровь можно вылить. У Деяниры сегодня свадьба в доме Авгия. С Филеем. (*Присаживается к костру.*) Холодно.

Полибий. Холодно.

Геркулес. Как на Олимпе.

Полибий. На пороге зима.

Геркулес. Я обнаружил в навозе пещеру. В ней можно спать.

Полибий. К счастью, я нашел эту телячью шкуру. Она греет.

Геркулес. Там еще есть бобы?

Полибий. Пресная вода с одной морковкой.

Геркулес. Приятного аппетита.

Полибий. Приятного аппетита.

Едят суп. Из глубины справа выходит батрак Камбиз, присаживается к костру.

Камбиз. Замерз, как собака.

Геркулес. Северный ветер.

Полибий. Налить тебе тарелку? На редкость вкусная водица. (*Протягивает ему половник.*)

Геркулес. К сожалению, я уже съел единственную морковь.

Камбиз пробует суп.

Камбиз. Видно, вы оба вконец обнищали.

Геркулес. Временное явление.

Полибий. Рано или поздно мы всегда выбираемся из беды.

Камбиз. Я пришел с вами проститься.

Молчание.

Геркулес (*испуганно*). Проститься?

Камбиз. У меня больше нет мочи...

Геркулес. Что это значит?

Камбиз. Работа была сверхчеловеческая.

Геркулес. Ты оставляешь меня на произвол судьбы?

Камбиз. Силы меня оставили.

Геркулес. Но это невозможно, Камбиз. Я ведь еще не убрал навоза.

Камбиз. И никогда не уберешь. Потому что им до отказа забиты головы элидийцев. А головы не очистишь, пустив на них воды рек Алфея и Пенея.

Геркулес. Если ты уйдешь, я пропал.

Камбиз. Прощай. (*Уходит в глубь сцены направо.*)

Молчание.

Геркулес. Полибий.

Полибий. Высокочтимый маэстро Геркулес?

Геркулес. Я запутался в собственных сетях. Теперь мне самому придется играть героическую роль, которую мне приписывает общественное мнение. Сегодня я сплю в своем шатре.

Молчание.

Полибий (*встает*). Высокочтимый маэстро! Хотя это и чистейшее самоубийство, но я считаю своим долгом сообщить вам о письме, которое поступило сегодня днем.

Геркулес. Полибий, письма мне никогда ничего хорошего не приносили. Нервная система у меня совершенно разрушена. Я за себя не ручаюсь.

Полибий. И тем не менее. Король Стимфала, на севере страны, предлагает вам сумму, как будто бы и солидную, хотя ее надо как следует подсчитать, потому что стимфалийцы считают только до двух. Вы, высокочтимый маэстро, должны за эти деньги освободить Стимфал от птиц, у которых очень неприятный помет. Работа, как видно, еще более грязная, чем эта наша несостоявшаяся, но учитывая... (*Умолкает.*)

Геркулес. Продолжай.

Полибий. Лучше не буду.

Геркулес (*встает грозный, мрачный*). Я понимаю, чего ты от меня добиваешься.

Полибий. Вы уже вне себя, высокочтимый маэстро.

Геркулес. Я держу себя в руках.

Полибий. Мне ваш гнев знаком.

Геркулес. Не дрожи.

Полибий. Высокочтимый маэстро, это не я дрожу, а вы. Вы сейчас меня куда-нибудь закинете. Ну, хотя бы в Аркадию.

Геркулес (*рычит*). Ни в коем случае!

Полибий. Не зарекайтесь!

Геркулес (*хватает его*). Я не пойду в Стимфал.

Полибий. Вот видите. Сейчас вы меня закинете.

Слева появляется Деянира; на ней свадебный наряд с фатой. Присаживается к костру.

Деянира. Я замерзла. (*Греет над котлом руки.*) Свадебный наряд не по погоде.

Молчание.

Геркулес. Деянира.

Деянира. Что, мой друг?

Геркулес. А где Филей?

Деянира. Я не могла выйти за него замуж. Я покинула его у домашнего алтаря.

Молчание.

Геркулес. Ты ведь знаешь, как обстоят мои дела.

Деянира. Знаю.

Геркулес. Вот и решай.

Деянира. Мы идем в Стимфал.

Геркулес. Но ведь он еще грязнее Элиды.

Деянира. Но я буду с тобой.

Геркулес. Мы должны быть всегда вместе.

Деянира. Мы созданы друг для друга.

Геркулес. Надо погасить огонь. (*Затаптывает костер.*)

Деянира. Давай уложим все, что у нас осталось.

Полибий. Осталось немного. (*Складывает шатер в котел.*)

Деянира. Пошли. (*Садится на помост.*)

Полибий. В Стимфал. (*Тоже садится на помост.*)

Геркулес. Итак, за дело! (*Толкает помост в глубь сцены.*)

Полибий. Приступаем к шестому подвигу!

Деянира. Моя чаша!

Геркулес прерывает работу.

(*Слезает с помоста, идет направо.*) Чаша с черной кровью. (*Берет чашу.*) Чуть ее не забыла. (*Снова влезает на помост, садится с чашей в руке.*)

Геркулес толкает помост в глубь сцены.
Теперь вокруг виден только навоз.
Слева выходит Иола.

Иола. Геркулес! Мой возлюбленный! Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошел, что бы ты ни делал, какие бы подвиги ни совершал, пойду хоть на край света. Я всегда буду рядом с тобой, но останусь для тебя незримой, я буду скрываться то за кустом, то за скалой, и мой голос будет казаться тебе дальним эхом, и ты его не узнаешь. Мой возлюбленный! Геркулес! Однажды ночью, в каком-нибудь неведомом месте, которого ни ты, ни я еще не знаем, хотя оно наверняка существует, однажды ночью, когда я стану старше и красивей, а на небе будет светить полная луна, я подойду к твоему шатру. И ты не сможешь против меня устоять, ты станешь моим. (*Медленно уходит в глубь сцены направо, вслед за Геркулесом.*)

Слева появляется Филей. На нем греческий шлем, в правой руке обнаженный меч. На его одежде свадебные ленты.
Он мрачно останавливается посреди сцены.

Филей. Деянира!

Тишина. Слева появляется его отец Авгий.

Авгий. Сын мой.

Филей (*враждебно*). Они нас бросили, отец. Скала пуста.

Авгий. Знаю.

Филей. Ты должен был этому помешать.

Авгий. Никто не может помешать Геркулесу. Он — единственная наша возможность, которая появилась и пропала.

Филей. Мы ее упустили, эту единственную возможность. И это дело твоих рук, отец.

Авгий. Я только президент нашего Великого национального собрания, сын мой.

Филей. Но ты ведь хотел убрать навоз.

Авгий. Мы все этого хотели.

Филей. Так почему же его не убрали, отец?

Авгий. Потому что элидийцы боятся того, что желает их разум. Для победы разума нужно очень много времени, а уборка навоза дело не одного, а многих поколений.

Филей. Со мной случилось несчастье, отец. Деянира бросила меня у домашнего алтаря. Моя жизнь разбита, имя мое опозорено. Я должен вызвать на бой Геркулеса, единственного человека, которого я люблю, а теперь должен ненавидеть, потому что только его смерть сотрет с моего имени позор.

Авгий. Геркулес тебя убьет, сын мой.

Филей. Я верю в свою победу.

Авгий. В нее верят все перед боем.

Филей. Мир узнает, что и в Элиде есть настоящие герои.

Авгий. Бессмысленно идти на бессмысленную смерть.

Филей. А разве жизнь в нашем навозе имеет смысл?

Авгий. Иди ко мне в сад. Он переливается яркими красками осени.

Филей (*с удивлением*). В Элиде есть сад?

Авгий. Ты будешь первым, кто в него войдет. Выбирай между ним и могильным курганом, под которым погребут твой искалеченный труп. Идем, сын мой!

XV. В саду Авгия

Филей выходит вперед с правой стороны, смотрит в зрительный зал. Авгий выходит на середину сцены.

Филей. Отец!

Авгий. Что, сын мой?

Филей (*мрачно*). Сколько цветов! Сколько плодов на деревьях!

Авгий. Прикоснись к земле!

Филей. Земля!

Авгий (*резко*). Из навоза получилась земля. Хорошая земля.

Филей. Я тебя больше не понимаю, отец.

Авгий. Я политик, мой сын, а не герой. А политика не творит чудес. Она так же слаба, как люди. Она — воплощение нашей хрупкости и всегда обречена на провал. Она никогда не творит добра, пока мы его сами не творим. И вот я сделал добро. Я превратил навоз в перегной. Плохи времена, когда так мало можно сделать людям добра, но мы должны делать хотя бы это немногое: зато свое собственное добро. Ты не можешь заставить благодать озарить наш мир, но если все же она снизойдет, пусть глядится в тебя, как в зеркало, способное отражать ее лучи. Так пусть же этот сад будет твоим. Не отказывайся от него. Будь как он: преображенным уродством. Плодоноси. Попытайся жить здесь, посреди этой уродливой пустынной страны, но не довольствуйся тем, что у тебя есть, а будь вечно недовольным и распространяй свое недовольство на все — только так можно со временем изменить мир: это, сын мой, и есть тот геройский подвиг, который я хочу на тебя возложить, та Геркулесова работа, которую я хочу взвалить на твои плечи.

Филей стоит неподвижно. Потом
он поворачивается к отцу, подходит
к нему и становится рядом, спиной
к зрительному залу.

Филей. Прощай! (*Идет в глубь сцены, за Геркулесом, с обнаженным мечом.*)

XVI. Хор парламентариев

Все к черту летит стрелою,
Все прахом пошло сполна:
Политики и герои,
А с ними и вся страна.

Богатые с жиру и с лени
Приблизили общий позор.
Сгустились мрачные тени,
Великий приблизился мор.

Но грязь с ваших душ беззаботных
Сама по себе не сойдет:
Не убранная сегодня,
Вас завтра она засосет.

Вы попусту время не тратьте,
Гоните бездельников прочь,
А то вас задушит в объятье
Бездонная темная ночь.

Посвящается Леонарду Штекелю

Комедия в двух актах

Метеор

Das Meteor

Eine Komödie in zwei Akten

Действующие лица

Вольфганг Швиттер — лауреат
Нобелевской премии
Ольга — его жена
Йохен — его сын
Карл Конрад Коппе — его издатель
Фридрих Георген — знаменитый критик
Гуго Ниффеншвандер — живописец
Августа — его жена
Эммануэль Лютц — пастор
Великий Мухайм — предприниматель
Профессор Шлаттер — хирург
Госпожа Номзен — заведующая
общественным туалетом
Глаузер — привратник
Майор Фридли — из Армии спасения
Шафрот — инспектор полиции
Критики, издатели, полицейские, солдаты
Армии спасения

АКТ ПЕРВЫЙ

Меблированная мастерская художника. Слева и справа в глубине большие ниши. Одно окно скошенное, другое откидное, встроенное. В левое окно видна верхушка колокольни, в правое — строительные краны и небо. Самый длинный день лета, время — пополудни, душно, тяжело. Перед левой нишей мольберт, в нише полки с красками, кистями, посудой и т.д. В середине, между нишами, дверь, то есть единственный вход и выход. За дверью маленький коридор и крутая лестница. При открытой двери видно, как поднимаются наверх люди. Справа от двери в нише комод. Слева от двери умывальник с краном и электрическая плитка. На левой боковой стене впереди картина, изображающая нагую женщину. У правой стены параллельно рампе — кровать. По обе стороны изголовья кровати два старых стула, за кроватью ширма, за ней в бельевой корзине близнецы. Вокруг висят и стоят картины с обнаженным женским телом. Слева и справа две железные печки с замысловатыми выкрутасами трубы, которая после нескольких извивов в центре мастерской уходит над дверью в потолок. Протянуты веревки, на которых развешены пеленки. У левой печки стоит старое расшатанное кресло, а рядом старый круглый покосившийся стол. Перед мольбертом в трусах стоит Нифф е н ш в а н д е р и пишет обнаженную натуру. Модель — его жена А в г у с т а — позирует, лежа на постели спиной к публике. Дверь на лестничную клетку широко распахнута. Справа от двери на полке маленький радиоприемник: слышна классическая музыка.

Нифф е н ш в а н д е р. Августа! Не шевелись!

Музыка кончается. Голос диктора: «В связи со смертью лауреата Нобелевской премии по литературе Вольфганга Швиттера вы слушали вариацию для флейты и клавесина из хорала “Утреннее сияние вечности” Христофа Эммануэля Баха. Сейчас перед вами выступит Фридрих Георген».

Ф р и д р и х Г е о р г е н. Друзья, Вольфганг Швиттер умер. Вместе с нами скорбит вся страна, да и все человечество, ведь мир обеднел на человека, который его обогатил. Послезавтра его с подобающими...

Ш в и т т е р поднимается по лестнице и входит в мастерскую. Он небрит. В дорогой шубе, несмотря на страшную жару. Из карманов торчат рукописи. В руках — два туго набитых чемодана. Под мышкой — две большущие свечи. Августа приподнимается, хватает простыню.

Швиттер. Выключите!

Августа, обернувшись простыней, идет к радиоприемнику, выключает его.

Нифф е н ш в а н д е р. Не шевелись, Августа!

Ш в и т т е р. Сорок лет этот архиболтливый эстет раскритиковывал меня. Его право. Но его некролог обо мне я не стану слушать.

Нифф е н ш в а н д е р (*только сейчас замечает Швиттера*). Но... (*Августа снова сидит на краю постели*) Вы... Ведь вы... (*Августа от неожиданности выпускает из рук простыню.*)

Ш в и т т е р. Да, это я, Вольфганг Швиттер.

А в г у с т а. Но только что по радио...

Ш в и т т е р. Сообщили, что я загнулся... могу себе представить, знаю эту братию.

А в г у с т а. Конечно, господин Швиттер...

Ш в и т т е р. Прошу вас, возьмите эти свечи...

Нифф е н ш в а н д е р. Разумеется, господин Швиттер. (*Берет у него свечи.*) И чемоданы...

Ш в и т т е р. Ни в коем случае!

Нифф е н ш в а н д е р. Извините, господин Швиттер.

Ш в и т т е р. Закройте окно! Лето чудесное, на редкость, притом самый длинный день, а я зябну.

Нифф е н ш в а н д е р. Ну конечно, господин Швиттер. (*Закрывает окно, а затем дверь.*)

Ш в и т т е р. В газетах полно трогательных сцен. Нобелевский лауреат в больнице, нобелевский лауреат в кислородной палатке, нобелевский лауреат на операционном столе, нобелевский лауреат в состоянии комы. Моя болезнь — всемирная сенсация, моя смерть — общественное событие, а я удрал. Сел в городской автобус, и вот я здесь. (*Шатается.*) Я лучше присяду. Такое напряжение... (*Садится на чемодан.*)

Нифф е н ш в а н д е р. Позвольте...

Ш в и т т е р. Не трогайте меня. Умирающего следует оставить в покое. (*Пристально смотрит на женщину.*) Странно. Знаешь, что тебе осталось жить несколько минут, и вдруг видишь перед собой голую женщину, видишь золотистые бедра, золотистый живот и золотистые груди...

Нифф е н ш в а н д е р. Моя жена.

Швиттер. Красивая женщина. Господи, хоть еще разок обнять такое тело! (*Встает.*)

Ниффеншвандер. Августа, оденься!

Она исчезает за ширмой справа.

Швиттер. Я в состоянии эйфории, дорогой мой... Как вас, собственно, зовут?

Ниффеншвандер. Ниффеншвандер. Гуго Ниффеншвандер.

Швиттер. Никогда не слышал. (*Снова осматривается.*) Все как прежде. Сорок лет назад я здесь жил и тоже рисовал. Потом сжег свои картины и начал писать книгу. (*Садится в кресло.*) И кресло то же самое, и так же шатается, проклятое. (*Хрипит.*)

Ниффеншвандер (*испуганно*). Господин Швиттер...

Швиттер. Вот она...

Ниффеншвандер. Августа! Воды!

Августа в халате выбегает из-за ширмы к умывальнику.

Швиттер. В смерти нет ничего трагического.

Ниффеншвандер. Быстрее!

Швиттер. Сейчас пройдет.

Ниффеншвандер. Вам надо бы обратно в больницу, господин Швиттер.

Швиттер. Вздор. (*Глубоко вздыхает.*) Хочу снять вашу мастерскую.

Ниффеншвандер. Эту мастерскую?

Швиттер. На десять минут. Хочу здесь умереть.

Ниффеншвандер. Здесь?

Швиттер. Черт возьми, для этого я, в конце концов, сюда заявился.

Августа приносит стакан воды.

Августа. Вот, возьмите, господин Швиттер.

Швиттер. Никогда не пью воду. (*Пристально смотрит на Августу.*) Даже одетая вы красивы. Не рассердитесь, если я буду называть вас по имени?

Августа. Ну что вы, господин Швиттер. (*Ставит стакан с водой на круглый стол рядом с креслом.*)

Швиттер. Если бы я не был при смерти, то стал бы вашим любовником. Извините за откровенные слова, но перед лицом вечности...

Августа. Ну конечно, господин Швиттер.

Швиттер. Ноги у меня уже онемели. Умирать, Ниффеншвандер, просто дико, вы однажды это сами испытаете! Возникают мысли, рушатся препоны, вспыхивают озарения... Грандиозно!.. Однако не хочу вас беспокоить. Оставьте меня на четверть часа одного, а когда вернетесь, я уже умру. (*Из кармана шубы достает банкноту и дает ее Ниффеншвандеру.*) Сотня.

Ниффеншвандер. Большое спасибо, господин Швиттер.

Швиттер. Бедствуете?

Ниффеншвандер. Ну да, как революционер в искусстве...

Швиттер. В этой мастерской мне тоже жилось дерьмово. Бездарному художнику, который забросил кисти, решив стать писателем, ни один черт не даст в кредит. Пришлось жульничать, Ниффеншвандер, нагло жульничать! (*Распахивает шубу.*) Воздуха не хватает.

Ниффеншвандер. Может, все-таки позвонить в больницу?..

Швиттер. Лягу в кровать.

Августа. Я постелю чистое белье, господин Швиттер.

Швиттер. Зачем? Умру на вашей простыне, Августа, еще теплой от вашего тела. (*Поднимается и кладет на стол вторую банкноту.*) Еще сотня. Перед самым концом становишься щедрым. (*Вынимает из карманов рукописи и протягивает их Ниффеншвандеру.*) Мои последние.

Ниффеншвандер. Передать их вашему издателю?..

Швиттер. В печку.

Ниффеншвандер. Пожалуйста, господин Швиттер. (*Запихивает рукописи в левую печку.*)

Швиттер. Зажигайте!

Ниффеншвандер. Как вам угодно, господин Швиттер. (*Зажигает бумаги.*)

Швиттер снимает шубу, бережно кладет ее на кресло, скидывает туфли, ставит их аккуратно возле кресла, стоит в пижаме, не в силах сдвинуться с места.

Горит.

Швиттер. Я лягу. Вопрос нескольких минут, всего лишь.

Августа хочет довести его до кровати.

Швиттер. Не надо, Августа. В последние минуты я хотел бы поразмышлять о чем-то более значительном, чем красивая женщина. (*Бредет к кровати.*) Хотелось бы ни о чем не думать. (*Ложится в постель.*) Ни о чем не хочется думать. (*Лежит неподвижно.*) Просто погрезить. Моя старая кровать. Все тот же матрац, несокрушимый. И на одеяле та же дырка, и чертовы трубы закручены в ту же сторону. Августа!

Августа. Да, господин Швиттер?

Швиттер. Укройте меня!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Укрывает его.*)

Швиттер. Ниффеншвандер, поставьте свечи! Немного торжественности при смерти, так уж заведено. Когда приходит последний час, мы все склонны к романтике.

Ниффеншвандер. С удовольствием, господин Швиттер. (*Ставит свечи на оба стула возле кровати.*)

Швиттер. Зажгите!

Ниффеншвандер. Сию минуту, господин Швиттер. (*Зажигает свечи.*)

Швиттер. Августа, опустите шторы!

Августа. Сейчас, господин Швиттер. (*Опускает черные шторы. В мастерской становится темно, горят только свечи.*)

Ниффеншвандер. Довольны?

Швиттер. Доволен.

Августа. Почти как на Рождество.

Художник с женой в благоговейной позе. Тишина. Швиттер лежит неподвижно. Августа склоняется над ним.

Августа. Гуго...

Ниффеншвандер. Что?

Августа. Он больше не дышит.

Ниффеншвандер. Почил.

Августа. Господи!

Ниффеншвандер. Конец.

Августа. Что же нам делать?

Ниффеншвандер. Не знаю.

Августа. Может, позвать привратника?..

Ниффеншвандер. Положение хуже некуда.

Тишина.

Августа. Гуго!

Нифф е н ш в а н д е р. Что?

А в г у с т а. Он открыл глаза.

Нифф е н ш в а н д е р. Да ну?!

Ш в и т т е р (*тихо*). Сплошь обнаженная натура. Разве вы ничего, кроме вашей нагой жены, не рисуете?

Нифф е н ш в а н д е р. Я изображаю жизнь, господин Швиттер.

Ш в и т т е р. Черт возьми! А можно ли изобразить жизнь вообще?

Нифф е н ш в а н д е р. Я пытаюсь это делать, господин Швиттер.

Ш в и т т е р. Уйдите!

А в г у с т а. Сейчас, господин Швиттер. Только вынесу близняшек.

Ш в и т т е р. Близняшек?

А в г у с т а. Ирму и Риту. Им шесть месяцев.

Ш в и т т е р. Пусть остаются.

А в г у с т а. Но пеленки...

Ш в и т т е р. Не мешают.

А в г у с т а. С них еще капает.

Ш в и т т е р. Ничего.

Нифф е н ш в а н д е р. Августа, пошли!

А в г у с т а. Господин Швиттер... Я буду за дверью, если понадоблюсь.

Ш в и т т е р. Вы прелесть, Августа.

А в г у с т а. Спасибо, господин Швиттер.

Он слабо машет ей рукой на прощание. Августа выходит. Нифф е н ш в а н д е р берет со стола банкноту и направляется к двери.

Ш в и т т е р. Нифф е н ш в а н д е р!

Нифф е н ш в а н д е р. Да, господин Швиттер?

Ш в и т т е р. Вы похожи на одного бельгийского министра.

Нифф е н ш в а н д е р (*в замешательстве*). Вам виднее, господин Швиттер. (*Выходит из мастерской.*)

Швиттер остается в одиночестве. Лежит неподвижно, сложив руки. Кажется, что он уже умер; но внезапно он слезает с постели, открывает один из чемоданов и, стоя на коленях, в пижаме, принимается засовывать в правую печку его содержимое.

Запыхавшись входит пастор Э м м а н у э л ь Л ю т ц. У него приветливое, почти детское выражение лица. Ему сорок лет, он худой, белокурый, носит золотые очки, темный костюм, в левой руке держит широкополую черную шляпу.

Пастор Лютц. Господин Швиттер!

Швиттер. Вон!

Пастор Лютц. Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его.

Швиттер. Не нуждаюсь в подобных изречениях. Убирайтесь!

Пастор Лютц. Я пастор Эммануэль Лютц из прихода святого Иакова. Приехал к вам прямо из клиники.

Швиттер. В священнике не нуждаюсь. (*Разводит огонь в печке.*)

Пастор Лютц. Ваша супруга призвала меня к одру больного.

Швиттер. Это на нее похоже.

Пастор Лютц. Впрочем, я даже смутился. Вы всемирно известный писатель, а я обыкновенный пастор, никакого отношения к современной литературе не имею.

Швиттер. Есть тяга. (*Шурует в печке.*)

Пастор Лютц. Вам помочь?

Швиттер. Подавайте мне, пожалуйста, бумаги...

Пастор Лютц. С удовольствием. (*Кладет шляпу на стол, берет из чемодана бумаги и передает их Швиттеру.*) В больнице вы лежали без сознания, и я прочитал над вами девяностый псалом: «Господи! Ты нам прибежище в род и род».

Швиттер. Разгорается.

Пастор Лютц. «...Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: возвратитесь сыны человеческие!» Жарко! (*Вытирает пот.*)

Швиттер. Хорошо горит.

В дверях показывается Августа.

Августа. Господин Швиттер...

Швиттер. Еще жив.

Августа. Да-да, господин Швиттер.

Швиттер. Жжем дальше.

Пастор Лютц (*подавая бумаги*). Пожалуйста.

Швиттер. Удивляюсь, как это вы меня раскопали.

Пастор Лютц. Через старшую медсестру. В бреду вы говорили, что хотите вернуться в свою прежнюю мастерскую. (*Оторопев.*) Господин Швиттер...

Швиттер. Что?

Пастор Лютц. Это же... Это... Это же деньги, что мы...

Швиттер. Ну и что?

Пастор Лютц. Вот тысячная...

Швиттер. Верно.

Пастор Лютц. Целое состояние.

Швиттер. Полтора миллиона.

Пастор Лютц (*в растерянности*). Полтора...

Швиттер. Заработал писательством.

Пастор Лютц. Полтора миллиона. Но ваши наследники, господин Швиттер, ваши наследники...

Швиттер. Мне безразлично.

Пастор Лютц. Огромная сумма. Можно ведь накормить детей, обучить медсестер... а вы все сжигаете.

Швиттер. Догорело.

Пастор Лютц. Могу я взять хотя бы эту тысячную в фонд бесплатных больничных коек?..

Швиттер. Исключено.

Пастор Лютц. Или для магометанской миссии?..

Швиттер. Не может быть и речи. Я был бедняком, когда жил в этой мастерской, и бедняком желаю здесь умереть. (*Продолжает жечь.*)

Пастор Лютц. Умереть? Вы?

Швиттер. Когда мое состояние сгорит, я лягу и подохну.

Пастор Лютц. Но, господин Швиттер, вы не можете подохнуть. Ведь вы... уже умерли.

Швиттер. Умер? (*Смотрит на пастора.*)

Пастор Лютц. Когда я прочитал над вами девяностый псалом, вы приподнялись, а затем уснули навеки.

Молчание.

Это было трогательно.

Швиттер, запихивая в печку банкноты, орет во всю глотку.

Швиттер. Августа!

В дверях появляется Августа.

Швиттер. Коньяку! Бутылку! Бегом!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Исчезает.*)

Швиттер. Помогите мне надеть шубу.

Пастор помогает.

Умер!

Пастор Лютц. Господь прибрал вас.

Швиттер. Смешно. Я потерял сознание, а когда очнулся, то лежал один в палате. Подбородок был у меня подвязан.

Пастор Лютц. Так принято. Как только человек умрет.

Швиттер. На одеяле было море цветов, горели свечи.

Пастор Лютц. Вот видите.

Швиттер. Я пролез под венками от правительства и Нобелевского комитета и отправился к себе в мастерскую. Вот и все.

Пастор Лютц. Не все.

Швиттер. Это факт.

Пастор Лютц. Факт, что профессор Шлаттер лично установил факт вашей смерти. В одиннадцать часов пятьдесят минут.

Швиттер. Ошибочный диагноз.

Пастор Лютц. Профессор Шлаттер — крупная величина...

Швиттер. Всякая величина может ошибаться.

Пастор Лютц. Но не профессор Шлаттер.

Швиттер. В конце-то концов, я еще жив.

Невольно ощупывает себя.

Пастор Лютц. Не еще, а ожили вновь. Восстали из мертвых. И наука тут ничего не изменит. В больнице поднялся переполох. Основы неверия поколебались... У меня голова кружится от радости. Вы позволите мне присесть? На минуточку.

Швиттер. Пожалуйста.

Пастор садится у круглого стола.

Пастор Лютц. Вы должны меня извинить. Я совершенно вне себя. Пережить такое чудо, непосредственную близость Всемогущего... Будто отверзлись небеса и Господь явился нам в своем дивном величии... Я чуть расстегну воротник, не возражаете?

Швиттер. Не стесняйтесь. (*Открывает второй чемодан, швыряет деньги в правую печку.*) Восстал! Я! Из мертвецов! Ну и потеха!

Пастор Лютц. Свят, свят Господь Саваоф!

Швиттер. Ну хватит вам причитать.

Пастор Лютц. Всевышний избрал вас, господин Швиттер, дабы слепые узрели Бога и нечестивые поверили в него.

Швиттер. Не будьте пошляком. (*Продолжает жечь деньги.*)

Пастор Лютц. Но ваша душа...

Швиттер. У меня души нет, на нее не хватало времени. Попробуйте каждый год писать по книге, и с духовной жизнью мигом распрощаетесь. Но вот появляетесь вы, пастор Лютц. Согласен, это ваша профессия. Но ведь все равно распадешься на составные элементы — воду, жир, минералы, а вы тычете в меня Богом и чудесами. Зачем? Чтобы я считал себя орудием Бога? Чтобы поддержал вашу веру? Я желаю умереть честно, без вымыслов и словесности. Желаю только еще раз ощутить свободный ход времени, его плавное истекание, жажду еще хоть раз пережить одну минуту реальной жизни, хоть одну секунду полноценного бытия. Мое состояние сгорело.

В дверях появляется запыхавшаяся Августа.

Августа. Вот коньяк, господин Швиттер.

Швиттер. Давай сюда.

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Подает бутылку.*)

Швиттер. А теперь исчезни! Гоп!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Исчезает. Он смотрит ей вслед.*)

Швиттер. Славная топотушка. (*Садится в кресло, открывает бутылку, пьет.*) Хорошо... (*Берет со стола шляпу и протягивает ее пастору.*) Ваша.

Пастор Лютц. Спасибо.(*Берет шляпу, но не встает.*)

Швиттер. Вы так любезно помогли мне избавиться от полутора миллионов...

Пастор Лютц. Иначе и быть не могло.

Швиттер. А теперь двигайте отсюда.

Пастор идет к двери, останавливается.

Пастор Лютц. Господин Швиттер! Мне только сорок, а со здоровьем неважно. Жизнь моя в руках Божьих. Мне уже давно пора быть в церкви, да и вечерняя молитва еще не готова. Но мною вдруг овладела такая слабость, я чувствую, что невероятно устал, совершенно измучен...

если позволите, я прилег бы... на секунду... (*Шатаясь, идет к кровати, садится.*)

Швиттер. Пожалуйста. (*Пьет.*) Я все равно никуда отсюда не двинусь.

Пастор Лютц. Я слишком разволновался. Пожалуй, я лучше разуюсь. (*Начинает снимать ботинки.*) На минутку... А то голова закружилась...

Швиттер. Чувствуйте себя как дома. (*Прижимает руки к груди.*) У меня в сердце перебои.

Пастор Лютц. Старайтесь не волноваться.

Швиттер. Одышка — штука невеселая.

Пастор Лютц. «Отче наш, иже еси на небеси...»

Швиттер (*шипит*). Не причитайте!

Пастор Лютц (*испуганно*). Извините.

Швиттер. Я умираю. (*Пьет из бутылки.*) Не так торжественно, как намечалось, а в этом мерзком кресле. (*Пьет.*) Мне вас жаль, пастор, с моим воскресением ничего не получилось. (*Смеется.*) Однажды ко мне приходил пастор, и я ему тоже посочувствовал. Это когда моя вторая жена, дочь крупного промышленника, покончила с собой. Она, кажется, проглотила фунт снотворных таблеток. Наш брак был сплошной мукой... что ж, мне нужны были деньги, у нее они были... не хочу плакаться задним числом... она доводила меня до бешенства... и, глядя на нее, умолкнувшую, белую... пастор разволновался. Он пришел, когда врач еще возился с трупом, а следователь еще не появился. Пастор был в темном одеянии, как и вы, и ваших лет. Он стоял возле постели, вытаращившись на усопшую. Потом сидел в гостиной. Скрестив руки. Кажется, он хотел что-то сказать, возможно процитировать из Библии, но так ничего и не изрек, а я после восьмой рюмки коньяку отправился к себе в комнату и сел писать рассказ. О том, как ученики старшего класса сельской школы избили до смерти молодого учителя-идеалиста, а местный крестьянин проехался по нему на тракторе и скрыл преступление. Посреди села. Перед школой. И все глядели на это. Полицейский тоже. Полагаю, это мой лучший рассказ. (*Пьет.*) Когда я под утро приплелся в гостиную, усталый как собака, пастора уже не было. Жаль. Он был такой беспомощный. (*Пьет.*)

Пастор Лютц. Я тоже ни на что не гожусь. Когда читаю проповедь, прихожане засыпают. (*Дрожит.*)

Швиттер. Может, это был вовсе не священник. Может, это был любовник моей второй жены. Может, у нее вообще было много любовников. Странно, что я до сих пор не подумал о такой возможности. (*Пьет.*)

Пастор Лютц. Здесь жуткий холод.

Швиттер. Я тоже немного озяб.

Пастор Лютц. Господь был рядом, и вот он опять далеко.

Швиттер. Думал распрощаться с жизнью как-то достойно, по-человечески, а вот — наклюкался. (*Пьет.*)

Пастор Лютц. Вы не верите в то, что воскресли.

Швиттер. Смерть была мнимая.

Пастор Лютц. Вы хотите умереть.

Швиттер. Должен. (*Пьет. Ставит бутылку со стуком на стол, откидывается в кресле.*)

Пастор Лютц. Да помилует вас Бог.

Молчание. Пастор складывает руки.

Я верю в ваше воскресение. Верю, что Господь сотворил чудо. Верю, что вы будете жить. Господь Саваоф знает мое сердце. Трудно проповедовать Евангелие о крестной смерти Иисуса Христа, о его воскресении, не имея никаких других доказательств, кроме веры. Ученикам Христовым было — при всем моем уважении — легче. Господь жил среди них. Он творил у них на глазах чудо за чудом. Он исцелял слепых, хромых и прокаженных. Он шествовал по водам и воскрешал из мертвых. И когда Сын человеческий воскрес, то позволил Фоме, который все еще сомневался, вложить руку в ребра Свои и осязать раны Свои. Тогда не трудно было поверить. Однако это было давно. Царствие небесное, которое нам обещали, не настало. Мы жили во мраке, не имея ничего, кроме надежды. Она одна питала нашу веру. Господи, но этого было мало. И вот Ты все-таки сжалился надо мной. Так сжалься и над теми, кому не дано увидеть Твоего величия, ибо таинство вознесения ослепило их.

Тишина. Дверь медленно открывается.
Августа заглядывает в комнату.

Августа (*тихо*). Господин Швиттер.

Тишина.

(*Чуть громче.*) Господин Швиттер.

Тишина, Августа входит в мастерскую. В дверь заглядывает Нифф е н ш в а н д е р.

(*Громко.*) Господин Швиттер!

Нифф е н ш в а н д е р. Ну что?

Авгу с т а. Он не отвечает.

Нифф е н ш в а н д е р. Подойди, глянь.

Августа подходит к креслу, наклоняется над Швиттером. В дверях появляется Г л а у з е р — толстый, добродушный, потный мужчина.

Г л а у з е р. Ну как?

Нифф е н ш в а н д е р. Жена сейчас посмотрит.

Г л а у з е р. Я видел, как этот человек поднимался к вам. Он сразу показался мне подозрительным. Слыханное ли дело — жара, а он в шубе и две свечи под мышкой. Вам следовало бы сообщить в полицию.

Августа выпрямляется.

Авгу с т а. Гуго...

Нифф е н ш в а н д е р. Умер?

Августа дотрагивается до Швиттера.

Авгу с т а. Пожалуй, да.

Нифф е н ш в а н д е р. Наконец-то.

Нифф е н ш в а н д е р и Глаузер поднимают шторы. Глаузер задувает обе свечи и обнаруживает пастора Лютца.

Г л а у з е р. Тут еще один лежит.

Нифф е н ш в а н д е р. Еще один?

Г л а у з е р. Нифф е н ш в а н д е р, меня удивляет...

Авгу с т а. Пастор Лютц!

Нифф е н ш в а н д е р. Тоже окочурился.

Г л а у з е р. Поразительно. Я — привратник, ответственный за порядок в доме, а в вашей мастерской — два неизвестных трупа!

Швиттер в кресле открывает глаза.

Ш в и т т е р. Бельгийский министр тоже занимался живописью на досуге. (*Поднимается.*) В этом кресле умирать неуютно.

Авгу с т а. Господин Швиттер... (*Смотрит на него.*)

Швиттер. Помогите мне лечь в кровать, Августа! Живо!

Молчание.

Августа (*смущенно*). Не получится, господин Швиттер.

Швиттер. Почему?

Августа. Потому... потому, что пастор, господин Швиттер... пастор умер.

Молчание. Швиттер подходит к кровати и угрюмо разглядывает пастора.

Швиттер. В самом деле. (*Возвращается к креслу, садится.*) Уберите труп!

Молчание.

Глаузер. Вы...

Швиттер. А вы кто?

Глаузер. Привратник. Надо бы сначала полицию...

Швиттер. Я умираю.

Глаузер. Случай смерти — дело официальное.

Швиттер. Право лежать в постели — мое, а не трупа.

Глаузер. Слушайте, я потеряю свое место.

Швиттер. Какое мне дело. Эту кровать я арендовал. Я — лауреат Нобелевской премии.

Молчание.

Глаузер. Ладно. Под вашу ответственность. Давайте вынесем пастора в коридор.

Нифф е н ш в а н д е р. Августа, помогай!

Втроем тщетно стараются поднять тело пастора.

Глаузер. Ух ты!

Нифф е н ш в а н д е р. Бесполезно.

Августа. Слишком тяжелый.

Глаузер. Может, вы подсобите нам, господин лауреат Нобелевской премии...

Нифф е н ш в а н д е р. Вчетвером справимся.

Молчание.

Швиттер (*решительно*). К пастору я не притронусь.

Нифф е н ш в а н д е р. Нет — так нет.

Глаузер. Придется вызвать полицию...

Швиттер. Я помогу. (*Встает.*)

Глаузер. Вы, господин лауреат Нобелевской премии, с фрау Августой берите за ноги, а мы за плечи. Приготовились!

Нифф е н ш в а н д е р. Готов.

Августа. Готова.

Швиттер. Взяли!

Несут пастора.

Августа. Осторожней.

Нифф е н ш в а н д е р. Тихонько, тихонько.

Глаузер. Положим за дверью.

Мастерская опустела. Августа приводит Швиттера.

Августа. Так, господин Швиттер, так. Ну вот, кровать свободна. Может, постелить чистое белье?

Швиттер. Нет.

Августа. Не желаете снять шубу?..

Швиттер. Нет. (*Бросается в шубе на кровать.*) Исчезните!

Августа. Но мои близнецы... их надо...

Швиттер. Вон!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Укрывает его.*)

Швиттер. Августа, вы мне нравитесь все больше и больше.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. (*Уходит.*)

Швиттер лежит неподвижно, сложа руки.
Внезапно он вскакивает с кровати.

Швиттер. Проклятые картины.

Переворачивает портрет нагой женщины к стене, затем переворачивает и другие картины с обнаженной натурой. За дверью слышится голос.

Мухайм. Эй! Кто-нибудь есть?

Швиттер влезает с кресла на комод и пытается повернуть висящую над ним огромную картину.

Забавно. Каждый раз, когда прихожу, тут никого нет.

Дверь открывается. Входит Мухайм — восьмидесятилетний энергичный земельный маклер, строительный подрядчик и домовладелец.

Эй! У двери лежит труп!

Швиттер. Знаю.

Мухайм замечает Швиттера на комоде.

Мухайм. Покойника вы положили?

Швиттер. Нет. (*Пытается повернуть картину.*)

Мухайм. А как он очутился перед вашей дверью?

Швиттер. Он лежал на кровати, а кровать мне самому нужна.

Мухайм. Я попросил бы вас объяснить... (*вспыхивает.*) Чей это труп?

В дверь заглядывают Августа и Нифференшвандер.

Швиттер. Пастора приюта святого Иакова. Умер от волнения.

Мухайм. Да ну! Это ж и со мной может случиться.

Швиттер. Пожалуйста, не надо. (*Слезает с комода.*) Не получается. (*Узнаёт Мухайма.*) А-а, Великий Мухайм, владелец сей отвратной казармы внаем, хозяин этой дрянной мастерской с жалкой мебелью и вшивой кроватью... Только Великого Мухайма мне еще не хватало.

Августа и Нифференшвандер осторожно закрывают дверь. Швиттер снимает шубу, кладет ее на кровать и садится рядом.

Мухайм (*оторопев*). Вы что, меня знаете?

Швиттер. Сорок лет назад я проживал с моей первой женой в этом ателье. Она была крепкая, чувственная, рыжая и необразованная.

Мухайм. Не помню. (*Поворачивает картины в прежнее положение.*)

Швиттер. Мы были бедняки, Великий Мухайм.

Мухайм. Моя супруга любила живопись, а не я.

Швиттер. Живописцев.

Молчание.

Мухайм. Минутку, минутку. (*Хватает стул из-за стола и садится посредине мастерской.*) Вы что хотите этим сказать?

Швиттер. Ничего.

Мухайм. Выкладывайте, в чем дело!

Швиттер. Каждый месяц первого числа я приносил вашей супруге квартирную плату, мы ложились в постель, а потом сотню мне возвращали.

Молчание.

Мухайм. Сотню?

Августа и Нифференшвандер опять смотрят в приоткрытую дверь.

Швиттер. Сотню.

Молчание.

Мухайм. Сколько это продолжалось?
Швиттер. Два года.
Мухайм. Каждый месяц?
Швиттер. Каждый.
Мухайм. Моя жена умерла пятнадцать лет назад.
Швиттер. Соболезную. (*Вынимает из шубы чековую книжку, пишет.*) Чек на десять тысяч.
Нифференшвандер. Десять тысяч!
Швиттер. За все ваши картины!
Нифференшвандер. Десять тысяч! Августа! Бегу в банк. Десять тысяч! (*Убегает.*)

Августа появляется в дверях.

Швиттер (*встает*). Привратник!
Августа. Господин Глаузер!
Глаузер (*поднимается по лестнице*). Да, господин лауреат Нобелевской премии?
Швиттер. Отнесите картины во двор, полейте их бензином и подожгите!
Глаузер. Слушаюсь, господин лауреат Нобелевской премии. (*Снимает картины, бросает их Августе.*)
Мухайм. Два года вы спали с моей женой. Каждый месяц, первого числа...
Швиттер. В половине одиннадцатого.
Мухайм. А я в половине шестого уже был на стройке. Каждый день в половине шестого на работе.
Швиттер. Вы жаворонок!
Глаузер. Главное, что уплачено, фрау Августа. (*Бросает ей картины.*)
Мухайм. Баб рисовать трудно.
Швиттер. Остальные тоже снимите, пожалуйста.
Мухайм. Признайтесь, вы говорите правду?
Швиттер. Зачем лгать?

Августа и Глаузер уходят. Швиттер закрывает дверь и бросается на кровать.

Мухайм. Кто вы?

Швиттер. Вольфганг Швиттер.

Мухайм (*изумленно*). Лауреат Нобелевской премии?

Швиттер. Тот самый.

Мухайм. Но ведь сегодня по радио сообщили...

Швиттер. Поторопились.

Мухайм. Потом передавали классическую музыку целый час...

Швиттер. Сожалею...

Мухайм. Но каким же образом...

Швиттер. Я сбежал из больницы, чтобы умереть здесь.

Мухайм. Чтобы здесь... (*Оглядывается.*) Хочу выпить. (*Берет со стола стакан с водой, идет к умывальнику, выливает воду, возвращается к столу и наливает в стакан коньяк.*) Если бы все не было так банально. (*Смотрит в одну точку.*) Каждый месяц...

Швиттер. Иначе мы околели бы с голоду.

Мухайм. За сотню...

Швиттер. Вы бы мне ее не простили ни за что.

Мухайм. Долгов я никогда никому не прощаю. (*Пьет.*)

Швиттер. Моя жена пронюхала. Потом сама изменяла мне, стерва, с мясником... Лучших бифштексов, помнится, я в жизни не едал. (*Смеется.*) С тех пор я женился еще три раза. Каждая новая была красивее прежней. Но я заблуждался, Мухайм. Пока наконец не взял в жены «девушку по вызову». Она оказалась лучше всех.

Мухайм. Еще три раза... (*Пьет.*)

Швиттер. Убирайтесь же, в конце концов. Вы провоняли всю мастерскую. Ваше присутствие отравляет мне жизнь.

Мухайм. Ну и пусть. (*Пьет.*) Швиттер, мне восемьдесят.

Швиттер. Поздравляю.

Мухайм. И я совсем здоров.

Швиттер. Могу себе представить.

Мухайм. Я начал с самых низов. Мой отец был разносчиком товаров. И мне приходилось таскаться вместе с ним. Я продавал шнурки для ботинок, Швиттер, шнурки, пока не занялся сносом домов, а потом не организовал строительную фирму. Я переделываю весь город. Видите там строительные краны?

Швиттер. Они портят мне кончину.

Мухайм. Не спорю, я не был щепетильным. Однако я и не собирался изображать социального апостола. Теперь я наверху. Политические партии у меня в кармане. Враги меня боятся, а у меня много врагов. Но моя личная жизнь... (*Вынимает сигару.*) Без счастливого брака больших дел не сотворишь, без женской нежности по жизни не проплутаешь, без душевности подохнешь в канаве. (*Собирается закурить сигару.*)

Швиттер. Не курите, пока я умираю.

Мухайм. Пардон. Да-да, конечно. (*Прячет сигару.*)

Швиттер. Зажгите лучше две свечки.

Мухайм. С удовольствием. (*Зажигает свечи.*) Бабы тогда вешались мне на шею, но ни одна не зацепилась. Я был верен жене, даже после ее смерти, можете не сомневаться.

Швиттер. Опустите шторы.

Мухайм. Будет сделано. (*Опускает шторы. Темно. Горят только свечи.*) Но я убил бы свою жену, если бы знал то, что знаю теперь, и вас тоже, Швиттер... Да я бы и сейчас с вами разделался, если бы вы... (*Встает у изножья кровати, вперив взгляд в Швиттера.*) Умирающий неприкосновенен.

Швиттер. Не стесняйтесь.

Мухайм. Я мог бы раскромсать вас на куски.

Швиттер. Я в вашем распоряжении.

Мухайм. Стереть в порошок...

Швиттер. Можете спокойно начинать.

Мухайм идет к креслу.

Мухайм. Господи, сколько же раз она меня обманывала! (*Садится.*)

Швиттер. Считайте, что несколько десятков любовников у нее побывало.

Мухайм уставился в одну точку.

Мухайм. Наверное, она была ненасытной.

Входит Ольга, запыхавшись. Ей девятнадцать лет, красивая, одета в черное. Это четвертая жена Швиттера. Он в испуге садится в постели.

Швиттер. Она. Девушка по вызову.

О л ь г а. Вольфганг...
Ш в и т т е р. Не везет...

Августа наблюдает за ней.

О л ь г а. Ты жив...
Ш в и т т е р. Возможно.
О л ь г а (*тихо*). Ты живой...
Ш в и т т е р. Знаю, это становится неудобно.

Ольга, заметив Августу, закрывает дверь и прислоняется к ней.

О л ь г а. За дверью... священник...
Ш в и т т е р. Его послала старшая сестра.
О л ь г а. Он мертвый.
Ш в и т т е р. Паралич сердца.
О л ь г а. А ты жив...
Ш в и т т е р. В третий раз ты упрекаешь меня.
О л ь г а. В больнице я закрыла тебе глаза.
Ш в и т т е р. Весьма любезно.
О л ь г а. Сложила тебе руки на груди.
Ш в и т т е р. Мило.
О л ь г а. Привела в порядок цветы и венки.
Ш в и т т е р. Очнувшись, я осмотрел композицию.
О л ь г а. На прощание поцеловала тебя.
Ш в и т т е р. Приятно слышать.

Молчание.

О л ь г а. И что же теперь?
Ш в и т т е р. Извольте радоваться.

Она нерешительно идет к нему.

О л ь г а. Прости, что я только сейчас... Я... Я упала в обморок, когда вернулась в больницу, а ты вдруг больше не...
Ш в и т т е р. Представляю себе.
О л ь г а. Профессор Шлаттер не понимает, как это могло случиться.
Ш в и т т е р. Естественно. Я должен был лежать на секционном столе.

Ольга бросается ему на грудь, рыдает.

Вот еще.
О л ь г а. Ну, теперь все наладится.

Швиттер. Опять все начинается сначала.

Ольга. Я остаюсь с тобой.

Швиттер. Уважаемая Ольга. Целый год я то и дело лежу при смерти. Целый год меня то и дело спасают в последний момент. Хватит, надоело. Я скрылся от этой шайки медицинских тупиц. Хочу наконец спокойно умереть, без термометра во рту, без какого-либо аппарата, подключенного ко мне, без столпившихся вокруг меня людей. А посему уходи! Мы давно распрощались друг с другом, прощались десятки раз, и это уже становится смешно! Прошу тебя, образумься, испарись! Прощай! (*Натягивает простыню себе на голову.*)

Мухайм поднимается.

Мухайм. Я пойду. (*Кланяется Ольге.*) Мухайм. Великий Мухайм.

Ольга встает.

Я мог бы его убить. (*Идет к двери.*) Но умирающий — это для меня священно. (*Уходит.*)

Молчание. Швиттер сдергивает простыню с лица.

Швиттер (*злобно*). Ты еще здесь.

Ольга. Я твоя жена.

Швиттер. Моя вдова. (*Садится.*) До чего ж мне надоели эти церемонии. Подними шторы!

Она поднимает шторы. В мастерской снова яркий солнечный свет.

Открой окно!

Она открывает.

Ботинки пастора! (*Встает с кровати, хватает стоящие на полу ботинки пастора и убирает со стола его шляпу.*) Его шляпа! (*Выбрасывает ботинки и шляпу за дверь и с грохотом ее закрывает.*) Погаси эти проклятые свечи!

Она гасит.

В этой лицемерно-кадильной атмосфере я еще, глядишь, и выздоровею! Мне нужно солнце, чтобы умереть. Я должен задохнуться в его пекле. Выгореть. Дотла. Во мне еще слишком много жизни. (*Хочет сесть в кресло, видит свои*

ботинки.) Мои ботинки. Они мне больше не нужны! (*Бросает их за ширму, садится в кресло.*)

Близнецы начинают пищать.

Смешно. Все время приземляюсь в это кресло. (*Хочет выпить.*) Пусто. (*Ставит бутылку обратно на стол.*) Августа!

В дверях появляется Августа.

Августа. Да, господин Швиттер?

Швиттер. Близнецы разорались. Гопля!

Августа. Сию минуту, господин Швиттер. (*Выносит из-за ширмы бельевую корзину с близнецами.*)

По лестнице поднялся Глаузер.

Глаузер. Господин лауреат Нобелевской премии, картины горят.

Августа. Тише, Ирма, тише, Рита... (*Останавливается в дверях.*) Может, и пеленки...

Швиттер. Ступайте! Коньяку! Еще бутылку!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Исчезает, Глаузер тоже.*)

Ольга. Шубу дать?

Швиттер. Не надо.

Ольга. Боли еще есть?

Швиттер. Нет.

Ольга. Это был дурной сон. Мне не надо было верить врачам.

Швиттер. А что еще оставалось?

Ольга. Они сказали мне еще год назад, что ты не выживешь.

Швиттер. Между прочим, я и сам догадался об этом.

Ольга. Твоему сыну они тоже сообщили, а тот разболтал всем девкам в барах. Везде судачили о твоей смерти, хотя ты еще не потерял надежды. Со мной разговаривали так, будто ты уже умер... Обращались как со шлюхой...

Швиттер. Ты же такой и была.

Молчание.

Твоя проклятая покорность меня доконает.

Ольга. Прости!

Швиттер. Я не надеюсь, что из ложного уважения ко мне ты не вняла просьбе какого-либо моего приятеля.

Ольга. Я не внимала ничьим просьбам.

Швиттер. Твой долг был не в том, чтобы сохранять мне верность. Твой долг — говорить мне правду.

Ольга. Я боялась.

В отчаянии она падает перед ним на колени, он обнимает ее.

Швиттер. Я тоже боялся. Это подлый страх. Я не знал правды, из-за страха не хотел ее узнать, иначе догадался бы, а теперь я знаю правду, ее больше не скроешь, мое тело смердит.

Ольга. Я не могла тебе помочь. Видела, как ты слабеешь. Видела, как тебя мучают врачи. Я не могла вмешаться, была словно парализована. Просто все шло своим чередом. Когда утром я стояла у твоей постели и пастор читал молитву, а профессор послушал тебя и сказал, что ты умер, я даже не заплакала. Я набралась мужества, потому что ты вел себя мужественно... Но ты вновь ожил...

Швиттер. Теперь еще ты будешь городить эту чепуху! (*Отталкивает ее от себя.*)

Ольга (*тихо*). Если я тебя еще раз потеряю, то не смогу больше жить.

В дверях появляется запыхавшаяся Августа.

Августа. Коньяк, господин Швиттер.

Швиттер. Давно пора.

Ольга поднимается.

Августа. Пожалуйста, господин Швиттер.

Швиттер. Налей!

Августа. Может, принести вам чистый бокал...

Швиттер. Чепуха.

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Швиттер. До краев.

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер.

Швиттер. Теперь проваливай! Гопля!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Исчезает.*)

Швиттер. Единственное создание, которое я еще терплю. (*Пьет.*) Уйдешь ты, в конце концов!

Ольга. Я останусь.

Швиттер. Ты мне надоела. (*Пьет.*)
Ольга. Пожалуйста, не пей так много!
Швиттер. Наплясавшись, полезно налакаться.

В дверях появляется майор Армии спасения Фридли в униформе и пристально смотрит на Швиттера.

Майор Фридли. Он жив! Он жив! (*Начинает петь.*)

Утреннее сияние вечности,
Свет несотворенного светила.

Швиттер. Перестаньте! Что это вам взбрело!
Майор Фридли. Живой! Живой! Живой! (*Исчезает.*)
Швиттер. Сумасшедший.
Ольга. Поедем домой. (*Берет шубу Швиттера.*) Ужасная больница, эта неприятная мастерская, мертвый пастор... прошу тебя, поедем домой.
Швиттер. Умереть я хочу здесь.
Ольга. Ты не должен умереть. Не знаю, что случилось, но ты будешь жить.
Швиттер. Жизнь мне опротивела. (*Поднимается.*) Я был беззащитным существом, когда начал писать. В голове — ничего, кроме замыслов, я пьянствовал и плевал на общество. Потом пришел успех, премии, чествования, деньги и роскошь. Мои манеры улучшались. Я полировал ногти и шлифовал свой стиль. Если моя первая жена отдалась портному, чтобы тот сшил мне синий костюм, то две следующие отдавались только литературе, организуя мне почет и придворных, пока я из кожи лез, чтобы окончательно стать классиком. Нобелевская премия добила меня. Но писатель, которого современное общество прижимает к сердцу, будет продажным всегда. Вот почему я подцепил тебя. Со злости. (*Прижимает Ольгу к себе.*) Со злости на себя, на весь мир. Старому человеку захотелось еще раз побунтовать. А ты чертовски хорошо знала свое дело. На несколько недель ты подновила меня — это было прекрасно! — но затем я угодил на носилки, и все рухнуло. (*Он отталкивает Ольгу на кровать.*) Собирай-ка свои вещи. Ты научилась самой честной профессии из всех, что есть на свете, ты была самой красивой и самой умелой в городе «девушкой по вызову». Вернись к своему ремеслу, сделай одолжение! (*Он бросается на нее.*) Благодаря нашему браку ты стала знаменитой, твоя фотография печаталась

во всех газетах, а снимки, где ты обнаженная, ходят по стране, цена на тебя неизмеримо выросла. Ты — дар, который я завещаю обществу. Цезарь жертвовал свои сады, я — девку!

В мастерскую входит Йохен Швиттер, сорока лет, огромного роста, жирный, с длинными волосами.

Йохен. Папа! Ну и ну! (*Заметив радиоприемник, включает его. Звучит джазовая музыка на мотив «Утреннее сияние вечности».*)
Воскрес.

Ольга (*одергивая*). Йохен!

Йохен. Привет, мамочка нерóдная. Рад, что повстречались.

Швиттер. Что тебе надо?

Йохен (*подумав*). Мои полтора миллиона.

Швиттер. Твои?

Йохен. Я твой наследник.

Швиттер. Возможно.

Йохен. По закону, старик.

Швиттер. Тебе виднее.

Йохен. В конце концов, я два семестра учил право.

Швиттер. Недурно.

Йохен. Ну-с? Где деньги?

Швиттер. В банке.

Йохен. Врешь.

Молчание.

Тебе не стыдно? Будучи при смерти...

Молчание.

Я только что из банка. Ты велел принести деньги в больницу, но и там их нет.

Молчание.

Не ожидал, а?

Швиттер. Ловкач.

Йохен. Из-за тебя моя мать погибла, я благодаря тебе разбогатею.

Швиттер. Ты уверен?

Йохен. Не сомневаюсь. (*Достает сигарету.*)

Ольга. Йохен, здесь нельзя курить.

Йохен. Успокойся, мачемуля, это хоть поможет одолеть твоего муженька. (*Закуривает.*) Ну-с? Где деньги? (*Пускает дым в лицо Швитттеру.*)

Швиттер. В чемоданах. (*Пьет.*)

Йохен. Вот видишь, какой ты послушный. (*Ставит чемодан на кровать.*) Не заперт. Легкомысленно, мой Крёз. (*Открывает чемодан. Изумленно.*) Пусто. (*Идет к другому чемодану, ставит его на стол и открывает.*) Пусто. (*Хватает бутылку.*)

Швиттер. Тоже пустая.

Йохен отшвыривает бутылку.

Йохен. Хорошо. Будем драться на ножах. Значит, мои полтора миллиона стянула твоя бабенка. (*Направляется к Ольге.*)

Швиттер. Полагаешь?

Йохен. Полагаю. (*Размахивается, чтобы ударить.*)

Швиттер. Я бы заглянул в печку.

Йохен идет к правой, потом к левой печке, роется в золе.

Йохен. Горелая бумага.

Швиттер. Моя последняя рукопись и мои полтора миллиона.

Йохен. Пепел. (*Бешено роется в печке.*)

Швиттер. Пора наконец умирать. (*Шатаясь, идет к середине мастерской.*) Фантастика! Да я просто в блестящей форме.

Йохен. Чуть горячая еще.

В мастерскую входит Глаузер.

Глаузер. Господин лауреат Нобелевской премии, полиция эвакуировала пастора.

Швиттер. Я накачался под завязку!

Глаузер. Полицейские наконец увезли труп пастора!

Швиттер. Убрать в комнате!

Глаузер. Слушаюсь, господин лауреат Нобелевской премии! (*Робко удаляется.*)

Швиттер. Долой пеленки! Долой!

(Йохен идет к правой печке. Швиттер вскакивает на кровать и срывает пеленки.)

Долой! Они напоминают мне о жизни, о спаривании, о родовых муках! Долой мокрые тряпки! Не желаю больше нюхать «пи-пи» и «а-а» ваших младенцев! Хочу праха и

тления, хочу могильного духа, хочу тумана вечности! (*Спрыгивает с кровати, садится в кресло.*)

Йохен. Сжег. (*Встает, в горстях пепел.*) Полтора миллиона.

Швиттер. Горели весело.

Йохен. Зачем ты их уничтожил?

Швиттер. Не знаю.

Йохен. Ведь какая-то причина у тебя была.

Швиттер. Просто так захотелось.

Йохен. У меня долги.

Швиттер. Роскошные шлюхи стоят немало.

Йохен. Усек.

Молчание.

Мастерский удар. А я рассчитывал на твои деньги.

Швиттер. Ошибочный расчет.

Йохен. Ты даже не питал ко мне ненависти. Я тебе просто безразличен. И тебе все равно, если я отправлюсь ко всем чертям.

Швиттер. Я собираюсь туда же.

Йохен. Ты жесток.

Швиттер. Умирать жестоко.

Йохен. Так умри же наконец! (*Идет к двери.*) Сделай одолжение. Будь добр хоть раз в жизни, старик, умри наконец. Вот без тебя я заживу, еще как заживу!

Швиттер. Уходи. Сейчас же!

Йохен. Ушел. В бар. Впрочем, мне остается доля гонорара с твоих переизданий. (*Исчезает.*)

Швиттер, пошатываясь, идет к двери, закрывает и прислоняется к ней спиной. Ольга выключает радио.

Швиттер. Ты еще здесь...

Ольга. Ухожу.

Швиттер. Кажется, я здорово... (*Пытается вспомнить.*) Много?..

Ольга. Две бутылки коньяку.

Швиттер (*сияет*). Вот это да! (*Задумчиво смотрит на Ольгу.*) Я скверно себя вел?

Ольга. Нет.

Швиттер. Значит, скверно.

Молчание.

Потому, что умираю.

Ольга. Потому, что ты живой.

Швиттер. Тебе надо устраиваться, малышка. (*Смеется.*) Мое состояние сгорело.

Ольга. Я кое-что отложила.

Швиттер. Не сомневаюсь. (*Смеется.*) Как хорошо нам было с тобой, малышка. Месяц, другой.

Ольга. О да!

Швиттер. Мы хохотали так, что дрожали стены

Ольга. Еще как.

Швиттер. Напивались до чертиков.

Ольга. Еще бы.

Швиттер. Обнимались так, что земля тряслась.

Ольга. С тобой было чудесно. (*Уходит.*)

Швиттер оседает на пол, лежит как мертвый.
В дверь заглядывает Августа.

Августа. Господин Швиттер.

Тишина.

(*Громче.*) Господин Швиттер!

Швиттер. Августа?

Августа. Пеленки валяются на полу.

Швиттер. Сожалею.

Августа. Ничего, господин Швиттер. (*Достает из-за ширмы корзинку, собирает в нее пеленки. Швиттер поднимается.*)

У вас красивая жена, господин Швиттер.

Швиттер. Была.

Августа. Она спускалась по лестнице и плакала.

Швиттер. Она еще очень молода. (*Ложится на кровать.*)

Августа. Можно вас кое-что спросить, господин Швиттер?

Швиттер. Спрашивай!

Августа. У Гуго, наверно, нет таланта к живописи?

Швиттер. Нет.

Августа ставит корзинку на стол.

Августа. Собрала пеленки.

Швиттер. Запри дверь! Быстро!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Запирает дверь.*) Заперла.

Он смотрит в окно.

Швиттер. Опусти шторы!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер. (*Опускает шторы.*)

Швиттер. Иди сюда!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер. (*Спокойно идет к нему.*)

Снаружи Нифф е н ш в а н д е р несколько раз нажимает на дверную ручку.

Нифф е н ш в а н д е р. Августа!

Швиттер. Ближе!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер.

Нифф е н ш в а н д е р (*стучит*). Августа, открой!

Швиттер. Меня знобит.

Августа. Может, накрыть шубой...

Швиттер. Раздевайся!

Августа. Как вам угодно, господин Швиттер.

Нифф е н ш в а н д е р. Открой, Августа! Открой! (*Колотит в дверь.*)

Швиттер. Ложись ко мне!

Августа. Слушаюсь, господин Швиттер.

Пока она раздевается, Ниффеншвандер продолжает колотить в дверь и дергать за ручку.

Нифф е н ш в а н д е р. Открой! Открой! Чек не оплатили!

Гасится свет.

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Мастерская Ниффеншвандера спустя час. На кровати под венками лежит почивший наконец Швиттер. Вокруг стоят различные господа в черном, среди них знаменитый критик Фридрих Георген. Слева в кресле — Карл Конрад Коппе, издатель Швиттера, ему 65 лет, он чисто выбрит, элегантен. На заднем плане Ниффеншвандер и Глаузер. Августу, сначала стоявшую у смертного одра, вновь пришедшие оттесняют в глубину. То там, то здесь сверкают фотовспышки журналистов, бродящих по мастерской. Шторы на окнах снова опустили и зажгли свечи. Кто-то из посетителей включил магнитофонную кассету с печальной музыкой. Звучит хорал «Заря вечности». По окончании музыки Фридрих Георген начинает траурную речь. (Собравшиеся мучаются от летнего зноя. Один за другим они удаляются во время речи, поклонившись мертвому Швиттеру.)

Фридрих Георген. Друзья, Вольфганг Швиттер мертв. Вместе с нами скорбит вся нация, весь мир — мир обеднел на человека, который сделал его богаче. Его бренные останки лежат под венками на этой постели. Послезавтра его торжественно похоронят, как подобает лауреату Нобелевской премии. Но мы, его друзья, будем скорбеть о нем сдержаннее, скромнее, тише. Нам следует выражать не дешевые похвалы и некритичные восторги, а руководствоваться пониманием и любовью. Только так мы отдадим должное покойному, не умалив его величия. Он отмучился. Его смерть потрясла нас, и в знак этого мы находимся здесь, в его старой мастерской. Сопротивлялся не его дух, сопротивлялась его жизненная сила. Ему, который отвергал трагизм, был уготован трагический конец. В этом мрачном освещении мы, пожалуй, впервые видим его с контрастной четкостью как последнего отчаявшегося человека современности, где собираются это отчаяние преодолеть. Для него существо-

вала только действительность без прикрас. Но именно поэтому он жаждал справедливости, стремился к братству. Напрасно. Лишь тот, кто верит в ясный смысл смутных обстоятельств, познает несправедливость, также существующую в этом мире как нечто неизбежное, прекращает бессмысленную борьбу, примиряется. Швиттер остался непримиримым. Ему не хватало веры, и таким образом не было также веры в человечность. Он был моралистом на почве нигилизма. Он остался бунтарем в безвоздушном пространстве. Его творчество было выражением внутренней безысходности, а не подобием реальности. Его драматургия вопреки действительности гротескная. Здесь его потолок. С каким-то торжественным величием Швиттер оставался субъективным, его искусство не исцеляет, оно ранит. Однако мы, кто его любит и восхищается его искусством, должны теперь одолеть это искусство, чтобы оно стало необходимой ступенью в утверждении мира, который наш бедный друг отрицал и в великую гармонию которого он отошел.

Коппе встает и пожимает Георгену руку.

Коппе. Фридрих Георген, благодарю вас.

Немногие оставшиеся прощаются с покойным и уходят, освещаемые фотовспышками.

Георген. Вы его издатель, Коппе. Примите мое соболезнование. (*Кланяется.*)

Коппе. Ваша речь будет завтра в утренней газете?

Георген. Сегодня, в вечерней.

Коппе. Бьете наотмашь. Моралист на почве нигилизма. Бунтарь в безвоздушном пространстве. Его драматургия вопреки реальности гротескна. Сформулировано блестяще, но сказано зло.

Георген. Без злого умысла, Коппе.

Коппе. Умысел был злющий, Георген. (*Кладет ему руку на плечо.*) Ваша наглость была грандиозна. Вы с благоговением разодрали в клочья нашего доброго Швиттера на его смертном одре. Это впечатляет. Как писателю ему конец, еще одно издание на тонкой бумаге, и его забудут. Жаль. Он был более цельной личностью, чем вы думаете. И еще одно — только между нами: при всем уважении к вашему глубокомыслию, Георген, ваша речь —

ахинея. Швиттер никогда не отчаивался; стоило лишь подать ему отбивную и чарку доброго вина, и он был счастлив. Идемте отсюда. Здесь жуткая атмосфера. Мне еще надо собрать семейку Швиттера, чувствую, там что-то не ладится.

Оба, а также журналисты уходят. Августа, Ниффеншвандер и привратник остаются.

Глаузер. Ну, все. Давайте проветрим. (*Поднимает шторы, открывает окна, гасит свечи. За окном еще ясный день.*) Сколько же вам дали, Ниффеншвандер, за его кончину?

Ниффеншвандер. Две сотни, и от издателя двадцать.

Глаузер. Скуповато. Всего наилучшего, фрау Августа. Скоро в вашей мастерской будет порядок. В такую жару покойников увозят быстро. (*Уходит.*)

Ниффеншвандер. Безобразие! Наконец-то ко мне пожаловали издатели и критики — и для чего? Поглазеть на мертвеца! А у меня больше нет ни одной картины. Работаешь годами... Августа! (*Смотрит на покойника.*) Раздевайся! Я нарисую тебя у смертного одра. Жизнь и смерть. Живое тело и погребальные венки.

Августа. Нет.

Ниффеншвандер. Августа!.. (*С удивлением таращится на нее.*)

Августа (*спокойно*). Не хочу. (*Начинает собирать свои вещи.*)

Ниффеншвандер. Августа, ты впервые отказываешься позировать.

Августа. Все, хватит.

Молчание.

Ниффеншвандер. Но жизнь, Августа... Ведь я хочу только изобразить жизнь, невероятно могучую, грандиозную...

Августа. Знаю.

Ниффеншвандер (*с тревогой*). Августа, я полчаса дубасил в дверь, а ты не открывала.

Августа. Знаю.

Ниффеншвандер. Дверь была заперта.

Августа. Знаю.

Нифф е н ш в а н д е р. А когда ты наконец открыла, он был мертв.

А в г у с т а (*равнодушно*). Он умер в моих объятиях, мне надо было одеться. Я отдалась ему перед тем, как он умер.

Молчание.

Нифф е н ш в а н д е р. Но...

Августа смотрит на покойника.

А в г у с т а. Я горжусь, что была его последней любовницей.

Продолжает собирать вещи.

Нифф е н ш в а н д е р. Ты не смела этого делать, Августа, не смела!

А в г у с т а. Сделала.

Нифф е н ш в а н д е р. С умирающим!

А в г у с т а. Он был мужчиной.

Нифф е н ш в а н д е р. Тебе не стыдно?

А в г у с т а. Нет.

Нифф е н ш в а н д е р. Он велел сжечь мои картины. Весь мой труд.

А в г у с т а. Ну и что?

Нифф е н ш в а н д е р (*кричит*). Я ведь изображал только жизнь!

А в г у с т а. Я сыта твоей мазней.

Нифф е н ш в а н д е р. Но ты верила в меня, Августа, ты единственная на свете верила в меня. Мы держались вместе, несмотря ни на какие трудности...

А в г у с т а. Я была для тебя только натурщицей. (*Она уложила вещи.*) Между нами все кончено.

Нифф е н ш в а н д е р. Это невозможно.

А в г у с т а. Я ухожу.

Нифф е н ш в а н д е р. А наши дети?..

А в г у с т а. Я забираю их. (*Останавливается на мгновение у смертного одра.*)

Нифф е н ш в а н д е р. Так нельзя, Августа!

А в г у с т а. Прощай! (*Уходит.*)

Нифф е н ш в а н д е р. Августа! (*Бежит за ней вниз по лестнице.*) Вернись, Августа! Я тебя прощаю.

В кровати приподнимается Швиттер. Он в торжественном саване. Подбородок подвязан. На шее погребальный венок. Снимает повязку с головы. Ниффеншвандер возвращается.

Ниффеншвандер. Это безумие, Августа! Бросать меня из-за мертвеца!

Швиттер. Кровать стоит неправильно. (*Разглядывает мастерскую.*)

Ниффеншвандер. Вы... Вы... (*Таращит на Швиттера глаза.*)

Швиттер. Кровать стояла там, где сейчас стол, а стол — где сейчас кровать. (*Спускает ноги с постели.*) Поэтому я никогда не смогу умереть. (*Снимает венок через голову.*) Опять венки. Они катятся вслед за мной. (*Встает с постели.*) За работу. Кровать надо передвинуть.

Ниффеншвандер стоит неподвижно, выпучив глаза.

Сначала отодвинем стол и стул.

Ниффеншвандер (*в отчаянии*). Вы спали с моей женой.

Швиттер. Бельгийский министр тоже спал с моей третьей женой.

Ниффеншвандер. Какое мне дело до вашего загробного министра?

Швиттер. Вы похожи на него. Взяли!

Тащит стол в глубину сцены, Ниффеншвандер невольно ему помогает.

Ниффеншвандер. Ваша смерть была лишь предлогом!

Швиттер показывает на кресло.

Коварный обман. (*Несет кресло к столу.*) Подлая комедия! Дьявольская ловушка!

Швиттер. Держите! (*Бросает Ниффеншвандеру стул.*)

Ниффеншвандер. Вы велели сжечь мои картины.

Швиттер. Свои картины я тоже сжег.

Ниффеншвандер. Вы не художник.

Швиттер. Вы тоже.

Ниффеншвандер. Ваш чек не был обеспечен.

Швиттер. Умирающий не думает о финансах... Теперь кровать.

Нифф е н ш в а н д е р. Вы разрушили мою семью!

Швиттер идет к изголовью кровати.

Ш в и т т е р. Вы тяните, я буду толкать.

Нифф е н ш в а н д е р. Она бросила меня!

Ш в и т т е р. Не имеет значения.

Нифф е н ш в а н д е р. Для меня имеет.

Ш в и т т е р. Нифф е н ш в а н д е р, мне бы ваши заботы. Я то и дело умираю, с минуты на минуту жду в этой убийственной жаре достойного ухода в вечность, отчаиваюсь потому, что это не получается как следует, а вы тут лезете с пустяками.

Нифф е н ш в а н д е р (*яростно*). Но я не умираю. (*Бросает венок на кровать.*)

Ш в и т т е р. Зато я умираю. (*Бросает венок на кровать.*)

Нифф е н ш в а н д е р. На смертном ложе не соблазняют женщину, тут молятся.

Ш в и т т е р. Нифф е н ш в а н д е р, если уж кому надо молиться, то это вам: Дабы вы избавились от своего живописания. Ваши картины отравляли мне умирание полдня. Вы хотите изображать жизнь, а малюете свою жену так, что смотреть стыдно.

Нифф е н ш в а н д е р. Я рисую свою жену такой, какой ее вижу!

Ш в и т т е р. Значит, ваша слепота беспредельна. Вашу жену я видел обнаженной, едва вошел в мастерскую, и потом, когда она легла ко мне. По доброй воле. О соблазнении не было и речи. Она отдалась из чувства гуманности, от щедрости натуры. Поняла, что хочется умирающему. Помогите передвинуть кровать.

Толкает кровать, Нифф е н ш в а н д е р тянет ее.

Ваша жена лежала в моих объятиях. Она дрожала, металась, обнимала меня, вскрикивала. Вот это была жизнь; в ваших картинах ничего этого нет. Тяните, Нифф е н ш в а н д е р, тяните. Так. Кровать на месте. Теперь стол — туда.

Они переносят стол.

Ваша мазня — бесполезная трата времени!

Нифф е н ш в а н д е р. Мое искусство для меня свято.

Ш в и т т е р. Искусство свято лишь для дилетантов. Вы уперлись в какую-то теорию, потому что ничего не умеете. Ваша жена была мертва в ваших объятиях, как она безжизненна на ваших картинах. Она правильно сделала, что бросила вас. Теперь взяли кресло.

Они несут кресло направо.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Я бы вас растерзал!

Ш в и т т е р. Я в вашем распоряжении.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Стер бы в порошок!

Ш в и т т е р. Бейте как вам удобнее. (*Бросает ему стул.*) Ловите! (*Оглядывается.*) Моя мастерская. Опять как прежде. Наконец смогу умереть. Спокойно, с достоинством, сосредоточив все духовные силы. (*Идет к кровати, ложится на венки.*) Оказывается, все дело было в мебели. Грандиозно, Ниффеншвандер! Смерть несется на тебя, как паровоз, вечность свистит в уши, творения завывают, рушатся, гигантская катастрофа, вселенская...

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Умереть! То и дело хотите умереть, а не умираете! (*Не владея собой, уходит в глубину сцены и возвращается с кочергой в руке.*)

Входит В е л и к и й М у х а й м.

Молитесь!

Ш в и т т е р. И не подумаю.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Сейчас поквитаемся.

Ш в и т т е р. Пожалуйста.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Я вас убью.

Ш в и т т е р. Я и так умру.

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Сейчас врежу!

Ш в и т т е р. Да я же ничего не имею против.

М у х а й м (*оглушительно*). Руки прочь от умирающего!

Н и ф ф е н ш в а н д е р. Он спал с моей женой, пока я снаружи колотил в дверь.

М у х а й м (*спокойно*). Дайте сюда.

Ниффеншвандер послушно отдает кочергу.

Только я имею право убить Швиттера. (*Бросает кочергу в глубину сцены.*) Но я его не убью. (*Хватает Ниффеншвандера за грудки и толкает к двери. Сдержанным тоном.*) Он спал с вашей женой, пока вы колотили в дверь. Можете

не тешить себя иллюзиями насчет этого. Зато я предавался иллюзиям. Сорок лет я любил одну женщину, я, Великий Мухайм, строительный магнат, я чуть не умер, когда она скончалась.

Нифф е н ш в а н д е р. Господин Мухайм...

М у х а й м. Жизнь — это власть, борьба, победы, унижения и преступления. И я замарался всякой грязью, конкуренция не знает пощады, побеждает подлейший, а я всегда был подлейшим и мог быть таким потому, что любил, любил без памяти, без меры ту, ради которой стоило валяться в грязи. И вот оказалось, что все это ложь! Знаете, кто я?

Ш в и т т е р. Что-то здесь все-таки не сходится.

М у х а й м. Шут!

Нифф е н ш в а н д е р. Ну что вы, господин Мухайм...

М у х а й м. Почему вы не смеетесь надо мной? Смейтесь! Смейтесь!

Нифф е н ш в а н д е р. Да смеюсь я, господин Мухайм, смеюсь!

М у х а й м. Вы только лезете со своим гонором: художник жаждет мести!

Нифф е н ш в а н д е р. Господин Мухайм...

М у х а й м. Великий Мухайм этого не потерпит, тут вы сильно ошибаетесь, такими вещами Великий Мухайм не шутит. У вас только поцарапали тщеславие, а я уничтожен, раздавлен, меня опозорили, растоптали, прикончили! (*Выталкивает его за дверь, в коридор.*)

Нифф е н ш в а н д е р. Господин Мухайм...

М у х а й м. Вон отсюда!

Нифф е н ш в а н д е р. Помогите! Господин Мухайм... На помощь!

М у х а й м. Вон!

Грохот. Крик. Тишина. Мухайм, тяжело дыша, медленно возвращается, дверь остается открытой.

Я спустил этого паразита с лестницы. (*Расстегивает воротничок.*) Адская жара.

Швиттер слезает с постели.

Ш в и т т е р. Теперь знаю, что мне мешает. (*Берет венок.*) Выкиньте венки за дверь. (*Бросает венок Мухайму.*) От ПЕН-клуба.

Мухайм ловит венок.

Мухайм. Вслед за паразитом. (*Швыряет венок за дверь.*)

Швиттер. От правительства. «Благодарное отечество своему великому сыну». (*Кидает венок за венком Мухайму, тот выбрасывает их за дверь.*) От председателя городского совета, от Комитета по Нобелевским премиям, от ЮНЕСКО, от Союза писателей, от Национального театра, от издателей, от театрального общества, от кинопродюсеров, от гильдии книготорговцев.

Мухайм. Очистили.

Швиттер оглядывает помещение.

Швиттер. Кровать — ближе к стене... Стол — чуть к середине... Оба старых стула... Кресло... (*Переставляет мебель.*)

Мухайм. Швиттер, я носился по городу в своем «кадиллаке», не обращая внимания на красный свет. Пришлют кучу штрафов. Не будь я Великим Мухаймом, мои водительские права уже отобрала бы полиция. Но я Великий Мухайм. Я поехал назад, чтобы поглазеть на ваш труп. Я готов был часами не сводить глаз с вашего трупа, сознавая, что есть высшая справедливость, есть Бог на небе, владыка всего сущего.

Швиттер. Сожалею.

Мухайм. У вас невиданная живучесть.

Швиттер. Сам удивляюсь.

Мухайм обессиленно садится в кресло.

Мухайм. Впервые почувствовал свои восемьдесят годков.

Швиттер (*удовлетворенно*). Теперь мне больше ничего не мешает. Заберусь в постель и стану умирать.

Мухайм. Хотелось бы верить, старина.

Швиттер ложится в постель и укрывается.

Швиттер. Давно пора.

Мухайм. Еще как.

Швиттер снова оглядывает помещение.

Швиттер. Не знаю...

Мухайм. Что-нибудь не хватает?

Швиттер. Да, нужна торжественность. Не могли бы вы поставить обе свечи к кровати...

Мухайм. Конечно. (*Ставит свечи на стулья возле кровати.*) Зажечь?

Швиттер. И опустить шторы!

Мухайм. Сейчас. (*Зажигает свечи, опускает шторы. В мастерской снова торжественный вид.*) Порядок?

Швиттер. Да, хорошо.

Мухайм садится в кресло.

Мухайм. Ну же, начинайте!

Швиттер. Терпение.

Молчание.

Мухайм. Ну?

Швиттер. Мухайм...

Мухайм. Умирайте же!

Швиттер. Стараюсь.

Мухайм. Жду.

Швиттер. Собственно, я чувствую себя вполне здоровым.

Мухайм (*испуганно*). Проклятье!

Швиттер. Однако пульс... (*Щупает.*)

Мухайм. Что?

Швиттер. Замедлился.

Мухайм. Слава Богу.

Швиттер. Терпение.

Мухайм. Выпить не осталось у вас?

Швиттер. Августа!

Тишина.

Августа! Гоп, гоп!

Тишина.

(*Разочарование.*) Никого...

Мухайм. Жена художника сбежала от своего паразита. (*Хочет закурить сигару, но спохватывается, что допустил оплошность.*) Извините, пожалуйста.

Швиттер. Да курите спокойно.

Мухайм. Возле умирающего нельзя.

Швиттер. Я бы тоже закурил.

Мухайм. Разумеется.

Швиттер. Напоследок.

Мухайм. Понимаю. (*Протягивает ему портсигар.*) Гаванские.

Швиттер. Встречаются все реже.

Мухайм. Огоньку?

Швиттер. Благодарю.

Мухайм. Еще один венок. (*Идет к двери, выбрасывает венок и закрывает дверь, идет к креслу, садится, закуривает сигару.*) Швиттер, я был счастлив с моей женой. То, что она спала с вами, не играет больше никакой роли. (*Курит.*) Она умерла. И вообще. Кто только не спаривается. Кто не обманывает и кто не был обманут. Тем не менее. Это не играет роли. Я был верен жене и думал, что она верна мне — хоть капля порядочности в моей жизни, — но оказалось, Великий Мухайм строил на песке, фундамент осел. (*Вскакивает и бросает сигару к печке.*) Я не знаю правды, Швиттер, и это для меня смертельная мука. С кем она еще спала? С городскими советниками? С членами строительной комиссии? С моими адвокатами? Со своими врачами? С господами из клуба верховой езды или игроками в гольф? С какими артистами еще? Она знала всех? И почему к нам домой часто заходили итальянские рабочие? Почему? Боже мой, с кем еще спала Эльфрида?

Швиттер. Эльфрида?

Мухайм. Эльфрида.

Швиттер. Но ведь вашу жену звали Марией.

Мухайм (*оторопев*). Позвольте...

Швиттер. Вы жили на Амалиенштрассе.

Мухайм (*холодно*). Бог ты мой, я уже пятьдесят лет живу в вилле на Ораниеналлее, а мою жену звали Эльфридой.

Швиттер. Точно?

Мухайм. Я не балбес.

Швиттер. Черт возьми. (*Курит.*) Мухайм, я никогда не знал никакой Эльфриды. Очевидно, я спутал вашу жену с женой домовладельца на Бертольдгассе, где я потом жил.

Мухайм. Смеетесь надо мной?

Швиттер. Ваша супруга была вам верна.

Мухайм. Черт бы вас побрал!

Швиттер (*задумчиво*). Но вообще-то... ее звали не Марией... (*Садится, продолжает курить.*) Когда начинается агония, то в голове полная путаница. (*Спускает ноги с кровати.*) Мухайм, может это все-таки была ваша жена Ирмгард...

Мухайм. Эльфрида!

Швиттер. Во всяком случае, я еще помню двух каменных львов перед вашим домом на Ораниеналлее.

Мухайм (*жестко*). У меня нет никаких львов.

Швиттер. Нет? Странно.

Распахнув дверь, входит профессор Шлаттер с врачебным чемоданчиком и папкой с рентгеновскими снимками.

Шлаттер. Швиттер.

Швиттер. Шлаттер?

Шлаттер. Невероятно!

Швиттер. Я еще жив.

Шлаттер. Как врач я ничего забавного в этом факте не нахожу. Я дважды констатировал вашу смерть, а вы курите сигару.

Мухайм (*рычит*). У меня никогда не было львов!

В мастерскую входят инспектор уголовной полиции Шафрот в сопровождении двух полицейских и Глаузера, которые несут выброшенные венки.

Глаузер. Господин лауреат Нобелевской премии, внизу под лестницей еще один человек лежит.

Швиттер. Ну и что?

Инспектор. Художник Гуго Ниффеншвандер. Женат. Отец двоих детей.

Молчание. Мухайм обращается к инспектору.

Мухайм. Мухайм. Великий Мухайм.

Инспектор. Господин Мухайм?

Мухайм. Я сбросил этого паразита с лестницы.

Молчание.

Глаузер. Боже мой, Боже мой!

Молчание.

Инспектор. Поставьте венки к стене.

Первый полицейский. Слушаюсь, господин инспектор.

Глаузер. Господин Швиттер опять живой. (*Вместе с двумя полицейскими ставит венки к стене.*)

Второй полицейский. Поставили, господин инспектор.

Инспектор. Инспектор Шафрот из городской уголовной полиции. Попрошу вас следовать со мной. Пожалуй, лучше всего поедем на вашей машине, господин Мухайм.

Мухайм. Зачем?

Молчание.

Шлаттер. Профессор Шлаттер из городской клиники, господин Мухайм.

Мухайм. Ну и что?

Молчание.

Шлаттер. Тот человек мертв.

Молчание.

Мухайм (*растерянно*). Но ведь я его только слегка...

Молчание.

(*Тихо.*) ...толкнул.

Глаузер. Сегодня пополудни это уже второй, господин Мухайм.

Мухайм медленно поворачивается к Швиттеру, который продолжает курить.

Мухайм (*беспомощно*). Швиттер, я убил человека.

По знаку инспектора оба полицейских подходят к Мухайму.

Швиттер, вы боретесь со смертью. Ваш дух витает в иных сферах. Мы вам безразличны. И все-таки. Я должен быть уверен. Она... Моя жена мне... с вами...

Швиттер спокойно пускает дым.

Швиттер. Не знаю.

Мухайм. Швиттер, я многое перенесу. Но... не мог же я убить зря...

Швиттер. Правда...

Мухайм. Я должен ее знать.

Швиттер. Мухайм... (*Просияв.*) Вспомнил. (*Смеется.*) История эта выдумана.

Мухайм (*в полной растерянности*). Выдумана?

Швиттер. Галлюцинация в агонии. Не верится, но я принял один из моих рассказов за действительность. Сочинил, Мухайм, сочинил, а сотню за квартиру я аккуратно переводил по почте и никогда не ложился с вашей супругой в постель.

Мухайм (*не понимая*). Никогда...

Швиттер. Правдива только история моей первой жены с виноторговцем.

Мухайм. Вы рассказывали о каком-то мяснике.

Швиттер. Мяснике? Тоже возможно.

Мухайм. Это наглая ложь.

Швиттер. Теперь я умру со смеху.

Мухайм начинает буянить.

Мухайм. Кочергу! Кочергу!

Полицейские хватают его. Мухайм вдруг успокаивается.

(*С достоинством.*) Извините. Я вышел из себя.

Инспектор. Пожалуйста.

Мухайм. Швиттер.

Швиттер. Да, Великий Мухайм.

Мухайм. За что вы меня погубили?

Швиттер. Случайно.

Мухайм (*беспомощно*). Я же... вам ничего не сделал.

Швиттер. Вы встряли в мою смерть.

Молчание.

Мухайм. Великий Мухайм стар. Древний старик.

Инспектор. Пошли.

Мухайм. Пошли.

Его уводят. Глаузер и Шлаттер остаются.

Шлаттер. Привратник, воздуха и света в эту вонючую конуру!

Глаузер поднимает шторы, распахивает окна, гасит свечи.

Глаузер. Господин профессор, даже вам не удастся свести в могилу господина лауреата Нобелевской премии.

Шлаттер. Вы понятия не имеете о современной медицине, милейший.

Глаузер уходит.

Швиттер. Я не виноват в ваших ошибочных диагнозах.

Шлаттер. Ошибочные диагнозы... (*Открывает чемоданчик.*) В вашем случае, дорогуша, я ни разу не ошибся в диагнозе.

Швиттер. В конце концов, я еще не мертв.

Шлаттер. Больше не мертвы.

Швиттер. Только не уверяйте меня и вы, что я воскрес.

Шлаттер. Отнюдь не собираюсь преподносить вам богословские доказательства.

Швиттер. Безобразие, что я еще жив.

Шлаттер. Допускаю, милейший, допускаю. (*Достает из чемоданчика стетоскоп, садится к столу.*) Осмотрим-ка вас еще разок. Идите сюда.

Швиттер кладет сигару на левую печку
и становится перед доктором.

Сначала пульс.

Швиттер. Недавно он был очень замедленным.

Шлаттер. Молчите! (*Берет его руку.*) Юноша. (*Недоверчиво его оглядывает.*) Снимите рубашку! (*Выслушивает через стетоскоп сердце.*) Не дышать! Дышите. Не дышать. Повернитесь спиной. (*Выслушивает легкие.*) Дышите глубже. Глубже. Покашляйте.

Швиттер выполняет все указания.

Уму непостижимо! (*Опять смотрит на него недоверчиво.*) Садитесь.

Швиттер садится в кресло.

Интересно, какое давление. (*Надевает ему на руку манжету, измеряет кровяное давление.*) О, священный Эскулап! (*Измеряет еще раз.*) Меня пот прошиб! (*Сидит, уставившись в пространство.*)

Швиттер. Закончили?

Шлаттер. Закончил. (*Укладывает инструментарий в чемоданчик.*)

Швиттер встает.

Жарко. (*Протирает очки.*) Будто солнце и не заходило.

Швиттер. Самый длинный день.

Шлаттер. День Страшного суда. (*Надевает очки.*) По меньшей мере, для нас, медиков. Дружочек, ведь я пришел сюда, чтобы позаботиться о вашем драгоценном трупе.

Швиттер. Полагаю.

Шлаттер. Но время еще не пришло.

Швиттер. Наконец-то и вы проявляете нетерпение.

Шлаттер. Дорогой мой, медицина потерпела самое большое фиаско за все столетие. Сердечные тоны и дыхательные шумы у вас в изумительном порядке.

Молчание.

Настроение у меня безутешное.

Молчание.

Просто отвратное. (*Встает.*) И кровяное давление почти идеальное.

Швиттер. Это неправда! Я гнию, разлагаюсь! Я на последнем издыхании!

Шлаттер. У вас уникальный организм.

Швиттер. Вы лжете.

Шлаттер. Уважаемый маэстро, если вы мне сейчас не поверите...

Швиттер. Вы всегда лгали.

Шлаттер. Я — хирург.

Швиттер. Ага: еще одна операция, мой дорогой, и мы встанем на ноги, еще одна небольшая коррекция, и худшее останется позади, еще одна процедура, и можно пускаться в пляс.

Шлаттер. При вашем катастрофическом состоянии ложь была просто заповедью гуманности.

Швиттер. Не верю ни одному вашему слову.

Шлаттер. Морального повода обманывать вас больше нет.

Швиттер (*рычит*). Я умру.

Шлаттер. Когда-нибудь наверняка.

Швиттер. Теперь!

Молчание.

С часу на час жду смерти!

Шлаттер. А я несколько месяцев, но у вас даже перистальтика активизировалась.

В мастерскую входит издатель Коппе с венком в руках. Оторопев, останавливается.

Коппе. Швиттер!.. Вот это да!..

Швиттер прыгает в постель.

Профессор Шлаттер! Он снова ожил!

Шлаттер. Еще как.

Коппе. Черт возьми! Вы мне можете объяснить...

Шлаттер. Объяснять нечего.

Коппе. Но ведь вы констатировали смерть.

Шлаттер. Именно.

Коппе. Во второй раз. В моем присутствии.

Шлаттер. И во второй раз он был мертв. (*Прикрепляет рентгеновские снимки к веревке, на которой висели пеленки.*)

Коппе. Просто гениально.

Швиттер. Ничего гениального не нахожу. Гнусная подлость, и только.

Коппе. Я ужасно спешу! Заглянул на минутку. Видит Бог, чего только я не натерпелся от авторов, но то, что ты вытворяешь, Вольфганг, такого я еще не видел. Как это тебе удается?

Швиттер. Понятия не имею.

Коппе. Позволь присесть к тебе. (*Ставит венок к левой печке.*) От меня. Лично. (*Садится на край постели.*) Отдышусь только. Надо бежать дальше. Банкет издателей, театральное общество, фонд Готфрида Келлера*... И ты еще куришь!

Швиттер. Моя последняя сигара.

Коппе. Просто гениально! Вообразить, что в этой мастерской я тебе уже однажды закрыл глаза!

Швиттер. Очень любезно.

Коппе. Сложил на груди твои руки.

Швиттер. Мило.

Коппе. Разместил цветы и венки.

Швиттер. Приятно.

Коппе. Скажи, ты сам переставил мебель?

Швиттер. Сам.

Коппе. Фантастика! Только что встретил в баре твоего сына. Он утверждает, будто ты сжег свои последние рукописи.

Швиттер. Они ничего не стоили.

Коппе. И полтора миллиона тоже сгорели.

Швиттер. Меня знобило.

Коппе. Просто гениально!

Швиттер. Триста тысяч из них принадлежали тебе.

Коппе. Пятьсот тысяч. Замечательно. Заодно выгорело, так сказать, и мое издательство.

Швиттер. Разорен?

Коппе. Основательно.

Швиттер. Потому и явился?

Коппе. Дорогуша, я в самом деле не мог предположить, что на этом свете поговорю с тобой еще раз. Минуты молчания возле моего покойного друга — вот что мне хотелось. И все. Ну, мне пора. Вольфганг, жму твою руку в последний раз. Ты действительно умираешь?

Швиттер. Действительно.

Коппе. Ты уверен?

Швиттер. Абсолютно.

Коппе. А не то можно было бы твой случай перетолковать на Христов лад и мое издательство было бы спасено.

Швиттер. Не выйдет.

Коппе. Посмотрим. (*Встает.*) На твоем месте я бы подождал с поспешными выводами. Умирать стало для тебя духовной позицией, ты стремишься умереть с такой энергией, на которую никто больше не способен. Однако ты жив. Что-то в этом неладно, тебе не кажется? Тебе надо снова отведать жизни, хотя бы пока ты жив. Ну, я помчался! Профессор, вы меня пугаете. Вообще я преклоняюсь перед вашим искусством, но на этот раз мне кажется, вы совершили роковую ошибку. (*Уходит.*)

Швиттер поднимается и бросает сигару в левую печку.

Швиттер. Давайте кончать. (*Засучивает левый рукав пижамы, идет к Шлаттеру.*)

Шлаттер. Да, мой дорогой, с моральной и медицинской точки зрения вы это обязаны сделать. Ваши легкие — ветошь. (*Он указывает на рентгеновские снимки.*) Ваши почки — обломочный материал, ваше сердце — кладбище, перепаханное бесчисленными инфарктами. Ваш мозг — сплошная известка, а ваша простата...

Швиттер. Это ужасно. Сделайте мне укол.

Шлаттер заталкивает Швиттера в постель.

Шлаттер. Если бы я мог!.. Если бы я мог!.. Сколько раз я был готов исключительно из милосердия впрыснуть вам смертельную дозу. Ни один человек меня бы не упрекнул. Вы были самым роскошным безнадежным случаем в моей практике. Но вместо того, чтобы просто дать вам умереть, я боролся за вашу жизнь, черт бы меня побрал. Целыми днями я не вылезал из операционной. Подключил вам искусственную почку, вставил вам в брюшную полость кишки из синтетического материала. Накачивал ваши легкие ядовитым газом. Заражал вас радиоактивными элементами. При этом не верил в ваше исцеление, вот в чем трагедия. Я с диким упорством противился смертельному исходу, но любого ординатора, который заикнулся бы, что у вас есть хоть малейший шанс выжить, я выгнал бы из клиники!

Швиттер. Да сделайте же наконец укол!

Шлаттер. Вы с ума сошли?

Швиттер. Умоляю вас.

Шлаттер. Ни в коем случае.

Швиттер. Не понимаю ваших сомнений.

Шлаттер. Сомнений? Почтеннейший, с вашей стороны было весьма безалаберно не умереть, так будьте же по крайней мере любезны войти в мое положение! Сделай я вам укол в больнице, вас давно похоронили бы. Если я вас уколю сейчас, прокурор похоронит меня. Соображаете, в каких я тисках? (*Горячится.*) Ужас. Для разумных людей я стал посмешищем, а верующие убеждены, что вы воскресли. Да, это — катастрофа. Для одних я стал дураком, для других меня одурачил Бог, так или иначе я опозорен. (*Садится к столу.*) Надо же, чтобы у меня воскрес как нарочно лауреат Нобелевской премии! Министр здравоохранения наорал на меня по телефону, а министр культуры успокоился лишь после того, как я клятвенно заверил его,

что вы умрете сегодня пополудни. И что прикажете ему теперь делать со своей надгробной речью и правительственными похоронами? Скандал невообразимый. Все падает на меня. А ведь Шлаттер подарил мировой хирургии зажимную цангу и усовершенствовал костную пилу! Надевайте шубу!

Швиттер. Зачем?

Шлаттер. Вы вернетесь со мной в больницу, немедленно.

Швиттер. В больницу?

Шлаттер. Вы не ослышались, мой дорогой.

Швиттер. Что мне там делать?

Шлаттер. Я разберу вас клинически на части, да так, что у вас в ушах зазвенит и в глазах потемнеет. Я досконально проверю все эти ваши возрождения. Держу пари: то, что вы все еще живы, — сугубо невротический феномен.

Швиттер. Всё сначала?

Шлаттер. Иной возможности реабилитироваться у меня нет. За вашим случаем — и мною — коллеги давно следят. Если я не представлю безупречных доказательств, что вы умирали дважды, я больше никогда не обрету источник существования у недоразвитых.

Швиттер. Это становится все неприличнее.

Шлаттер. Пошли, быстро!

Швиттер. Чтобы снова мучить меня!

Шлаттер. Чтобы наконец вылечить вас! (*Присаживается к Швиттеру на кровать. Отеческим тоном.*) Окончательно. И не стройте иллюзий! Вашему общему состоянию можно петь дифирамбы, но в остальном!.. Желудок вам надо удалить, это я всегда говорил. И когда пищевод будет напрямую соединен с тонкой кишкой, это даст не только немедленное, но и длительное улучшение в пределах возможного. Кураж, почтенный мэтр, главное сейчас — не отступать. Даже я настроен оптимистически.

Молчание.

Швиттер. Нет.

Шлаттер. Швиттер!

Швиттер. Я не хочу снова надеяться.

Шлаттер. Боже ты мой, да вы вправе надеяться.

Швиттер. Сыт надеждами. Плевал я на них.

Молчание.

Шлаттер. Это значит... (*Встает.*) Высокочтимый мэтр, я поражен. Вы отказываетесь меня сопровождать?

Швиттер. Оставьте меня! (*Накрывается одеялом.*)

Шлаттер. У меня мурашки забегали по спине. Я борюсь за вашу жизнь, а вы предаете меня.

Швиттер. Это вы предаете меня.

Шлаттер. Господин Швиттер...(*Идет к креслу.*) Вы не смеете меня выпроваживать.

Швиттер. Убирайтесь вон!

Шлаттер. Я врач. Я утратил доверие своих пациентов. Дайте мне еще один шанс!

Швиттер. У нас обоих нет больше никаких шансов.

Шлаттер. Вы меня уничтожаете.

Швиттер. Возможно.

Шлаттер. Такого унижения я не перенесу.

Швиттер. Пожалуй.

Шлаттер. Я покончу с собой.

Швиттер. Вашему эгоизму нет предела.

Шлаттер. Умоляю вас.

Швиттер. В предсмертные минуты я не хотел бы видеть вашу рожу.

Молчание.

Шлаттер. Ваша гонка за смертью угробит и меня.

В дверях появляется госпожа Номзен,
толстая, грубоватая, в темном платье и шляпе,
с белыми гвоздиками в руке.

Госпожа Номзен. Великий Боже!

Швиттер. Кого там еще принесло?

Госпожа Номзен. Господин Швиттер, сам! Совсем растерялась! Вот уж не ожидала. Извиняйте, господа, я присяду, я старая женщина, пора на кладбище, давно пора, еле по лестнице взобралась, и сразу такой расплох... (*Ковыляет к стулу.*) Люблю на жестком сидеть, в отеле «Бельвю» тоже не на мягком сижу. (*Садится.*) Я там заведующая туалетом, господин Швиттер, и потому знаю вас. Со своего места я слежу и за дамской комнатой и за мужской. Ох, ноги как распухли, Боже ты мой. (*Растирает ноги.*)

Шлаттер. Это конец. (*Шатаясь, уходит.*)

Госпожа Номзен. А, профессор Шлаттер. Его тоже знаю.

Швиттер. Вон отсюда, не то силой выброшу!

Госпожа Номзен. Я принесла цветы.

Швиттер. Не нуждаюсь.

Госпожа Номзен. Возьмите, не стесняйтесь. Мне знакомый могильщик принес, он их свеженькие прямо из гробов тырит. Думала, положу их на ваш смертный одр, господин Швиттер, мне нравится смотреть на покойников, но вы же вовсе не померли. Наоборот. Выглядите как новорожденный. Пышете здоровьем — так будет правильнее. Когда я в последний раз вас видела в «Бельвю», вы казались бледным и отекшим — правда, там, конечно, освещение слабоватое... Прошу. (*С неудовольствием протягивает ему цветы.*)

Швиттер (*сердито*). Не допускаю, что вы пришли как поклонница моих сочинений.

Госпожа Номзен. И как поклонница, господин Швиттер, тоже. Я, когда удается, смотрю спектакли в народном парке и ваши пьесы нахожу очень талантливыми.

Швиттер (*грубо*). Бросьте вашу зелень на венки и уходите.

Она кладет цветы на кровать.

Госпожа Номзен. Я — фрау Номзен, Вильгельмина Номзен. Мать Ольги. Вы — мой зять.

Швиттер. Малышка никогда мне о вас не рассказывала.

Госпожа Номзен. Надеюсь. Я ей это строго запретила. Мать, заведующая туалетом, испортила бы ей карьеру. Мужчины в этом вопросе чувствительны. Ну а лауреат Нобелевской премии... нет, господин Швиттер, такое было бы для вас непосильно, я любовалась вами тайком, издали... Да, у вас сейчас роскошный вид, просто диву даюсь. А Ольга считала, что вы помираете.

Швиттер. Вы глубоко ошибаетесь. (*Приподнимается.*) Если хотите исполнить последнюю просьбу умирающего, зажгите свечи, прежде чем уйдете, и опустите шторы!

Госпожа Номзен. Охотно, господин Швиттер, охотно. Но вот подняться сейчас со стула, господин Швит-

тер, — нет, не встану. Я старая, больная женщина, вы же видели, как я пыхтела. (*Тяжело дышит.*)

Швиттер. Ну ладно. Тогда я сам себе окажу последнюю любезность. (*Встает, опускает шторы, направляется к свечам.*)

Госпожа Номзен. Я пришла, господин Швиттер, вот по какой причине: Ольга умерла.

Молчание.

Швиттер. Ольга?

Он зажигает свечи. У мастерской снова торжественный вид.

Госпожа Номзен (*деловито*). Девочка приняла у меня на квартире яд. У нее был знакомый аптекарь, еще до брака с вами, понятно.

Швиттер медленно садится на край кровати.

Швиттер. Вот уж не ожидал.

Госпожа Номзен. Видимо, она сразу умерла. В ее сумочке я нашла адрес этой мастерской.

Швиттер. Мне очень жаль, госпожа...

Госпожа Номзен. Номзен. Мой отец был французом, звали его де... де... в общем, по-французски, а отец Ольги тоже был французом, только фамилию его я не помню, как и фамилии отцов Инги и Вальдемара, у меня ведь еще двое детей. Настоящая-то семья получится лишь от одного роду, без всяких там фантазий с примесями. (*Тяжело дышит.*) Сердце барахлит. Да, конечно, воздух в «Бельвю» не идеальный, несмотря на кондиционер. Захиреешь. (*Открывает сумку.*) Не беспокойтесь! Приму сейчас таблетку.

Швиттер. Разумеется. (*Уходит в глубину сцены, возвращается со стаканом воды.*) Пожалуйста.

Госпожа Номзен принимает таблетку и запивает ее.

Госпожа Номзен. Ингу вы тоже знаете.

Швиттер. Не помню. Вряд ли.

Госпожа Номзен. Она выступает под именем Инге фон Бюлов.

Швиттер. Припоминаю смутно.

Госпожа Номзен. Вы смутно припоминаете не ее имя, а ее великолепные груди. Инга — артистка стриптиза, у нее мировая известность. Вальдемар тоже хорошо сложен. Он был милый мальчик, немного тихий и мечтательный, но ведь и я была в детстве такой же. Я особенно заботилась о его воспитании, семилетка, коммерческое училище. А потом он работал в фирме «Хефлингер и компания» и растратил чужие деньги. Вообще-то я ничего не имею против уголовных, моя мать была с ними связана, да и отец тоже, но для этого не требуется образования, хватит здравого смысла. Образованность нужна, чтобы с меньшим риском проворачивать большие дела, для которых уголовники жидковаты. Ладно. Замнем. Четыре года скоро отсидит. В сентябре. В армию ему идти не надо, туда, к счастью, бывших арестантов не берут.

Швиттер. Добрейшая госпожа Момзен...

Госпожа Номзен. Номзен, а не Момзен. Чудно! Многие называют меня Момзен. Директор «Бельвю» тоже всегда говорит Момзен. Он частенько забредает ко мне вниз, хотя у него есть приватные удобства... ох, Господи, спина... Сидячая жизнь, сквозняки, сырость... Правда, в «Бельвю» внизу все изолировано, да оттого, что вечно воду спускают, любое гигиеническое помещение сыреет... Пересяду-ка я в кресло. (*Устало поднимается, Швиттер тоже.*)

Швиттер. Вам помочь?

Госпожа Номзен. Не стоит. Вы лауреат Нобелевской премии, а я уборщица в сортире — между нами пропасть, так что лучше сохранять дистанцию. (*Ковыляет к креслу, садится, тяжело дыша, складывает руки, закрывает глаза.*)

Швиттер. Вам свечи не мешают?

Госпожа Номзен. Пусть горят! Освещение как в туалете «Бельвю» до ремонта.

Швиттер. Душно.

Госпожа Номзен. Меня знобит.

Швиттер укрывает ей ноги своей шубой, берет с кровати подушку, подкладывает ей под спину, букет гвоздик ставит в графин на столе.

Госпожа Номзен (*откинувшись, безучастно*). Господин Швиттер, хочу еще раз подчеркнуть, что нас с вами,

роковым образом, свело вместе только ложное сообщение о вашей смерти. Но раз уж беда случилась, скажу вам начистоту.

Швиттер садится на кровать.

Госпожа Номзен (*величественно*). Я добросовестно готовила Ольгу к ее профессии. Ей было легче, чем мне, она была избавлена от неудобств обычной панели, мне же пришлось пробиваться с низов. Сейчас в мои годы я еще работаю в туалете лишь потому, что жизнь заставила изменить тактику: я зарабатываю на адресах, которые постояльцы «Бельвю» узнают у меня, когда спускаются вниз. Портье берет двадцать процентов, девочки — тридцать. Как видите, для общества я небесполезна. А Ольга... Я оставляла дочке восемьдесят процентов, портье не получал ничего, это ясно. У нее была симпатичная квартирка, и надо же было этой стерве выйти замуж!

Швиттер хочет что-то сказать, но госпожа Номзен сурово и неумолимо не дает ему и слова вымолвить.

Знаю, вы были с ней счастливы. Вы с ней развлекались, в конце концов, для этого она и существовала. Но к чему вступать в брак? Что бы я делала сегодня, господин Швиттер, если бы вышла замуж? Даже вообразить нельзя. А теперь? У меня две виллы в английском квартале и торговый дом в центре. Нет, господин Швиттер, наша сестра состарится в почете, но замуж не пойдет. Если нет у тебя гордости, опустишься на дно. Подтверждение мы сейчас видим. Оплакиваем мою дочь. А знаете почему? Потому что Ольга позволила себе чувствовать, переживать, а я всегда предостерегала ее от этого, но слова матери пропускают мимо ушей. Вот вы, как писатель, дозволяете себе переживания в вашем деле? Ага, видите! Чувства нельзя иметь, их надо изображать. Когда этого требует клиент. Чувства к делу не относятся. Вот если без них хорошее дело не выгорит, то да. А у моей дочки чертовски плохое дело получилось.

Она принимает еще одну таблетку,
Швиттер приносит стакан воды.

Швиттер. Госпожа Номзен...

Госпожа Номзен. Когда-то это надо было сказать, господин Швиттер.

Швиттер. Моя уважаемая тещенька...

Госпожа Номзен. Госпожа Номзен, если позволите.

Швиттер. Моя уважаемая госпожа Номзен...

Госпожа Номзен. Господин Швиттер, здоровье у меня не такое крепкое, как у вас. Чудо, что еще жива. Держусь только ради Вальдемара. Надо сберечь для него квартиру, чтобы была в чистоте и порядке, когда он вернется, Инга теперь работает в Америке. Мальчику не стоит больше строить себе иллюзии. Он должен отбросить мечту стать богатым, я вдолблю это ему в башку. Пусть живет на проценты. Я его знаю. Пойдет работать, появятся идеи, и он тут же угодит в тюрьму. У наших детей есть право быть нерадивее нас, господин Швиттер. Смерть Ольги для меня страшный урок! Я желала ей больших успехов в профессии, но силенок для деловой жизни ей не хватило, и она укрылась в ваших объятиях. В объятиях лауреата Нобелевской премии!

Молчание.

Швиттер. Благодарю вас, дорогая госпожа Номзен, что вы поднялись ко мне. Наконец я могу с кем-то поговорить. Вы мне необычайно симпатичны. Вы продаете плоть за деньги, это честная сделка. Завидую вам. Вы занимались блудом, а я литературой. Конечно, я старался быть порядочным. Писал только для заработка. Никаких нравоучений и житейских мудростей для потомков. Сочинял рассказы, и ничего больше. Давал пищу фантазии тех, кто покупал мои книги; за это имел право получать деньги и получал их. С известной гордостью, госпожа Номзен, смею даже утверждать задним числом: и с деловой и с моральной стороны мы не так уж далеки друг от друга. (*Встает.*) Однако к делу. Малышка умерла. Ни оправдываться, ни обвинять себя не хочу, подобной пошлости вы от меня не дождетесь. Вина, покаяние, справедливость, свобода, милость, любовь — я отказываюсь от возвышенных мотивов и отговорок, которыми человек пользуется в своих общественных устройствах и разбойничьих походах. Жизнь жестока, слепа и бренна. Все зависит от случая. Почувствуй я недомога-

ние в тот час, и я никогда бы не встретил Ольгу. Нам не повезло друг с другом, вот и все...

Молчание.

Вы молчите, госпожа Номзен. Для вас жизнь еще имеет смысл. А я даже сам себя не выносил. За едой я размышлял о выходе актеров на сцену, а во время совокупления — об уходе. Убегая от чудовищного хаоса вещей, я заточил себя среди химер, именуемых рассудком и логикой. Я окружил себя выдуманными созданиями, потому что не сумел заниматься реальными, ибо действительность нельзя постичь за письменным столом, госпожа Номзен, она является только в вашей преисподней, выложенной синим кафелем. Моя жизнь не стоила того, чтобы я ее прожил.

Молчание.

Затем начались боли, госпожа Номзен, начались уколы, появился скальпель. Пришли опыт и знание. Скрыться в мире фантазии я уже не мог. Литература мне изменила. Ничего не осталось, кроме моего старого, жирного, гангренозного тела. Ничего не осталось, кроме ужаса.

Молчание.

И я опустился. Я падал, падал и падал. Ничто больше не имело для меня значения, ничто не имело ценности, ничто не имело смысла. В этом мире смерть — единственная реальность, госпожа Номзен, единственно непреходящее. Я больше ее не боюсь. (*Настораживается.*) Госпожа Номзен!

Молчание.

Госпожа Номзен! (*Пристально смотрит на нее.*) Ну говорите же, госпожа Номзен! (*Подходит к ней, дотрагивается до ее лба.*) Госпожа Ном... (*Его охватывает отчаяние.*) Августа!

Молчание

Убежала! Привратник! (*Поднимает штору на одном окне.*) Проклятое солнце! Оно тоже не закатывается! (*Бросается к двери, распахивает ее.*) Привратник!

В дверях стоит Йохен.

Йохен. С гонорарами ничего не выходит.

Швиттер присаживается на кровать. Йохен включает радио.

Я из бара. Коппе меня просветил. Ты вышел из моды, старик. Твои книги плесневеют в библиотеках, твои пьесы забыты. Мир требует жестоких фактов, а не выдуманных историй. Документов, а не легенд, советов, а не развлечений.

Швиттер встает, накрывает госпожу Номзен своей шубой. Снова садится на кровать.

Писатель либо выполняет определенный заказ, либо становится ненужным.

Швиттер. Подойди сюда!

Йохен. Я появился, чтобы при виде твоего трупа изрыгнуть богохульные проклятия. (*Разглядывает накрытую шубой фигуру.*) Кто это?

Швиттер. Не спрашивай! Смерть есть смерть! Сядь!

Йохен подчиняется.

Ближе! Мне страшно.

Йохен. Чего?

Швиттер. Что я снова должен жить.

Йохен. Ерунда.

Швиттер. Жить вечно.

Йохен. Никто не вечен.

Швиттер. Я все время воскресаю.

Йохен. Уж с этим ты справишься.

Швиттер. Больше не верю. Все погибли в этой проклятой мастерской: пастор, художник, Великий Мухайм, Ольга, врач, страшная госпожа Номзен, и лишь я один должен жить.

Йохен. Ты не прав, старик. Меня забыл. Мне ведь тоже жить дальше. Дельного человека из меня не получилось. Придется искать потасканных баб, которые будут меня содержать. Жаль. Я ведь много не хотел. Только твое состояние. Деньги не пахнут. Полтора миллиона — единственное, что у тебя было здóрово. Я думал начать с ними более порядочную жизнь, чем вел ты со своим литературным балаганом и духом писателя, я хотел быть свободным и чихать на твою славу, но ты разделался со мной при помощи нескольких спичек. (*Выключает радио.*) Со швит-

терством кончено. (*Он обессиленно падает на лежащие у стены венки.*)

Одновременно слышится пение сопрано. Шторы на окнах медленно поднимаются. За окнами мастерской, словно на небе, неясно виднеются фигуры солдат Армии спасения. В мастерскую медленно входит майор Фридли.

Сопрано.

Пламя утренней зари,
Свет небесного светила,
Сумрак с наших лиц сотри,
Чтоб сиянье озарило[1].

Майор Фридли. Я — майор Фридли из Армии спасения.

Солдаты Армии спасения (*под музыку «Мессии» Генделя*): Аллилуйя!

Швиттер. Вон!

Майор Фридли (*невозмутимо*). Приветствуем тебя, кого благословил Иисус Христос.

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!

Швиттер. Ошиблись адресом. Здесь не проповедуют, здесь умирают!

Майор Фридли. Добро пожаловать, воскресший из мертвых!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя!

Майор Фридли. В воздаянье за твою веру тебе предназначена вечная жизнь!

Швиттер. Мне предназначено умереть, только смерть вечна. Жизнь — это бесподобная живодерня, созданная природой, коллектор падали, похабно заблудший углерод, злокачественное разрастание земной поверхности, неизлечимая парша. Возникшие из праха, мы превращаемся в прах. (*После краткого вступления трубачей встает.*) Разорвите меня, вы, небесные барабанщики!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя! Аллилуйя!

Швиттер. Растопчите меня, шарманщики!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя! Аллилуйя!

---

[1] Перевод В. Корнилова.

Швиттер. Псалмопевцы, сбросьте меня с лестницы!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя! Аллилуйя!

Швиттер. Смилуйтесь, христиане!

Солдаты Армии спасения. Аллилуйя! Аллилуйя!

Швиттер (*идет к Фридли и душит его*). Забейте меня насмерть гитарами и трубами!

Солдаты Армии спасения (*в последний раз, протяжно*). Аллилуйя!

Фридли падает без чувств.

Швиттер. Когда же я наконец сдохну! (*Поворачивается назад.*) Когда я наконец сдохну! (*Бежит вниз по лестнице.*) Когда я наконец сдохну! Когда я наконец сдохну!

Мощно вступает хор.

Хор.

Чтоб сиянье озарило
Наши лица, чтобы прочь

Затемнение.

Скрылась ночь.

Занавес.

Посвящается Эрнсту Шрёдеру

Комедия в двух актах

Анабаптисты

Die Wiedertäufer

Eine Komödie in zwei Teilen

Действующие лица

Государи:

Карл — император
Кардинал
Франц фон Вальдек — епископ Минденский, Оснабрюкский и Мюнстерский
Курфюрст
Ландграф Гессенский
Канцлер

Анабаптисты:

Ян Маттизон
Бернгард Ротман
Бернгард Крехтинг
Штапраде
Винне
Клоприсс
Иоганн Бокельзон из Лейдена

Жители Мюнстера:

Книппердоллинк
Юдифь — его дочь
Монах
Стражник
Генрих Гресбек — секретарь епископа
Элизабет Рёде — актриса
Мясник
Торговка овощами
Лангерман — котельщик
Его жена
Фризе — сапожник

Его жена
Хельга, Гизела } — их дочери
Вероника фон дер Реке — настоятельница монастыря
Дивара — жена Маттизона
Крузе
Палач
Анабаптистки

Ландскнехты:

Рыцарь Иоганн фон Бюрен
Рыцарь Герман фон Менгерссен
1-й ландскнехт
2-й ландскнехт

АКТ ПЕРВЫЙ

1. Обращение жителей Мюнстера в истинную веру

В городе. Ворота Эгидия*.

Одетые в лохмотья апостолы анабаптистов Маттизон, Ротман, Крехтинг, Винне, Бокельзон, Клоприсс и Штапраде входят со своим скарбом в расположенный в Вестфалии город Мюнстер.

Маттизон.

Отвратил от нас лик свой Господь!
И вот вышел из своего логова
Зверь о семи головах,
И от скрежета всех его крыльев
Содрогнулись земля и небо.

Бокельзон.

Боже наш, Боже! Не покидай нас совсем!

Ротман.

Папа в Риме, и кайзер, князья, лютеране,
Купцы, судья и ландскнехты
Брали у людей сперва землю, позже скотину,
Под конец — саму плоть.

Крехтинг.

Диким зверям в лесу, рыбам и птицам,
И женам, и дочерям бедняков
Твердили:
«Все вы — суть наша».

Бокельзон.

Боже наш, Боже, Твои враги осквернили Тебя!

Штапраде.

Они чеканят монеты и берут проценты,
А потом еще проценты с процентов.

Винне.

Они творят закон,
Чтобы защитить сильных от слабых.

Клоприсс.

Богатых — от бедных, сытых — от голодных.

Бокельзон.

Боже, Боже, направь Свой взор на наши беды
и несчастья!

Маттизон.

Они поклоняются идолам, которых называют святыми,
И распространяют разного рода лжеучения,
Дабы народ пребывал в невежестве
И покорно сносил измывательства над собой.

Бокельзон.

Боже, Боже, просвети нас!

Ротман.

И тогда крестьяне восстали и взялись за оружие.
Но ландскнехты оказались сильнее, чем бедный
и несчастный народ.

Бокельзон.

Боже, Боже, смилуйся над нами!

Крехтинг.

Реки забиты трупами крестьян, они висят на ветвях
деревьев.

Штапраде.

То-то радости воронью.
Оно жиреет, подобно свиньям, и даже летать не может.

Бокельзон.

Боже, Боже, претерпевая немыслимые страдания,
я взываю к Тебе!

Маттизон.

Да смилуется Господь над теми, кто оказался в столь
бедственном положении!

Бокельзон.

Ликуйте!

Клоприсс.

Он возвысил угнетенных.

Бокельзон.

Пойте!

Винне.

Он дал знания невеждам.

Бокельзон.

Благословляйте судьбу!

Ротман.

Он послал нас — Своих пророков,
Дабы избавить народ от рабства, но не силой оружия,
а мечом духа.

Бокельзон.

Воздайте хвалу Господу!

Маттизон.

Мы, анабаптисты, чисты телом.
Мы сбросили с себя грехи, подобно жениху,
Сбрасывающему с себя одежду в первую брачную ночь.
Мы окрестили себя так, как это сделал Иоанн
с Господом нашим.
Мы миролюбивы, и наше оружие — молитва.

Бокельзон.

Покайтесь, покайтесь и обратитесь
в истинную веру!
Все покайтесь и обратитесь в истинную веру!

Ротман.

В знак своего единения с нами
Господь посулил нам город.
Благословен будь Мюнстер в Вестфалии,
Раскинувшийся перед нами в лучах утреннего солнца!

Бокельзон.

Истинно так!

Крехтинг.

Вскоре последние нечестивцы сбегут от тебя.
Епископ со своими наложницами и мальчиками,
С коими он привык забавляться,
Покинет тебя!

Бокельзон.

Будь они прокляты! Будь они прокляты!

Все (*хором*).

Будь они прокляты! Будь они прокляты!

Маттизон.

В твоих стенах, Мюнстер, возникнет новый
Иерусалим!

Бокельзон.

Аллилуйя!

Маттизон.

Нас будут здесь тысячи и тысячи, а потом —
Десятки и сотни тысяч.
Великий народ, не знающий в своей среде
ни богатых, ни бедных.
Ни сильных, ни слабых.

Бокельзон.

Осанна!

Маттизон.

И наконец придет обещанный день.
Под новым небосводом раскинется новая земля!
И мы обретем единство с Ним,
Ибо Он возродится в нас самих.

Бокельзон.

Аминь!

Маттизон. Братья, я, как апостол анабаптистов, именем Господа нашего вступаю во владение Мюнстером. Разойдемся же по городу и будем читать на площадях Евангелие, проповедуя наше священное учение повсюду, дабы воздвигнуть в этих стенах Царство Божие. Слава Всевышнему!

Остальные. Слава Всевышнему!

Маттизон, Крехтинг, Ротман, Винне,
Клоприсс и Штапраде уходят.

Бокельзон. Да будет так! Дрожи, расположенный в Вестфалии Мюнстер! (*Взбирается на навозную тачку.*) Иди сюда, народ! И пусть мой ораторский дар подействует на вас так же сильно, как и вид ревущего льва.

Входят котельщик Лангерман и сапожник Фризе.

Фризе. Такое чудесное утро, такой воздух — и на тебе: на земле куча покрытого пылью дерьма.

Лангерман. Lutum et pulvis[1]. Я обучался наукам.

Фризе. Вам, Лангерман, пришлось приложить усилия, чтобы стать котельщиком.

Лангерман. Я был вынужден бросить учебу, сапожник Фризе. Я слышу голоса.

Фризе. Такое нынче со многими происходит.

Лангерман. У меня в голове все время что-то есть. То ли звезда, то ли дерево с ветвями, плодами и листьями. Понятно?

---

[1] Дерьмо и пыль (*лат.*).

Фризе. Нет!

Лангерман. От всего этого такой грохот в ушах стоит. (*Настораживается.*) Слышите?

Бокельзон храпит.

Фризе. Опять грохот?

Лангерман. Да нет, храп!

Фризе. Эй, стража! Тут кто-то лежит в тачке и спит.

Входит стражник.

Стражник. Этот человек подлежит аресту. Статья двадцать четвертая. Пребывание в непотребных местах. Навозная тачка именно таковым и является.

Бокельзон. Слава Всевышнему!

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков!

Стражник. Вы арестованы.

Бокельзон. Люди, где я?

Фризе. Перед моим домом, у ворот Эгидия.

Бокельзон. Я хотел узнать, в каком городе?

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков!

Фризе. Он сам не знает, где он.

Стражник. Вы в Вестфалии, в Мюнстере.

Бокельзон. А какой нынче год от Рождества Христова?

Стражник. Мы полагаем, что тысяча пятьсот тридцать третий.

Бокельзон. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты так поступил со мной. (*Простирает руки.*)

Стражник. Имя?

Бокельзон. Иоганн Бокельзон.

Стражник. Происхождение?

Бокельзон. Благородное. Я внебрачный сын деревенского старосты Бокеля фон Гревенхагена.

Стражник. Откуда прибыли?

Бокельзон. Из Лейдена, что в Нидерландах.

Стражник. Профессия?

Бокельзон. Сперва я был подручным у портного, затем трактирщиком, после чего заделался владельцем небольшого, но вполне приличного публичного дома и, наконец, стал членом палаты риторов, автором нескольких шванков, после чего подался в актеры.

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков!

Фризе. Актер.

Стражник. Итак, профессия: вагант.

Бокельзон. В имперских городах и в столицах Германии я исполнял роли великих героев мировой литературы и даже сыграл несколько отрывков перед самим его преосвященством епископом Минденским, Оснабрюкским и Мюнстерским в его летней резиденции Ибурге.

Стражник. Судя по вашему внешнему виду, он не взял вас к себе на службу.

Бокельзон. Когда я закончил, его преосвященство прямо-таки бросились мне на шею и, когда я исполнил роль несчастного царя Эдипа и на генеральной репетиции, воскликнул:

Горе, горе!
Ах, я нечестивец! Ах, ах!
Куда несут меня мои ноги?
Куда ветер уносит мой голос?
Куда, ах, куда занесла меня судьба? —

то с неба вдруг раздался Глас Божий, и был он преисполнен такой мощи, что вся летняя резиденция содрогнулась.

Лангерман. Vox Dei[1]. Я сведущ в теологии.

Бокельзон. Анабаптист! «Стань анабаптистом!» — приказал мне голос, и я снова крестился.

Стражник. Вероисповедание: анабаптист.

Бокельзон. Надеюсь, что вы также перейдете в эту веру.

Фризе. Я сапожник.

Лангерман. А я слышу грохот.

Стражник. Я вынужден арестовать вас. Закон есть закон. Вы валяетесь здесь совершенно пьяный.

Бокельзон. О нет, мой друг, я не пьян, я просто упал в обморок.

Лангерман. Aminus eum reliqui[2]. Я ведь еще и медицину изучал.

Стражник (*недоверчиво*). Упали в обморок?

Бокельзон. Полчаса тому назад я проповедовал на улицах Роттердама.

---

[1] Глас Божий (*лат.*).
[2] Лишился чувств (*лат.*).

Стражник (*строго*). До Роттердама отсюда шесть дней пути.

Бокельзон. Истинно так.

Стражник. Выходит, вы за немыслимо короткое время, то есть всего лишь за несколько минут, добрались из Роттердама до Мюнстера в Вестфалии?

Бокельзон. Архангел Гавриил перенес меня.

Фризе. Перенес?

Бокельзон. И притом с такой бешеной скоростью, что мы залетели назад, в тысяча пятьсот тридцать третий год, поскольку, когда мы проповедовали на улицах Роттердама, на дворе был тысяча пятьсот тридцать четвертый год.

Лангерман. Колдовство. Фаустус*. Парацельс*. Агриппа*...

Бокельзон. Мы как раз парили над Мюнстером, когда архангела ослепили лучи восходящего солнца. Он высморкался, невольно разжал пальцы и уронил меня на эту тачку, где вы затем нашли меня, лежащего в обмороке.

Фризе. Разве архангелы тоже сморкаются?

Бокельзон. Это был тихий, удивительно приятный звук, несколько похожий на колокольное троезвучие. Одновременно тело архангела вздрогнуло, и он распростер руки.

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков!

Стражник. Черт его знает, о чем думал архангел Гавриил, когда он именно вас доставил в Мюнстер в Вестфалии.

Бокельзон. На небесах, друг мой, сочли, что я, недостойный, пригоден для свершения великого дела. Анабаптисты избрали меня своим царем, император предложит мне свою корону, Папа Римский босой дойдет до Мюнстера, чтобы коснуться губами бахромы моей мантии, а Господь, восседая на своем священном троне высшего судьи, сделает меня повелителем Земли.

Выходят Книппердоллинк
и его дочь Юдифь.
Оба они в праздничном одеянии.

Книппердоллинк. После стольких беспокойных ночей, вздохами сопутствующих раскаянию, страхом пе-

ред вечным проклятием и чувством стыда за те деяния, свершать которые меня вынуждают земное бытие и собственное дело, я очень люблю каждый день рано утром пройтись до ратуши.

Юдифь. Ты чем-то озабочен, отец.

Книппердоллинк. Не тревожься, дочь моя. После смерти твоей матери я сильно постарел, сделался лжив и стал предаваться бесплодным мечтаниям.

Бокельзон. Привет тебе, лютеранин, проявляющий снисхождение к себе самому и посему прогуливающийся в дорогих мехах, с золотой цепью на животе и под руку с целомудренной, упитанной дочерью.

Книппердоллинк. Кто этот человек?

Стражник. Актер.

Юдифь. Пойдем, отец.

Книппердоллинк. Он весь в лохмотьях.

Стражник. Он утверждает, что является великим апостолом анабаптистов, а сюда его доставил ангел.

Книппердоллинк. Почему ты издеваешься надо мной, анабаптист?

Бокельзон. А почему ты преследуешь меня, бургомистр?

Книппердоллинк. Я не преследую анабаптистов, я просто терплю их.

Бокельзон. Ах, если бы ты был холодным или горячим! Но поскольку ты только еле теплый, Господь велит мне выплюнуть тебя.

Книппердоллинк. Что ты хочешь от меня?

Бокельзон. Я хочу твоего хлеба и вина. Я хочу одеть свое тело и получить кровать и спокойно уснуть. Я хочу также, чтобы ты поделился со мной золотом и властью.

Книппердоллинк. Ты требуешь слишком многого.

Бокельзон. Но предлагаю в обмен гораздо больше.

Книппердоллинк. Что именно?

Бокельзон. А если я обеспечу тебе спасение души?

Молчание.

Книппердоллинк. Я дам тебе все, что ты требуешь. Я приму тебя как короля. Пойдем, дитя мое.

Книппердоллинк и его дочь уходят.

Бокельзон. И что теперь?

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков.

Фризе. Вас пригласили.

Бокельзон. Итак, я приступил к завоеванию господства над миром.

Стражник. Я не стану арестовывать вашу милость.

Бокельзон. Еще очень рано, мои хорошие, — я попрошу отодвинуть тачку в тень и дать мне возможность еще немного поспать.

Стражник. Слушаюсь, ваша милость. (*Выталкивает тачку со сцены.*)

Фризе идет вслед за ними.

Лангерман. Он слышит голоса. Я слышу голоса. Я также стану апостолом.

2. Епископ вынужден покинуть город

Дворец епископа.

Генрих Гресбек вкатывает на сцену кресло, в котором сидит епископ.

Епископ.

Я — епископ вестфальских городов Миндена,
Оснабрюка и Мюнстера.
Я — князь Франц фон Вальдек.
Мне девяносто девять лет, девять месяцев и девять дней.
Вот уже десять лет мои ноги парализованы.
Это порой случается с людьми в моем возрасте.
Я бегло говорю на греческом и латинском языках
и люблю читать Гомера и Лукиана*.
Но больше всего мне по сердцу никчемные комедии.
Моя театральная труппа самая лучшая и самая дорогая
Во всей Священной Римской империи германской нации.
Наша жизнь есть фарс.
Мы с трудом ковыляем, когда пытаемся убежать
от истины и когда, наоборот, ищем ее.
На подмостках все получается легко и просто,
Там танцуют, смеются и расхаживают радующие глаз
актеры.

Те же, кто вместе со мной играют драму жизни,
Запутались в каких-то темных делах и стали
соучастниками преступлений.
И поэтому нам так нужны часы досуга, когда можно
оставаться только зрителем.

Генрих Гресбек приносит ужин: тарелку супа, кусок хлеба, стакан вина.

Меня обслуживает мой секретарь — неразговорчивый,
замкнутый человек.
Зовут его Генрих Гресбек.
Он единственный, кто пока еще верен мне.
Но я слышу шаги.
Это богач Бернгард Книппердоллинк.
Я должен ему деньги и, к сожалению, не могу избавить вас
От этой крайне неприятной даже для епископа сцены.

Входит Книппердоллинк.

Книппердоллинк. Книппердоллинк, ваше преосвященство.

Епископ. Вы пришли ко мне как бургомистр или просто как частное лицо?

Книппердоллинк. И так, и так.

Епископ. Позвольте приказать подать вам кресло. Пришлось выстроить целую баррикаду перед главным порталом, чтобы защититься от этих дерзких анабаптистов. Поэтому его сейчас нет на месте.

Гресбек уходит.

Епископ. Мы толком ничего не знаем. Как бы то ни было, но вчера затоптали ногами двух дьяконов и выбили все стекла в Нашем дворце. Мы стали епископом Мюнстера в тридцать лет, и даже Лютер не смог заставить Нас усомниться в прочности Наших позиций. И тут вдруг появляется считающий себя апостолом темный субъект по имени Ян Маттизон со своими пророками, и за три недели прахом пошли все семидесятилетние труды по спасению душ наших подданных. Даже Наши возлюбленные дочери, монахини монастыря над водами, вместе с матерью-настоятельницей Вероникой фон дер Реке перешли на сторону анабаптистов.

Гресбек приносит кресло.

Книппердоллинк. Разрешите мне постоять.

Епископ. Мы должны вам деньги. (*Зачерпывает ложкой суп, ломает хлеб и т.д.*)

Книппердоллинк. Оставьте их себе.

Епископ. Насколько Нам известно, вы предоставили в своем доме приют некоему Иоганну Бокельзону из Лейдена.

Книппердоллинк. Это святой человек, верный сторонник великого апостола Яна Маттизона.

Епископ. Актер-любитель, напрасно пытавшийся устроиться ко мне в труппу.

Книппердоллинк. Его душа не стремится больше к славе в этом населенном честолюбцами мире.

Епископ. Тогда она стремится к свершению дурных деяний. Что решил Совет?

Книппердоллинк. Ваше преосвященство должны покинуть Мюнстер.

Епископ. Когда?

Книппердоллинк. В эту ночь.

Епископ. Нам не остается ничего другого, кроме как покорно склонить голову.

Книппердоллинк. Вашему преосвященству больше нечего делать в этом городе.

Епископ. Это дело ваших рук, бургомистр.

Книппердоллинк. Я сумел убедить членов Совета.

Епископ. А зачем ты пришел к Нам как частное лицо? Что тебе нужно от Нас?

Книппердоллинк. Истина.

Епископ. Которую ты надеешься получить от верного сына церкви?

Книппердоллинк. Я надеюсь получить ее от столетнего человека.

Епископ. Говори. (*Перестает есть, смотрит на Книппердоллинка, который садится в кресло.*)

Книппердоллинк. Почему вы сражаетесь с анабаптистами, епископ Мюнстерский?

Епископ. Сперва ты начал исповедовать лютеранскую веру, а теперь заодно с анабаптистами?

Книппердоллинк. Апостол Иоганн Бокельзон сумел переубедить меня.

Епископ. У актеров это хорошо получается.

Книппердоллинк. Вы же знакомы с содержанием наших трактатов.

Епископ. Они очень плохо написаны.

Книппердоллинк. Мы стремимся добиться милости у Господа нашего.

Епископ. Именно это и вызывает у Нас недоверие. Мы молим о милости ради искупления Наших грехов и опасаемся, что она может обернуться для Нас пустой отговоркой.

Книппердоллинк. Кто против нас, тот против Христа.

Епископ. Мы не имеем привычки отвечать на такого рода высказывания. Но хотим поведать тебе Наши мысли, дабы исполнить свой пастырский долг. Нас совершенно не волнует то обстоятельство, что вы не верите больше в святых апостолов. Может быть, Мы тоже больше в них не верим. Но вы, анабаптисты, верите в самих себя, и это, Книппердоллинк, когда-нибудь погубит вас.

Книппердоллинк. Это мне непонятно.

Епископ. Церковь верила в себя саму и пролила кровь именем Его, теперь вы верите в себя самих и также прольете кровь Именем Его.

Книппердоллинк. Нам неизбежно придется сразиться с вами.

Епископ. Девяносто девять лет Нам требовалось изображать из себя героя, и вот теперь, на сотом году жизни, придется им стать. На те деньги, что Мы тебе должны, Мы наберем войско и выставим его против вас, Книппердоллинк.

Книппердоллинк. Благодарю за откровенность.

Епископ. Мы привыкли выражаться ясно.

Книппердоллинк. Вы не вправе судить нас.

Епископ. Такое право вы Нам сами предоставите.

Молчание.

Книппердоллинк. И что же мне теперь делать?

Епископ. Придерживайся заповедей, одинаковых как для анабаптистов, так и для епископа: возлюби врагов своих, продай все, что имеешь, и раздай бедным деньги и не противься злу.

Книппердоллинк. Ваше преосвященство по-прежнему непреклонны.

Епископ. Этого требует моя должность.

Молчание.

Книппердоллинк. Благословите меня.

Епископ. Нет, Мы не можем дать тебе Нашего благословения.

Книппердоллинк. Выходит, я так согрешил, что уже недостоин звания человека.

Епископ. Придерживаюсь ли я Его заповедей? Разве мои пальцы не украшают золотые кольца? Разве я не сражаюсь со своими врагами? Разве я милосерден? Разве я настолько превыше тебя, что могу дать тебе свое благословение?

Книппердоллинк уходит.

Гресбек. Элизабет Рёде, ваше преосвященство.

Входит актриса.

Епископ. Элизабет! Скорее беги отсюда, любому члену моей труппы в этом городе грозит виселица!

Элизабет. Я решила оставить сцену, ваше преосвященство, и снова выйти замуж.

Епископ. Дитя мое, шестьдесят два года тому назад я взял тебя, тогда еще совсем юную, наивную девушку, в свою труппу...

Элизабет. Сорок два года тому назад...

Епископ. Не придумывай, Лизхен, не придумывай. Я хорошо помню, что с тех пор минуло шестьдесят два года.

Элизабет. Ваше преосвященство были тогда на диво крепким мужчиной в расцвете лет.

Епископ. А у тебя за это время было семь мужей, моя верная Рёде, семь мужей!

Элизабет. Я выхожу замуж за проповедника Болла.

Епископ. За этого фанатичного анабаптиста?

Элизабет. Я уже вторично крестилась.

Епископ. Лизхен, в твоем достаточно зрелом возрасте не вступают в новый брак.

Элизабет. Я просто обязана это сделать, ваше преосвященство, ведь я соблазнила проповедника.

Епископ. Какая же ты дрянь, Элизабет!

Элизабет. Поэтому самое время начать жить по христианским заповедям.

Епископ. Ну хорошо, хорошо! Поступай как хочешь, только уйди.

Элизабет. Всего вам доброго, ваше преосвященство.

Элизабет Рёде уходит.

Епископ. Это чистейшей воды безумие. Выкати меня из города, Гресбек.

Гресбек. Я также остаюсь. (*Убирает пустую посуду.*)

Епископ. И ты тоже?

Гресбек. Иоганн Бокельзон так убедительно проповедует.

Епископ. Надо мне было все-таки взять его в свою труппу.

Гресбек. Я собрался жениться.

Епископ. Ну, это еще не повод, чтобы стать анабаптистом.

Гресбек. Моя невеста — настоятельница монастыря.

Епископ. Что, в Мюнстере все женщины с ума сошли?

Гресбек. Они сделались истинно верующими.

Епископ. Она же имперская княгиня, а тебя я самолично вытащил из грязи.

Гресбек. Перед Богом мы все равны.

Епископ. Тебе же только двадцать пять, а она вдвое старше.

Гресбек. Перед лицом вечности это не играет никакой роли.

Епископ. Гресбек! Выходит, мне придется собственноручно выкатывать себя из этого обезумевшего города?

Гресбек. Катитесь к черту, епископ!

Епископ выкатывает кресло со сцены.

3. Монах может спастись

Рыночная площадь.

На ней толпятся жители Мюнстера: мясник, торговка овощами, Лангерман с женой, Фризе с женой и дочерьми Хельгой и Гизелой. Лангерман и Фризе держат в руках плакаты с надписями «Смерть господам», «Вместе с Богом и анабаптистами через крещение обретем Божью милость», «Покайтесь и примите истинную веру».

Лангерман. Мюнстер от скверны очищен.

Мясник. Колбасы! Колбасы! Покупайте колбасы!

Фризе. Католики и протестанты изгнаны.

Лангерман. Ян Маттизон — бургомистр.

Мясник. Телячьи колбасы! Свиные колбасы!

Фризе. Один из нас пришел к власти в Германии, один из бедняков. Ян Маттизон был пекарем в Гарлеме, проповедник Штапраде — скорняком, а пророк Клоприсс, подобно мне, — сапожником.

Мясник. Жареные колбасы! Жареные колбасы!

Лангерман. Грядут великие времена.

Фризе. Мирные времена.

Лангерман. Шесть лет я просидел в долговой тюрьме вместе с женой и моими девчонками, сапожник Фризе. Но такого уже больше не будет, такое просто невозможно.

Фризе. Мы творим мировую историю.

Лангерман. И ныне, и присно, и во веки веков!

Мясник. Ливерные колбасы! Кровяные колбасы! Копченые колбасы!

Торговка овощами. Эй, горожане! Взгляните на эти кочаны капусты! Взгляните на это чудо природы! Они круглые, как шар, и зеленого цвета! Мягкие, как попка младенца! Свежие, как юная девушка! Кто любит мужа, пусть купит эти кочаны капусты!

Мясник. Эй, торговка овощами! Вы так кричите, что я даже собственного голоса не слышу.

Торговка овощами. Я кричу так потому, что желаю людям здоровья и хорошего пищеварения, мясник! Кочаны капусты! Покупайте кочаны капусты! И на пиру, и на празднике по случаю крестин, и на свадьбе, и на поминках, и даже перед казнью ничто с ними не сравнится. Кочаны капусты! Покупайте кочаны капусты!

Госпожа Лангерман. Какие у вас статные дочери, госпожа Фризе.

Мясник. Овечье мясо, дешевое овечье мясо!

Госпожа Фризе. Их зовут Хельга и Гизела. Обе они без ума от пророка Бокельзона.

Мясник. Телячьи мозги, нежные, сочные телячьи мозги!

Хельга. Он был актером, госпожа Лангерман.

Гизела. Он отрекся от мира, госпожа Лангерман.

Госпожа Лангерман. Для нас, простых людей, до сих пор нет ничего лучше молитв пророка Ротмана, не так ли, Гельмут?

Мясник. Топленое сало! Топленое сало! Покупайте топленое сало!

Госпожа Фризе. Публичное раскаяние в церкви святого Ламберта представляет собой гораздо более волнительное зрелище, госпожа Лангерман. Слышали бы вы, как сводница согласилась стать жертвенным агнцем и какие имена она назвала.

Мясник. Салат из мяса молодого бычка! Из свежего, сочного мяса молодого бычка!

Лангерман. Но самое прекрасное — это когда все вместе крестятся.

Торговка овощами. Яблоки! Яблоки прямо из рая! Прямо с древа познания! Они скользят по пищеводу и трутся о кишки! Совсем дешево, дешевле не придумаешь!

Появляется Генрих Гресбек под руку
с бывшей аббатисой Вероникой фон дер Реке.
За ними следуют несколько сбежавших из монастыря
монахинь со своими женихами.

Вероника фон дер Реке. Поскольку благодаря пророку Яну Маттизону мы обрели истинную веру, вновь стали жить по законам мирской жизни, можем почувствовать себя женщинами и не заниматься таким пустым и никчемным делом, как соблюдение девственности, то имеем право присутствовать при казни, дочери мои. Ибо нет для благочестивой души ничего целительнее, чем видеть, как торжествует справедливость, как после сильного удара грешная душа навсегда расстается с телом и возносится прямо к подножию престола Господня, где ей предстоит дождаться окончательного приговора. Но велика милость Божья. И почти никто не может считаться окончательно потерянным. Но не только для прочтения проповеди пришла я на соборную площадь вместе с моим женихом, славным Генрихом Гросбеком. Мой отец, имперский граф, имел обыкновение собственноручно рубить головы крестьянам и делал это весьма умело. Весь этот сброд выстраивался перед ним в ряд, затем опускался на колени, и после каждого взмаха двуручным мечом мой отец выпивал кувшин пива. В от-

личие от него городские обыватели, к коим я ныне смиренно прошу отнести также и себя, так как мне вскорости предстоит разделить ложе с мужчиной, сами не казнят, а предпочитают, чтобы за них смертный приговор приводил в исполнение палач, в надежде, что таким образом их руки будут меньше запятнаны кровью. Человек должен быть стойким и мужественным, чрезмерная чувствительность его никак не красит. Я всего лишь слабая женщина, и все же, будучи аббатисой, я собственноручно забила монастырских свиней. Но пусть вас это не расстраивает, дочери мои, христианская любовь позволяет закрыть глаза на сей недостаток. Давайте вспомним не соломинку в глазу ближнего, коим, без сомнения, является городской обыватель, а бревно в нашем глазу, поскольку из-за него мы не видим истину.

Фризе. Да здравствует наша бывшая настоятельница монастыря, имперская графиня Вероника фон дер Реке! Да здравствует ее жених Гресбек!

Звучат аплодисменты. На сцене появляется старик Крузе.

Крузе. Мир на земле, слава Всевышнему, и в человецех благоволение.

Лангерман. Это старик Крузе. Он еще ни одной казни не пропустил.

Торговка овощами. Груши! Покупайте груши! Желтые, как зависть! Сладкие, как женская плоть! Сочные, как соски шлюхи! Груши! Покупайте груши!

Появляются стражник и палач.

Хельга. Мама, палач!

Гизела. Папа, осужденного обезглавят, повесят или колесуют?

Фризе. Потерпи, доченька.

Гизела. Я еще ни разу не видела, как колесуют человека.

Хельга. А мне больше нравится, когда отрубают голову.

Мясник. Требуха! Требуха!

Стражник поднимается на эшафот.

Стражник. Совет города Мюнстера в Вестфалии его жителям. Преисполненные желанием дать всякому воз-

можность попасть в Царство Небесное, мы сообща порешили приговорить внештатного учителя математики в бывшей папской гимназии Ганса Циклейна[1], прозванного в народе Козьим Гансом, к смерти от руки палача...

Крузе. Слава Всевышнему!

Стражник. ...поскольку он утверждал, что теорема язычника Пифагора столь же правдива, как и Библия.

Вероника фон дер Реке. Одно слово — гуманист.

Хельга. Ему отрубят голову! Ему отрубят голову!

Мясник. Мясо молодого бычка! Дешевое мясо молодого бычка!

Стражник. Донесла на Козьего Ганса его бывшая ученица Хельга Фризе, за что Совет публично выражает ей благодарность. Будьте бдительны и молитесь!

Хельга. Ему отрубят голову! Ему отрубят голову!

Фризе. Я горжусь тобой, дочь моя!

Торговка овощами. Свекла! Кто купит свеклу? Это сама философия, сама ученость, сама любовь, которая затрагивает душу! Покупайте свеклу! Покупайте свеклу!

Монах. Вы можете вырвать мне язык, можете сколько угодно раз задушить меня, отрубить мне голову и зарыть ее в земле хоть на тысячу саженей, я все равно буду громогласно провозглашать во веки веков: теорема Пифагора столь же правдива, как и Библия.

Крузе. На земле мир, и в человеках благоволение.

Монах. Ты запятнаешь себя позором, Мюнстер!

Стражник. Иди на эшафот, монашек.

Монах. Я больше не монах. Я давно уже покинул мой монастырь. И рясу я ношу лишь потому, что на покупку светской одежды у меня попросту нет денег.

Стражник. Мы собираемся обезглавить тебя вовсе не из-за твоей принадлежности к этому сословию, но из-за твоей приверженности ложному учению.

Монах. Разум побуждает меня выразить решительный протест.

Мясник. Ветчина! Превосходная вестфальская ветчина!

Монах. Вы себя на веки вечные выставляете на посмешище. Я гуманист. Интеллектуал. Меня знают под

---

[1] Букв. козленок (*нем.*).

именем Иоганнеса Магнуса Капеллы также в Кёльне и Оснабрюке.

Вероника фон дер Реке. Внештатный учитель! Во владениях моего отца, имперского графа, несчастному грешнику перед казнью разрешалось открыть рот лишь для того, чтобы прочитать «Отче наш».

Торговка овощами. Редиска! Отличная красная редиска! Кто купит редиску? Красную, как кровь, и аппетитную, как совокупление!

Монах. Замолчи, женщина! Я хочу обратиться к народу! Ведь речь идет о моей жизни.

Торговка овощами. Чеснок! Великолепный чеснок!

Монах. Слушайте меня, жители Мюнстера! Я хочу переубедить вас. Я сниму пелену с ваших глаз. Я снова образумлю вас. Я объясню вам, что есть истина, открытая великим греком Пифагором. Если вы нарисуете на земле треугольник, ширина сторон которого составляет три, четыре и пять ладоней, то этот треугольник...

Жители сопровождают обращенную к ним речь монаха ироническими выкриками «Ура» и «Да здравствует»; пока он говорит, торговка овощами поднимается на эшафот.

Торговка овощами (*громовым голосом*). Луковицы! Превосходные свежие луковицы! Кто любит свое потомство, тот непременно купит эти луковицы. От них женщины сами собой становятся беременными, и на свет появляются дети-близнецы, тройняшки, четверенки, пятеренки...

Горожане выкрикивают: «Шестеренки, восьмеренки».

...и возникает семья! Ешьте луковицы! Мы сейчас в самом центре событий мировой истории, ибо подошла к концу мрачная эпоха средневековья. Сами прикиньте, сколько нам еще предстоит трудиться не покладая рук, ведь голод (*начинает хлопать в ладоши*), чума...

Горожане также начинают сперва хлопать в ладоши в унисон с ней, а затем принимаются танцевать вокруг эшафота.

..безденежье, пожары, землетрясения, наводнения, изнасилования, убийства детей и родителей, убийства на сек-

суальной почве, убийства с целью грабежа, мятежи и войны...

Горожане на мгновение замирают от ужаса.

...ожидают нас в будущем, которое весьма и весьма туманно. Гражданские войны...

Далее горожане вместе с ней
выкрикивают следующие слова:

...крестьянские войны, религиозные войны, торговые войны, оборонительные войны, агрессивные войны, войны на истребление, мировые войны! И вот тут-то нам остро необходимы дети, уважаемые дамы и господа, вот тут-то нам необходимы трупы! И посему тот, кто ценит и любит прогресс, должен есть лук, так как он тем самым оказывает содействие мировому историческому процессу. Лук! Покупайте лук! Думайте о будущем! Покупайте лук!

Монах. Прощай, математика, прощай гуманизм! Наноси удар, палач!

Монах опускается на колени, палач распахивает
мантию, раздается дикий крик.

Хельга. Боже мой, какой палач!

Гизела. Мама, я ничего не вижу.

Крузе. В человеках благоволение! В человеках благоволение!

Вероника фон дер Реке. Мне его поза совсем не нравится.

Фризе. Новый испанский стиль, госпожа имперская графиня.

Появляется Книппердоллинк в рубище,
символизирующем покаяние.

Книппердоллинк. Покаяние! Покаяние! Покаяние! Горе! Горе! Горе! Покайтесь и примите истинную веру, дабы не навлечь на себя гнев Отца Небесного! (*Разбрасывает монеты*). Возьмите! Возьмите! Вот! Вот! Золото! Золото! О презренный металл, неужели ты помешаешь мне обрести вечное блаженство? Жители Мюнстера! Этот монашек, трясущийся рядом со мной на эшафоте от страха, всю жизнь пребывал в глубоком заблуждении. Но разве он один? Я был вашим бургомистром, жители Мюнстера.

Мои корабли бороздили моря, короли и герцоги числились в моих должниках, и даже император, гордый Карл, не побрезговал угощеньем с моего стола. Я соблюдал все каноны христианской веры, ходил в церковь и раздавал милостыню нищим. Я был верен церкви, но совесть, словно огонь, жгла мне душу. Я сделался лютеранином, но совесть по-прежнему мучила меня, я стал анабаптистом, но муки эти не кончились. И лишь теперь, когда я пренебрег сокровищами, которым угрожают моль и ржавчина и за которыми рьяно охотятся воры, лишь теперь я могу не бояться страстного гнева Господня! А вы, жители Мюнстера? Наброситесь ли вы на разбросанные мною среди вас золотые монеты? Воистину, сокровище там, где душа твоя. Обратитесь в новую веру! Не рубите голову этому человеку, виновному в мелких прегрешениях, обезглавьте лучше тех, кто виновен в страшных грехах! Взгляните, вот как они гордо высятся перед вами. Вот кто на самом деле кощунствует и сеет невежество — собор, церковь святого Ламберта, церковь, что над водами, церкви святого Эгидия и святой Лудгерии, церковь святого Мартина, церковь Спасения, церковь святого Маврикия*. Они — ваши главные соблазнители, жители Мюнстера, своим колокольным звоном они внушают вам, что вы — христиане, и не дают возможности приобщиться к истинной вере и пройти истинный обряд крещения! Вперед! Давайте ринемся на них! Давайте взберемся на их башни с помощью «кошек»! Подпилим им балки! Сбросим в грязь крытые свинцом и медью верхушки их башен! Обезглавим их в знак того, что Господь не пожелал их возвышения! Вперед! Вперед! (*Убегает.*)

Вероника фон дер Реке. Жители Мюнстера, мой славный Гресбек, дочери мои! Этот человек прав. Двинемся же вместе со мной вслед за вашим прозревшим бургомистром. (*Уходит.*)

Госпожа Лангерман. Снести башни!

Горожане. Снести башни! Снести башни!

Все уходят, унося с собой эшафот. На сцене остаются только торговка овощами и монах.

Монах. Посмотрите, торговка овощами, на этот гульден! Он принес мне счастье. Посмотрите на мою гордо посаженную голову — она по-прежнему прочно

сидит на плечах. А все потому, что математика любит меня.

Торговка овощами. Еще не вечер. Поживем — увидим. Кого не обезглавили, того повесят. Выходит, это и есть испанский стиль? Обычно как кого казнили, так его голова мне непременно на колени падала. Я клала ее вместе с кочанами капусты, и это был именно немецкий стиль.

Монах. Мой разум победит этот неразумный мир.

Торговка овощами. Не переоценивайте себя. Мир не просто неразумен, он еще и разделен на три части. Католики, лютеране, анабаптисты. И вопрос лишь в том, с кем из них наиболее выгодно иметь дело. Давай-ка, монашек, поскорее сбежим из города.

Оба уходят.

4. «Новый Иерусалим»

Ризница.

Один за другим на сцену входят Маттизон, Бокельзон, Ротман, Крехтинг, Штапраде, Винне и Клоприсс.

Маттизон несет в руках большой крест.

Маттизон. Слава Всевышнему.

Остальные. Слава Всевышнему.

Маттизон. Рассказывайте, братья.

Ротман. Со всех концов Германии сюда по-прежнему прибывают анабаптисты.

Крехтинг. Особенно женщины.

Маттизон. Возрадуемся же за каждую душу, брат Штапраде. Какие сведения из имперских городов?

Винне. В Любеке бургомистр перешел на нашу сторону.

Клоприсс. В Страсбурге вновь начали собираться анабаптисты.

Штапраде. В Шварцвальде возобладали евангелисты.

Ротман. В Богемии и Моравии нас опять начали преследовать.

Крехтинг. Наши швейцарские братья молятся за нас в темницах, куда их бросили сторонники Цвингли*.

Маттизон. Горе тебе, Цюрих!

Ротман. Германия охвачена мятежом.

Маттизон. Братья, во время уличного шествия в ризнице церкви, что над водами, Господь просветил меня.

Бокельзон. Аминь. (*Собирает у присутствующих кресты.*)

Маттизон. Братья, лютеране и приверженцы Папы страшатся Библии и боятся обращать к ней взоры. Мы же, анабаптисты, никакого страха не испытываем. Мы осуществляем реституцию и восстанавливаем церковь в ее правах, мы основываем Новый Иерусалим, дабы род человеческий возродился в своей первоначальной невинности, каким он был описан в Ветхом и Новом Завете. Но для этого нам надлежит обновить не только веру, но и закон, ибо что толку от веры, если наш закон останется законом императора и Папы, законом, поощряющим эгоизм среди людей и разделяющим их на бедных и богатых, на сильных и слабых. Посему в Новом Иерусалиме должен править новый закон. Никому из нас не дозволено больше покупать и продавать, трудиться ради денег, получать ренту, заниматься ростовщичеством, наживаться на несчастьях, крови и поте бедняков.

Бокельзон. Аминь.

Маттизон. Братья, мы обязаны в Граде Божьем сделать так, чтобы имущество было общим, ибо еще в Писании сказано: и сделались многие верующие едины душой и телом, но никто не говорил, что его имущество принадлежит только ему, напротив, у них все было общее.

Бокельзон. Аминь.

Ротман. Люди все еще цепляются за свое добро, брат Маттизон.

Штапраде. Нам предстоит еще много работать с ними.

Крехтинг. Мы еще не упрочили нашу власть над ними.

Винне. В городе все еще довольно много тайных сторонников епископа.

Клоприсс. Обобществлением имущества мы займемся позднее.

Маттизон раздает большие горящие свечи.

Маттизон. Грядет Царствие Божие. Оно стучится в ворота и громовым голосом требует, чтобы его впустили.

Нам нельзя медлить. Идите снова на улицы и в церкви и проповедями и молитвами готовьте народ; через три дня будет введен новый закон.

Бокельзон. Аминь.

Все выстраиваются по двое и медленно движутся по сцене. Маттизон теперь оказывается последним.

Маттизон. Какие сведения о епископе, брат Клоприсс?

Клоприсс. Братья в Кёльне подтверждают, что он там собирает войско.

Штапраде. Восемь тысяч ландскнехтов.

Крехтинг. Нужно укрепить городскую стену и призвать братьев под знамена. Мы можем выставить четыре тысячи человек.

Процессия замирает. Все поворачиваются к Маттизону.

Бокельзон. Аминь.

Ротман. Не собирается ли брат Маттизон начать переговоры с епископом? Нельзя сказать, что он выдвинул совсем уж неприемлемые требования. Если он подтвердит законность нашей формы правления, мы готовы будем признать его суверенитет над нами.

Маттизон. Брат Ротман знает, что я отвергаю каждое требование епископа, даже не рассматривая его. Мы поручим защиту города тому, чье это дело.

Крехтинг. И чье же, по мнению брата Маттизона, это дело?

Маттизон. Это Божье дело.

Бокельзон. Аминь.

Крехтинг. Если брат Маттизон полагает, что Всемогущий самолично...

Ротман. С точки зрения теологии было бы также слишком рискованно.

Маттизон. Так думать было бы чистейшей воды богохульством. Он, породивший нас всех, протянет нам Свою руку, если мы примемся смиренно ожидать появления врага и не предпримем никаких мер для своей защиты.

Штапраде. Брат Маттизон! Учитывая, что целых восемь тысяч хорошо вооруженных ландскнехтов...

Винне. Не искушай Господа нашего, а значит, и твоего тоже! Об этом в Писании тоже сказано.

Клоприсс. Силой чуда нельзя добиться.

Маттизон. Но можно молитвой! Тот, кто выйдет на защиту Мюнстера от войска епископа, предстанет перед судом!

Бокельзон. Аминь.

Маттизон. Он погибнет от меча — пусть даже им окажется один из нас.

Бокельзон. Как просветленный непосредственно самим Господом нашим, брат Маттизон вправе осуществлять свои решения даже вопреки мнению большинства членов Совета.

Маттизон. Община ждет.

Бокельзон. Аминь.

Остальные. Слава Всевышнему!

Все уходят.

5. Ландскнехты

Лагерь.

На сцене появляются Иоганн фон Бюрен и Герман фон Менгерссен. Они несут лестницу.

Иоганн фон Бюрен. Клетки!

Сверху опускаются три клетки.

Колесо.

1-й ландскнехт вкатывает пыточное колесо.

1-й ландскнехт. Виселицу для протестантов.

Герман фон Менгерссен. Виселицу для католиков.

Сверху опускаются две виселицы. Иоганн фон Бюрен внимательно осматривает клетки, Герман фон Менгерссен забирается на лестницу и смазывает жиром петли веревок виселицы для католиков.

Иоганн фон Бюрен. Утром, с восходом солнца, мы сворачиваем шатры и вместе с войском начинаем наступление на Мюнстер. Рыцарь фон Менгерссен, став-

лю вас в известность, что распоряжением епископа вы назначены младшим командиром.

Герман фон Менгерссен. Давайте забудем о нашем поединке у стен Падуи перед выстроившимися рядами наших солдат девять лет тому назад, рыцарь фон Бюрен.

Иоганн фон Бюрен. Это стоило вам правого уха.

Герман фон Менгерссен. А вам — трех пальцев на левой руке.

Иоганн фон Бюрен Клянусь, что в следующий раз я вас на куски изрублю.

Проверяет виселицу. Одна из веревок рвется.

Иоганн фон Бюрен. Эй, ландскнехт, еще одну веревку!

1-й ландскнехт приносит веревку.

Герман фон Менгерссен. Вы протестант, а я католик. Тогда я служил французскому королю, нынче вы служите епископу.

Иоганн фон Бюрен. Совершенно неважно, кому мы служим. Важно, сколько мы зарабатываем. На вашей авантюре с французом вы не слишком разбогатели.

Герман фон Менгерссен. Я получил двадцать дукатов.

Иоганн фон Бюрен. Мало. Очень мало.

Герман фон Менгерссен. А дома у меня девять детей, рыцарь фон Бюрен.

Иоганн фон Бюрен. Я же, почтеннейший, оказался в объятиях молодой падуанки, и мои трофеи исчезли как дым, в том числе четыре картины кисти Рафаэля.

Герман фон Менгерссен. Ну, здесь вам повезло, ведь к современной живописи уже пропал интерес. Моего Микеланджело никто не берет. Я даже был вынужден принять участие в Крестьянской войне*, чтобы хоть как-то расплатиться с долгами.

Иоганн фон Бюрен. Невыгодно, крайне невыгодно. При моих расценках я с крестьянами больше не связываюсь. Эти неотесанные мужланы сплошь бедны как церковные мыши. Убиваешь их — и никакого проку, а если убьют тебя, то уж тем более ничего не получишь.

Герман фон Менгерссен. Я всегда сражался не за тех, за кого надо. Когда вам позволили разграбить Рим, я защищал полностью разорившегося Папу Клеменса.

Иоганн фон Бюрен. Папам никогда нельзя доверять.

Герман фон Менгерссен. Святой отец отпустил мне грехи — вот и все.

Иоганн фон Бюрен. Плохо, очень плохо.

Герман фон Менгерссен. Боже, в чем я провинился перед Тобой?

Иоганн фон Бюрен осматривает пыточное колесо.

Иоганн фон Бюрен. В последний раз мне удалось сорвать хороший куш при разграблении Рима, и с тех пор одни только гроши перепадали. Я все время потом впросак попадал, смех — да и только, за оборону Вены заплатили какую-то ерунду, а за защиту Гюнса король Фердинанд задолжал мне двадцать тысяч гульденов. При этом турки сделали мне следующее предложение: пост верховного военачальника, двести тысяч золотых в год, четвертая часть всех трофеев, летний и зимний дворцы, гарем, и даже веру можно не менять.

Герман фон Менгерссен. Мне уже давно никто из чужеземцев ничего не предлагал.

Иоганн фон Бюрен. Выше голову!

Герман фон Менгерссен. Золото Мюнстера — моя последняя надежда.

Иоганн фон Бюрен. Не знаю, не знаю. Я долго раздумывал прежде, чем взяться за это дело. Анабаптисты ввели общность имущества, а в таких условиях даже от крупных состояний вскоре уже ничего не остается.

Герман фон Менгерссен. Рыцарь фон Бюрен, вы лишаете меня всякого морального стимула.

Иоганн фон Бюрен. Вы уже проинспектировали ландскнехтов?

На сцене выстраиваются двое ландскнехтов и монах.

Герман фон Менгерссен. Разумеется, рыцарь фон Бюрен.

Иоганн фон Бюрен. И что вы скажете?

Герман фон Менгерссен. Они производят довольно жалкое впечатление.

Иоганн фон Бюрен. У многих французская болезнь.

Герман фон Менгерссен. Оружие у них из арсеналов императорской армии, которая свыше тридцати лет тому назад отняла его у швейцарцев.

Иоганн фон Бюрен. Если епископ не раздобудет солдат получше, нам придется морить Мюнстер голодом Иначе он не сдастся.

1-й ландскнехт. Беглый монах, командир.

2-й ландскнехт. Он хочет с вами поговорить, командир.

Иоганн фон Бюрен. На виселицу для протестантов.

1-й ландскнехт. Слушаюсь, командир.

Герман фон Менгерссен. На виселицу для католиков.

2-й ландскнехт. Слушаюсь, младший командир.

Иоганн фон Бюрен. Рыцарь фон Менгерссен, монах сбежал из монастыря, а значит, и от веры своей. И посему ему надлежит болтаться на виселице для протестантов.

Герман фон Менгерссен. Нет, на виселице для католиков. Бегство из монастыря есть тяжкий грех перед единоспасающей церковью.

Монах. Мир сошел с ума? Благодушию больше нет места? У всех разум помутился?

Иоганн фон Бюрен. Шаг вперед!

Монах делает шаг вперед.

Иоганн фон Бюрен. Что ты там ноешь, монашек?

Монах. Я был внештатным преподавателем математики на службе епископа.

Иоганн фон Бюрен. А нам все равно.

Монах. В Мюнстере мне собирались отрубить голову, а здесь меня хотят повесить.

Иоганн фон Бюрен. Мы вешаем всех, кто попадется нам на пути.

Монах. Я пришел предложить вам мои услуги. В битве с охватившим Мюнстер безумием интеллектуалы тоже

обязаны стремглав броситься на поле брани, и математик также обязан исполнить свой долг.

Иоганн фон Бюрен. Нам не нужна математика.

Монах. Но я могу заранее вычислить траекторию полета пушечного ядра.

Иоганн фон Бюрен. У меня есть швейцарец, приверженец Цвингли, он ставит перед моей пушкой изображения двух швейцарских национальных героев, плюет между ними, а затем направляет дуло вслед за плевком. И еще ни разу не промахнулся. Шаг назад.

Монах делает шаг назад.

Монах. Я умру от голода, если окажется, что моя наука никому не нужна.

Иоганн фон Бюрен. Ты не умрешь с голоду, поскольку будешь повешен. На виселицу для протестантов его.

1-й ландскнехт. Слушаюсь, командир.

Герман фон Менгерссен. Нет, на виселицу для католиков.

2-й ландскнехт. Слушаюсь, младший командир.

Иоганн фон Бюрен. Рыцарь фон Менгерссен, с каким удовольствием я швырнул бы вам перчатку в лицо.

Герман фон Менгерссен. А я бы отрубил вам оставшиеся пальцы на руке.

Иоганн фон Бюрен. Здесь я распоряжаюсь, как старший командир. И лишь от меня зависит, кого и где вешать.

Герман фон Менгерссен. Но не оскорбляя при этом мои религиозные чувства.

Иоганн фон Бюрен. Тогда уходите отсюда.

Герман фон Менгерссен. Рыцарь фон Бюрен! Поскольку мы никак не можем договориться, где повесить монаха, я предлагаю назначить его армейским священником.

Иоганн фон Бюрен. Зачем?

Герман фон Менгерссен. Военачальник! Вы же командуете армией епископа!

Иоганн фон Бюрен. Армейский священник обычно очень дорого обходится.

Герман фон Менгерссен. Но не монах!

Иоганн фон Бюрен. Шаг вперед!

Монах делает шаг вперед.

Иоганн фон Бюрен внимательно рассматривает его.

Иоганн фон Бюрен. Так вот, монашек, ты назначен священником армии епископа без получения жалованья, но с правом участвовать в грабежах.

Монах. Военачальник! Я совершенно не подхожу для этой должности.

Иоганн фон Бюрен. Ступай в лагерь!

Монах. Но я не теолог.

Иоганн фон Бюрен. Шаг назад!

Монах делает шаг назад.

Монах. Я вообще человек неверующий.

Иоганн фон Бюрен. Ничего страшного. Еще сегодня ты выступишь с проповедью перед кавалеристами. Увести!

Монах. Я протестую, я гуманист!

Ландскнехты уводят его.

Герман фон Менгерссен. Гуманист! Какой позор, что ему удалось избежать виселицы!

Иоганн фон Бюрен. Ох уж эти вечные разногласия между немцами!

6. Актер становится царем

Во дворце епископа. На клиросе
Бокельзон и анабаптистки.

Бокельзон.

Ну что ж!
Так пусть же храмы Фив
Со всеми их богами
На тело мое водрузятся,
И пусть разрушенный город
Погребет меня под своими обломками,
И если городские стены
Будут водружены на мои плечи,

Я все равно не ощущу их тяжести,
И пусть все семь ворот
Провалятся под землю —
Я не согнусь под грузом мирозданья,
А зашвырну его на небеса
И уничтожу их вместе с тобой!

Входит Крехтинг.

Похоже, я сбил вас с толку, брат Крехтинг. Я исполняю свои прежние роли. Это Сенека*.

Крехтинг. Брат Бокельзон! Вы, святой человек, пребываете в окружении обнаженных женщин!

Бокельзон. Эти слова делают вам честь, брат Крехтинг. И вам вовсе незачем отворачиваться. Мои будущие жены родом из самых знатных семей империи, и тем не менее они покинули свои дома. Это дочь бургомистра, племянница кардинала, есть среди них и голландка, вон та ядреная девица, шлюха из Лейдена, но теперь она приняла нашу веру, есть также баронесса, имперская фрейлина, а эта пышная блондинка — самая настоящая принцесса фон Трюбхен. Она принадлежит к шахенской линии.

Крехтинг. И вы хотите жениться сразу на шести женщинах?

Бокельзон. И еще на десяти.

Крехтинг. Брат Бокельзон!

Бокельзон. Вы недостаточно последовательный анабаптист, брат Крехтинг. Неужели нам следует ограничиться лишь низвержением власти негодяев в Мюнстере? Разве наш больной христианский мир не стонет тяжко под ярмом противоестественного единобрачия? И не нужно ли нам изменить свое отношение к браку, обратив взор на Ветхий Завет? Разве вы ничего не читали о царе Соломоне? Он завел себе тысячу жен и оказался мудрее всех философов. Я намерен предложить Совету анабаптистов, взяв за образец поведение наших уважаемых предков и руководствуясь словами апостолов, вновь ввести многоженство, дабы по мере сил выполнить заповедь Господню, которая, как известно, гласит: плодитесь и размножайтесь.

Крехтинг. Да вы тогда выставите анабаптистов на посмешище перед всем христианским миром!

Бокельзон.

Но зато к нам еще больше потянется народ!
Лишь смелому, способному дерзнуть
И деяние великое свершить —
Пролить божественную кровь,
Иль впасть в безумие, —
Лишь за ним народ готов
Толпою устремиться
Хоть в черную дыру Тартара.

Тоже Сенека. Нерон. Грандиозный провал в Амстердаме, но все дело в пьесе.

Крехтинг. Но вы остались актером и нашли себе новую роль.

Бокельзон. Роль всей моей жизни, Бернгард Крехтинг. Но ведь и вы подыскали себе новую роль. Вы выдаете себя за бывшего лейтенанта императорской армии, но на самом деле вы — проповедник, изгнанный из Гильдехауза.

Крехтинг. Вы об этом знаете?

Бокельзон. Но я никому ничего не сказал.

Крехтинг. Моя судьба в ваших руках.

Бокельзон. Положитесь на мой актерский инстинкт. Комедия, которую играют вполсилы, всегда оказывается неудачной; в нашу комедию мы обязаны вложить всю душу. Одним ударом — это монолог Прометея, моя самая удачная роль. Я исполнял ее в Лейдене семь раз. Публика неистовствовала...

Одним ударом мощным кулака
Сметаю я древних богов с их мест —
И тирана Юпитера,
И лицемера Аполлона,
И лжеца Плутона,
И похотливую самку Венеру...

Или:

Прилетевшие с отрогов мрачного Кавказа
Стервятники, кровавя клювы,
Терзают мою печень!

Крехтинг. Вы явно мечтаете стать царем Мюнстера.

Бокельзон. Анабаптистам предсказано, что у них будет царь.

Крехтинг. Царь, а не комедиант.

Бокельзон. Вы полагаете? Пусть епископ со своими ландскнехтами окружит Мюнстер, и запертым в его стенах жителям останется лишь голодать и предаваться фантазиям, вот тогда они помажут меня на царство.

Крехтинг. Ландскнехтам вовсе не потребуется окружать Мюнстер, они возьмут его первым же приступом. Ян Маттизон распорядился не применять силу. Армия епископа уже на подступах к Хамму, а стены нашего города все еще в плачевном состоянии.

Бокельзон. Разве вы ничего не знаете о прекрасной Диваре, юной жене старца-пророка?

Крехтинг. Какое отношение она имеет к нашему отчаянному положению?

Бокельзон. Пусть один по ночам восхищается грудями его жены, а другой заделывает дыры в городских стенах.

Крехтинг. Но это было бы предательством.

Бокельзон. Маттизона с его причудами, но никак не нашего дела.

Крехтинг. Что ж, рискну.

Бокельзон. Нам остается лишь надеяться на прекрасную Дивару, лейтенант.

Крехтинг уходит.

Итак, дочери мои, вы возвестили о том, что хотели видеть царя, схожего с Соломоном и похожего на меня, восседающего на троне и царящего в золотом облаке, царя, который придет на эту несчастную землю, дабы свершить над ней суд.

Анабаптистки.

Господь Своею властью
Его послал нам. С ним
Узнаем святость счастья,
Греховность победим.

Конь бел. Он, непорочный,
Тьмы ратников с собой
Ведет и днем и ночью
На свой последний бой.

С ним будет в прах рассеян
И обратится в грязь,
Под стать листве осенней
И крохобор, и князь.

И, расточив зло, прежде
Чем прокричит петух,
Придет в златой одежде
Наш царь и наш пастух.

И мы его восславим
И возблагодарим,
Душой и телом станем
Навеки вместе с ним.

7. Книппердоллинк и Юдифь

Ворота Эгидия. Книппердоллинк и Юдифь в лохмотьях.

Юдифь. Ты скрываешься, отец.

Книппердоллинк. Я прячусь под покровом тьмы.

Юдифь. Ты мерзнешь.

Книппердоллинк. Ночью холодно.

Юдифь. Скоро наступит утро.

Книппердоллинк. Я отсылаю тебя, дочь моя, прочь, но ты все время следуешь за мной.

Юдифь. Ты мой отец.

Книппердоллинк. Твой отец — богач Бернгард Книппердоллинк, а я — нищий Лазарь.

Юдифь. Я дочь нищего Лазаря и, подобно тебе, одета в рванье.

Книппердоллинк. Окна в доме богача ярко сияют.

Юдифь. Бокельзон пирует со своими женами.

Книппердоллинк. Подул ветер. Я люблю слушать его завывания. Небо окрасилось в багряный цвет.

Юдифь. Ландскнехты приближаются к городу.

Книппердоллинк. И вместе с ними — смерть.

Юдифь. Да смилостивится над нами Господь.

Книппердоллинк. Он уже сделал это. Он ниспослал на нас нищету, холод, мрак и ниспошлет еще и голод.

Юдифь. Мне страшно.

Книппердоллинк. Не бойся. Давай спустимся на берег Аа и будем проповедовать о грядущем пришествии князя мира, славного царя анабаптистов.

Оба уходят.

8. Смерть пророка

На подступах к городу. На сцене оба рыцаря, ландскнехты и монах.

Иоганн фон Бюрен. Перед нами Мюнстер в Вестфалии, коим правят пекарь и актер.

Герман фон Менгерссен. Им правят еретики. Их так именуют даже самые закоренелые последователи различных еретических учений.

Иоганн фон Бюрен. Очень хорошо. О город, о котором великий доктор Мартин Лютер сказал, что в нем поселился сам дьявол, и, разумеется, теперь в нем демон на демоне сидит и демоном погоняет!

Герман фон Менгерссен. Отлично. О город, о котором премудрый доктор Иоганнес Экк* сказал: всей вечности ада не хватит, чтобы за грехи твои сварить тебя!

Монах. Город безрассудства!

Иоганн фон Бюрен. А ну-ка, заткнись, армейский священник! Оскорбления — привилегия солдат. Эй, ландскнехты, начинайте!

1-й ландскнехт. Город безрассудства!

2-й ландскнехт. Город рабства, город несправедливости!

Иоганн фон Бюрен. Ну вот уж нет, парень, рабство есть гражданская добродетель, а несправедливость красит тех, кто принадлежит к солдатскому сословию.

2-й ландскнехт. Извините, командир, больше не повторится. Город свободы! Город справедливости!

1-й ландскнехт. Город равенства!

2-й ландскнехт. Город общности народа!

1-й ландскнехт. Город общности имущества!

2-й ландскнехт. Город любви к ближнему!

Иоганн фон Бюрен. Хорошо, ландскнехты, хорошо, именно это я называю превосходными оскорблениями. Теперь вновь мой черед. Город гуманизма!

Герман фон Менгерссен. Гуманизм? Что это означает, рыцарь фон Бюрен?

Иоганн фон Бюрен. Понятия не имею, крепкое французское ругательство! А теперь начнем запугивать. Начали!

1-й ландскнехт. Рыцарь Иоганн фон Бюрен стоит у стен твоих, город гуманизма, чтобы раздавить тебя, как пустой орех!

2-й ландскнехт. Рыцарь Герман фон Менгерссен подошел к вратам твоим, город мира, чтобы задуть тебя, как свечу!

Иоганн фон Бюрен. Я заколол кинжалом французского короля, когда он возлежал в объятиях своей самой дорогой куртизанки!

Герман фон Менгерссен. Я повесил турецкого султана на минарете его самой высокой мечети!

Иоганн фон Бюрен. Я утопил Папу...

Герман фон Менгерссен. Рыцарь фон Бюрен! Вы же главнокомандующий армией епископа...

Иоганн фон Бюрен. Я собственноручно утопил Папу Римского в бочке с его самым дорогим церковным вином!

Герман фон Менгерссен. Прекрасно! Тогда произнесу несколько слов в адрес лютеран. В Виттенберге я сжег тысячу лютеран на костре, сложенном из тысячи Библий в переводе Лютера!

1-й ландскнехт. Сдавайся, город.

2-й ландскнехт. Покорись, Мюнстер!

В городе. Ворота Эгидия. На сцену входят Маттизон под руку с Диварой в сопровождении членов Совета анабаптистов.

Маттизон. В Божьем городе царит мир.

Ротман. Народ положился на волю Господа и занят повседневным трудом.

Маттизон. Брат Бокельзон, я доверяю вам свою беременную жену Дивару. Отсутствовать я буду совсем недолго, но ей потребуется утешение в молитве.

Иоганн фон Бюрен (*из-за ворот*). Молите о пощаде, упрямые анабаптисты, осмелившиеся поднять мятеж против имперских властей, или я забью вас как баранов!

Маттизон.

Подайте мне меч, брат Штапраде!
Господь!
Ты отдал мне этот город.
Я действовал от Твоего имени.
Я приказывал убивать от Твоего имени.
Я провинился от Твоего имени.
Так пусть же вина и дальше лежит на мне.
Дабы не стал виновным Твой народ.
Господь! Господь!
Ты помог тем, кто верил в Тебя.
Я стою перед Тобой и перед лицом Твоих врагов.
Широко расставив ноги, стоят они у наших врат.
Они пришли, чтобы уничтожить Твой народ.
Развернуты их фиолетовые стяги.
Их осадные башни упираются в небеса.
Их пушки направлены на Твой город.
Помоги, Господи!

Ты сделал так, чтобы Самсон ослиной челюстью истребил тысячу филистимлян. Сделай же так, чтобы я с помощью этого меча одержал победу над войском епископа.

Уходит из города через открытые Бокельзоном ворота.

Бокельзон. Теперь мы видим, как брат Маттизон идет на смерть. Воистину это торжественный момент! (*Закрывает ворота.*)

Дивара. Они убьют его! (*Бежит к воротам.*) Пустите меня к нему! Пустите меня к нему!

Бокельзон. Сообщите, что одержимый гордыней пророк Ян Маттизон, полагавший, что он один сможет достичь победы, хотя одержать ее надлежит всему избранному Богом народу, пал смертью храбрых от рук врага; возвестите, что в этот горестный час Господь назначил меня, Яна Бокельзона из Лейдена, царем Мюнстера, дабы я при поддержке четырех архангелов и херувимов смог бы противостоять антихристу; провозгласите далее святого человека Бернгарда Книппердоллинка моим наместником и верховным судьей в знак того, что царство мое отныне будет зиждиться не на богатстве и могуществе, а на бедности и бессилии; призовите, наконец, мужчин и женщин

этого города взойти на стены с оружием и котелками с горящей смолой и жженой известью, а также вынести из церквей статуи святых, чтобы забросать ими тех, кто верит в них и пришел теперь уничтожить нас и взять приступом крепость Иерусалим!

Анабаптисты гурьбой убегают со сцены.

Дивара. Мой муж! Мой муж!
Бокельзон.

С вами произошла ужасная вещь, царица.
Однако
Понести от ушедшего героя и теперь носить
Под сердцем будущего героя...
Так пусть же в вас вновь вдохнет надежду
Герой нынешний
Антоний!

Оба уходят.

9. Поражение

На подступах к городу. Рыцарь фон Бюрен и монах, шатаясь, выходят на сцену.

Иоганн фон Бюрен. Я перейду в католическую веру.

Монах. Мы наголову разбиты! Нас просто в пух и прах разделали!

Иоганн фон Бюрен. Штединг погиб, Вестерхольт погиб, Оберштейн погиб!

Монах. Полный крах, командир.

Иоганн фон Бюрен. Все погибло. А ведь я перед атакой во весь голос прочитал построившимся солдатам изречение относительно победы пророка Михаила, которое я случайно обнаружил в Библии. Дескать, он выйдет и возрадуется силе Господней и победе, одержанной именем Господа.

Монах. Вы неверно истолковали изречение, командир. «Он выйдет» — имелся в виду актер.

Иоганн фон Бюрен. С католиком ничего подобного бы не произошло!

Монах. Вам следовало бы сперва отвлечь их внимание ложной атакой, а затем с главными силами...

Иоганн фон Бюрен. Избавьте меня от ваших слишком умных рассуждений!

Монах. И все-таки вы одержали хоть небольшую, но победу. Ведь ландскнехты изрубили пророка анабаптистов Яна Маттизона на куски.

Иоганн фон Бюрен. Хватит молоть языком. Вперед, армейский священник! Обратите меня в веру единоспасающей церкви! Окропите святой водой из бочек, дайте мне припасть к образам, обрушьте на мою грешную голову горы индульгенций, словом — сделайте все, что нужно. Давайте, давайте!

По сцене, хромая, проходят
рыцарь фон Менгерссен
и 2-й ландскнехт.

Герман фон Менгерссен. Я перейду в протестантскую веру!

2-й ландскнехт. Мы полностью разгромлены.

Герман фон Менгерссен. Преданы, обмануты, осмеяны и превращены в калек. Я был верным сыном церкви, и тут вдруг женщины опрокинули на меня сверху статую своего покровителя святого Августина, и нога моя исчезла, как исчезает снег с полей с приходом весны.

2-й ландскнехт. У вас теперь ни ноги, ни войска.

Монах. Вспомните о ваших прегрешениях, младший командир. При такой вашей идиотской стратегии святому Августину следовало бы обойтись с вами гораздо более жестоко.

Герман фон Менгерссен. Армейский священник, вы назначаетесь армейским пастором. Скорее обратите меня в веру великого Мартина Лютера, обрушьте на меня выдержки из катехизиса, орите над моим ухом церковные песни, одним словом, верните мне милость Божью.

1-й ландскнехт (*несется по сцене*). Анабаптисты выбежали из города. Они заколачивают гвоздями наши пушки!

Иоганн фон Бюрен. Придите ко мне, святые угодники!

Герман фон Менгерссен. Приди ко мне на помощь, Гус! Приди ко мне на помощь, Лютер! Приди ко мне на помощь, Цвингли!

Иоганн фон Бюрен. Рыцарь фон Менгерссен! Никаких еретических высказываний!

Герман фон Менгерссен. Взгляните на мою рану, рыцарь фон Бюрен! Вы видите, что от моего тела остался лишь протестантский обрубок!

Иоганн фон Бюрен. Давайте кое-как дохромаем до лагеря!

10. Победители

Рыночная площадь. Народ несет избранного царем Бокельзона по городу и поет песню анабаптистов.

Толпа.

Над нами лишь Единый Бог,
И милость Его с нами,
Чтоб больше уж никто не мог
Нам причинить страданий.
Он благости явил нам свет.
Его исполнился Завет.

Конец вражде! Лишь Бог — Закон!

Ротман.

Да здравствует царь Бокельзон!

Толпа. Осанна!

Крехтинг. Да здравствует его наместник Бернгард Книппердоллинк!

Толпа. Аллилуйя! Аллилуйя! Мы молимся и воздаем Тебе хвалу.

Мы молимся о том, чтоб днесь
И вечно, многочтимый,
Наш Бог-отец, Ты с нами здесь
Был, непоколебимый.
Твоею Волей движим свет,
И в свете ей предела нет.
О Всеблагой наш Боже!

11. Епископ и голова Маттизона

Лагерь. Епископ сидит с посланием Бокельзона в руках. Рядом стоит ландскнехт, в руках у него небольшой столик. На нем стоит миска с каким-то закутанным тканью предметом.

Епископ. Проклятье.

Ландскнехт. Слушаюсь, ваше преосвященство.

Епископ. Я просто не смог сдержать себя. Этот негодяй, этот царь анабаптистов требует, чтобы я покорился ему.

Ландскнехт. Так точно, ваше преосвященство.

Епископ. Я не прекращу эту войну и буду вынужден, словно нищий, скитаться по чужим владениям.

Ландскнехт. Я принес вам умело препарированную голову лжепророка Яна Маттизона.

Епископ. Поставь ее сюда.

Ландскнехт. Слушаюсь, ваше преосвященство.

Епископ. А теперь уходи. (*Подкатывает к столику, разворачивает голову и внимательно рассматривает ее.*) Итак, это ты, Ян Маттизон? Это твои глаза, а это твоя седая борода. Она длиннее, чем моя, только гораздо менее ухожена.

Мы оба потерпели поражение, но тебе лучше, чем мне.
Ты двинулся мне навстречу
Один, величественный в вере своей,
Наглец, возможно даже целиком приверженный
туманному лжеучению,
Преисполненный, конечно же, планов полностью
изменить положение вещей,
Но одержимый идеей справедливости и движимый
надеждой.
Я же, напротив, не стремился, подобно тебе,
изменить мир.
Я хотел при общем безрассудстве сохранить разум.
Теперь же я вынужден поддерживать насквозь
прогнивший строй.
Глупец и потерявший всякую надежду дипломат,
Старик, у которого осталось лишь стариковское
упрямство
И на которого насел новый противник,
Какой глупый фарс!

Мне как любителю комедии противостоит не кто
иной, как комедиант,
Одержимый желанием играть роли великих людей,
Движимый пошлой фантазией,
Прошедший выучку на подмостках сцены.
С головой, забитой содержанием прочитанных книг,
и легко бросающийся выученными фразами.
Он опаснее тебя.
Будь доволен, пекарь из Гарлема.
Твоя гибель вызывает смех, но пусть тебя это
не тревожит.
Остается выдержать лишь два испытания, пророк:
злость и смех.

АКТ ВТОРОЙ

12. Государи

Вормс. Император Карл V восседает на носилках.

Император.

Я император Карл Пятый*. Мне пошел тридцать пятый
год.
Только что поступило известие о том, что мой
Военачальник Писарро* на недавно открытом
заморском континенте
Взял город Куско.
Это известие шло ко мне два года,
И я до сих пор толком не знаю,
Где, собственно говоря, находится это самое Куско.
Моя империя достигла таких гигантских размеров,
Что солнце постоянно опаляет жаром одну ее часть,
Подобно раскаленным углям, на которых поджаривают
цыпленка
На вертеле, который осторожно вертит мой повар-
голландец.
Я родом из Ааргау.
Мои предки покинули небольшую, плохо укрепленную
крепость Габсбург
Близ Бругга в Швейцарии,
Дабы вершить дела в мировом масштабе — с помощью
семейных уз.
Начинание это требует дисциплины, жесткости,
а также несчастливых браков и набожности.
Ее — в особенности, ибо народы охотно идут
на смерть ради верующих государей.
Только тогда они чувствуют, что страдают не ради
интересов какого-либо рода,
Но ради Господа, Его церкви и единения Запада.

Я полагаю, что народы вправе этого требовать.
Я окидываю мысленным взором подвластные мне страны,
Усмиренные моими ландскнехтами, очищенные святой
инквизицией от какой бы то ни было ереси.
Люди там мне без надобности, в моей мировой империи
вполне достаточно камердинера,
Нескольких лакеев, исповедника, канцлера, повара,
которого я уже упомянул,
А также на всякий случай палача.
Без подданных я могу обойтись, подданные только мешают
Такому величественному зрелищу, как
державные игры.
Мое откровенное желание — когда-нибудь уйти
в монастырь.
Но монастырь непременно должен быть затерян
где-нибудь в глуши среди голых скал.
А посреди его двора должна возвышаться статуя Фемиды.
Такие обычно стоят повсюду: пестро разукрашенные,
с завязанными глазами,
В одной руке весы, в другой — меч.
Словом, самая обычная статуя Фемиды.
Я хотел бы по десять часов кряду ходить вокруг нее,
как солнце, и больше мне ничего не надо.
И так до тех пор, пока я, устав от власти над миром
и дрожа от холода в сентябрьскую жару,
Навсегда закрою мои холодные глаза.

Входит канцлер.

Но пока еще жаркий, душный полдень, и я — пока еще солнце, вокруг которого вращается все и вся.

Канцлер. Ваше величество!

Император. Где мы, канцлер?

Канцлер. В Германии, ваше величество.

Император. В Германии? Мы забыли, Мы забыли. Нам казалось, что Мы в нашем мадридском дворце.

Канцлер. Ваше величество изволили остановиться в Вормсе. Здесь созван рейхстаг.

Император. Рейхстаг! Омерзительно! Нам не нравятся эти немецкие дела, они такие... такие негармоничные.

Канцлер. Вашему величеству надлежит назначить новых членов Венской Императорской академии живописи. Вот список, ваше величество.

Император. Тициан*, хорошо, Тинторетто*, возможно, Маартен ван Хемскерк* заслужил, Маринус фон Роймерсвеле*, то, что надо, Ян ван Амстель* достоин, Альтдорфер* — ладно, конечно, Гольбейн* — куда ни шло, Хагельмайер* из Вены — нет, канцлер, это невозможно. Мы, правда, сами Габсбурги, но это свойственное венцам отсутствие фантазии для Нас неприемлемо. И уж если этот субъект полагает, что Нам приятнее смотреть на изображение деревьев, а не людей, то Мы должны, по крайней мере, получить ощущение силы, с которой природа поднимает из земли эти могучие стволы. А вместо этого Мы видим всего лишь неподвижную кучу раскрашенных листьев. Что еще?

Канцлер. Ничего особенного. Ваше величество намеревались принять князей?

Император. Впустите их.

Канцлер докладывает о приходе князей, которых пажи вносят на носилках.

Канцлер. Его преосвященство кардинал.

Кардинал. Сын мой!

Император. Ваше преосвященство.

Канцлер. Его светлость ландграф Гессенский.

Ландграф. Мой дорогой Карел.

Император. Мой дорогой Флипс.

Канцлер. Его светлость курфюрст.

Курфюрст. Здравствуй, Карлхен.

Император. Курфюрст.

Курфюрст. Пива.

Император. Пива курфюрсту.

Канцлер. Епископ Минденский, Оснабрюкский и Мюнстерский.

Император. Откатите епископа в угол.

Паж откатывает кресло с епископом в угол.

Император. Говорите.

Кардинал. Сын мой, поскольку этот наделенный скудным умом епископ со ссылкой на имперскую конституцию вынудил нас обсуждать дурацкий мятеж в его жалких владениях, совершенно очевидно: Вальдек должен держаться подальше от моих актеров.

Епископ. Я распустил мою труппу, ваше преосвященство.

Кардинал. Это вы сделали для того, чтобы на ее месте создать гораздо лучшую труппу! Вы ведь беседовали с моим ведущим исполнителем острохарактерных ролей. Да или нет?

Ландграф. А моя исполнительница ролей пожилых светских дам? Она ведь появлялась у вас. Да или нет?

Епископ. Фельдштифельша, на мой взгляд, не обладает должным дарованием.

Ландграф. Что? Карел, ты слышишь, она, оказывается, не обладает должным дарованием.

Курфюрст. Типичная провинциалка.

Ландграф. Ты заплатишь за свои слова, курфюрст. Карел, я займу Эйзенах.

Курфюрст. Тогда я вторгнусь в Гисен.

Император. Я думал, спор между немецкими князьями разгорелся из-за какого-то щекотливого дела, а они, оказывается, спорят из-за Фельдштифельши.

Курфюрст. Еще пива.

Паж приносит пиво.

Кардинал. Я восхищался в вашем театре самой лучшей постановкой Плавта* в моей жизни, Вальдек, но что касается вашей оценки актеров... Вы ведь и этому Яну Бокельзону отказали в таланте. Одна из моих племянниц пребывает сейчас при его... как бы это сказать... ну да, при дворе — она написала моей сестре, что он изумительно декламирует Сенеку.

Епископ. У него слишком много патетики. Это ужасно.

Ландграф. У тебя ужасный вкус, Вальдек.

Кардинал. Ваша оценка анабаптистов также оказалась ошибочной.

Император. Анабаптисты?

Кардинал. Безобидные людишки, сын мой, трудолюбивые и благочестивые. В твоей империи их можно повсюду встретить.

Епископ. Ваше преосвященство!

Кардинал. Без возражений, епископ Мюнстерский. Если анабаптисты требуют крещения взрослых, Бог мой, да это же исконно христианская идея. Немцы вообще

благочестивый, склонный к раздумьям народ, каждый из них в душе мистик.

Курфюрст. Еще пива!

Кардинал. Главное, что анабаптисты настроены против Лютера. Как я слышал, они подчеркивают, что блаженство достигается не верой единой. Отрадно, мне это чрезвычайно нравится, истинно христианский подход. Готов держать пари, что, в сущности, они, сами того не зная, католики, правда, придерживаются далеко не всех канонов, но ведь мы же не ортодоксы. Вальдек просто неверно обращался со своими подопечными и не сумел использовать склонность этих людей к фантазии для возвращения их в лоно церкви. Разумный доминиканец уже давно навел бы порядок и мирно уладил бы это дело в интересах Рима.

Епископ. У вашего преосвященства неверные сведения.

Кардинал. Неверные сведения? Эти глупости меня не интересуют, пусть даже сейчас они вошли в моду. Я не собираю сведений, ибо как кардинал вовсе в них не нуждаюсь, я целиком полагаюсь на собственную интуицию.

Епископ. Ваше преосвященство! Эти, по вашим словам, безобидные анабаптисты в Мюнстере ежедневно рубят людям головы!

Кардинал. Как и мы!

Епископ. Они ввели многоженство!

Кардинал. Епископ! А кто сейчас не грешит этим? Каждого из нас обвиняют в многоженстве, протестанты приводят в своих трактатах список моих любовниц, католики не устают повторять, что у ландграфа две жены, курфюрст спит чуть ли не с каждой скотницей, любовные похождения нашего Карла получили гораздо более широкую известность, чем события римской истории, а вы, Вальдек, никак не расстанетесь с Анной Польман.

Епископ. Мне уже больше ста лет, ваше преосвященство.

Кардинал. Но прыти вам по-прежнему не занимать.

Епископ. Бокельзон взял в жены шестнадцать женщин.

Император. Шестнадцать?

Ландграф. Гениально.

Курфюрст. Бог мой, да этот тип — настоящий сладострастник.

Кардинал. Великолепно, скажу вам, великолепно. Этот парень настоящий актер — играя комедию, он ни в чем удержу не знает. Он словно бросает нам вызов, заставляя изумиться мастерским исполнением роли. Шестнадцать жен — да неужели мы должны воспринимать сей факт трагически? Не следует возмущаться там, где нужно лишь ухмыляться. Нет, нет, никаких возражений. Как только положение нормализуется, в его гареме никого не останется. И посему: ни одного ландскнехта на осаду Мюнстера.

Епископ. Курфюрст! Вы должны мне помочь!

Курфюрст. И не подумаю.

Епископ. Ландграф Гессенский! Я взываю к вашему политическому чутью.

Ландграф. Мой дорогой Вальдек, должен признаться, что из-за анабаптистов мы, протестанты, оказались в довольно напряженном положении. Ведь они пародируют нашу веру в Евангелие. Но мое политическое чутье, к которому ты взываешь, подсказывает мне: то, что затевается здесь, гораздо опаснее. Речь идет о заговоре католиков против князей-протестантов.

Епископ. Ландграф, я даю вам слово...

Ландграф. Не стоит, епископ, я знаю Карла и его кардинала и знаю, что ты также примешь в этом участие. В моих владениях я вешаю анабаптистов на деревьях, впрочем, точно так же я поступал с мятежными крестьянами, но не требуй от меня помощи. Все, что ослабляет князей-католиков, усиливает меня. Ни одного ландскнехта на осаду Мюнстера.

Курфюрст. Ни одной пули.

Епископ. Мне нужны деньги, я разорен. Если я не заплачу наемникам, они разорят мои владения.

Кардинал. Денег у нас нет.

Курфюрст. Еще пива.

Епископ. Мне нужно как можно скорее закончить войну. Подумайте о невиновных! Подумайте о женщинах и детях!

Кардинал. Это не наша война.

Епископ. Подумайте о народе.

Ландграф. Ты начинаешь мне надоедать, Вальдек.

Курфюрст. Ты становишься вульгарным.

Кардинал. Я вынужден задать себе вопрос: в каких кругах вы, собственно говоря, вращаетесь?

Ландграф. Народ обязан повиноваться, и мы позаботимся об этом, а о спасении души позаботится евангелическая или католическая церковь — таков порядок в христианском мире. Я не понимаю, почему мы вообще должны думать о народе?

Епископ. Тогда хотя бы подумайте о самих себе, о ваших владениях, ваших замках, ваших крепостных, ваших богатствах. Анабаптисты ввели общность имущества.

Всеобщее молчание.

Император. Ваше преосвященство, их никак нельзя назвать истинными католиками.

Кардинал. Сын мой, я поражен этим известием.

Курфюрст. Еще пива.

Ландграф. Общность имущества! Отвратительно!

Кардинал. А все потому, что Лютер перевел Библию. Народу совершенно незачем читать ее. Мы выделяем тысячу ландскнехтов.

Курфюрст. Мы также.

Ландграф. Мы — две тысячи.

Кардинал. Пажи!

Пажи входят и поднимают носилки с князьями.

Ландграф. Мы увидимся за обедом, Карел.

Курфюрст. Я иду спать, Карлхен.

Кардинал. Сын мой!

Жестом останавливает носильщиков.

Кардинал. Теперь у вас есть ландскнехты, Вальдек, однако Бокельзона вы должны взять в свою труппу.

Епископ. Я искренне раскаиваюсь, ваше преосвященство, ведь содеянное им теперь зло во много раз превышает то зло, которое он мог бы причинить на театральных подмостках.

Кардинал. Вальдек! Если Бокельзон окажется именно таким актером, каким его считает моя племянница, церковь и германская нация никогда не простят вам такой потери.

Пажи выносят носилки с кардиналом.

Император. Что вам нужно еще, епископ Мюнстерский?

Епископ. Еще ландскнехтов, ваше величество.

Император. Это невозможно.

Епископ. Четырех тысяч недостаточно.

Император. Мы повелеваем мировой империей. И нас волнуют гораздо более важные вещи, чем смута на немецкой земле.

Епископ. Князья слепы.

Император. А вы — старик, глубокий старик.

Епископ. А вы, ваше величество, слишком молоды, в этом-то вся трагедия.

Император. Мы боремся с анабаптистами тем, что не замечаем их.

Епископ. Иоанн Бокельзон приказал публично сжечь портрет вашего величества.

Император. Публично?

Епископ. Именно так, ваше величество.

Император. Я ожидаю от вас, епископ, что вы, будучи моим владетельным князем, отдадите этого злодея под суд Нашего величества и затем, как того требует закон, приговорите нечестивца к казни путем колесования, чтобы потом положить его труп в железную клетку и вывесить ее на вершине лютеранского собора. Дабы вы, ваше преосвященство, смогли исполнить Нашу волю и одержать победу в борьбе с мятежниками, Мы согласились предоставить в ваше распоряжение сто пятьдесят ландскнехтов. Императорских ландскнехтов.

Епископ. Умирающий от жажды готов благодарить за каждую каплю и слишком слаб для того, чтобы отвергнуть даже запоздалую помощь.

Император. Выкатите епископа из зала.

Пажи выкатывают кресло с епископом со сцены.

Император. Канцлер!

Канцлер. Ваше величество!

Император. Немыслимо упрямый старик.

Канцлер. Он на пути к гибели, ваше величество.

Император. Подберите сто пятьдесят ландскнехтов, самых жалких, дураков, отягощенных всеми болезнями — ну там желваки, недуги, да такие, от которых страшно делается, безруких, безногих. Пошлите их в Мюнстер.

Канцлер. Слушаюсь, ваше величество.

Император. В остальном же актер весьма импонирует Нам своим сумасбродством.

Канцлер. Настоящий талант, ваше величество.

Император. Крошечное царство этого паршивого комедианта, хотя и вызывает у Нас смех, все же кажется Нам символом Нашей собственной державы, поскольку положение Нашей империи представляется Нам не менее шатким.

Канцлер. Хорошо сказано, ваше величество.

Канцлер хлопает в ладоши, пажи несут носилки с ним к выходу, но император жестом останавливает их.

Император. Что же касается этого бездарного дилетанта из Вены...

Канцлер. Художник Хагельмайер вычеркнут из списка членов Академии, ваше величество.

Император. Это ошибка, канцлер. Смилуйтесь над ним. Как член Императорской академии художеств, он может причинить ущерб только животным.

13. Отречение тетрарха

Рыночная площадь. Входят Книппердоллинк и Юдифь.

Книппердоллинк. Графиня Гильгаль.

Юдифь. Тетрарх?

Книппердоллинк. Ты застала меня, доченька, в очень жалком состоянии; в одной рубашке я шагаю по рыночной площади.

Юдифь. Мой отец не может быть в жалком состоянии.

Книппердоллинк. Может, графиня Гильгаль, может. Я привыкаю к нищете. О, это великое искусство — быть нищим. Я все глубже и глубже постигаю его изысканность, ибо чудеснейшим образом сложилось так, что у нищеты множество разрядов: возможно ли описать, как прекрасны муки голода и жажды, великолепие холода и сырости. Я обнаруживаю все новые и новые чудеса: страшные пропасти отчаянья, болота скорби и моря нужды. Но самое изумительное — это паразиты! Эти чудные клопы, эти изумительные блохи! Хвала Господу, я теперь все

время чешусь. (*Настораживается.*) Что это за меч в моих руках?

Юдифь. Это меч справедливости.

Книппердоллинк. Я целую тебя, меч! Я целую тебя, справедливость! Это ведь священный меч, не правда ли, дочь моя?

Юдифь. Да, отец.

Книппердоллинк. Верно! Совершенно верно! Я должен обратить меч справедливости против людей! Но разве я это сделал, дочь моя? Разве я пролил кровь?

Юдифь. Да, отец.

Книппердоллинк. И многих я казнил?

Юдифь. Многих, отец.

Книппердоллинк. Но почему?

Юдифь. Чтобы спасти их бессмертные души.

Книппердоллинк. И я действительно спас их бессмертные души?

Юдифь. Не знаю.

Книппердоллинк. Ты не знаешь, а я — тем более. Что же такое справедливость, графиня, кто вообще справедлив на земном шаре?

Юдифь. Людям не подобает быть справедливыми.

На сцену выходят жители Мюнстера в черных, изодранных одеждах. Лангерман и Фризе вводят мясника.

Книппердоллинк. Мудро! Очень мудро! Слушайте, люди, что говорит моя дочь, графиня Гильгаль! Это вам не подобает! Несправедливость и заблуждение — вот ваша участь, люди. Взгляните на мой окровавленный меч высшего судьи! Анабаптисты, взгляните на людскую справедливость! Она кромсает без разбора, она рубит головы не глядя. Да будь она проклята, людская справедливость!

Фризе. Наместник царя!

Книппердоллинк. Кто вы?

Фризе. Граф де Гильбоа, прежде сапожник Фризе.

Лангерман. Котельщик Лангерман, ныне князь Зихетский.

Фризе. Мы обвиняем виконта де Же-Хиннома.

Книппердоллинк. Обвиняйте.

Вероника фон дер Реке. Он усомнился в доброте Господней перед всем народом.

Книппердоллинк. Выйдите вперед, виконт, содрогнитесь и выйдите вперед.

Мясник. Смилуйтесь, ваше величество, смилуйтесь, тетрарх Галилейский! Я самый обычный честный анабаптист, подобно всем раздавший свое имущество и заведший четырех жен. Смилуйтесь!

Книппердоллинк. Разве вы не великий герцог Бетсайды, что возле Генисаретского озера, тот самый, которого я два дня назад разжаловал в виконты де Же-Хиннома — долины вонючей падали — за сомнение в мудрости Господней?

Мясник. Я, о солнце справедливости, луна милосердия и молния мести.

Книппердоллинк. Вы вновь согрешили, виконт.

Мясник. Лишь одну секунду сомневался я в доброте Господней, благороднейший тетрарх, лишь одну секунду.

Книппердоллинк. Одна грешная секунда — и человек разом теряет надежду на спасение души, виконт.

Мясник. От отчаянья, наместник царя, я согрешил от отчаянья. Так как жители Нового Иерусалима поедают от голода вместо обещанной манны небесной собак, кошек и крыс!

Книппердоллинк. Я вынужден одним мощным ударом отделить вашу мерзкую голову от вашего порочного тела.

Мясник. Тетрарх Галилейский! Дайте мне искупить свой грех. Смилуйтесь! Не хватайтесь за меч, подобно гневу Господню нависающий сейчас надо мной! Просто с радостным сердцем разжалуйте меня, и я буду вполне удовлетворен.

Книппердоллинк. Мне некуда вас больше разжаловать, виконт. Я не могу лишить вас природного аристократизма.

Мясник. Назначьте меня маркизом нужников или шевалье навозной кучи, только не рубите меня мечом, о солнце справедливости.

Книппердоллинк. Вы так низко пали, виконт, что стали самой ничтожной личностью среди анабаптистов.

Мясник. Я это знаю, о тетрарх.

Книппердоллинк. В Писании сказано: «Многие же будут первые последними, и последние первыми». Возьмите меч! Мне достаточно рубашки, нищеты и моей

дочери, графини Гильгаль. Я назначаю вас тетрархом Галилейским, наместником царя и верховным судьей анабаптистов.

Мясник (*застыв в изумлении*). Меня, паршивого виконта долины вонючей падали, вы хотите назначить верховным судьей? Подумайте о моей подлой душе, о моих грешных мыслях.

Книппердоллинк. Кто может быть справедливым? Только первый и последний, Бог или вы, наместник! (*Целует его.*) Пойдемте, графиня Гильгаль! Я попрошу царя разжаловать меня в виконты де Же-Хиннома.

Уходят.

Вероника фон дер Реке. Я горжусь тем, что я анабаптистка, Генрих.

Мясник. Я стал наместником, анабаптисты! И я жестоко покараю каждого, кто усомнится в справедливости нашего дела. Да здравствует Иоанн Бокельзон, царь Нового Иерусалима, Града Божьего!

14. Царь Бокельзон

Во дворце епископа. Бокельзон восседает на троне.

Бокельзон.

Я только что отменно покушал.
Проглотил множество котлет, антрекотов
и кровавых ростбифов.
Мне кажется, что я набил желудок едва ли не всем
животным миром.
Он погребен под горами кукурузы, кислой капусты
и бобов, а также под целыми коробами салатов,
На которых опять же громоздятся круги сыра,
И все это залито морем шнапса
И океаном пива.
Прошли те голодные годы,
Когда я влачил жалкое существование
На крохотной сцене,
Актер-неудачник, повсюду освистанный
И получавший грошовое жалованье.

Искусством я никогда не мог прокормиться.
Лишь содержание публичного дома
Позволило мне кое-как продержаться.
Теперь меня кормят религия и политика,
Но я попал в ловушку.
Я стал анабаптистом,
Поскольку ничего не добился на профессиональном
поприще.
Оказавшись безработным, я преподавал риторику
Пекарям, сапожникам и портным,
У которых царил сумбур в головах.
И, видя, как они своими религиозными идеями,
Словно грязь, взрыхляют мир,
Позволил им наконец развязать войну
И даже вдруг, по наитию, сделался их царем.
Теперь, черт побери, они верят в меня,
Осыпают титулами и смешными званиями,
Просят занимать всевозможные должности.
И разгневанные князья засуетились,
Поскольку пошатнулись устои
Их издавна установленного порядка.
Они путают меня с моими ролями,
Принимают меня за неистового Геракла,
За кровожадного Нерона и угрюмого Тамерлана.
Пока я не вижу выхода и предпочитаю плыть по течению
Туда, куда несет меня моя игра,
Окруженный благочестивыми людьми и жутким хламом.
Участвуют все. И это поистине чудо.

Входят анабаптистки.

Одиннадцать женщин (*хором*). Слава Всевышнему.

Бокельзон. Нет, нет, нет, нет. Как вы входите! Гуськом! (*Вскакивает и начинает показывать, как нужно входить.*) Сперва царица Дивара, а уже за ней остальные, все время по двое в ряд, царственной походкой, свободно, естественно, словно вы рождены царицами. Тот, кто обладает царственной походкой, не входит, а как бы проскальзывает в зал, а вы попросту входите, вы не вышагиваете, а ковыляете, словно крестьянские лошади после долгой пахоты. А ну, все назад! Многоженство — это проблема власти.

Анабаптистки выстраиваются на сцене.

Бокельзон. Я хлопаю в ладоши, а вы еще раз выходите вперед. Вы ведь не при дворе какого-нибудь захудалого князя и не в каком-нибудь разорившемся имперском городе, вы в моем Иерусалиме. Это ко многому обязывает Мир вокруг нас ужасен, перед порталом нашего дворца громоздятся горы трупов, люди пожирают совершенно немыслимые вещи, лишь бы остаться в живых, в сердцах воцарились отчаяние и самые безумные надежды, люди убивают и пытают друг друга, но перед кем вы стоите здесь, в этом зале? Вы стоите передо мной, царем народа и князем мира. И посему вам надлежит выглядеть величественно и торжественно, не правда ли? Шаг вперед! (*Хлопает в ладоши.*)

Одиннадцать женщин (*хором*). Слава Всевышнему!

Бокельзон. Герцогиня фон Эфраим, марш-марш, не вертите задом, марш-марш, скользите, скользите. Вы ведь теперь царствующая особа, а не нахальная шлюха из Лейдена! Прекрасно. Сгруппируйтесь. Живей, живей! Странно. Вас ведь только одиннадцать. Верно? Четыре томятся в подвале за непокорство, а великую герцогиню Синайскую, прекрасную царицу банщиков, цирюльников, Мы собственноручно казнили на Соборной площади:

> Царь еще раз, молча, осмотрел окровавленную главу,
> Наложницы танцуют, а на плахе
> Нетерпеливо ждут стервятники.

«Император Тиберий». Давно забытая пьеса, тем более выяснилось, что автор ее вовсе не Сенека. Правее, графиня фон Эндор. Еще правее. Вот теперь хорошо. (*Садится.*) Знайте, женщины, стать режиссером всегда было моим самым сокровенным желанием. Актер я хороший, но режиссер — гениальный. Итак, выход анабаптистов.

На сцену выходят члены Совета анабаптистов во главе с новым наместником, мясником.

Анабаптисты (*хором*). Слава Всевышнему.

Бокельзон. Анабаптисты, апостолы Господа нашего, не будь мы христиане, мы впали бы в отчаяние, ибо против нас поднялся весь преисполненный скверны мир. Наступил конец всему, наша борьба за истинную веру не имеет

себе равных, один спектакль как бы противостоит другому. И если нашей режиссурой поддерживаем Святой Дух, его власть над нами в свете Священного писания, то император и епископ с их зачастую грандиозными театральными фантазиями поддерживают силы тьмы, власть князей и попов, крепостное право. Мы в очень трудном положении, братья, но должны выстоять, подобно актерам, когда из зала раздается свист и летят тухлые яйца. Под звон колоколов отправили мы за помощью двадцать семь апостолов, вручив им наше ходатайство и благословив их на дорогу. Все они попали в руки ландскнехтов, из-за костров у наших ворот ночами было светло, как днем, и молитвы мучеников смешивались с нашими молитвами. Но не только это тяжкое испытание выпало на нашу долю. Первосвященник Иоанн, о грядущем прибытии которого из глубин Азии возвестил мне архангел Гавриил, до сих пор так и не появился вместе со своим бесчисленным воинством у стен нашего города, дабы освободить нас и истребить наших врагов. Воистину, братья, Бог безжалостен к нам. Хвала Ему за Его суровость. Мы все еще не заслужили Его милости, ибо не до конца очистились. Поэтому мы призываем вас: не будьте высокомерны, не будьте недоверчивы, молитесь и не забывайте о чудесных деяниях Господних! Ведь хотя мы ничтожные людишки, но правим землей то тайно, то явно, пусть даже мы не в состоянии понять, как такое возможно благодаря силе веры и Божьему провидению. (*Настораживается при виде Юдифи.*)

Волосы как тьма Эребоса*,
Откуда родился мир,
Глаза не менее сумрачны,
И груди пока невинные,
Уже готовая на все...

Сенека. Что привело вас к вашему царю, графиня фон Гильгаль?

Юдифь. Ваши солдаты арестовали моего отца, царь анабаптистов.

Бокельзон. Мы знаем об этом, графиня фон Гильгаль. Мы назначили вашего отца своим наместником в присутствии всего народа, однако он все более и более не знал удержу в своем недостойном и глупом поведении,

пока мы наконец с глубоким прискорбием не оказались вынуждены приказать тому самому виконту де Же-Хиннома, которого он сам же назначил судьей и имя которого он сам носит, приговорить его к смерти.

Юдифь. Будь милостив, царь анабаптистов, будь милосерден.

Бокельзон.

Агамемнона сердце любовь твоя трогает. И младая
Невинность твоя распаляет вождя ахейцев.
Красотой он твоей потрясен.

Софокл. Пусть будет по-вашему, графиня фон Гильгаль. Он свободен, мы назначаем вас эрцгерцогиней Синая. (*Обращаясь к остальным.*) А мы, мои дорогие жены и верные соратники, отправимся в бывший дворец епископа. Я сочинил библейскую трагедию «Юдифь и Олоферн» и намерен продекламировать ее и исполнить все роли. Пойдемте, мои княгини, пойдемте, мои князья, пойдемте!

Бледней, Иерусалим, Олоферн у ворот твоих.
Уже пошатнулись стены твои и поколеблена
вера твоя!
И тут выходит бесстрашная героиня.
Она положила себе на колени голову демона.
Она губит его и спасает тебя.

Все уходят.

15. Юдифь

Лагерь. Зима. Епископ греет руки
над жаровней. Входит ландскнехт.

1-й ландскнехт. Трое перебежчиков, ваше преосвященство. Они хотят поговорить с вами.

Епископ. Первый?

1-й ландскнехт. Генрих Гресбек, ваш бывший секретарь.

Епископ. Введи его.

1-й ландскнехт. Шаг вперед!

Гресбек выходит на сцену и падает на колени.

Епископ. Если бы Мы не оказались в таком жалком положении, если бы не обнищали и не оказались ограбленными ландскнехтами до нитки, Мы бы сказали: «Убирайся к черту, Генрих Гресбек!»

Гресбек. Я вновь стал верным сыном церкви, ваше преосвященство.

Епископ. Пожалуйста, пожалуйста!

Гресбек. Я искренне раскаиваюсь. Вы же, как епископ, просто обязаны простить мне переход на сторону анабаптистов.

Епископ. Пусть это сделает другой священник. Мы ему не препятствуем. От Нас же прощения не жди. Мы отказываемся от исполнения своих обязанностей.

Гресбек. Имперская графиня оказалась ужасной особой.

Епископ. Аббатиса будет сражаться за новую веру до последней капли крови.

Гресбек. Мне ни разу не дали слова сказать.

Епископ. И тем не менее Мы не прощаем тебя.

Гресбек. Если Вы этого не сделаете, ландскнехты казнят меня.

Епископ. Гуманизм вынуждает Меня скрепя сердце явить милость. Ты снова будешь Нашим секретарем. Твоя рожа будет ежедневно напоминать о Нашем позорном бессилии.

1-й ландскнехт. Увести.

Епископ. Ну, а кто второй?

1-й ландскнехт. Старая баба, ваше преосвященство!

Епископ. Сюда ее!

1-й ландскнехт. Шаг вперед!

На сцену выходит Элизабет Рёде.

Епископ. Лизхен! Я удивлен! Как же ты смогла вырваться из города и каким образом тебя пропустили ко мне?

Элизабет Рёде. Я соблазнила нескольких ландскнехтов, ваше преосвященство.

Епископ. Не придумывай, Лизхен, не придумывай! Главное, что ты сумела убежать.

Элизабет Рёде. С христианским образом жизни покончено. Я вновь поступаю в вашу труппу, ваше преосвященство.

Епископ. У меня больше нет труппы, Лизхен.

Элизабет Рёде. Никакой?

Епископ. Никакой.

Элизабет Рёде. Вы до такой степени разорены?

Епископ. Истинно так.

Элизабет Рёде. Я всегда знала, что с вами, ваше преосвященство, лучше не связываться, — ничем хорошим не кончится. Архиепископ без собственной труппы — это уже запредел.

Епископ. Я знаю, Лизхен.

Элизабет Рёде. Я ухожу к вашим соперникам, ваше преосвященство, в труппу кардинала. (*Уходит с оскорбленным видом.*)

Епископ. Это была великая Элизабет Рёде, ландскнехт. Она была чертовски очаровательной стервой.

1-й ландскнехт. Так точно, ваше преосвященство.

Епископ. Ты присутствовал при ее последнем главном выходе. Я знаю, в каком жалком состоянии находится труппа кардинала, он ее никогда не возьмет.

1-й ландскнехт. Так точно, ваше преосвященство.

Епископ. А третий?

1-й ландскнехт. Красавица, ваше преосвященство.

Епископ. Введи ее сюда.

1-й ландскнехт. Шаг вперед!

На сцену выходит Юдифь.

Епископ. Оставь нас одних.

1-й ландскнехт. Слушаюсь, ваше преосвященство.

Епископ. Ты — Юдифь Книппердоллинк. Что тебе нужно от твоего престарелого епископа?

Юдифь. Я не знаю.

Епископ. Ты стала женщиной, Юдифь.

Юдифь. Я стала женщиной, святой отец.

Епископ. Ты стала красивой женщиной. Кто твой муж?

Молчание.

Актер?

Юдифь. Чтобы спасти жизнь отца.

Епископ. И ты спасла ее?

Юдифь. Он жив.

Епископ. А почему ты пришла ко мне, Юдифь?

Молчание.

Ты ничего не хочешь мне сказать? Ты ведь пришла не для того, чтобы раскаяться. Твое платье несколько вышло из моды, но оно очень идет тебе. Ты же не хочешь... А ну-ка, взгляни на меня. Подойди ближе, еще ближе.

Юдифь подходит ближе.

Твой актер — он много декламирует?

Юдифь. Да, святой отец.

Епископ. Сказания, облагораживающие человека, героические сказания?

Юдифь. Только их, святой отец.

Епископ. В том числе и сказание о храброй Юдифи и жестоком Олоферне?

Юдифь. Вы все знаете, святой отец.

Епископ. Проклятая литература.

Юдифь. Мне очень жаль, святой отец.

Епископ. Ты хотела меня убить?

Юдифь. Да, святой отец.

Епископ. Не будь я прикован к этому креслу на колесах, я бы собственноручно заставил тебя стать на колени.

Юдифь. Простите, святой отец.

Епископ. Во-первых, для настоящего Олоферна я слишком стар, а во-вторых, тебе следовало спасти город от актера и тем самым принести ему свободу.

Молчание.

Но ты не можешь его убить, потому что любишь его.

Юдифь. Да, святой отец, я люблю его.

Епископ. Я завтра отправлю тебя в Гамбург, дитя мое. К нормальным людям в нормальном обществе. Ландскнехт!

1-й ландскнехт. Ваше преосвященство!

Епископ. Отведи даму в шатер. Она — наша гостья.

Юдифь. Я хотела убить епископа.

Епископ. Чушь.

Юдифь. Вот этим кинжалом.

Епископ. Она лжет, ландскнехт.

1-й ландскнехт. Почему же тогда у нее при себе кинжал, ваше преосвященство? Эту женщину я отведу к рыцарю фон Бюрену.

Епископ. Но он сразу же прикажет казнить ее.

1-й ландскнехт. Не сразу, ваше преосвященство, он предпочитает растянуть удовольствие. Но если женщина откажется от своих слов, она сможет остаться у вас.

Епископ. Откажись, Юдифь. Иначе ты погибнешь. Против ландскнехтов я бессилен.

Юдифь. Я хотела убить епископа.

Епископ. Юдифь!

1-й ландскнехт. Вот видите, ваше преосвященство, тут уж ничего не поделаешь.

Епископ. Ох уж этот проклятый женский героизм.

Юдифь. Будьте счастливы.

Епископ. Тебя ждет смерть, Юдифь.

Юдифь. Я знаю.

Епископ. Я больше ничего не смогу для тебя сделать.

Юдифь. Помолитесь за мою душу.

Епископ. С тех пор, как я стал священником, я только и молился за души людей. Восемьдесят лет я взывал к Богу. Теперь я онемел. Больше я уже не молюсь за души людей.(*Выкатывает кресло со сцены.*)

1-й ландскнехт. А ну-ка, красотка, давай к командиру.(*Уводит ее.*)

16. Слепой командир

Рыночная площадь. Женщины Мюнстера выносят плаху. На ней мясник с мечом наместника. Мужчины несут караул.

Мясник. Молиться, молиться!

Женщины (*поют*).

Из мира зла и скверны
Нас наш Господь спасет.
Любовь его безмерна.
Ему подвластно все.

На сцену выходят члены Совета анабаптистов. Ротман ведет за руку слепого Крехтинга.

Крехтинг. Настала зима.

Ротман. Снег.

Штапраде. И холод.

Крехтинг. Но первосвященник Иоанн со своим великим множеством героев...

Винне. Теперь они обещают появиться на плахе.

Крехтинг. Если таковой первосвященник вообще существует.

Клоприсс. Бог не допустит осквернения нашей надежды.

Мясник. Верить! Верить!

Женщины (*поют*).

И голод нам не страшен,
И смерть мы победим,
Пока мы с Богом нашим —
Во всем едины с ним.

Крехтинг. Стража! А-а?

Стражник. Замерзла, командир.

Крехтинг. Что ты видишь?

Стражник. Вокруг города вал ландскнехтов.

Крехтинг. Дальше.

Стражник. Между нашей стеной и валом женщины и дети, желающие покинуть Мюнстер.

Крехтинг. Их много?

Стражник. Почти все.

Ротман. Царь смилостивился и отпустил их.

Штапраде. Славный царь.

Винне. Добрый царь.

Клоприсс. Истинно христианский царь.

Крехтинг. Разумеется. Однако ландскнехты не пропускают женщин и детей.

Стражник. Очень жаль, командир.

Крехтинг. Что же происходит с теми, кому явил милость наш истинно христианский царь?

Стражник. Они дохнут один за другим.

Ротман. Они предстают перед Господом.

Мясник. Надеяться, надеяться.

Женщины (*поют*).

Сияньем озарится
День Страшного суда.
Страданье прекратится,
Скорбь сгинет и беда.

Крехтинг. Воняет.

Стражник. Твой народ несет караул, командир.

Штапраде. Славный народ.

Винне. Терпеливый народ.

Клоприсс. Божий народ.

Ротман. «Господь даст своему народу силы, Господь ниспошлет своему народу мир», — восклицает псалмист Давид.

Крехтинг. И тем не менее воняет.

Гизела. Голод. У нас голод!

Крехтинг. Царь заперся в ратуше, а в моем распоряжении для защиты города остались лишь пятьсот не слишком хорошо сохранившихся скелетов.

Стражник. Так точно, командир.

Крехтинг. Эй ты, а ну-ка подойди сюда!

Стражник. Слушаюсь, командир.

Крехтинг. Наше положение безнадежно.

Стражник. Еще как, командир.

Крехтинг. Поддержи меня.

Стражник. Будь проклята стрела, ослепившая вас.

Ротман. Он натянул тетиву и сделал меня целью своей стрелы. Так сказано в «Плаче Иеремии».

Крехтинг. Как ужасно сознавать, что старик без глаз — единственный, кто видит.

Стражник. Так точно, командир.

Крехтинг. Как меня зовут?

Стражник. Вы — эрцгерцог Синайский.

Крехтинг. А разве я на самом деле не проповедник Крехтинг из Гильдехауза?

Стражник. Именно так.

Крехтинг. А этот субъект с его библейскими изречениями, рядом со мной?

Стражник. Архиепископ Капернаумский или нечто в этом роде.

Крехтинг. А вообще-то не городской ли он пастор Бернгард Ротман?

Стражник. Вообще-то да.

Крехтинг. А ты сам?

Стражник. Мое имя Гансик с Лангенштрате, но все называют меня «стражником».

Крехтинг. Дворянским титулом не пожалован?

Стражник. Простолюдины тоже нужны.

Крехтинг. Два года тому назад мы — анабаптисты — пришли в Мюнстер.

Стражник. Вы предрекали скорое наступление царства Божьего.

Крехтинг. Ты нам поверил?

Стражник. Я охотно слушал вас.

Крехтинг. А вы, возведенные в дворянское звание жители Мюнстера, бароны и князья, вы верите нам?

Лангерман. Мы также охотно слушали вас.

Крехтинг. Вы охотно слушали нас и не менее охотно повиновались нам.

Фризе. Мы словно в яму провалились.

Крехтинг. Ну, а теперь?

Мясник. Теперь мы верим в вас, командир. В вас, в анабаптистов и в окончательную победу.

Крехтинг. Ваши жены и дети дохнут, словно животные.

Фризе. Именно поэтому мы верим в вас.

Лангерман. Иначе мы не были бы больше народом Божиим.

Мясник. Избранным народом.

Фризе. Иначе все наши страдания оказались бы совершенно напрасными.

Крехтинг. Они напрасны.

Мясник. Надеяться, надеяться.

Женщины (*поют*).

Все то, что было тленно,
Отринет смерти гнет.
И Волею блаженной
Рай вечный обретет.

Крехтинг. Скажу вам: его столы ломятся от обилия изысканных яств, а его жены танцуют голыми перед его приближенными.

Стражник. Кого вы имеете в виду, командир?

Крехтинг. Разве мои слова недостаточно ясны? Или мне следует выкрикивать в ночи имена тех, кто принес нам такие беды?

Стражник. Отвечай, командир!(*Ударяет его мечом.*)

Ротман. Если мы живем, то живем в Господе нашем, если умираем, то умираем в Господе нашем.

Фризе. Упокой, Господи, душу его.

Стражник. Кто может вернуться в этот город? Кто?

Уносит тело Крехтинга.

Мясник. Ликуйте, ликуйте!

Женщины (*поют*).

С волками там ягненок
Готов пуститься вскачь.
И в розах, как ребенок,
Спокойно спит палач.

Уносят плаху.

17. Спасение войны

Лагерь. Ландскнехты делают массаж обоим рыцарям. На обоих виселицах — множество трупов.

Монах (*входит, с трудом переводя дыхание*). Рыцарь фон Бюрен, рыцарь фон Менгерссен!

Иоганн фон Бюрен. Ты же насквозь мокрый, монашек.

Монах. Я переплыл через Аа.

Иоганн фон Бюрен. Здорово.

Монах. В летнюю жару я перелез через городскую стену.

Герман фон Менгерссен. Браво!

Монах. И ни один человек не помешал мне.

Иоганн фон Бюрен. Иначе тебя бы уже не было в живых.

Монах. Я принес доказательство: Мюнстер очень легко взять.

Герман фон Менгерссен. Поздравляю.

Монах. Анабаптисты умирают от голода.

Иоганн фон Бюрен. Надеюсь.

Монах. Если бы вы несколько месяцев тому назад напали на Мюнстер, он бы давно уже пал.

Герман фон Менгерссен. Видимо, так.

Монах. Тогда действуйте.

Иоганн фон Бюрен. Зачем?

Монах. Это бесчеловечно — продолжать войну, которую с легкостью можно было бы закончить.

Иоганн фон Бюрен. Мюнстер окружен, трофеи нам гарантированы, а до тех пор, пока мы не завоюем город, епископ обязан платить нам жалованье.

Монах. Вы опустошили его земли. Вы напали на Ален и сожгли дотла Альбертсло.

Герман фон Менгерссен. А потому, что там одни скупердяи.

Монах. Вы вешаете крестьян, а не анабаптистов.

Иоганн фон Бюрен. Уж больно они наживаются на войне.

Монах. Но они, а не Мюнстер, поставляют вам товары.

Герман фон Менгерссен. Выходит, мы им еще за них и платить должны?

Иоганн фон Бюрен. Что же это тогда за война?

Монах. Государи не хотят больше терпеть.

Герман фон Менгерссен. Болтовня.

Монах. Вы это точно знаете.

Иоганн фон Бюрен. Мы ничего о государях не знаем.

Монах. На рейхстаге в Кобленце они решили прибыть сюда и положить конец войне.

Рыцари приподнимаются и пристально смотрят друг на друга.

Иоганн фон Бюрен. Вы слышали, рыцарь фон Менгерссен? Только мы любовно взлелеяли войну, только она начала приносить доход, как государи вздумали покончить с ней.

Монах. Они намерены заменить вас рыцарем Виррихом фон Дауном.

Герман фон Менгерссен. Сражаясь за Германию, я потерял ногу, и мне ответили черной неблагодарностью.

Иоганн фон Бюрен. Государи — вот наша беда.

Герман фон Менгерссен. Долой их!

Иоганн фон Бюрен. Пусть они убираются к черту!

Монах. Верно!

Молчание.

Иоганн фон Бюрен. Что ты понимаешь под словом «верно», монашек?

Монах. Долой их! Пусть они убираются к черту! Государи — это наша беда!

Герман фон Менгерссен. Скажи еще раз.

Монах. Государи — наша беда.

Иоганн фон Бюрен. Еще раз.

Монах. Государи — наша беда. Я с вами полностью согласен. Я присоединяюсь к любому мало-мальски разумному высказыванию.

Иоганн фон Бюрен. Ландскнехты!

Ландскнехт. Командир?

Иоганн фон Бюрен. Армейский священник арестован.

Герман фон Менгерссен. Он возводил хулу на императора и его власть.

Иоганн фон Бюрен. Он признан виновным в государственной измене!

Ландскнехт. Слушаюсь.

Монах. Рыцарь фон Бюрен! Я лишь заявил, что разделяю ваше мнение относительно государей.

Иоганн фон Бюрен. Ты просчитался, математик. Только мы можем позволить себе высказывать свое мнение относительно государей, мы — командиры, а ты — гуманист, и ты не вправе иметь мнение, схожее с нашим. Мы критикуем себе подобных, ты же — власть, в этом-то и вся разница. Завтра ты будешь болтаться на виселице.

Герман фон Менгерссен. На виселице для протестантов.

Иоганн фон Бюрен. Как полагается согласно приговору военно-полевого суда.

Монах. Я выражаю протест.

Герман фон Менгерссен. Кому?

На сцену выходит торговка овощами с тележкой.

Торговка овощами. Мне нужно разрешение на вывоз по поручению купцов из Бремена в Мюнстер тележки с деликатесами для царя Бокельзона.

Иоганн фон Бюрен. Двадцать золотых.

Торговка овощами. Что с вами обоими стряслось? С войной все в полном порядке, а вы заламываете такую цену?

Иоганн фон Бюрен. С нашей дивной войной далеко не все в порядке. Государи хотят ее закончить.

Торговка овощами. Я знаю.

Герман фон Менгерссен. Они хотят заменить нас Виррихом фон Дауном.

Торговка овощами. Я знаю.

Иоганн фон Бюрен. Вся Германия знает об этом, и только мы находимся в полном неведении.

Торговка овощами. Командирам никогда толком ничего не сообщают.

Герман фон Менгерссен. Мы разорены.

Иоганн фон Бюрен. Наша репутация окончательно испорчена.

Герман фон Менгерссен. Я снова стану рыцарем-разбойником.

Иоганн фон Бюрен. Если бы я принял предложение турок! Ах, если бы я это сделал!

Торговка овощами. Вы, мошенники, так стенаете, что впору также завыть из сострадания к вам!

Иоганн фон Бюрен. Нам не остается ничего другого, кроме как завоевать Мюнстер. Рыцарь фон Менгерссен, прикажите трубить сигнал к штурму.

Торговка овощами. Что здесь такого, пустомели, что здесь такого? У вас тут была малая, вполне вас устраивающая, очень славная война с весьма комфортным лагерным бытом, и теперь вы хотите разом покончить с ней. А почему? А потому, что государи за мир. Запомните, государи всегда за мир, чтобы их подданные не разбежались кто куда, но больше они и шагу не сделают, и вообще еще ни одна война не заканчивалась по желанию государей. Нет-нет, тут вам нечего опасаться, и уж тем более Виррихa фон Дауна: этот настоящий командир обошелся бы государям слишком дорого. То есть если бы предстояло выступить против турок, Папы или французов, то тогда можно было бы позволить себе взять на службу такую выдающуюся личность, но уж, поверьте, для осады Мюнстера лучше вас никого не найдешь.

Иоганн фон Бюрен. У меня словно камень с души свалился, славная женщина, словно камень свалился.

Герман фон Менгерссен. Проклятый монах на нас такого страху нагнал.

Торговка овощами. Так получу я теперь разрешение или нет?

Иоганн фон Бюрен. Мы уже сказали: за двадцать золотых.

Торговка овощами. Но ведь я утешила вас. Разве это ничего не стоит?

Иоганн фон Бюрен. Девятнадцать золотых.

Торговка овощами. Прекрасно. Значит, бременским купцам торговля больше не принесет дохода.

Герман фон Менгерссен. Их заботы.

Торговка овощами. А я потеряю свои комиссионные.

Герман фон Менгерссен. Ваши заботы.

Торговка овощами. Вы так считаете? Как вы полагаете, что произойдет в Мюнстере, если мы перестанем снабжать деликатесами царя Бокельзона? Царь будет голодать.

Иоганн фон Бюрен. Ну и пусть! Ну и пусть!

Торговка овощами. Будет! Будет! Но царь Бокельзон, в отличие от своих несчастных подданных, не захочет умирать с голоду, он капитулирует, и вашей славной и такой прибыльной войне наступит конец.

Собирается уйти. Иоганн фон Бюрен останавливает ее.

Иоганн фон Бюрен. Милая женщина, вы, как и раньше, даете нам десять золотых и продолжаете снабжать царя деликатесами.

Торговка овощами. Все равно торговля не принесет купцам прибыли.

Иоганн фон Бюрен. Пять золотых.

Торговка овощами. Тоже нет.

Герман фон Менгерссен. Позорно так обращаться со старыми вояками.

Торговка овощами. Ну так как?

Иоганн фон Бюрен. Хорошо, вы получите разрешение бесплатно.

Торговка овощами. Но и тогда купцы из Бремена окажутся в убытке.

Иоганн фон Бюрен. И тогда тоже?

Торговка овощами. Они требуют двадцать золотых за то, чтобы царь и дальше мог набивать брюхо.

Герман фон Менгерссен. Двадцать золотых?

Иоганн фон Бюрен. Выходит, мы должны за это платить?

Торговка овощами. Именно вы. Обе наши церкви предают анафеме любого, кто торгует с Мюнстером. Он рискует попасть в ад, и поэтому двадцать золотых — не слишком большая плата. А поскольку и мне грозит такая

же участь, я требую еще двадцать золотых за свои вечные муки. Итого, если считать и действовать по-христиански, получается двадцать пять золотых.

Герман фон Менгерссен. Я выражаю протест.

Торговка овощами. Кому?

Иоганн фон Бюрен. Это подлейший шантаж.

Торговка овощами. Я постепенно начинаю терять к вам симпатию.

Иоганн фон Бюрен. Ну хорошо. Забирайте двадцать пять золотых и убирайтесь скорее в город.

Торговка овощами. Другое дело. И с торговлей тогда все в порядке.

Иоганн фон Бюрен. Главное, война спасена.

Герман фон Менгерссен. И все же мы повесим армейского священника.

Оба рыцаря уходят.

Торговка овощами. Пробил твой час, монашек. Дела твои очень плохи.

Монах. Я лишь хотел вразумить мир, торговка овощами.

Торговка овощами. И ты вразумил его? Что-то незаметно. Твой разум служил двум негодяям, а теперь тебе конец. Ничего не поделаешь! Нам остается лишь отправиться в город. (*Уходит с тележкой.*)

2-й ландскнехт. Давай, давай, монашек. Военно-полевой суд ждет. (*Хочет увести монаха.*)

1-й ландскнехт. Не торопись. (*Обыскивает монаха.*) У тебя, гуманист, остался еще гульден.

Монах. Он принес мне счастье. Он спас мне жизнь.

1-й ландскнехт. Тебе не повезло, гуманист. Теперь ты сможешь оплатить им только обед палача. (*Прячет гульден в карман.*)

Оба ландскнехта уводят монаха.

18. Танец

Сцена театра епископа. Обнаженный до пояса
Бокельзон держит в руках ведро с краской и кисть.
За ним волочится огромный красный шлейф,
на голове — корона. Книппердоллинк.

Книппердоллинк. Иоганн Бокельзон из Лейдена!

Бокельзон. Кто мешает мне на сцене бывшего театра епископа? (*Мажет себя красной краской.*)

Книппердоллинк. Несчастнейший из твоих подданных.

Бокельзон. Приветствую тебя, несчастнейший из моих подданных!

Книппердоллинк. Я отдал тебе все свое богатство и всю свою власть, а ты отнял у меня дочь.

Бокельзон. Из всех моих семнадцати жен она была самой любимой.

Книппердоллинк. Я бежал от греха и оказался во многом виноват, я искал Бога в нищете и впал в отчаяние.

Бокельзон. Небесами нужно повелевать. Если мне потребуется архангел Гавриил, я свистну, и он тут же спустится на Землю.

Книппердоллинк (*кричит*). Покажись, Господь, покажись, чтобы я ощутил твое присутствие! (*Пристально смотрит вверх.*)

Бокельзон. Ну и?

Книппердоллинк. Нет ответа.

Бокельзон. Попытайся! Шепни мне, Господь, шепни! Это всегда помогает.

Книппердоллинк. Шепни, Господь, шепни и утешь меня! (*Долго смотрит вверх.*)

Бокельзон. Звучит впечатляюще.

Книппердоллинк. Ничего.

Бокельзон. Действительно. Лишь треснувший навес над сценой и луна светит сквозь облака. Возгреми, Всемогущий, возгреми!

Бокельзон. Всемогущий!

Книппердоллинк. Возгреми, Всемогущий, возгреми и повергни меня в прах за грехи мои!

Бокельзон. Великолепно. Действительно, ощущение полного отчаяния. Поздравляю.

Книппердоллинк. Бог молчит. (*Смотрит вверх.*)

Бокельзон. Чем ему вам ответить?

Книппердоллинк. Вокруг ничего, кроме пустой сцены.

Бокельзон. А ничего другого и нет.

Книппердоллинк. Я пропал.

Бокельзон. Славься, твое отчаяние, о несчастнейший из моих подданных, оно ограничивается проблемой

религии и не переходит в политические требования. Ты достоин носить за мной шлейф и танцевать со мной на сцене театра епископа.

Они начинают танцевать.

Бокельзон.

Эй, ленивая падла, чья рота жирна,
Я тебя вопрошаю, рябая луна:
Хорошо ли из кресел небесных видна
Тебе — набок корона и мантии грязь,
Когда я здесь танцую, сам Бокельзон князь?

Книппердоллинк.

О, из мертвого камня, ты — лунный колос, —
И дыханье твое — как по коже мороз.
Я в сиянье твоем, словно загнанный пес,
Все танцую, и ноги едва волочу,
И покорнейше шлейф этот алый тащу.

Бокельзон.

Я в лейденском театре был на роли
Третьей — в списке папаши героя.

Книппердоллинк.

И вконец обнищал, о несчастнейший я,
Когда долг не вернули мне злые князья.

Бокельзон.

В Мюнстере у Эгидия ворот
Воодушевлял я стихами народ.

Книппердоллинк.

Я с желудком больным своим после застолья
Воспринять могу только Писанье Святое.

Бокельзон. Ты говоришь стихами, несчастнейший из моих подданных, ты говоришь стихами!

Книппердоллинк. От отчаяния, лишь от отчаяния.

Бокельзон.

А я питомец муз!
Лишь к совершенству в творчестве стремлюсь!
За это — злата звон и дев краса —
Все мне! Так повелели Небеса.

Книппердоллинк.

Отныне, отринув богатство, я Страх
Обрящу лишь Божий в отхожих местах.

Бокельзон.

Использовав злобу христиан, Бокельзон,
Сумел я обгадить сей Новый Сион.

Книппердоллинк.

Опозорена дочь. Сам во вшах и дерьме.
Слышу: красные крысы крадутся по мне.

Бокельзон.

Здесь, под крышей небес, потанцуем немножко.

Книппердоллинк.

Друг за другом бежим, как за кошкою кошка.

Бокельзон. Такие же грациозные.
Книппердоллинк. Такие же быстрые.
Бокельзон. Такие же горячие.
Книппердоллинк.

Повисла луна колесом над землей.
И скоро я также повисну, и в злой
Почувствую пытке я каждый зубец,
И вот — четвертуют меня под конец.

Бокельзон.

Луна! О как ты золота, пышнотела,
От прелестей этих твоих обалдел я.
Летит к тебе страсть моя — за облака,
И похоть моя — словно ярость быка.
Иди, дрянь, сюда! Не валяй дурака!

Книппердоллинк.

За Полярной звездою мы Млечным Путем...

Бокельзон.

...Небо вместе с землею мы вдруг разнесем.

Начинают изображать Страшный Суд.

Бокельзон.

Судный день недалек. Он придет, и тогда
Бокельзон царь спокойно войдет в зал суда.

Книппердоллинк.

Голый он, окровавленный, все свои вирши
Гордо произнесет пред Судьею Всевышним.

Бокельзон.

И вострепещут и, страхом гонимы,
Взлетят разом ангелы и херувимы.

Книппердоллинк.

Мир — только театр. Господь наш поймет,
Встанет и тихо в отставку уйдет.

Бокельзон.

Прочь, херувимы! Ангелы — вон!

Книппердоллинк.

Тогда и воссядет на Божеский трон
Анабаптистов король — Бокельзон.

Бокельзон.

И насладится небесным мгновением —
Поставленным им же светопреставлением.

Книппердоллинк.

И занавес в гуле оваций падет:
Всемирной истории кончится ход.

Бокельзон. Овации. Вот именно. Овации. А теперь мы покинем сцену бывшего театра епископа, о несчастнейший из моих подданных, мы покинем также царский дворец и прямиком направимся к воротам Эгидия.

Уходят.

Книппердоллинк. Мы же вновь скроемся во тьме.

19. Сдача города

На подступах к Мюнстеру. Из ворот Эгидия выходит Бокельзон.

Бокельзон.

Истоптанная вестфальская мякина,
Запятнанная грязью, зараженная,
Наполовину развалившаяся,
Битком набитая спасателями мира и безумным бабьем,
Готовая, словно связка соломы, вспыхнуть от
Огня моей фантазии.
Слишком уж немецкий городишко,
Ты меня больше не устраиваешь.
Аплодисменты — вот в чем я нуждаюсь,
В восторженной публике,
В буре оваций.
Ибо тот, кто здесь мне еще хлопает,
Просто сошел с ума от голода
И сжался в комок из страха перед поражением,
Пытками и смертью на виселице.
И потому убогий, мелкий городишко Мюнстер,
Забытый Богом и всеми меценатами,
Прощай, я покидаю тебя.

На сцену выходят государи, военачальники и ландскнехты. Кардинал на носилках, епископ в кресле на колесах.

Вы, государи, собрались у стен города,
Который вот уже несколько лет противостоит вам.
Я предстал перед вами
В образе царя.
Я, как подобает комедианту, играю фарс,

Где в изобилии встречаются отрывки из Библии
И мечты о лучшем мире.
О нем ведь как мечтал народ.
И я занялся для вашего же увеселения
Тем же, чем и вы,
То есть правил, творил произвол
И поступал по справедливости,
Вознаграждал меценатов, палачей и одержимых
Честолюбием,
Прельщал лаской,
Использовал благочестие и подлинную нужду,
Жрал, пьянствовал, спал с женщинами,
Подобно вам, томился от скуки, присущей любой
власти,

Которую я — уж этого вы точно не можете —
Возвращаю вам прямо здесь.
Спектакль окончен, о несравненные государи.
Я лишь носил вашу маску и ни в коей мере
не уподоблялся вам.

Распахивает ворота Эгидия.

Мюнстер ваш! И гнев свой, и ярость
Излейте на тех, кто еще здесь остались.
Им — пытка! Я вольный мыслитель и лишь режиссер.
И венок мне из лавров! А не топор!

Государи дружно аплодируют.

Кардинал. И его вы не взяли в свою труппу, епископ?
Курфюрст. Великий артист!
Ландграф. Я предлагаю вам пожизненный договор.
Курфюрст. Он принадлежит моему театру
Кардинал. Приди в Наши объятия, Бокельзон. (*Прижимает его к груди.*)

Актера Мы вам не отдадим, ландграф Гессенский.
Бокельзон, получая тройной оклад по высшей ставке,
будет играть на Нашей сцене,
Которая благодаря ему станет самой лучшей в Нашей
Священной Германской империи.

Подводит его к носилкам.
Бокельзон усаживается в них.

Ландскнехты, займите город и три дня бесчинствуйте
в нем.
Жестоко покарайте его, за это с вас никто не спросит.
Господь отвергнул свое лицо от Мюнстера,
Так уподобьтесь ему, и грех не ляжет на вас.
Оставьте только в живых несколько зачинщиков —
Они предстанут перед трибуналом.
И пусть среди них один окажется лишенным дара речи —
Его мы выдадим за Бокельзона.
Блюдя формальность и исполняя так волю
Нашего всемилостивейшего императора.

Под ликующие возгласы уходит. Вместе с ним уносят Бокельзона. Государи и ландскнехты врываются в город. Перед беспомощным епископом ворота закрываются.

20. Епископ поднимает мятеж

У стен города замер в ожидании епископ. Из ворот выходят ландграф Гессенский и курфюрст, они кланяются епископу и удаляются. Затем город покидают Иоганн фон Бюрен и Герман фон Менгерссен, они встают перед епископом и сгибаются в поклоне.

Иоганн фон Бюрен. Мюнстер вновь принадлежит вам, епископ!

Оба уходят. Сверху спускаются клетки. Двое ландскнехтов вносят на сцену плаху с подвергнутым колесованию Книппердоллинком и ставят ее перед епископом. Затем они отдают честь и уходят.

Книппердоллинк.

О Господи! О Господи!
Взгляни на мое изувеченное тело,
Измолотое твоей справедливостью.
Ты не желаешь отвечать.
Ты дохнул холодом на мое сердце,
Хотя Ты не побрезговал ни одним из моих даров.
Выслушай же мой отчаянный стон,
Восприми муки, которые терзают меня,
Исторгаемый моим ртом крик, ибо я на последнем
издыхании хочу воздать Тебе похвалу.

Господи! Господи!
Мое тело, словно в чаше, лежит
На этом жалком колесе,
И чашу эту Ты до краев заполняешь своей милостью.

Умирает.

Епископ.

Помилованный колесован, совратитель — помилован.
Совращенные перебиты, победа вылилась в издевку
над победителями.
Суд осквернен судьями,
Смесь из вины и заблуждений,
Из благоразумия и необузданного безрассудства
Растворяется в мерзости.
Выскреби, Книппердоллинк, милосердие
из окровавленных спиц
И обвини меня. Встань, епископ Мюнстерский!

Поднимается.

Встань, древний старец, на ноги,
В клочья изодрана епископская мантия,
Опозоренный твоим бессилием крест вбей в землю!
Этот бесчеловечный мир нужно очеловечить.
Но как? Но как?

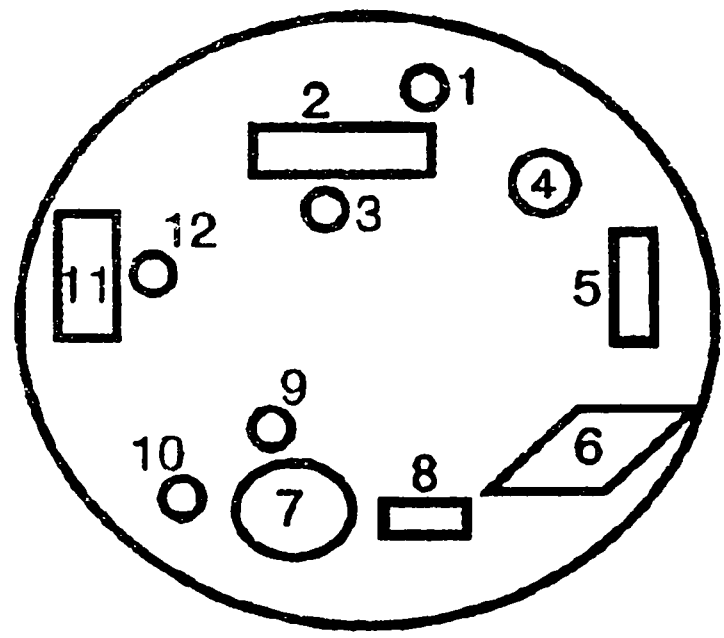
Играем Стриндберга

По мотивам пьесы Августа Стриндберга «Пляска смерти»

Play Strindberg

Totentanz nach August Strindberg

1 — табуретка-1
2 — столик с телеграфом
3 — табуретка-1
4 — вешалка
5 — сервант
6 — кушетка
7 — круглый стол
8 — кресло
9 — стул-2
10 — стул-1
11 — пианино
12 — стул



Сзади и по бокам сцены черные бархатные занавеси, на полу черный бархатный ковер. На ковре светло-серый круг. Это игровая сцена. На ней стоит мебель. Слева и справа вдоль боковых занавесей по одной скамье с реквизитом, который актеры берут сами. Над сценой кольцо с софитами. Помощник режиссера ударяет в гонг.

Тире и большие пробелы означают в тексте паузы разной длины. Это должно помочь при ритмической обработке текста.

Алиса, Эдгар и Курт выходят на сцену.

А. Играем Стриндберга.
Э. «Пляска смерти» Августа Стриндберга.
К. Инсценировка Фридриха Дюрренматта.

Курт покидает сцену, садится на скамью-2 с реквизитом (справа).

Э. Первый раунд.
А. Разговор перед ужином.

Гонг.

Алиса сидит на кушетке, занятая вязаньем,
Эдгар в кресле.

Долгое время ничего не происходит.

Эдгар достает свои часы.

Э. Сыграй что-нибудь.
А. Что?
Э. Что хочешь.
А. Песнь Сольвейг.
Э. «Шествие бояр».
А. Тебе не нравится мой репертуар.
Э. Тебе мой тоже.
А. Тогда я ничего не буду играть.

Э. Дверь открыта.
А. Закрыть?
Э. Как хочешь.
А. Тогда я не буду закрывать.

А. Покури хоть.
Э. Я не могу больше курить крепкий табак.
А. Возьми послабее.
Э. У меня нет послабее.
А. Курение ведь твоя единственная радость.
Э. Что такое радость?
А. Не знаю.
Э. Я тоже.

А. Виски?
Э. Потом.

Э. Что у нас сегодня на ужин?
А. Спроси у Женни.
Э. Начинается сезон скумбрии.
А. Может быть.
Э. Осень.
А. И какая.
Э. От жареной скумбрии с ломтиком лимона я бы не отказался.
А. От тебя не осталась ничего, кроме твоей прожорливости.

Э. У нас осталось в погребе бургундское?
А. Нет.
Э. Но нам нужно бургундское.
А. Зачем?
Э. Нам надо отпраздновать нашу серебряную свадьбу.
А. Не стоит праздновать двадцатипятилетие нашего несчастья.
Э. Когда-то нам было ничего друг с другом.
А. Не выдумывай.
—
Э. Скоро все кончится.
А. Надеюсь.
Э. От нас не останется ничего, кроме тележки с дерьмом для огорода.
А. Оставь меня в покое с твоим вечным дерьмом.

А. Почта?
Э. Да.
А. Счет от мясника?
Э. Да.
А. На сколько?

Алиса подходит к Эдгару.

Э. Мне нужны новые очки.

Эдгар протягивает Алисе счет от мясника.

А. Ты можешь оплатить счет?
Э Да.

А. Сейчас?

Э. Потом.

А. Когда вернется твоя болезнь и ты выйдешь на пенсию, оплачивать их придется мне.

Э. Я совершенно здоров.

А. Это для меня новость.

Э. Только иногда немного голова кружится.

А. У тебя славные приступы помрачения сознания, мой дорогой.

Алиса снова садится на кушетку, вяжет

Э. Я проживу еще двадцать лет.

А. Вряд ли.

Э. Я не болен, я никогда не был болен, и я никогда не буду болен.

А. Это твое мнение.

Э. Я умру скоропостижно, как старый солдат.

А. Врач другого мнения.

Э. Врач — идиот.

А. У врача сегодня гости.

Э. Ну и пусть.

А. Нас не пригласили.

Э. Потому что мы не общаемся с этими людьми, а мы не общаемся с этими людьми, потому что мы не хотим, а мы не хотим с ними общаться, потому что мы их презираем.

А. Потому что ты их презираешь.

Э. Это подонки.

А. У тебя все подонки. Один ты исключение.

Э. Я порядочный человек.

А. Сыграем в карты?

Э. Сыграем в карты.

Алиса садится за стол. Они начинают играть в карты.

Первая сцена игры в карты.

А. У врача на вечере военный оркестр.

Э. Потому что он лебезит перед полковником.

А. Ты тоже лебезишь перед полковником.

Э. Мне не нужно лебезить перед полковником, потому что полковник ценит меня.

А. Но военного оркестра у тебя не бывает.
—
Э. Что козырь?
А. Ты устал?
Э. Нет.
А. У тебя больные глаза. Пики.
Э. Ерунда.
А. Ты ведь говорил, тебе нужны новые очки.
Э. Всякому когда-нибудь нужны новые очки.
А. И ты хочешь прожить еще двадцать лет.
Э. Я проживу еще двадцать лет.
А. Пики козырь.
—
Э. Шесть и восемь будет пятнадцать.
А. Четырнадцать.
—
Э. Четырнадцать.
А. Считать ты тоже разучился.
Э. Когда я устаю, то становлюсь рассеянным.
А. Ты ведь сказал, что не устал.
Э. Я не болен.

А. Музыку слышно даже здесь.
Э. Военный оркестр никуда не годится.
А. Это мы не годимся для офицерских жен.
Э. Мне все равно.
А. Тебе.
Э. Я одинок, я всегда был одинок, и я всегда буду одинок.
А. Я тоже.
Э. Тогда не жалуйся.
А. Детям не все равно.
Э. Они развлекаются в городе.
А. Курт приедет?
Э. Сегодня вечером.
—
А. Он навестит нас?
Э. Он, наверно, приглашен к врачу.
А. В конце концов, он мой кузен.
Э. Большая честь.
А. Оставь мою семью в покое. Я твою семью тоже оставлю в покое.

Э. В моей семье никто не оставлял жены и детей, как твой кузен.

А. Ты любил с ним разговаривать.

Э. Мерзавцам не обязательно быть идиотами, как людям на этом острове, с которыми я не разговариваю, потому что они мерзавцы и идиоты.

А. Мой кузен не мерзавец.

Э. Он мерзавец, потому что он нас поженил.

А. Ты знаешь хоть один счастливый брак?

Э. Экмарки.

А. Она в больнице.

Э. Фон Крафты.

А. Он банкрот.

Э. Тогда я не знаю ни одного счастливого брака.

Э. Играем дальше.

А. Играем дальше.

А. Как хорошо, что Курт приедет к нашей серебряной свадьбе.

Э. Странно, что он хочет осесть на этом вшивом острове инспектором по карантину.

А. Если бы мы не поженились, я была бы еще в театре.

Э. Тем лучше для театра.

А. Я была знаменитой актрисой.

Э. Критики были другого мнения.

А. Критики — мерзавцы.

Э. Но не идиоты.

—

Э. Так, я выпью виски.

Эдгар идет к буфету, наливает себе виски.

Э. За полковника!

Пьет.

Э. Если бы здесь была поперечная балка, можно было бы поставить на нее ногу и вообразить, что ты в баре «Америка» в Копенгагене.

А. В Копенгагене прошло мое лучшее время.

Э. Помнишь рагу из баранины с картошкой?

А. Я помню концерты в филармонии.

Э. Мы никогда не были вместе в филармонии.
А. Мое самое лучшее время в Копенгагене — это время, когда я тебя еще не знала.

Э. Ты вышла за меня замуж, только чтобы мной хвастаться.
А. Тобой я никогда не могла похвастаться.
Э. Я был знаменитым военным писателем.
А. Тебя никогда никто не знал.

Э. У врача танцуют.
А. Алькасарский вальс.
А. Ты женился на мне, чтобы мной хвастаться.
Э. Тобой я никогда не мог похвастаться.
А. Я была знаменитой актрисой.
Э. Тебя больше никто не знает.

А. Я уже давно не танцевала.
Э. Мы слишком стары для этого.
А. Я на десять лет моложе.
Э. Я проживу еще двадцать лет.

Э. Бутылка пуста.
А. У нас больше нет виски.
—
Э. Темно.
А. Ты все равно ничего не видишь своими больными глазами.
Э. У меня не больные глаза.
А. Тогда пусть Женни зажжет лампу.
Э. Женни не придет.
А. Позвони.
Э. Женни ушла.
А. Навсегда?
Э. Навсегда.
А. Если Женни уйдет, уйдет и Кристель.
Э. Если и Кристель уйдет, мы больше не найдем прислуги.
А. Ты в этом виноват.
Э. Со мной прислуга вежлива.
А. Потому что ты перед ней лебезишь, а ты перед ней лебезишь, потому что ты деспот, а деспоты по натуре рабы.

Э. Я ни перед кем не намерен лебезить, я никогда ни перед кем не лебезил, и я никогда ни перед кем не буду лебезить.

А. К тому же ты шаришь у них под юбками.

Эдгар садится в кресло.

А. Хочешь играть дальше?

Э. Нет.

Алиса садится на кушетку спиной к публике, снова берется за вязанье.

А. Мой кузен, кажется, разбогател.

Э. Первый богатый человек в твоей семье.

А. В твоей семье. В моей семье много богатых людей.

Э. Поэтому от твоей семьи дурно пахнет.

Стучит телеграф.

А. Кто это?

Э. Дети.

Эдгар идет к столику с телеграфом.

А. Ну?

Э. Они в центральном полицейском участке.

А. И что?

Э. Юдифь больна.

А. Опять.

Э. Им нужны деньги.

А. Опять.

Эдгар садится за столик с телеграфом, слышен сигнал отбоя.

Э. Дети слишком мало работают в школе.

А. Ты тоже не работаешь.

Э. Я был первым в классе, а мой сын проваливается на каждом экзамене, и моя дочь тоже.

А. Поговори с ними.

Э. Поговори с ними сама.

А. Ты трус, ты всегда был трусом, и ты всегда останешься трусом.

Э. Я был знаменитым военным писателем!

А. Я была знаменитой актрисой!

Эдгар зевает.

А. Ты зеваешь.
Э. Ну и что?
А. В присутствии своей жены?
Э. А что мне еще делать? Каждый вечер мы говорим одно и то же.

Э. Я не думаю, чтоб твой кузен разбогател.
А. Тем не менее он разбогател.
Э. Почему же он тогда стал инспектором по карантину?
А. Ты не стал даже майором.
—
А. Поедим?
А. Врач заказал для гостей ужин из городского «Гранд-отеля».
Э. Тогда будут рябчики. Мне просто интересно, чем эти варвары запивают рябчиков.
А. Может, тебе все-таки что-нибудь сыграть?
Э. Если ты избавишь меня от твоей бесконечной Сольвейг.
А. Тогда не буду.
Э. Тогда не спрашивай.
А. Единственная музыка, которую ты любишь, — это твое обожаемое «Шествие бояр».

Эдгар встает и идет в центр сцены.

Э. Бояре еще были хозяевами.

Алиса смеется.

Э. В погребе две бутылки шампанского.
А. Я знаю.
Э. Может, достанем их и сделаем вид, что у нас гости?
А. Шампанское мое.
Э. Не будь так экономна.
А. Я вынуждена быть экономной, потому что ты не знаменитый военный писатель.
Э. Может, попытаемся хотя бы сегодня вечером быть любезными друг с другом?
А. По сравнению с другими вечерами сегодня мы еще любезны друг с другом.
—
Э. Тебе станцевать что-нибудь?
А. Ты слишком стар для этого.

Э. Если ты сыграешь «Шествие бояр», я для тебя все-таки станцую.

А. Даже если ты всех считаешь идиотами, не стоит самому вести себя как идиот.

Эдгар садится в кресло.

Э. Рябчики — это деликатес, если не жарить их на сале.

А. В «Гранд-отеле» их никогда не жарят на сале.

Э. Полковник ценит меня.

А. Тогда он единственный настоящий идиот.

Э. Было бы неплохо опять кого-нибудь пригласить.

А. Ты всех распугал.

Э. Раньше мы бывали так рады, когда к нам приходили гости.

А. После этого мы становились еще несчастней. Только гости были рады, когда могли наконец уйти.

Сидя на скамье с реквизитом, стучит Курт.

Э. Это Кристель.

А. Посмотри.

Эдгар уходит со сцены вправо.

Эдгар возвращается на сцену.

Э. Это Кристель.

Эдгар снова садится в кресло.

Э. Она тоже уходит.

—

А. Нам конец.

Э. Лучше повеситься.

Гонг.

Алиса, Эдгар и Курт выходит на сцену с правой стороны.

А. Второй раунд.

Э. Долгожданный гость.

Гонг.

Алиса, Эдгар и Курт протягивают друг другу руки.

А. Добро пожаловать, кузен!
Э. Добро пожаловать, Курт!
К. Приветствую тебя, Алиса!

Курт обнимает Алису.

К. Приветствую тебя, Эдгар!

Курт обнимает Эдгара.

К. Вы все еще живете в этой старой башне.
Э. Все еще.
К. Все еще над тюрьмой.
А. Все еще.
К. Вы одни?
А. Дети в городе.
К. У вас нет прислуги?
Э. Как свободные люди, мы не переносим рабского отродья.
К. Мы давно не виделись.
Э. Пятнадцать лет. Мы постарели. Заржавели в почестях.

Смеются.

А. Курт не изменился.
Э. Ерунда. Он тоже постарел. Однако, надеюсь, тоже в почестях.

Смеются.

А. Ты останешься у нас.
К. Я приглашен к врачу.
Э. Это не твой круг общения.
К. Врач будет моим начальником.

Алиса берет у Курта пальто и шляпу,
вешает их на вешалку.

Э. Старик, я никогда не боялся ни одного начальника.
К. Я хочу избавить себя от лишних неприятностей.
Э. Держись меня, и у тебя не будет неприятностей. На этом острове приказываю я. Врач — слабоумный шарлатан, который трепещет передо мной. На этом острове все трепещут передо мной.
А. Почти все.

Курт садится за круглый стол на стул-2,
Алиса на стул-1.

К. Хорошо. Я остаюсь.

А. Пока не найдешь квартиры.

К. Вижу, я желанный гость.

Э. Разумеется, ты желанный гость. Однажды ты поступил чертовски легкомысленно. Но я об этом забыл, я великодушен.

К. Благодарю тебя.

Э. Не будем больше говорить об этом.

Эдгар садится в кресло.

Сцена с гостями.

А. Ты много поездил?

К. Да, я отдался на волю волн.

Э. А теперь ты выброшен на берег к тем, кого ты сосватал двадцать пять лет назад. Мальчик, мальчик, мы честно строили здание нашего брака, иногда мы кряхтели и стонали, иногда было чертовски трудно, как в каждом настоящем браке, но Алиса, старая вышвырнутая актриса, не может жаловаться, деньги текут рекой, не зря же я всемирно известный военный писатель.

К. Я рад, что твой учебник по баллистике еще не устарел.

Э. Он есть и останется эталоном на все времена, хотя эти негодяи преподают сегодня по совершенно бездарному учебнику.

К. Мне жаль.

Э. Это скандал.

К. Действительно.

Э. Мои прогнозы относительно состояния армии неутешительны.

К. Главное, что ваш брак сохранился.

А. И какой!

К. Я горд тем, что я вас сосватал, как ты выражаешься, мой друг, хотя это и не совсем соответствует действительности.

Э. Не будем больше говорить об этом.

К. Вы были за границей.

А. В Копенгагене.

Э. Пять раз. Ты когда-нибудь был в Копенгагене?

К. В основном я бывал в Америке.

Э. Ах вот как.

К. И в Австралии.

Э. Ужасные, должно быть, края, там, верно, живут одни бродяги.

К. Копенгаген другой.

А. А твои дети?

К. Понятия не имею.

Э. Дорогой Курт, не сердись на меня. Я человек честный и говорю то, что думаю. С твоей стороны было не очень умно бросать своих детей.

К. Я не бросал их.

Э. И непорядочно.

К. Они были отсужены матери.

Э. Не будем больше говорить об этом.

К. Мне не стыдно об этом говорить. Я рад, что пережил катастрофу и остался жив-здоров.

Э. Можно сказать. Можно сказать. Мой Бог, развод — это всегда катастрофа.

К. Развод? Почему? Я говорю о своем браке. Вот это была катастрофа.

Э. Человек не имеет права разрывать то, что соединено Богом. Курт, мы ничтожны, мизерны и ничтожны по сравнению с Бесконечным.

К. Разумеется.

Э. Мы должны нести свой крест.

К. Дорогой Эдгар, ты счастливо женат. Ты не можешь представить себе, что такое несчастный брак.

Э. Мой дорогой Курт, ты безнадежно омещанился в Америке и Австралии.

А. Эдгар.

Э. Омещанился. Тот, кто не способен нести свой крест, омещанивается.

К. Слушай...

Э. Не будем больше говорить об этом.

—

К. Как ваши дети?

А. Они ходят в городскую школу и уже почти большие.

Э. Юдифь — роскошная девушка, совершенно здоровая, а мальчик — светлая голова. У него все данные стать военным министром.

А. Если он выдержит экзамен.

К. Поздравляю.

—

Э. Твои дети довольно бездарны, как слышно

К. Возможно. Тогда они пошли в мать.

Э. Не будем больше говорить об этом.

—

Э. Хочешь чего-нибудь выпить?

К. Потом.

Э. Шампанское?

К. Чай.

Э. Я надеюсь, ты не стал одним из этих лицемерных якобы трезвенников?

К. Я просто стал немного умереннее.

Э. Настоящий мужчина должен уметь заправляться по горлышко.

К. А люди на острове?

Э. Подонки.

К. Вы со всеми в ссоре?

А. Эдгар со всеми в ссоре.

К. Это, должно быть, ужасно — жить среди одних врагов.

А. Во всяком случае, не очень приятно.

Э. Это совершенно не ужасно. У меня всю жизнь были только враги, и они мне не вредили, они мне помогали. Когда я буду отдавать концы, я смогу сказать: я никому ничего не должен.

А. Эдгар никогда не жил как у Христа за пазухой.

Э. Я стал тем, кто я есть, только благодаря собственным силам.

К. О себе я не могу этого сказать. С тех пор, как я самым жалким образом не выдержал испытания на звание супруга, я несколько засомневался в своих силах.

Э. Ты жалкий неудачник.

А. Эдгар!

Э. Жалкий неудачник!

Эдгар ударяет рукой по столу.

Алиса ударяет рукой по столу.

Э. Конечно, в один прекрасный момент механизм отключится, и от нас не останется ничего, кроме тележки с дерьмом для огорода, но пока механизм еще стучит,

нужно изо всех сил колотить руками и ногами. Это моя философия.

К. Алиса, твой муж просто чудо.

Алиса смеется.

А. Я рада, что тебе у нас нравится.

Курт смеется.

Э. Ты смеешься надо мной.

К. Я восхищаюсь тобой.

Э. Ты приехал только для того, чтобы поиздеваться над нашим несчастным браком.

К. Эдгар, ведь ваш брак счастливый.

Э. И счастливый брак — это несчастье. Брак вообще несчастье. Будет ветер.

Эдгар идет к столику с барометром.

Э. Барометр падает.

А. Ты еще побудешь?

К. Побуду.

А. Еда простая.

Э. Поднимается буря.

Стучит о барометр.

А. Он нервничает.

Э. Я голоден.

А. Иду. Пофилософствуйте пока. (*Курту.*) Не противоречь ему, иначе у него испортится настроение, и не спрашивай, почему он не стал майором.

Э. Приготовь что-нибудь путное, старушка.

А. Дай мне денег, и ты получишь что-нибудь путное.

Э. Деньги! Вечно деньги!

Алиса уходит со сцены налево и садится на скамью с реквизитом.

Э. Деньги, деньги. Целыми днями она требует денег. Кончится тем, что я воображу себя кошельком. Но в принципе она неплохая баба, замечательная баба, стоит мне только подумать о твоей бывшей...

К. Забудем об этом.

Э. Она тоже была замечательной бабой, но ты ее не вылепил. Мужик должен лепить бабу. Лепить!

Садится.

Э. Поэтому Алиса классная. Несмотря ни на что.

К. Несмотря ни на что?

Э. Несмотря ни на что, потому что я ее вылепил. Она верная супруга, непревзойденная мать, но у нее дьявольский темперамент. Мой милый, в жизни бывали моменты, когда я проклинал тебя за то, что ты нас сосватал.

К. Эдгар, я вас не сватал.

Э. Не будем больше говорить об этом.

—

Э. Жизнь — странная штука. Я старею вместе со своей женой, таращусь в бесконечность и жду, когда иссякнет жизнь. Но она не иссякнет. Потому что у нас есть дети! Ты тоже таращишься в бесконечность?

К. (*смеется*). Нет.

Э. Потому что ты не смеешь таращиться в бесконечность. Потому что ты бросил своих детей.

К. Я не бросал своих детей!

Э. Не будем больше говорить об этом.

К. Как хочешь.

Э. Теперь ты один. Один. Один. Один.

К. Я привык к этому.

Э. А можно привыкнуть к одиночеству?

К. Посмотри на меня.

Э. Ты производишь мрачное впечатление.

—

Э. Прости. Я говорю, что думаю. Я могу позволить себе говорить то, что думаю. Я хозяин на этом острове. Ты знаешь, что такое хозяин? Бояре были хозяевами.

К. Твои добрые бояре.

Э. Хозяева. Они были хозяевами.

К. Алиса все еще играет «Шествие бояр»?

Э. Все еще играет.

К. Ты все еще танцуешь под эту музыку?

Э. Все еще танцую.

К. Кажется, у вас ничего не изменилось.

Э. Моя жизнь не иссякнет, как твоя.

—

Э. Что ты вообще делал последние пятнадцать лет?

К. Так, разное.

Э. Ты разбогател?
К. Немного.
Э. Я не хочу просить у тебя взаймы.
К. Я к твоим услугам.
Э. Не нужно. Деньги текут ко мне рекой. В день, когда они перестанут течь рекой, Алиса уйдет от меня.
К. Не выдумывай.
Э. Она ждет этого.
—

Стучит телеграф.

К. Что это?
Э. Сигналы времени.
К. У вас нет телефона?
Э. На кухне. Но если мы говорим по телефону, телефонистка тут же растрезвонит все, о чем мы говорим. Поэтому мы и телеграфируем.
К. Должно быть, ужасно жить на этом острове.
Э. Жизнь ужасна.

Эдгар смеется, затем кашляет.

Эдгар закуривает сигару.

К. Тебе не вредны сигары в твоем возрасте?
Э. Я совершенно здоров.

Дымит.

Э. Ты тоже куришь? Ну да, у тебя организм слабоват для этого.
—
Э. Пофилософствуем.
К. Лучше не надо.
Э. Все-таки пофилософствуем.
К. Как хочешь.

Курт садится на стул-1.

Первая сцена философствования.

Э. Ты веришь в Бога?
К. В общем, да.

К. А ты?
Э. В общем, тоже да.

Э. Ты веришь в загробную жизнь?
К. В общем, да.

К. А ты?
Э. В общем, нет.

Э. Ты веришь, что на том свете есть войны и бури?
К. В общем, да.

К. А ты?
Э. Есть только отрицание.

Эдгар вдруг выпучивает глаза.

К. В общем, да... Ты веришь?..

Курт поражен.

К. Эдгар! Что с тобой? Эдгар!

Курт трясет Эдгара.

Э. Я умру скоропостижно, как старый солдат.

Эдгар опять вытаращил глаза.

К. Алиса!

Алиса входит слева.

К. Алиса!
А. В чем дело?
К. Я не знаю, твой муж...
А. Понятно.

Алиса становится на колени
перед Эдгаром, делает знаки,
говорит дружелюбно.

А. Ну, старый пень, ты все пялишься в свою бесконечность? На всю жизнь ты запер меня в эту башню, всю жизнь я вынуждена была считаться с твоими настроениями, всю жизнь я вынуждена была выслушивать твой вздор, всю жизнь ты пытался быть сильнейшим из нас, но из нас двоих сильнейшая я, я.

К. Боже мой, Алиса! Он ведь может тебя слышать!

А. В таком состоянии он не может ни слышать, ни видеть. Сдохни наконец, жалкий боярин, убирайся на свой огород!

Эдгар постепенно приходит в себя.

Э. Ты что-то сказала?
А. Нет.

Эдгар поднимается.

Э. Простите.

Эдгар идет к вешалке, берет фуражку и саблю.

Э. Я должен проверить посты.

Эдгар уходит со сцены направо, садится на скамью с реквизитом. Алиса садится в кресло.

К. Он болен?
А. Возможно.
К. Он потерял рассудок?
А. Возможно.
К. Он пьет?
А. Только хвастается.
К. Но что-то ведь с ним происходит.
А. Приступы помрачения сознания. Уже несколько месяцев. И каждый раз, когда у него приступ, я выдаю ему все.
—
А. Курт, я пригласила тебя к ужину.
К. Потихоньку я начинаю хотеть есть.
А. В кладовке нет даже куска хлеба. Мы нищие.
К. Я иду в магазин.
А. На этом острове в такое время ничего не купишь.
К. Хороший остров вы себе выбрали.
—
А. Курт.
К. Алиса.

Алиса поднимается, берет с пианино фотоальбом, подсаживается к Курту на стул-2.

Сцена с фотоальбомом.

А. Хочешь посмотреть наш фотоальбом?

К. С удовольствием.
А. Я сама наклеивала фотографии.
К. Очень красиво.
А. Я в роли Перитты.
К. А кто это?
А. Подруга Медеи.
К. Очень красиво.
А. Я в роли Евкарии.
К. А это кто?
А. Служанка Сафо.
К. Очень красиво. Твой муж еще молодой лейтенант.

Эдгар, сидя на скамье с реквизитом,
подает команды.

А. Если бы он умер, я бы долго смеялась. Старший лейтенант.
К. Вы ненавидите друг друга?
А. Бесконечно.
К. Давно?
А. Всегда. Я с подругами на свадьбе.

Эдгар подает команды.

К. Очень красиво. Почему же вы тогда поженились?
А. Потому что он меня взял. А теперь я должна чистить медные кастрюли, вытирать стаканы, мыть полы, топить и готовить, потому что от нас все время бегут горничные.

Эдгар подает команды.

А. Пастор Нильсен. Он нас венчал.
К. Очень красиво. Может, вам разъехаться?
А. Мы пытались. Пять лет мы жили в этой башне, не видя друг друга. Потом он все-таки приполз с жалобным визгом. Ему стало очень скучно.

Эдгар подает команды.

А. Полковник.
К. Очень красиво.
А. Наши дети.
К. Очень красиво.
А. Двое умерли.

К. И это тебе пришлось пережить?

А. Все. Двое еще живы.

К. Очень красиво.

А. Близнецы. Он настраивает Юдифь против меня, а я настраиваю Олафа против него. Остров, вид с юга.

К. Очень красиво.

Эдгар подает команды.

К. Почему он обвиняет меня в вашей женитьбе?

А. Чтобы отвадить тебя от дома. Ты и твоя жена с нами на корабле.

К. Я вас никогда не сватал.

А. Ты женился не на мне, а на твоей жене.

К. Я любил мою жену.

А. До этого ты любил меня.

К. Конечно, но ты с развевающимися знаменами перебежала к своему военному писателю, чтобы подняться по общественной лестнице.

А. Оставь.

К. Не будем больше говорить об этом.

Эдгар подает команды.

А. Мой муж в чине капитана. Мой род проклят.

К. Очень красиво.

А. Я и дети на берегу.

К. Очень красиво.

А. Если бы море поднялось и затопило нас.

Закрывает альбом.

А. Курт, ты должен остаться со мной.

К. Я остаюсь с тобой. Один брак я имел возможность наблюдать в непосредственной близости: свой. Ваш еще фатальнее.

Эдгар подает команды.

К. Он закончил свою поверку.

А. Он будет в бешенстве, потому что ничего не получит на ужин.

К. Отвлеки его. Подними ему настроение. Сыграй ему что-нибудь.

А. Песнь Сольвейг.

Алиса садится за пианино, играет и поет.
Курт облокачивается на пианино, в рассеянности
отбивает такт рукой.

Первая сцена домашнего музицирования.

А.

Зима пройдет,
И весна промелькнет,
И весна промелькнет;
Увянут все цветы,
Снегом их заметет,
Снегом их заметет[1].

Входит Эдгар.

А.

И ты ко мне вернешься,
Мне сердце говорит,
Мне сердце говорит;
Тебе верна останусь,
Тобой лишь буду жить,
Тобой лишь буду жить.

Э. Хватит!

Эдгар захлопывает пианино.

Э. Наша прославленная Дузе* опять плачется? Она поведала благородному юному возлюбленному свою исполненную тяготами жизнь у Синей Бороды? Марш, старая вешалка, играй «Шествие бояр», прежде чем мы сядем за стол, твой хозяин пришел. Я покажу тебе, кто здесь главный!

Алиса берет ноты с пианино,
разворачивает их и ставит.

А. «Шествие бояр».
К. Я помогу тебе.

Курт садится рядом с Алисой.

---

[1] Перевод Б. Закса.

Э. Марш, марш, я хочу танцевать.
А. «Шествие бояр».

Алиса и Курт в четыре руки играют «Шествие бояр».
Эдгар начинает танцевать, танцует все энергичнее,
затем внезапно падает на пол, лежит.

Алиса и Курт продолжают играть, ничего не замечая.

А. Повторим?

Алиса и Курт играют «Шествие бояр» сначала.
Курт оборачивается, видит Эдгара в обмороке на полу

Алиса оборачивается.

А. Господи Иисусе.

Гонг.

К. Третий раунд.
А. Обмороки.

Гонг.

Эдгар лежит в обмороке в кресле.

Алиса на стуле-1 раскладывает пасьянс.

Курт сидит на кушетке.

Э. Полковник ценит меня.
К. Он говорит о полковнике.
А. Он всегда говорит о полковнике.

Э. Жареная скумбрия с ломтиком лимона.
К. Он говорит о еде.
А. Он всегда говорит о еде.
Э. Рябчики.
К. Дыши глубже.

Э. Что это было?
К. Ты упал.
Э. Я никогда не падаю.
К. И все-таки ты упал.

Чтобы доказать свое железное здоровье,
Эдгар прохаживается по сцене
по и против часовой стрелки.

Обеспокоенный, Курт, пятясь, идет впереди него.

Э. Я танцевал под «Шествие бояр»?
К. Конечно.
Э. Я танцевал прекрасно?
К. Я сидел рядом с Алисой за пианино и не мог видеть твоего танца.
Э. Я всегда танцую прекрасно.

Эдгар останавливается.

К. Дыши глубже.

Эдгар глубоко дышит.

К. Тебе лучше?

Эдгар идет дальше.

Э. Я великолепно себя чувствую. У меня все в порядке. Я совершенно здоров.

Эдгар останавливается.

К. Дыши глубже.

Эдгар чуть не падает. Курт успевает его подхватить.

К. Алиса, помоги же мне.
А. Я не могу до него дотронуться.

Эдгар опять твердо стоит на ногах.

Э. Что-то случилось?
К. Ты чуть не упал.

Эдгар идет дальше.

Э. Только глаза никуда не годятся.
К. Ты болен.
Э. Я не болен, я никогда не был болен, и я никогда не буду болен.

Эдгар останавливается.

К. Дыши глубже.
Э. У меня кружится голова.
К. Дыши глубже.

Эдгар идет дальше.

Э. У меня кружится голова, потому что барометр падает и показывает бурю.

К. Приляг.

Э. Я не хочу ложиться.

К. Тогда сядь.

Э. Я не хочу садиться.

Идя по окружности сцены, оба достигают исходного пункта. Эдгар падает, Курт подхватывает его.

К. Алиса! Он твой муж, и ему нужна твоя помощь.

А. Чтобы умереть, ему не нужна моя помощь.

Эдгар снова стоит.

Э. Что это было?

К. Ты опять упал.

Э. Я проживу еще двадцать лет.

К. Дыши глубже!

Эдгар садится в кресло.

Э. Я должен сесть. Я умру скоропостижно, как старый солдат.

К. Я позвоню врачу.

Э. Я не хочу врача.

К. И все-таки я позвоню.

Э. Ты не можешь позвонить. Эти подонки отключили телефон.

А. За вечную неуплату счетов.

К. Тогда я схожу к врачу.

Э. Если он придет, я пристрелю этого слабоумного шарлатана.

К. И все-таки я схожу.

Курт уходит со сцены направо.

Алиса продолжает раскладывать пасьянс.

Э. Я болен.

А. Я всегда это говорила.

Э. Стакан воды.

А. Все-таки надо.

Алиса уходит со сцены налево, берет со скамьи с реквизитом стакан воды.

Эдгар пьет.

Э. Очень любезно.
А. Теперь ты займешься собой?
—
Э. Все-таки надо.
А. Так займись собой.
—
Э. Но ты ведь не возьмешься?
А. Можешь не сомневаться.
—
Э. Я ужасно себя чувствую.
А. Я всегда это говорила.
—
Э. Ты всегда ждала этого часа.
А. Ты надеялся, что он никогда не наступит.
—
Э. Бояре были хозяевами.

Глаза у Эдгара снова вылезают из орбит.

А. Сдохни наконец, жалкий боярин, убирайся на свой огород! На всю жизнь ты запер меня в эту башню, всю жизнь я вынуждена была считаться с твоими настроениями, всю жизнь я вынуждена была выслушивать твой вздор, всю жизнь ты пытался быть сильнейшим среди нас, но из нас двоих сильнейшая я, я, и ты не смог изолировать меня от мира, как ты воображаешь, потому что я могу телеграфировать, уже много лет, ты просто не догадался.

Эдгар постепенно приходит в себя.

Э. Ты что-то сказала?
А. Нет.
Э. Курт вернется?
А. Он бы с удовольствием пошел в гости к врачу.
Э. Ну, вот он и у врача.

Э. Он теперь поглощает рябчиков?
А. Курт нас не бросит.
Э. И лосося на закуску?
А. Он не подонок.
Э. Он подонок и трус, потому что он не посмел сказать, что мы ему надоели и что у врача еда лучше.

Входит Курт.

К. Врач знает твой организм.
Э. И что?

Курт садится на кушетку.

К. Ты должен быть осторожен.
А. Я всегда это говорила.
К. Никаких сигар.
Э. Я больше не курю.
А. Посмотрим.
К. Никакого виски.
Э. Я больше не пью.
А. Посмотрим.
Э. А есть?
А. Только молоко.
Э. Врач — слабоумный шарлатан.
А. Ты всегда это говоришь.
К. Он был очень любезен.
Э. Лицемер.
К. Он придет, если ты позовешь.
Э. Пусть празднует себе дальше. Я чувствую себя великолепно. Я очень хочу есть.
К. Может быть, ему все-таки лучше.
А. Сейчас он опять уставится перед собой.
Э. Что у нас сегодня на ужин?
А. Спроси у Женни.
Э. Женни ушла.
А. Спроси у Кристель.
Э. Кристель тоже ушла.
А. Тогда на ужин ничего нет.
Э. Ты хочешь, чтобы я умер с голоду?

Эдгар снова погружается в себя.

А. Он опять выпучил глаза.
К. Понемногу мне становится жалко твоего мужа.
А. Что на самом деле говорит врач?
К. У него плохие прогнозы.
А. Он может умереть?
К. Он может умереть.
А. Слава Богу.

Эдгар приходит в себя.

Э. Я отвратительно себя чувствую.

А. Я всегда это говорила.
Э. Коньяк.
А. У нас нет коньяка.
—
Э. Полонез.
А. Да, они там разошлись.
Э. Я боюсь.
К. Чего?
Э. Отрицания.
К. Дыши глубже.
Э. Я не хочу умирать.
К. Дыши глубже.
Э. Я хочу жить.
К. Дыши глубже.
Э. Я хочу жить!
—
Э. Позовите врача, пожалуйста, врача из города. Пожалуйста.

Алиса идет к телеграфу, телеграфирует.

Э. Ты умеешь телеграфировать?
А. Умею.
—
Э. Давно?
А. Много лет.

Алиса дает сигнал отбоя, возвращается к столу, продолжает раскладывать пасьянс.

Э. Телеграф. Эта гиена умеет телеграфировать.

Эдгар погружается в состояние глубокого обморока.

К. Алиса.
А. Курт.

Продолжает раскладывать пасьянс.

К. Твой муж... я не знаю...
А. Он мертв?

Продолжает раскладывать пасьянс.

К. Мне кажется, у него глубокий обморок.

Гонг.

Э. Четвертый раунд.
К. У постели больного.

Гонг.

На кушетке, укрытый, лежит Эдгар, он спит.

В кресле Алиса, она пудрится и красится.

За круглым столиком Курт умывается из таза.
Ботинки он снял. Они стоят перед стулом-1,
на спинке которого висит его сюртук.
Жилет висит на вешалке.

К. За окном встает солнце.
А. Он только что храпел.
К. Он уже не в обмороке.
—
К. Слава Богу, ему лучше.
А. Черт побери, ему лучше.

Курт идет к вешалке, надевает жилет.

А. Разве он не уродлив?
К. Ты что, не можешь сказать о нем ни одного доброго слова?
А. Все-таки он уродлив.

Курт возвращается к круглому столику,
застегивает манжеты рубашки.

К. Он может быть милым.
А. Когда замышляет очередную гадость.
К. У него была суровая юность.
А. Он мстит мне за нее.
К. На улице на двадцатипятиградусном морозе без пальто.
А. Если бы у меня не было моего старого пальто из Копенгагена, мне бы тоже пришлось мерзнуть.
К. Его отец промотал его состояние.
А. А он — мое.
К. Зато он любит свою дочь.
А. Она подняла на меня руку.

Курт надевает ботинки.

К. Может, мы хотя бы снимем с него сапоги?
А. Без сапог от него ничего не останется.

К. Может, мне еще раз сходить к вра...
А. Ты останешься здесь.
К. Почему вы, собственно, ненавидите друг друга?
А. Понятия не имею.
К. Но должна же быть причина.
А. Мы женаты.
К. Он и правда уродлив.

Алиса навела красоту и в задумчивости наблюдает за Куртом.

А. Курт, я всегда к тебе хорошо относилась.
К. Ты всегда ко мне хорошо относилась.
А. Ты так терпелив.
К. Жизнь научила меня этому.
А. Почему ты приехал на этот остров?
К. Чтобы стать инспектором по карантину.
А. Тебе ведь это не нужно.
К. Чем-нибудь заниматься каждому нужно.
—
А. Зачем ты хочешь стать инспектором по карантину?
К. Чтобы обрести покой.
А. Ты несчастлив?
К. У каждого свои проблемы.
А. Ты меня еще любишь?

Эдгар просыпается.

К. Он просыпается.
А. Я иду на кухню.

Алиса берет таз и идет налево к скамье с реквизитом.

Э. Это был здоровый сон. Я долго спал?
К. Ты долго был в обмороке, а потом спал.
Э. Врач из города приехал?
К. Нет.
Э. Подонок.

Курт берет табуретку-1 и садится рядом с кушеткой.

К. Как ты себя чувствуешь?
Э. Эта гиена умеет телеграфировать.
К. Позвать местного врача?

Э. Он дрыхнет пьяным сном.

—

К. Позвать священника?

Э. Зачем?

К. Облегчить твою совесть.

Э. У меня нет совести.

—

К. Позвать нотариуса?

Э. Зачем?

К. Составить завещание. Чтобы Алиса по крайней мере могла оставить за собой мебель, если с тобой что-нибудь случится.

Э. А что со мной может случиться?

К. То, что может случиться с каждым.

Э. Со мной ничего не случится, а если со мной что-нибудь случится, этой гиене не нужна мебель.

Э. Я думаю.

К. О чем?

Э. Твоя жена была бесценным человеком.

К. Возможно.

Э. К сожалению, ей попался такой мужик, как ты.

Курт смеется.

Э. Ты раньше работал в банке?

К. Ну и что?

Э. А в Америке и Австралии?

К. Сначала был официантом.

Э. Тоже гнусная профессия.

К. Потом я стал старателем.

Э. Вообще не профессия.

К. В жизни иногда нужно уметь рискнуть.

К. Вероятно, тебе везло.

К. Порядком.

Э. Когда ты станешь инспектором по карантину, ты заберешь к себе детей?

К. Они останутся у своей матери.

Э. Нужно исполнять свой долг.

К. Разумеется.

Э. Вероятно, ты не способен на это.

Алиса входит с красными розами,
бросает их Эдгару на кушетку.

А. От унтер-офицеров и музыкантов.
Э. Мои подчиненные думают обо мне.

Алиса садится в кресло и красит ногти.

Э. Потому что я им как отец, который их лепит, перед которым они трепещут и которого они уважают, потому что они чувствуют, что я рыцарь без страха и упрека. Поставь цветы в вазу.

Алиса не движется.

Э. Ладно, потом. Я нисколько не тронут, правда, нет, я солдат, а люди — подонки, но, видит Бог, этот неуклюжий жест — искренний, он не может не быть искренним.

Стучит телеграф.

Э. Юдифь, моя дочь.

Алиса идет к телеграфу. Читает.

А. Сегодня большой бал, не могу приехать, желаю скорейшего выздоровления. Папе не нужно так много пить.

Алиса дает сигнал отбоя.

Э. Жизнь безутешна. Моя любимая дочь вся пошла в мать, а я борюсь со смертью.

**Алиса снова садится в кресло,
продолжает красить ногти.**

А. Ты настраивал ее против меня, и теперь она отвернулась от тебя.
Э. К черту.
А. Есть еще Господь, и он справедлив.
Э. Я не хочу больше жить.
А. Тогда ложись наконец в кровать.
Э. Если я лягу в кровать, я больше не встану.
А. Ты ведь не хочешь больше жить.
Э. Я обязан жить, даже если больше не хочу.
А. Никто этого не требует.
Э. Я солдат.
А. Тогда сними по крайней мере свои ужасные сапоги.
Э. Солдат всегда должен быть во всеоружии.

А. Твои вечные фразы. Мы живем в мирное время.
Э. Наш брак — это единственная резня.

Стучит телеграф.

Э. Полковник. Он ценит меня.

Алиса идет к телеграфу. Читает.

А. Выход на пенсию санкционирован.

Алиса дает сигнал отбоя, снова садится в кресло.

Э. Откуда полковник знает о моей непригодности?
А. Радостные известия распространяются со скоростью ветра.
Э. Я не просил о выходе на пенсию.
А. Я просила.
Э. Я не принимаю ее.
А. Вероятно, полковник все-таки не ценит тебя.
Э. Жизнь неблагодарна.
—
Э. Я голоден.
А. Ну и что?
Э. Сделай два бифштекса.
А. Два?
Э. Для меня и для Курта.
А. Нас трое.
Э. Тогда сделай три.
А. И где мне взять бифштексы?
Э. Купи в казино.
А. Дай мне денег.
Э. У меня нет денег.
А. Тогда у тебя нет и бифштексов.
Э. Возьми в кредит.
А. У нас больше нет кредита.
Э. Жизнь убога.
—
Э. Убога. Мой милый Курт, почти тридцать лет я служил отечеству на ниве баллистики, и вот результат: я умру с голоду. Но ты, вероятно, не в состоянии понять убогость жизни, потому что ты сам убог.
А. Эдгар!
Э. Убогий и жалкий человек.

А. Курт всю ночь, голодный, потому что не было даже кофе, не отходил от тебя, а ты его оскорбляешь!

Э. Мой милый Курт, она в бешенстве, потому что я не умер в прошлую ночь.

А. Потому что ты не умер двадцать пять лет назад.

Алиса и Эдгар вместе.

А. Сдохни наконец, жалкий боярин, убирайся на свой огород!

Э. Я не болен, я никогда не был болен, и я никогда не буду болен!

Э. Здесь чертовски уютно, чертовски уютно.

Эдгар отдает розы Курту.

Э. И этот брак, старик, сладил ты.

Эдгар встает, идет к вешалке, берет саблю и фуражку.

Э. Так. Я иду в казино. Кушать бифштексы. Потом я отправлюсь в город. К полковнику.

Эдгар уходит со сцены вправо.

Гонг.

А. Пятый раунд.
К. Домашнее музицирование.

Гонг.

Алиса играет на пианино Шопена.

Курт стоит, облокотившись слева на пианино.

Эдгар входит на сцену справа.

Курт машет рукой в знак приветствия.

Эдгар машет в ответ.

Эдгар вешает саблю и фуражку на вешалку.

Эдгар закуривает сигару.

Эдгар облокачивается справа на пианино.

Алиса доигрывает.

К. Вальс прощания.
Э. Очень красиво.

А. Ну?
Э. Чем вы занимались?
А. Мы осматривали остров.
Э. Мерзкий остров.
К. Интересная гавань.
А. А ты чем занимался?
Э. Я здорово поел в городе. Рагу из баранины с картошкой.
—
Э. А вы-то еще голодны?
А. Мы поели в доме паромщика.
Э. Там ужасная еда.
К. Приемлемая.
Э. Ну да, в Америке и Австралии тебя вряд ли баловали кулинарными достижениями.
—
А. Что нового в городе?
Э. Указ о моем выходе на пенсию отменен.
А. Ах.
Э. Полковник ценит меня.
—
А. Как твое самочувствие?
Э. Я вернулся с того света.
К. И куришь?
Э. Я был у врача.
А. И что?
Э. Опять совершенно здоров. Я проживу еще двадцать лет.
А. Вот радости-то.
—
Э. Обратный путь на корабле был потрясающ. Море, небо, первые звезды, тишина, мир — божественный мир.
К. Ты вдруг стал так благочестив.
Э. Болезнь очистила меня.
К. Поздравляю.
Э. Мне открылось бессмертие души.
А. Жалко тележку с дерьмом для огорода.

Алиса продолжает играть Шопена.

Эдгар забирает у Алисы ноты
и закрывает пианино.

Э. Моя уважаемая Алиса, я привел нашу жизнь в порядок.

А. Нашу жизнь?

Эдгар идет к столику с телеграфом, откладывает сигару.

Э. Нашу загубленную жизнь.

Эдгар делает танцевальное па.

Эдгар идет к кушетке.

Э. Кажется, ты обеспокоена?
А. Абсолютно нет.

Эдгар смеется.

Э. Начнем с моего завещания. Насколько я тебя знаю, ты составила его у нотариуса.

Эдгар садится на кушетку.

А. Ради Бога.

Алиса достает завещание из ящика круглого столика, дает его Эдгару.

Э. Спасибо.

Эдгар надевает очки.

Э. Новые очки.

Эдгар читает завещание.

Э. В твою пользу.

Эдгар тщательно рвет завещание.

Эдгар притягивает Алису к себе на кушетку.

Э. Моя уважаемая Алиса, ввиду часто высказываемого тобой желания покончить с нашим браком, ввиду бессердечности, с которой ты относишься ко мне и к детям, и ввиду небрежности, с которой ты ведешь домашнее хозяйство, я подал в городе прошение о разводе. Таким образом наша жизнь наконец наладится.

А. Ах.

Э. Н-да.

А. А истинная причина?

Э. Я решил последние двадцать лет моей жизни разделить с женщиной, которая меня любит и принесет в дом немного тепла, уюта, заботы и красоты.

А. Ты хочешь вышвырнуть меня?

Эдгар смеется и встает.

Э. Я женюсь на бывшей жене Курта.

Курт смеется.

А. А что будет со мной?
Э. Я думал, ты знаменитая актриса.
А. Ты промотал мое состояние.
Э. Ну, у тебя есть в загашнике.
А. Зато у тебя нет ничего, кроме долгов.
Э. У меня двадцать пять тысяч крон в банке.

Курт смеется.

А. Вот. Обручальное кольцо.

Алиса бросает Эдгару кольцо.

Э. Спасибо.

Эдгар прячет кольцо.

Э. Можно просить свидетелей принять это обстоятельство к сведению?

Алиса на кушетке вяжет и говорит
со спицей во рту.

А. Могу ли я просить свидетелей принять к сведению то обстоятельство, что мой муж хотел меня убить?
К. Нет.
А. Н-да.
К. Как?
А. Он хотел столкнуть меня в море.
К. Где?
А. На мосту.
К. Когда?
А. Два месяца назад.
К. Вот здорово!

Э. Ты не можешь этого доказать.
А. Тебе так кажется.
Э. У тебя нет свидетелей.
А. Юдифь. Она скажет правду.

Э. Не скажет. Она помогает мне, а я ей.

Эдгар подсаживается к Алисе на кушетку.

К. (*смеется*). Да ты законченный негодяй.

Курт садится за пианино.

Э. Твоей благовоспитанной дочери Юдифи нужно делать аборт, кто отец — одному Богу известно, я плачу за операцию, и она подтвердит мою версию о несчастном случае. Потом она может делать, что ей угодно. Она мне больше не дочь. Кстати, она сожалеет, что ты оказалась отменной пловчихой.

А. Она никогда меня не слушала.

Э. Не будем больше говорить об этом.

К. Ты беспощаден.

Э. Жизнь беспощадна.

Курт берет на пианино первые аккорды песни Сольвейг.

Э. Не будем говорить и о пьянках забалованного тобой сынка, и об исключении его из школы.

А. Я была ему хорошей матерью.

Э. Не будем говорить о двух несчастных продуктах одного несчастного брака.

К. Прекрати ее мучить.

Э. Нужно уметь выносить правду.

Курт играет на пианино первые такты песни Сольвейг. Эдгар трясется от смеха.

Э. Порядочного офицера чуть было не свела с ума бездарная актриса, вот так история.

Алиса вяжет.

А. Я все делала для моих детей.

Эдгар с достоинством встает, садится в кресло, кладет часы на стол.

Э. Через десять минут вы оба должны покинуть дом. Часы на столе.

А. Это ты сделал из детей то, что они есть.

Э. Десять минут. Судьба отсчитывает секунды.

Эдгар прижимает руку к сердцу.

К. Что с тобой?

Э. Ничего.
К. Позвать вра...
Э. Как мне погано...

Эдгар падает в кресло и изображает обморок.

К. Опять глубокий обморок.

Алиса вяжет.

А. Лучше бы Олаф и Юдифь тоже умерли.
К. Я могу тебе помочь?
А. Мне нельзя помочь.
К. Может, он умрет.
А. Он никогда не умрет.
К. Мужайся.

Алиса вяжет.

А. Ты не знаешь всего. Пятнадцать лет назад он связался с твоей женой.
К. Н-да.
А. У тебя наконец открылись глаза?
К. Я всегда это знал.
А. Всегда?
К. Конечно.

А. Он ненавидит тебя.
К. Он ненавидит всех.
А. И ты не хочешь отомстить?
К. Не стоит мстить развалине.
А. А я хочу отомстить.
К. Как?
А. Он сам выдал себя. У него двадцать пять тысяч в банке.
К. Должно быть, он страшно экономил.
А. Он транжирит все в казино.
К. Тогда у него не может быть двадцати пяти тысяч в банке.
А. Я знаю, что делать. Он дружит с интендантом. У них должны быть общие интересы.

Алиса садится на подлокотник кресла,
теребит Эдгара за уши.

А. Я телеграфирую полковнику, что ты и интендант присвоили двадцать пять тысяч крон.

К. Ты уверена?

А. Только так можно объяснить эти деньги. Жалкий боярин!

Алиса идет к телеграфу и телеграфирует.

А. Мой муж разрушил мою жизнь и погубил моих детей. Он должен сидеть в тюрьме под этой комнатой, а я буду танцевать «Шествие бояр».

Танцует.

К. Ты развеселилась.
А. Месть приносит удовольствие.
К. Ты хорошо танцуешь.
А. Я много чего еще умею.
К. Ты уверена?
А. Познай меня.
К. Я очень хочу тебя познать.
А. Тогда ты должен отомстить.
К. Теперь я хочу отомстить.
А. У тебя не хватит мужества.
К. У меня хватит желания.
А. Ты слишком порядочный.
К. Я вовсе не такой порядочный.
А. Ты должен это доказать.
К. Пойдем со мной в постель.

Алиса перестает танцевать.

К. Я хочу тебя.

Алиса снова начинает танцевать.

А. Теперь он может умереть.
К. Тогда мы отомстили вместе.

Алиса и Курт уходят со сцены вправо.

Эдгар, ухмыляясь, смотрит им вслед,
затем вытанцовывает влево.

Гонг.

Эдгар выходит слева с огромным блюдом холодных закусок и бутылкой вина, ставит блюдо на стол, передвигает кресло к столу, так что оно оказывается между стульями 1 и 2. Эдгар садится в кресло, повязывает большую салфетку.

Э. Шестой раунд. Ужин в одиночку.

Гонг.

Эдгар молится, наливает себе вина.
Эдгар начинает медленно есть. Эдгар пьет,
ставит бокал на стол.

Гонг.

Алиса и Курт выходят на сцену с правой стороны.

Э. Седьмой раунд. Часом позже.

Гонг.

Эдгар продолжает есть.

К. Ты ешь?
Э. Вкусно.

Эдгар продолжает есть.

Э. Потрясающе вкусно.

Эдгар продолжает есть.

А. И давно ты уже ешь?
Э. Уже давно и много.

Эдгар продолжает есть.

К. Откуда столько еды на столе?
Э. Из кладовки.
К. Там нет даже куска хлеба.
Э. Старик, ты все-таки еще не знаешь моей жены. В кладовке горы еды.
К. Алиса, но это невозможно.

Алиса ложится на кушетку, берет сигарету.

Э. Пока ты, голодный, всю ночь не отходил от меня, она время от времени захаживала в кухню чего-нибудь поесть, насколько я ее знаю.
А. Это неправда.
Э. Стратегия. Перед тобой она хотела разыграть униженную, а меня хотела уморить голодом. Не будем на нее за это сердиться. Я провел много счастливых часов на

кухне, пока она спала, а она-то воображала, что офицер не переступает порога кухни.

Курт дает Алисе спичку.

Э. Ты куришь?
А. Уже давно.
Э. За полковника.

Эдгар пьет.

А. Ты хорошо отдохнул.
Э. Сам удивляюсь. Присаживайтесь.

Алиса и Курт не двигаются.

Э. Немного курочки, моя милая?
А. Спасибо.
Э. Холодного ростбифа, мой славный?
К. Нет.
Э. Где это вы так долго пропадали?
А. Мы осматривали крепость.
К. Необычайно интересно.

Курт облокачивается на буфет.

Э. Шедевр оборонного искусства. Вам ведь не помешает, если я буду дальше наслаждаться этими деликатесами.

К. Абсолютно нет.

Э. Каждый наслаждается по-своему. За полковника!

Эдгар пьет.

А. Он телеграфировал?

Э. Ты ждешь телеграмму?

А. Я ему телеграфировала, что ты присвоил двадцать пять тысяч крон.

Э. Как ты выведала?

А. Проще простого.

Э. Мило с твоей стороны засадить меня в тюрьму.

А. Твои проблемы.

Э. Наши проблемы.

А. У меня нет двадцати пяти тысяч в банке.

Э. У меня тоже. Их присвоил себе полковник. Не то чтобы присвоил... У того, кто так, как полковник, служил

Отечеству, не могут совпадать все счета. Бесчеловечно было бы требовать этого. Я давно хотел указать ему на дефицит. Своей телеграммой ты ему об этом напомнила. Это сильно на него подействует.

А. Ты солгал мне.

Э. Н-да. Добрый полковник. Следствие по моему делу повлекло бы за собой следствие по его делу, а поскольку такое следствие с политической точки зрения недопустимо, ему ничего не остается, как продемонстрировать мне свою признательность.

Стучит телеграф.

Э. Телеграф уже стучит. Слышишь? Мне присвоили чин майора.

К. Наконец-то добился.

Эдгар сворачивает салфетку.

Э. Слишком поздно. Мой дорогой Курт, моя дорогая Алиса, состояние моего здоровья наводит на серьезные размышления.

А. Я думала, ты опять совершенно здоров и проживешь еще двадцать лет.

Э. Профессор из города другого мнения. Я проживу всего несколько месяцев.

А. Ах.

Э. Я стою на пороге вечности.

А. А наш развод?

Э. Какой развод?

А. Ты подал в городе прошение о разводе.

Э. Ерунда.

А. Ты торжественно заявил об этом.

Э. Правда? Наверно, я пошутил. Подумай о наших детях.

А. Не смей говорить о наших детях.

Э. Почему же не поговорить о наших детях? Я беседовал с Юдифью в городе, она призналась мне в тайной помолвке с внуком пастора Нильсена, ей по плечу роль пышной попадьи, а наш мальчик, слава Богу, выдержал экзамен, не блестяще, но выдержал. Вынеси еду.

А. Нет.

Э. Разве ты не рада за наших прекрасных детей?

А. Ты подл.

Э. Н-да. Я рассказал тебе историйку, а ты была так подла, что мне поверила.

А. Курт, мы уходим.

Э. Вы остаетесь.

Алиса поднимается.

А. Умирай или живи, мне все равно. Курт любит меня. Мне нечего больше делать в твоей тюрьме.

Э. Одно признание, Алиса: я притворился давеча, что упал в обморок.

А. Ты расставил нам ловушку?

Э. Вы попались в ловушку.

Алиса целует Эдгара в лоб.

А. Твоя идея была блестяща. Это было потрясающе — мстить тебе вместе с Куртом в нашей супружеской постели.

Э. Вынеси, пожалуйста, наконец еду.

А. Ну конечно.

Алиса относит еду на левую скамью с реквизитом.

К. История с моей женой, разумеется, тоже выдумана.

Э. Ты не должен понимать буквально все, что я говорю: для умирающего имеет значение только бесконечность.

К. Ты неплохо сочиняешь.

Э. Как уголовник?

К. Как мелкий уголовник.

Э. Тебе лучше знать.

К. Что ты хочешь этим сказать?

Э. Ты все еще мной восхищаешься?

К. Теперь я тебе только поражаюсь.

Э. И ты все еще считаешь меня чудом?

К. Я считаю тебя смешным.

Э. Скоро тебе не будет смешно.

К. Что ты затеваешь?

Э. Любопытно?

К. Я осторожен.

Э. И правильно.

Алиса возвращается.

А. Ну? Теперь мы можем идти?
Э. Пожалуйста. Но прежде чем уйти, может, хочешь по крайней мере узнать, с кем ты уходишь?
К. Хорошо. Сядем.

Алиса и Курт садятся к Эдгару за стол.

Э. Сыграем в карты.
К. Сыграем в карты.

Алиса раздает карты.

Вторая сцена игры в карты.

Эдгар прижимает руку к сердцу.

Э. Черт побери.
К. Ты хочешь разыграть перед нами очередной криз?
Э. Но вы ведь уже не принимаете мою болезнь всерьез.
А. Помри, тогда мы примем ее всерьез.
Э. Я задыхаюсь.
К. Не стоит буквально понимать все, что ты говоришь.
Э. Это пройдет.
К. Спокойно.
Э. Прошло. Пики козырь.

Они играют в карты.

Э. Мой дорогой Курт, я не думаю, что ты в Америке и Австралии был старателем.
К. Ах.
Э. И официантом.
К. Что же ты думаешь?
К. Ты оставался мелким банковским служащим.

Они играют в карты.

К. А мое состояние?
Э. Оно составляет пятьдесят тысяч долларов.
К. Ты информирован.
Э. Я попросил полковника навести справки.
К. Полковник становится все интересней.
Э. Один из наших соотечественников присвоил в одном нью-йоркском банке пятьдесят тысяч долларов.
К. Мне известен этот случай.
Э. Этот соотечественник — ты.

Они играют в карты.

К. Мужика зовут Эриксен.
Э. Это имя ты взял себе в Америке.
К. Ты уверен?
Э. Можешь положиться на мое логическое мышление.
К. Я на него не рассчитывал.
Э. Ты на многое не рассчитывал.
К. Полковник хочет меня арестовать?
Э. Он не знает, что ты тот, кого ищут.
К. Ты хочешь сделать так, чтобы меня арестовали?
Э. Я хочу пятьдесят тысяч долларов.
К. Двадцать два.
А. Шестнадцать.
Э. Шестьдесят восемь.
К. Ты хочешь меня разорить?
Э. Сейчас ты мелкий уголовник.
К. Поделимся.
Э. Нет.
К. Сорок тысяч.
Э. Пятьдесят.
К. Две тысячи мне нужно, чтобы снова смыться в Америку.
Э. Наймись моряком. Физический труд тебе полезен.
К. Ты скоро умрешь.
Э. Это мои проблемы.
К. Ты жестокосерден перед лицом бесконечности. Крести козырь.
Э. Бог простит меня.
К. Информируй полковника.
Э. Я информирую прокуратуру. Если я информирую полковника, он сделает на этом большие деньги.
К. Кажется, мужик — гений.
Э. Гений я.
К. Как ты узнал о том, что я... присвоил?
Э. Никто не станет инспектором по карантину на этом острове, если он богат. Это значит, что кто-то хочет здесь спрятаться.
К. Остроумно.
Э. Еще меня удивило, что ты с твоими скромными способностями разбогател, в то время как я с моими глубокими знаниями баллистики голодаю.
К. Ты несколько преувеличиваешь, после твоего плотного ужина.

Э. В этот раз я играю по-крупному. Семнадцать.
К. Я пас.

У Курта больше нет карт.

Э. Где деньги?
К. В одном стокгольмском банке. На мое настоящее имя.
Э. Ты выпишешь мне чек.
К. Пожалуйста.

Курт выписывает чек.

К. Пятьдесят тысяч долларов.

Курт отдает чек Эдгару.

Э. Спасибо. Алиса, теперь ты знаешь, кому ты бросила себя под ноги.

Эдгар прячет чек в нагрудный
карман своей формы.

Алиса пересчитывает карты.

А. Восемьдесят восемь.
—
К. То, что ты со мной делаешь, порядочное свинство, старик.
Э. Ты разрушил счастливый брак.
К. Послушай...
Э. Счастливый брак. Мы были счастливы, Алиса и я, до того, как появился ты. Мы жили вместе, играли в карты, болтали, она играла песнь Сольвейг, а я танцевал «Шествие бояр».
К. Ты хотел убить ее.
Э. Ну и что? И не один раз. Любой брак порождает мысли об убийстве. Вот так. Мне нужно проверить посты.

Эдгар поднимается, идет к вешалке,
надевает фуражку, берет саблю.

Э. В жизни есть только одно искусство, которое засчитывается: элиминировать. Вычеркивать и идти дальше.

Эдгар шатается.

Э. Потом наступает момент, когда человек уже не может вычеркивать и идти дальше, когда не остается ничего, кроме действительности — а действительность ужасна.

Эдгар берет себя в руки.

Э. Вас я еще могу вычеркнуть.

Эдгар опоясывает саблю.

Э. Вон, разрушители брака! Вы вычеркнуты, вы больше для меня не существуете!

Эдгар идет с саблей на Алису и Курта.

Курт, защищаясь, поднимает стул.

Эдгар шатается, падает на кушетку.

Алиса спокойно сооружает на столе карточный домик.

Курт снова садится.

Эдгар хрипит.

Э. Позовите врача.
А. Прекрати спектакль.
Э. Позовите местного врача.
А. На это мы больше не клюнем.
Э. Быстрее, быстрее.
А. Да, да.
Э. Я умираю.
А. Ах, вот как.
Э. Я умираю.
А. Ай-яй-яй.

Эдгар переваливается на спину.

Э. Да помогите же мне.

Курт ухмыляется.

К. Кончайся, старик.
Э. Помогите. Пожалуйста.
К. Встать, проверить посты.
Э. Боже. Боже!
К. Элиминировать, вычеркнуть, идти дальше.
Э. Я хочу жить! Я хочу жить!

К. Ты правда чертовски смешон.

Эдгар не движется.

Курт подходит к Эдгару, смотрит на него,
достает чек из его кармана, прячет у себя.

К. Алиса, мне кажется, нам все-таки нужно позвать врача.

Алиса все еще занята картами.

А. Да?

Гонг.

Эдгар поворачивает кресло спиной к публике.

Алиса ставит тарелку с супом на стол.

Э. Восьмой раунд.
А. Разговор перед ужином.

Эдгар садится в повернутое кресло.

Алиса сняла мундир Эдгара с вешалки и пришивает
на него майорские знаки отличия.

Гонг.

Эдгар издает звук.

А. Да, да.

Эдгар издает звук.

А. Так, так.

Эдгар издает звук.

А. Ай-яй.

Входит Курт в пальто и шляпе.

К. Приветствую тебя, Алиса, приветствую тебя, Эдгар.
А. Добро пожаловать, кузен.
—
А. Ты из города?
К. Я из города.
—

К. Как Эдгар?
А. Замечательно.
—
К. Эдгар, я рад, что у тебя все замечательно.

Эдгар издает звук.

А. Он не может говорить.
К. Ах, вот как.
А. Он парализован.
К. (*кричит*). Мне очень жаль.
А. Он еще слышит.
К. Очень хорошо.

Курт идет к пианино, берет вязанье,
которое на нем лежит.

К. Ты закончила твое вязанье?
А. Фамильный герб Эдгара.
К. Очень красиво.
А. Я подарю ему это к серебряной свадьбе.
К. Он будет рад.

Курт два раза стучит по пианино,
затем облокачивается на него.

К. Что ты теперь делаешь?
А. Я пришиваю майорские знаки отличия на его мундир.
К. Очень хорошо.

Эдгар издает звук.

К. Что он хочет сказать?
А. Полковник его ценит.
К. Ты понимаешь, что он хочет сказать?
А. Я всегда понимаю, что он хочет сказать.
К. Ах, вот как.

А. Разве он не исполнен необычайного достоинства?
К. Немного бледен.
А. Все-таки он исполнен необычайного достоинства.

Эдгар издает звук.

К. Что он сейчас хочет сказать?
А. Что проживет еще двадцать лет.

К. Он мужественно несет свой крест.
А. Его ум еще абсолютно ясен.

Гонг.

А. Девятый раунд.
К. Алиса философствует.

Алиса облокачивается справа на кресло.

Курт в задумчивости садится на стул-1.

Вторая сцена философствования.

Гонг.

А. Жизнь — загадка.
К. В общем, да.
А. Как-то Эдгар сказал: «Такое ощущение, что жизнь держит нас за дураков».
К. В общем, тоже да.
А. Я всегда его любила.
К. В общем-то, да.

Гонг.

Алиса садится на левый подлокотник кресла (если смотреть из зрительного зала).

Курт облокотился на буфет.

К. Десятый раунд.
А. Уход за больным.

Гонг.

А. Так, мой дорогой. Твой протертый супчик.

Эдгар издает звук.

К. Что он хочет сказать?
А. Рагу из баранины с картошкой.
К. Ах, вот что.
А. Одну ложечку за Юдифеньку.

Алиса кормит Эдгара супом.

К. Алиса, мне нужно идти.
А. Ты возвращаешься в Америку?
К. Я возвращаюсь в Америку.
А. Одну ложечку за Олафчика.

Алиса кормит Эдгара супом.

А. Ты не хочешь стать инспектором по карантину?
К. Будет другой инспектор по карантину.
А. Одну ложечку за Алисочку.

Эдгар издает звук.

К. Что он хочет сказать?
А. Он хочет сказать, что ты забрал чек на пятьдесят тысяч долларов.
К. Разумеется.
А. Одну ложечку за пастора Нильсена.

Алиса кормит Эдгара супом.

А. Дай его сюда.
К. Ты тоже хочешь меня разорить?
А. Одну ложечку за интенданта.

Алиса кормит Эдгара супом.

К. Ты любила меня.
А. И что из этого?
К. Мы спали вместе.
А. Ну и что?
К. Я только так.
А. Одну ложечку за полковника.

Алиса кормит Эдгара супом.

Эдгар издает звук.

К. Что он хочет сказать?
А. Он говорит, что люди — подонки.
К. Ах, вон оно что.
А. Хорошо поели, вкусно поели, много поели.

Алиса ставит тарелку на стол.

А. Курт, давай чек и сделай так, чтобы тебя не было.
К. А если я не дам?

А. Мы информируем прокуратуру.
К. Ты хочешь предать меня?
А. Ты просто мелкий уголовник.

Гонг.

К. Одиннадцатый раунд.
А. Курт сознается.

Гонг.

Алиса и Курт садятся на кушетку.

К. Мне очень жаль, Алиса. Я не мелкий уголовник, я крупный бизнесмен. Я не присваивал жалкие пятьдесят тысяч долларов, как этот Эриксен, я заработал миллионы. Бизнесменов моего полета прокуратура не посмеет тронуть, мужайся, Алиса. Я не хочу утомлять тебя подробностями своих сделок. Твоим чистым ушкам не нужно слышать детали моих трансакций.

Курт гладит Алису по голове.

К. Не надо плакать.
А. Ты важная персона?
К. Меня ценят в моих кругах.
А. В каких кругах?
К. В лучших кругах.

Эдгар издает звук.

А. Тихо!

Эдгар замолкает.

А. Что ты делал в городе?
К. Я говорил с полковником.
А. Он делает большие дела?
К. Я подключил его к одному побочному делу. Карантинная гавань весьма полезна для моего торгового флота.

Эдгар издает звук.

К. Что с ним?
А. Он подает команды.

К. Ах, вот как. Те три дня, которые я провел у тебя и Эдгара, помогли мне. Признаю, меня одолели моральные сомнения, у вас мое душевное здоровье снова пришло в норму. Я имел возможность наблюдать ваш маленький мир. В большом мире, где живу я, ничуть не хуже: только измерения другие.

Гонг.

Алиса становится справа от пианино, Курт слева.

Из-за кресла появляется Эдгар.

Э. Последний раунд. Прощание.

Эдгар снова садится.

Гонг.

А. Курт, возьми меня с собой.
К. Будет лучше, если ты останешься с Эдгаром.
А. Эдгар был настоящим человеком.
К. Ну да, на этом острове он еще мог себе это позволить.
А. Курт, мир непорядочен.
К. По крайней мере, такие, как я, его разрушают.

Эдгар издает звук.

К. А сейчас он о чем?
А. О тележке с дерьмом для огорода.

К. Алиса, моя яхта ждет, мы должны прощаться. Прощаться навсегда. Спой мне еще раз песнь Сольвейг И расстанемся друзьями.

Алиса садится за пианино и поет.

А.

Зима пройдет,
И весна промелькнет,
И весна промелькнет;
Увянут все цветы,
Снегом их заметет,
Снегом их заметет.

К. Адье, Алиса, адье, Эдгар!

Курт уходит со сцены налево.

Эдгар издает звук.

Алиса поет.

А.

И ты ко мне вернешься,
Мне сердце говорит,
Мне сердце говорит;
Тебе верна останусь,
Тобой лишь буду жить,
Тобой лишь буду жить.

Гонг.

Учебная пьеса для актеров

Портрет планеты

Porträt eines Planeten
Übungsstück für Schauspieler

Действующие лица

Адам
Каин
Авель
Енох
Ева
Ада
Цилла
Ноэма

Спектакль играется без перерыва.
Продолжительность — один час тридцать пять минут.

На заднике светится Млечный Путь.
Сцена освещена слабо. Слева входит Адам,
идет на середину заднего плана игровой площадки.

Адам. Я — первый бог.

Слева входит Каин, он явно туговат на ухо.

Каин. Что-что?
Адам. Я — первый бог.
Каин. А-а. (*Идет на середину игровой площадки, становится справа от Адама.*) Я — второй бог.

Слева весьма торжественно входит Авель, идет на середину игровой площадки, становится слева от Адама.

Авель. Я — третий бог.

Слева весьма беззаботно входит Енох, идет на середину игровой площадки, останавливается слева поодаль.

Енох. Я — четвертый бог.

Адам зевает.

Каин. Что-что?
Адам. Ну и скучища эта бесконечность.
Авель. Жуткая скучища.
Каин. Как-как?
Авель (*старательно артикулируя*). Жуткая скучища.
Каин. А-а.
Енох (*глядя на Адама и Авеля*). Сядем?
Авель. Сядем.

Авель садится, Енох ложится на спину, Адам по-прежнему стоит, Каин, в недоумении, тоже.

Каин. Что-что?
Авель (*четко артикулируя*). Сядем.
Каин. А-а. (*Тоже садится.*)
Адам. А вон там солнце сейчас взорвется.
Каин. Кто-кто?

Каинова тугоухость начинает мало-помалу действовать Адаму на нервы.

Адам. Вон там. Солнце. Сейчас взорвется!
Каин. А-а.
Авель. Когда?
Адам. Да прямо сейчас.

Енох переворачивается на живот, смотрит на Млечный Путь.

Енох. Станет сверхновой.
Каин. Чем-чем?
Авель (*четко артикулируя*). Лопнет оно, а его вещество разлетится в пространстве. (*Радуется.*)
Каин. А-а.
Адам. Бумм!
Каин. Как-как?
Адам. Бумм!
Каин. Что-что?
Адам. Бам.
Каин. А-а.
Енох. Вообще это солнце все-таки стабильное.
Авель. Тогда, значит, сверхновой оно не станет.
Енох. А вот и станет.
Авель. Тогда, значит, оно нестабильное.

Енох. Я в солнцах не разбираюсь. (*Переворачивается на спину.*)

Адам. Я тоже.

Каин. Как-как?

Адам приходит в бешенство.

Адам. Я тоже.

Каин приходит в бешенство.

Каин. А-а.

Адам. Интересно, а планеты у него есть?

Каин. Что у него есть?

Адам. Планеты!

Каин. А-а.

Авель. Понятия не имею.

Каин. Как-как?

Адам беззвучно артикулирует.

А-а.

Енох. Планеты, населенные живыми существами.

Каин. Чем-чем?

Авель (*четко артикулируя*). Растениями, животными, людьми.

Каин. А-а.

Енох. Насчет живых существ я тоже не разбираюсь.

Авель. Да какая разница!

Енох. Пошли дальше?

Авель с улыбкой встает. Енох тоже встает.

Каин. Как-как?

Авель (*проходя мимо Каина вправо, на задний план, четко артикулирует*). Дальше пошли.

Каин. А-а. (*Поднимается и следом за Авелем и Енохом исчезает справа, на заднем плане.*)

Адам еще раз бросает взгляд на Млечный Путь.

Адам. А оно уже и так взрывается. (*Исчезает справа на заднем плане.*)

Слабое освещение игровой площадки гаснет. Виден только Млечный Путь. Затем игровую площадку заливает яркий свет, Млечный Путь гаснет. Слева из глубины сцены выходят Женщины, справа — Мужчины, становятся полукругом. На женщинах что-то вроде униформы, в руках синие фуражки, Ада с тростью. Мужчины в шкурах, как первобытные люди.

Все. Мы.
Ева. Ева.
Все. Мы.
Ада. Ада.
Все. Мы.
Цилла. Цилла.
Все. Мы.
Ноэма. Ноэма.
Все. Мы.
Адам. Адам.
Все. Мы.
Каин. Каин.
Все. Мы.
Авель. Авель.
Все. Мы.
Енох. Енох.

Женщины надевают синие фуражки.

Ада. Гулять!

Женщины уходят влево назад. Мужчины, пригнувшись, трусят по кругу, пока не замечают, что женщины исчезли.

Адам. Жарко.
Каин. Сохнет все.
Енох. Реки мелеют.
Авель. Танец дождя!

Слышны звуки тамтамов. Мужчины с топотом и с дикарскими воплями, сбившись в кучку, кружатся по сцене. Справа из глубины сцены выходит Ева с жестяным ведерком в руках, наблюдает за танцем дождя, пока он не заканчивается резким ударом тамтама. Четверо мужчин, заметив Еву, пугаются и возобновляют прогулку: трусят по кругу. Ева презрительно проходит мимо, ставит ведерко слева на переднем плане игровой площадки.

Ева. Еда.

Мужчины останавливаются, ждут, пока Ева не исчезнет слева в глубине, после чего набрасываются на ведерко. С жадностью принимаются уписывать еду.

Енох. Опять печенка?
Авель. Не знаю.
Адам. Печенка.
Каин. Печенка.
Енох. Вечно печенка.

Глазеют друг на друга.

Адам. Раньше, бывало, окорок ели.
Каин. Котлеты отбивные.
Авель. Ножки.
Енох. Сало.
Авель. Раньше.

Ворчат себе под нос.

Каин. Питание все хуже и хуже.
Авель. С тех пор как у нас эти белые женщины.
Енох. Других женщин у нас нет.
Адам. Наших баб эти белые женщины куда-то отправили.
Авель. На огромных блестящих птицах.
Каин. Куда?
Адам. Не знаю.
Енох. Обратно-то наши бабы вернутся?
Адам. Нет, не вернутся.
Авель. Никогда.
Каин. Может, продолжим?
Адам. Продолжим.

Оба запускают руки в ведерко и опять принимаются есть. Енох поворачивается к ним спиной.

Енох. Печенка. В такую жарищу.

Авелю становится дурно.

Авель. Ни к чему больше не притронусь.

В глубине сцены появляется Ева.

Ева. Ведро убрать. Принести скамейку. И ящик с припасами.

Енох с ведерком мчится в глубину сцены и ставит его в середине заднего плана. Адам и Каин мчатся к середине заднего плана, исчезают. Авель мчится в глубину сцены направо и там исчезает. Адам и Каин появляются со скамейкой, ставят ее посредине игровой площадки и усаживаются. Одновременно появляется и Авель, несет ящик с эмблемой Красного Креста, ставит его справа от скамейки, но ближе к публике. Затем садится на этот ящик.

Собирать бананы.

Четверо первобытных дикарей ворчат, Адам и Каин убегают к середине заднего плана. Авель тоже, перепрыгнув через скамейку. Последним намеревается удрать Енох.

Ты останешься здесь.

Енох останавливается.

Енох. Пожалуйста.

Ева (*усаживаясь на скамейку*). Сядь.

Енох (*усаживаясь на ящик с эмблемой Красного Креста*). Пожалуйста.

Ева. Спину прямее.

Енох (*выпрямляясь*). Пожалуйста.

Ева. Нынче будешь спать со мной.

Енох. Пожалуйста.

Ева. Каждый раз, когда тебе предстоит спать со мной, ты говоришь «пожалуйста».

Енох. А что я должен говорить?

Ева. «С удовольствием».

Енох. Пожалуйста.

Ева. Ты спишь со мной без удовольствия?

Енох. Меня не спрашивают.

Ева. Как раз сейчас — спрашивают.

Енох. А если я не хочу спать с тобой?

Ева. Ты должен.

Енох. Вот-вот.

Ева в отчаянии встает, подходит к Еноху, идет мимо.

Ева. Так дело не пойдет.

Енох. Жарко.

Ева. Это не ответ.

Енох. Нету ответа.

Ева (*останавливаясь рядом с Енохом*). Ты спишь со мной без удовольствия.

Енох. У меня все без удовольствия.

Ева. И печенка тебе не по вкусу.

Енох. Мне бы сальца.

Ева. Сала больше нет.

Енох. Ну хоть ветчинки.

Ева. Негров вообще не осталось, ни одного.

Енох. А китайцев?

Ева. Тоже нет.

Енох. В таком случае мне ничего есть не хочется.

Ева. Разве что парочка белых еще найдется.

Енох. Вкус у них отвратный.

Ева (*с надеждой*). А как насчет животных?

Енох. Животных есть нельзя.

Ева (*присев на корточки рядом с Енохом*). Когда-то совсем давно вы ели животных.

Енох. Это был грех.

Ева разочарованно встает.

Ева. Тогда ешь бананы.
Енох. Бананы безвкусные.
Ева (*опять усаживаясь на скамейку*). А мы едим бананы.
Енох. Так то вы!

Справа в глубине сцены появляется Цилла
с жестяной миской в руках.

Цилла. Нынче спишь с ним?
Ева. Угу, нынче с ним.

Цилла усаживается перед Енохом на корточки,
протягивает ему миску.

Цилла. Ешь.
Енох. Я уже поел.
Цилла. Еще разок.
Енох. Пожалуйста.
Цилла. Негритянский филейчик.
Енох. Пожалуйста. (*Начинает есть.*)
Ева. Он все время твердит «пожалуйста».
Цилла. Он отзывается — вот что главное.

Енох ест.

Енох. Странно. (*Продолжает жевать.*) Вкусно.
Цилла. Филейчик не из негра.
Енох. Из индуса?
Цилла. Нет, не угадал.
Енох. Из огненноземельца?
Цилла. Опять не угадал.
Енох. Из лилипута, что ли?
Цилла. Это свинина.

Енох ставит миску на пол, в ужасе глядит на ее содержимое.

Енох (*кричит*). Я совершил кощунство!

Цилла встает и мягко усаживает Еноха на ящик
с эмблемой Красного Креста.

Цилла. Ты лучше садись.
Енох. Пожалуйста.
Цилла. Доедай.

Енох. Пожалуйста. (*Снова принимается за еду, сначала нерешительно, потом все быстрее.*)

Цилла. По-прежнему вкусно?

Енох. По-прежнему.

Цилла (*Еве*). Вот видишь.

Енох. А откуда свинья?

Цилла. Божий дар.

Ева. Бог даровал нашему племени тысячу свиней, тысячу овец и тысячу коров.

Енох. Хвала ему.

Цилла. Аминь.

Енох. Вылизать миску можно?

Цилла. Пожалуйста.

Енох встает и, вылизывая миску, идет мимо Евы направо, к заднику.

Енох. Пошли спать.

Ева. Пожалуйста. (*Нехотя идет за ним.*)

Одновременно слева из глубины сцены выходят Ада с тростью и Ноэма.

Ада. Свинину-то съел?

Цилла. Свинину? Съел.

Ада. Вот видишь.

Ноэма. Наконец-то.

Ада. Мне надо сесть. (*Садится на скамейку.*)

Справа от нее садится Ноэма, слева — Цилла.

Цилла. Завтра все будут есть.

Ада. Каннибализм искоренен.

Цилла. Введено скотоводство.

Ноэма. Научная цель нашей жизни достигнута.

Ада. Можно везти обратно их баб, на самолете.

Цилла. Они тоже перешли на животную пищу?

Ада. Даже бананы едят.

Ноэма. Этот остров мы покинем с благодарностью и гордостью.

Справа из глубины сцены появляется Каин в темных очках и коричневом офицерском мундире.

Каин. Милые дамы, мы вправе поздравить себя с успехом.

Цилла и Ноэма встают, Ада сидит.

Ноэма. Достичь успеха удалось лишь ценой личного самопожертвования, господин уполномоченный.

Каин. Конечно, конечно. (*Садится на скамейку справа от Ады, приглашает Ноэму и Циллу сделать то же.*)

Ноэма садится рядом с Адой, Цилла — на ящик с эмблемой Красного Креста.

Ада. Нам пришлось отдаваться каннибалам, господин уполномоченный.

Каин. И вам тоже?

Ада. Да, мне тоже.

Каин. Колоссально.

Ада. К этим дикарям иначе было не поступиться — только кружным путем, через эротику.

Каин. Фантастика.

Ада. Они еще в матриархате живут.

Каин. Животные.

Слева на переднем плане появляется Авель в таком же мундире, как и у Каина.

Авель. Импортировали тысячу коров, тысячу овец, тысячу свиней.

Каин. Ну и что?

Авель. Чистейшее безумие.

Каин. Каннибализм искоренен.

Авель. На материке голод.

Каин. Наш комитет к голоду отношения не имеет.

Авель. Зато наш имеет.

Каин. От этого голода есть только одно средство — разумное планирование семьи. Вместо того чтобы цепляться к нам, добейтесь употребления противозачаточных пилюль.

Авель. Теперь у нас на материке недостает тысячи коров, тысячи свиней и тысячи овец, а потому от голода умирают десятки тысяч.

Каин. Зато сотни избавлены от съедения.

Авель. Каннибализм — это не глобальная угроза.

Каин. Всякое варварство — глобальная угроза.

Авель. Обойдемся без затасканных фраз.

Ада. Я отдавалась каннибалам не за тем, чтобы выслушивать оскорбления от комитета по борьбе с голодом.

Авель. Мадам, войдите в мое чудовищное положение: вы импортируете скот, а у меня дети мрут.

Ада. Разрешение на вывоз дал генеральный секретарь.

Авель. Тупица и бездарь.

Ада. Я не намерена дискутировать на таком уровне.

Цилла. Мы за нашего генерального секретаря в огонь пойдем.

Ноэма. Он как-никак нобелевский лауреат по литературе.

Авель. Нам практик нужен, а не эстет. Без координации глобальную программу помощи осуществить невозможно. Ваш комитет переводит безобидных каннибалов на животную пищу, а тем временем ни много ни мало целый народ трехтысячелетней культуры с голоду трупами питается. Словом, если уж кто и поощряет каннибализм, так это именно комитет по борьбе с каннибализмом. Мне нужно сесть. Одышка.

Никто из сидящих даже и не думает встать.

Каин. Остров в вашем распоряжении.

Авель. Сердце!.. (*Стоит в полной беспомощности.*)

Ада. Все мы расплачиваемся собственным здоровьем.

Авель. Этот треклятый остров хотя бы плодороден?

Цилла. Рай.

Авель. Тогда пускай дикари жрут бананы вместо нашего скота.

Ада. Они говорят, что бананы безвкусные.

Авель. Безвкусные! С продовольствием полная катастрофа, а у них, видите ли, бананы безвкусные!

Цилла. А в остальном здесь только змеи да крысы.

Авель. На материке их с каких еще пор в пищу употребляют.

Каин. Наивняк! Да ведь без кулинарных выкрутасов каннибализм никоим образом не победить!

Авель. У вас один каннибализм на уме.

Каин. А у вас одни голодные отеки.

Авель. Я требую вынести этот конфликт на обсуждение Организации глобальной помощи.

Каин. Пожалуйста.

Все идут влево на передний план, выстраиваются в направлении ящика с эмблемой Красного Креста, двое мужчин позади трех дам. Справа из глубины сцены выходит Адам в коричневом сюртуке.

Цилла. Генеральный секретарь.

Адам становится на ящик с эмблемой Красного Креста.

Адам. Позвольте мне как генеральному секретарю Организации глобальной помощи приветствовать вас в ее резиденции — в этом прекрасном городе на этом прекрасном озере — и обратиться к вам с призывом: мужайтесь!

Аплодисменты. Жестом Адам утихомиривает овацию. Справа из глубины сцены идет Ева, она в блузке, с сумочкой в руке. Останавливается перед Адамом. Открывает сумочку, пудрится.

Дамы и господа, эта альпийская страна — моя родина. Как часто мальчишкой я поднимался в горы. По обе стороны стеной смыкались неодолимые скалы — казалось, взобраться выше совершенно невозможно, как вдруг неожиданно открывался перевал и под ногами широко распахивалась отчизна. Так и теперь. Пока что безрассудство и своекорыстие кажутся неодолимыми, но рано или поздно они отступят, открывая перед нами просторы свободной земли.

Ева. Они опять жрут.

Адам (*не обращая внимания на Еву*). Все уладится.

Ада. Кого?

Ева. Матросов.

Адам. Все уладится.

Ада. С какой стати?

Ева. Танкер взорвался, большой, водоизмещением триста тысяч тонн, экипаж высадился на остров. Пятьдесят два человека.

Каин. Всех сожрали?

Ева. Всех.

Адам. Уладится все.

Авель. Как полномочный представитель комитета по борьбе с голодом заявляю, что взрыв нефтяного танкера водоизмещением триста тысяч тонн — событие куда более страшное.

Адам. Спокойствие, господа, не волнуйтесь, не тревожьтесь. Всякое подлинное развитие продолжается веками, если не тысячелетиями. Почитайте Бахофена*, почитайте Фрейда. (*Сходит с ящика, подходит к шеренге остальных, пожимает дамам руки.*) Несмотря на этот небольшой возврат к истокам человеческой культуры, я хотел бы поблагодарить дам из комитета по борьбе с каннибализмом за их личное участие. Перед началом банкета филармонический оркестр нашего города по случаю праздника порадует нас бессмертными звуками Пятой

симфонии Бетховена, даруя нам утешение, которое так необходимо при выполнении нашей тяжкой миссии.

Слышны, как бы отчужденно, первые пять тактов Пятой симфонии. Адам похлопывает Авеля по плечу. Авель отдает честь. Все, кроме Евы и Каина, уходят вправо, в глубину сцены. Каин снимает форменную тужурку, кладет ее на скамейку. Ева сидит на ящике с эмблемой Красного Креста, вытаскивает из сумочки и подает Каину электробритву, подкрашивается, поправляет прическу и т. п. Каин хочет что-то сказать. Молчит. Волоча негнущуюся правую ногу, идет налево, на передний план. Опять хочет что-то сказать, опять молчит, начинает бриться. Вновь слышны четыре первых такта Пятой симфонии.

Каин. Он опять провалил экзамен.

Ева. Всего три балла недобрал.

Каин. Второй раз.

Ева. Он запаздывает в развитии.

Каин. Если б запаздывал в развитии, так не спал бы со служанкой.

Ева. Ты тоже спишь со служанкой.

Первые четыре такта Пятой.

Каин. А к военной службе он, видите ли, не годен.

Ева. Ты просто завидуешь.

Каин. Я был хорошим солдатом.

Ева. То-то и остался без ноги, с протезом.

Каин. Что ты меня вечно протезом попрекаешь?

Ева. А ты меня — сыном.

Каин. Я горжусь своим протезом.

Ева. А я горжусь сыном.

Первые четыре такта Пятой.

Каин. Мне что же, целый вечер слушать Пятую?

Ева. Он любит классическую музыку, а ты вместе с ногой всю деликатность потерял. Для тебя эротика все равно что насилие.

Каин. Только не заводи опять про служанку.

Ева. Я не о служанке говорю, а о нас.

Первые четыре такта Пятой.

Каин. Я мужчина, а твой сын — дерьмо.

Ева. Раз ты так о нем думаешь, почему он должен идти в джунгли, на эту войну?

Каин. Война сделает из него мужчину.

Е в а. Вздор.

Первые четыре такта Пятой.

Зачем она вообще нужна, эта война?

К а и н. Правительство уж как-нибудь знает.

Е в а. Сбросили бы на этих дикарей парочку атомных бомб и жили бы себе спокойно.

К а и н. Если мы сбросим атомные бомбы, то и другие тоже сбросят.

Е в а. У дикарей нету атомных бомб.

К а и н. Зато у их друзей есть!

Е в а. Дерьмо вы, а не мужчины!

Каин чистит электробритву.

К а и н. У тебя что, школьный комитет?

Е в а. Уход за ранеными.

К а и н. Угу!

Е в а. А у тебя административный совет?

К а и н. Помощь ветеранам.

Е в а. Угу!

Каин подходит к Еве.

К а и н. Мне пора.

Е в а. Ну что ж, иди. (*Подставляет Каину правую щеку.*)

Первые четыре такта Пятой.

К а и н. Опять начал.

Е в а. По-моему, тебе пора.

Каин подходит к скамейке, берет тужурку, вешает на руку.

К а и н. Как бы хорошо запоздать в развитии. (*Уходит направо в глубину сцены.*)

Одновременно по центру из глубины сцены появляются Ц и л л а и Н о э м а, садятся на скамейку. У обеих на плечах шали; Цилла вяжет, Ноэма рассматривает альбом с фотографиями. Ева ставит сумочку на пол, принимается сосать длинный леденец. Слева из глубины сцены энергичной походкой идет А д а с трехногой охотничьей табуреткой, усаживается слева на переднем плане.

Н о э м а. Мне восемьдесят семь лет.

Е в а. Мне восемьдесят восемь.

Ц и л л а. Мне восемьдесят девять.

Ада. Мне девяносто.

Ноэма. Меня зовут Ноэма. Отец мой работал на заводе. Он был беден. Все мы были бедны. И жили на большом болоте, в сырости. Пятьдесят семь лет назад я вышла за рабочего-железнодорожника. Он потом стал начальником станции. Двадцать лет уж как умер. Я родила одиннадцать детей. Семерых мальчиков и четырех девочек. Девочки все живы, а из мальчиков — четверо. Старший попал под скорый поезд Берн — Люцерн. Ему было четыре годика, и он играл на рельсах. Третий сын умер в сорок лет от рака, а четвертый в тот же год упал с крыши, потому что был кровельщиком. Внуков у меня, наверно, больше двух десятков. А сколько правнуков — не знаю, потому что никто меня не навещает. Иной раз приходила открытка из Америки, от младшего сына. Из Детройта. Он там на автозаводе работает, но последние десять лет тоже не пишет. Вот уж тринадцать лет я обретаюсь в этом приюте для престарелых. Сижу у окна, рассматриваю семейный альбом. Но ни о муже не думаю, ни о детях. Я вообще не думаю ни о чем.

Ева. Меня зовут Ева. Я замужем не была. Зачем это нужно? Мужчин у меня всегда хватало. Часто за одну ночь больше пяти. Этим ремеслом я начала заниматься с пятнадцати лет. Делала, что требовали, а требовали от меня все, что только требуют при моем-то ремесле. Был у меня друг, он достал мне в полиции разрешение, так что я всегда работала легально. Половина моих доходов шла на уплату налогов, еще тридцать процентов забирал себе мой дружок. Ну а двадцать процентов оставались у меня. Но я была бережлива и аккуратна. Ева, думала я, ты ведь состаришься, и я действительно состарилась. К шестидесяти пяти годам я скопила достаточно, чтобы купить себе место в этом приюте для престарелых. Дружок мой, Эгон Мюллер, умер миллионером, десять лет назад в Асконе. На него же не одна я работала. Деловой был парень и, по сравнению с другими мужчинами, которых я знавала, на редкость порядочный. При моей профессии никаких чувств я не испытывала, но горжусь, что выдержала все это без морального и физического ущерба. Здесь, в приюте для престарелых, я целыми днями читаю романы про любовь, а вечером сижу перед телевизором. Больше всего люблю Саймона Темплара, ну и «Бонанзу»* тоже. Встреться мне

такие мужчины, глядишь, и жизнь бы совсем по-другому пошла, но таких мужчин только по телевизору и увидишь.

Цилла. Меня зовут Цилла. Я была медсестрой в небольшой больнице возле большой деревни. Там еще неподалеку форелевое хозяйство. Стольких людей выхаживала. Рождения, смерти — все на моих глазах. Некоторые, когда умирали, боялись, некоторым было все равно, а некоторые знать не знали, что умирают. Поначалу я этим людям сочувствовала, но скоро перестала, даже не радовалась, когда рождался ребенок: ведь он пожива для смерти, и больше ничего. Люди, которых я лечила, дарили мне на прощание шоколад или книгу с посвящением, потом они забывали меня, а я забывала их. В свободное время я помогала жене брата. Она была хворая, и трое ее детей терпеть не могли меня, а я терпеть не могла их. Однажды я съездила в отпуск в Гриндельвальд и однажды — во Флоренцию, но оба раза лил дождь. И Давид Микеланджело меня разочаровал. Мужчины выглядят совсем иначе. Когда-то у меня был роман с молодым ассистентом. Дважды мы переспали, а потом он женился на дочке главврача. И когда опять хотел переспать со мной, у меня не было ни малейшего желания.

Ада держит на коленях соломенную корзинку,
в которой лежит черная шаль.

Ада. Я Ада, графиня фон Цинцен. В свое время я была помолвлена с графом Крессом фон Штук, но он скончался в девяностых годах прошлого века в германской Восточной Африке. Его задрал лев. И слава Богу. Я терпеть его не могла. Я вообще терпеть не могу мужчин и никогда ни с одним не спала. Я только кошек люблю. Может, потому, что лев разделался с моим женихом. И за это я благодарна всему кошачьему роду. Кот, который у меня на коленях, принадлежит приюту. Я зову его Тассило, хотя на самом деле он всего-навсего Черныш. Но Тассило звали и моего отца. Он всегда и всюду ходил с хлыстом. После первой мировой войны он потерял три четверти своего состояния, потому что одолжил государству двадцать миллионов марок золотом на первую мировую войну. Остальное довершила инфляция. В этом приюте для престарелых я живу уже сорок с лишним лет. Каждый день по три часа гуляю в ближнем лесу. Час утром и два часа после обеда, и трость

мне пока не нужна. Книг я не читаю, музыку ненавижу, телевизор терпеть не могу. Мы, фон Цинцены, в этом не нуждаемся. По воскресеньям я хожу в церковь. И во время проповеди сплю. Все фон Цинцены ходили в церковь и все как один спали во время проповеди. Я последняя в нашем роду. Моя единственная мечта — отпраздновать столетний юбилей. Все фон Цинцены прожили по девяносто с лишком лет, но до ста ни один не дотянул. Если доживу до ста, то переплюну всех прочих фон Цинценов, а именно этого мне и хочется.

Слышен рев самолетов. Четыре женщины поднимают голову.

Цилла. Самолеты.

Ева, Цилла и Ноэма уходят направо в глубину сцены. Ада выходит на середину переднего плана, ставит корзинку на пол, повязывает черную шаль на бедра, вынимает из корзинки деревянную плошку для риса, ставит ее перед собой на пол, а корзинку — себе на голову, так что становится похожа на азиатку. Слева на передний план выходит Авель.

Ада. Слышишь?

Авель. Слышу. (*Бросает трехногую табуретку в глубину сцены, к жестяному ведерку.*)

Ада вздрагивает.

Ада. Куда они летят?

Авель. К мосту, на юг. (*Берет скамейку, с грохотом швыряет ее рядом с ведерком.*)

Ада вздрагивает.

Ада. Они его разрушат?

Авель. Так ведь он не настоящий, макет. (*Бросает ящик с эмблемой Красного Креста туда же, к ведерку и скамейке.*)

Ада вздрагивает. Авель подсаживается к ней.

Ада. Надеюсь, в джунглях не начнется пожар.

Авель. Сезон дождей что-то сильно запаздывает.

Слышны звуки азиатской флейты.

Он опять играет.

Ада. Каждый вечер.

Авель. Завтра мы его уже не услышим.
Ада. Быть может, не услышим уже никогда.
Авель. Риса не осталось? Хоть немножко?
Ада. Мальчик еще не ел.
Авель. А ты?
Ада. Я не голодна.
Авель. Я тоже.
Ада. Где-то он будет завтра?..
Авель. В джунглях, на пути в учебный лагерь.
Ада. И долго он будет проходить подготовку?
Авель. Неделю.
Ада. А в бой когда?
Авель. Через неделю.
Ада. Он может погибнуть.
Авель. Большинство погибает.
Ада. Вдруг ему повезет.
Авель. Везет очень немногим.
Ада. Почему же у нас никак не наступит мир?
Авель. Потому что мы должны победить.
Ада. Должны?

Авель бьет Аду по щеке. Оба молчат.

Авель. Прости, что я тебя ударил.
Ада. Мне не было больно.
Авель. Есть мысли, которые даже мыслить недозволено.
Ада. Я знаю.

Флейта умолкает.

Авель. Он уже не играет.
Ада. Он плачет. (*Встает.*)
Авель. Пойдешь к нему?

Ада с рисовой плошкой идет в глубину сцены, к центру задника, и исчезает. Авель принимается жевать резинку, пригнувшись снует по сцене, озирается по сторонам.

O my darling, o my darling, o my darling Clementine[1].

Слышен вой летящей гранаты. Авель отскакивает направо к заднику, ложится на рампу. Из-за ящика с эмблемой Красного Креста появляется Каин в каске. Справа рядом с ним, в правой части игровой площадки, — Енох, Адам, Авель, тоже в касках.

---

[1] О моя дорогая, о моя дорогая, о моя дорогая Клементина (*англ.*) — первые строки американской солдатской песни. — *Прим. переводчика.*

Енох. В бога душу мать!

Каин. Если мы уцелеем, трахну свою бабку, чтоб я пропал!

Авель. O my darling, o my darling, o my darling Clementine.

Адам. «Отче наш, иже еси на небеси».

Каин. Заткнись!

Слышен треск пулеметных очередей.
Все четверо пригибаются.

Енох. От этого дерьмового солнца прямо каски плавятся.

Каин. Ему б еще взорваться для разнообразия!

Треск пулеметных очередей.
Все четверо пригибаются.

Вот это жахнуло — класс!

Адам. Да святится имя Твое.

Енох. Кончай молиться!

Авель. O my darling, o my darling, o my darling Clementine.

Адам. Да приидет царствие Твое.

Енох. Надо ящики с боеприпасами подтащить.

Треск пулеметных очередей.
Все четверо пригибаются.

Каин. Вперед!

Все четверо с ящиками боеприпасов бросаются
через сцену навстречу пулеметному огню.

Енох. Ложись!

Все четверо падают на пол.

Каин. Сукины дети, подонки, говнюки!

Авель. O my darling, o my darling, o my darling Clementine.

Адам вскрикивает.

Адам. Живот! Мой живот!

Каин. Лучше сразу отдать концы, чем медленно подыхать.

Енох. Назад в укрытие!

Каин, Авель, Енох устремляются вправо,
на задний план.

Адам. О-о, живот! (*Остается лежать в центре переднего плана.*) Мой живот!

Слева из глубины сцены выходят Женщины в сушильных колпаках, в руках у них модные журналы. Поднимают брошенные ящики с боеприпасами, аккуратно их расставляют; Ноэма — крайний левый ящик, Каинов, Ева — Адамов. Адам по-прежнему лежит на полу. Посреди игровой площадки Ада садится на Енохов ящик, а справа на переднем плане Цилла — на Авелев. Ноэма плачет.

Ева. Не надо плакать.

Цилла. Когда он погиб?

Ноэма. В прошлую пятницу.

Цилла. А мой — три недели назад.

Ева. Мой — год назад.

Ада. Мой — два года назад.

Ева. Уже?

Ноэма всхлипывает. Три другие листают модные журналы.

Ада. Когда привезут гроб?

Ноэма. Он останется там.

Ада. Счастливая. Значит, тебя отправят туда на самолете.

Ноэма всхлипывает.

Цилла. Я летела туда две недели назад. Замечательное путешествие.

Ноэма всхлипывает.

Ева. Мне пришлось хоронить своего здесь.

Ада. Мне тоже.

Ева. Отечество обошлось с нами по-свински.

Ноэма всхлипывает.

Ада. Тем временем ты успела выйти замуж за маклера, который торгует земельными участками.

Ева. А ты спишь со своим текстильным фабрикантом.

Ада. Я всегда с ним спала.

Ноэма всхлипывает.

Ева. Малышка тоже все забудет.

Ноэма. Никогда! (*Закрывает лицо модным журналом с фотографией манекенщика на обложке.*)

Ада. Ну-ну, не надо.

Ноэма всхлипывает.

Цилла. Вы давно поженились?
Ноэма. Четыре месяца назад. (*Всхлипывает.*)
Ада. Ты беременна?
Ноэма. Да. (*Всхлипывает.*)
Ева. Паршиво!
Цилла. Жизнь продолжается. (*Показывает страницу журнала.*) Как вам этот комбинезончик?
Ада. Шик.
Цилла. Я купила себе такой.
Ада. Стало быть, уже закрутила роман с лесоторговцем.
Цилла. У тебя одна грязь на уме.
Ада. Денег-то у тебя — кот наплакал.

Ноэма всхлипывает.

Ева. Не надо плакать.
Ада. Когда он погиб?

Ноэма в слезах уходит налево в глубину сцены.

Цилла. Она ведь уже говорила.
Ева. В прошлую пятницу.
Цилла. Н-да, а переговоры о перемирии наконец-то сдвинулись с мертвой точки.
Ада. Согласовали порядок размещения.
Ева. Почти.
Ада. Первая держава предлагает собраться за прямоугольным столом.
Ева. А вторая — за круглым.
Цилла. А третья — за треугольным.
Ада. А четвертая ратует за стол в форме подковы.

Все три встают, бросают модные журналы на пол.

Цилла. Я уже предвкушаю, как надену сегодня вечером новый комбинезончик.
Ада. Мне как всегда пора к текстильному фабриканту.
Ева. А я, пожалуй, разведусь с этим маклером.

Три женщины в сушильных колпаках уходят налево в глубь сцены, одновременно справа из глубины сцены выходят Каин и Авель, Адам по-прежнему трупом лежит в центре переднего плана. Авель с виду безмятежен, Каин деловит и мрачен, губы его временами кривятся в невеселой усмешке.

Каин (*предлагая Авелю сигару*). Как насчет гаванской?

Авель. Спасибо. (*Подносит Каину спичку.*) Огоньку?

Каин. Спасибо.

Оба курят.

Еще бы чуть-чуть — и мы бы согласовали нынче порядок размещения.

Авель. До сих пор трясусь от страха.

Каин. Скоропалительность все ставит под вопрос.

Авель. Эту войну в джунглях можно свернуть лишь постепенно.

Каин. Дипломатия требует времени.

Авель. В одночасье мир не установишь.

Каин. Эта война в джунглях политически необходима.

Останавливаются возле трупа Адама.
Авель ставит на него левую ногу.

Авель. Потому-то мы и шлем солдат.

Каин. Потому-то мы и шлем оружие.

Авель. Из-за нашей экономики мы политически скованы по рукам и ногам.

Каин. Из-за нашей политики мы экономически скованы по рукам и ногам.

Авель. Парадоксальная штука — власть.

Каин. Возможен только частичный мир.

Перешагивают через труп Адама.

Авель. Ведя боевые действия в джунглях, мы косвенно ведем войну друг против друга, потому что мы уже не в состоянии позволить себе непосредственную войну.

Авель. Всеобщую войну себе уже никто позволить не может.

Авель. Война в джунглях — это форма нашего мирного взаимопонимания.

Каин. Мировая история вообще трагична.

Авель. Мировая держава может позволить себе военное поражение, только если оно выглядит как политическая победа.

Каин. Тот, кто действует, идет на риск.

Авель. Наш президент будет выводить войска постепенно.

Каин. А нам пора во дворец.

Авель. Продолжим переговоры.

Каин и Авель исчезают справа в глубине сцены. Слышны два выстрела. Адам поднимается, оставив на полу каску и патронные ленты, а сам ощупью, вытянув перед собой руки, пробирается к центру заднего плана. Слева появляется Ноэма и ощупью, вытянув вперед руки, пробирается на середину сцены. Ноэма спотыкается об один из ящиков с боеприпасами. Адам настораживается. Ощупью пробирается еще дальше в глубь сцены, задевает ногой за скамейку. Ноэма настораживается, ощупью продвигается еще ближе к центру сцены, спотыкается о второй ящик с боеприпасами.

Адам. Ноэма.
Ноэма. Адам.

Адам ощупью пробирается на середину ярко освещенной сцены. Оба они играют эпизод в темноте.

Адам. Я тебя не вижу.
Ноэма. Я здесь.

Адам проходит мимо.

Адам. Я по-прежнему тебя не вижу.
Ноэма. Здесь я.

Их вытянутые руки наконец встречаются.
Адам привлекает Ноэму к себе.

Адам. Темень какая, мы совсем близко и все равно не видим друг друга.

Ноэма. Ты слышал? Только что стреляли. Дважды.

Адам. Где-то возле «Плазы».

Усаживаются между Каиновым, Еноховым и Авелевым ящиками боеприпасов.

Ноэма. Я больше не могла без тебя.

Адам. Я скучал по тебе.

Ноэма. Поцелуй меня.

Адам целует ее. Ноэма вздрагивает.

Там кто-то есть?

Адам (*прислушиваясь*). Никого.

Ноэма. На газоне.

Адам. Никого.

Ноэма. Если кто-нибудь нас увидит, мы пропали.

Адам. Никто нас не увидит в таких потемках... Ты любишь меня? Несмотря на все это?

Ноэма. Как раз поэтому.
Адам. Черный, наверно, кажется тебе уродом.
Ноэма. Я люблю твою черную кожу.
Адам. А я люблю твою, белую.

Целуются.

Ноэма. Я, наверно, кажусь тебе уродиной.
Адам. Нет ничего прекраснее белой девушки. а ты — самая прекрасная из всех белых девушек.
Ноэма. Я люблю тебя.

Адам настороженно вскидывает голову.

Адам. Там кто-то есть?
Ноэма (*прислушиваясь*). Никого.
Адам. На газоне.
Ноэма. Никого.
Адам. Если кто-нибудь нас увидит, мы пропали.
Ноэма. Никто нас не увидит в таких потемках. (*С подозрением.*) Ты кому-нибудь говорил, что мы... Что ты спал со мной?
Адам. Только брату.
Ноэма. А он никому не...
Адам. Он меня не предаст. (*С подозрением.*) А ты... ты кому-нибудь говорила?
Ноэма. Только сестре.
Адам. А она тоже никому не...
Ноэма. Нет.
Адам. Поцелуй меня.
Ноэма. Возьми меня.

Намереваются заняться любовью. Из глубины сцены справа появляются Авель и Ева, ощупью пробираются вперед, у Авеля в руке револьвер. Авель спотыкается о ведерко. Адам и Ноэма вздрагивают, жмутся друг к другу. Авель и Ева встречаются в середине сцены, неподалеку от них.

Авель. Ты уверена, что твоя сестра со своим черномазым именно здесь?
Ева. Уверена.
Авель. Ну и потемки, ничего не видно.
Ева. А ты пальни по кустам, и порядок.
Авель. Обалдела? Возле «Плазы» только что шлепнули двух гангстеров.
Ева. Но убийц-то полиция ищет не здесь.

Авель. Как выстрелю — так сразу и начнут искать здесь.

Справа, от переднего плана, ощупью пробираются по игровой площадке Каин и Цилла. Авель с Евой ощупью пробираются мимо них направо, на передний план. Обе эти пары не сталкиваются.

Цилла. Ты уверен, что твой брат и эта белая именно здесь?
Каин. Уверен.

Каин и Цилла ощупью проходят совсем рядом с Адамом и Ноэмой.

Ну и потемки, ничего не видно.
Цилла. Нож при тебе?

Каин открывает складной нож.

Бей куда придется, и порядок.

Каин бьет ножом в пустоту подле Адамовой головы.

Каин. Ничего не вижу.
Цилла. Фонарика у тебя нет?
Каин. Есть.
Цилла. Так зажги.
Каин. Обалдела? Возле «Плазы» только что шлепнули двух гангстеров. (*Бьет ножом в пустоту возле Ноэминой головы.*)
Цилла. Но убийц-то полиция ищет не здесь.
Каин. Как включу фонарик — так сразу и начнут искать здесь. (*Опять бьет ножом в пустоту возле Адамовой головы.*) Не найдем мы их.
Цилла. Слишком уж темно.
Каин. Что будем делать?
Цилла. Пошли к южным воротам. Белая наверняка через них пойдет из парка.

Каин и Цилла крадутся мимо Адама и Ноэмы влево на передний план. Справа, с переднего плана, на игровую площадку опять пробираются Авель и Ева.

Авель. Не найдем мы их.
Ева. Слишком уж темно.
Авель. Что будем делать?
Ева. Пошли к северным воротам. Черномазый наверняка через них пойдет.

Авель и Ева исчезают справа в глубине сцены, Адам и Ноэма разжимают объятия.

Ноэма. Моя сестра и ее приятель ушли.
Адам. И мой брат с подружкой тоже.
Ноэма. В этом городе нам вместе не жить.
Адам. Да.
Ноэма. В этой стране нам нигде вместе не жить.
Адам. Да.
Ноэма. Мы должны расстаться.
Адам. Да.
Ноэма. Навсегда.
Адам. Да.
Ноэма. А ведь я так тебя люблю.
Адам. Пропади пропадом этот мир.
Ноэма. Мне хочется, чтобы ты еще раз взял меня.
Адам. Мне тоже.
Ноэма. Но я слишком боюсь.
Адам. Я тоже.

Поднимаются на ноги.

Ноэма. Последний раз мы вместе и даже увидеть друг друга не можем.
Адам. Кромешная тьма.
Ноэма. Я пойду через западные ворота.
Адам. А я через восточные.

Ноэма уходит направо в глубь сцены. Адам — направо к переднему плану. Оба еще раз останавливаются, глядят по сторонам. Уходят. В центре из глубины сцены выходят Авель и Енох, скованные друг с другом наручниками, левое запястье Авеля с правым Еноха. Садятся спина к спине на скамейку.

Енох. Полный идиотизм.
Авель. Нам поручили шлепнуть чрезвычайного посла наших друзей.
Енох. Знаю.
Авель. Чтобы наши друзья подумали, будто их чрезвычайного посла шлепнули наши враги.
Енох. Знаю.
Авель. Чтобы наши друзья присылали не только оружие, но и солдат.
Енох. Знаю.
Авель. Чтобы мы не истекли кровью в этих джунглях.
Енох. Знаю.
Авель. Для этого было совершенно необходимо незаметно улизнуть сразу после акции.

Енох. Совершенно необходимо.

Авель (*смеется*). А мы, стало быть, шлепнули не только чрезвычайного посла наших друзей, но и чрезвычайного посла наших врагов.

Енох. Обоих.

Авель (*смеется*). Напортачили по-страшному.

Енох. Ты ж мне вдолбил, будто чрезвычайный посол наших друзей, которого надо шлепнуть, тот, что справа.

Авель (*смеется*). Если смотреть от них.

Енох (*тоже смеется*). А я думал, от нас.

Оба хохочут.

Авель. Полный идиотизм.

Енох. Вдобавок нас еще и сцапали.

Хохот.

Авель. Глупей не бывает.

Енох. Просто нервы у нас не выдержали, когда мы увидали, что шлепнули обоих.

Смех умолкает.

Авель. Повешусь.

Енох. На чем?

Авель. Не знаю.

Енох. И заказчиков наших они тоже вычислили.

Авель. Ну и что теперь?

Енох. Не знаю.

Авель. Из политических соображений нас в этой стране даже не казнят.

Енох. Полный идиотизм.

Авель. Мы даже не герои.

Енох. Засадят в психушку.

Авель. Пожизненно.

Енох. Все как было, так и останется.

Авель (*опять начинает смеяться*). По-прежнему будут слать оружие вместо солдат.

Енох (*тоже начинает смеяться*). Сколько месяцев нас готовили, а мы прямой дорогой в дурдом.

Оба хохочут.

Авель. Полный идиотизм.

Енох. Глупей не бывает.

Авель. И мы этот дурдом вправду заслужили.

Остаются на скамейке. Входят Адам, Каин, Ева, Ада, Цилла, Ноэма. Начинается самый трудный эпизод: наркотики. Слышна негромкая ритмичная музыка. Сцена никоим образом не должна быть реалистическим изображением оргии наркоманов, она должна воплощать как бы идею воздействия наркотиков. Каждый играет сам по себе, даже когда образует с одним или несколькими партнерами самую невероятную группу или группы. Технически необходимо, чтобы во время этого эпизода Ева отправила все ящики с боеприпасами, кроме Авелева — он стоит на переднем плане справа, — в глубь сцены, к скамейке. Все предметы, которые валяются на сцене, можно использовать в ходе этого эпизода. Например, вязанье Циллы-старухи или Авелев ящик боеприпасов (*вместо барабана*). Режиссерски следует отработать два момента: повышение цен и нарастающее веселье, каким актеры сопровождают всякую вариацию своей бессмысленной фразы. «Двигаться» значит внутривенно колоть героин, «баш» — доза наркотика. «Смотреть мультики» — принимать на сахаре ЛСД. «Снег» — это кокаин, его нюхают. Сами эти действия лишь как бы обозначаются намеком.

Адам. Мультик хочешь засмотреть?
Ева. Баш найдется?
Адам. Гони двадцать пять...
Каин. Пошли двинемся?
Ада. Мне бы снежку.
Каин. Три сотенных...

Ева. Одноугольное лицо двуугольной земли грызет треугольную дырку круглого ребенка.

Авель. Мультик хочешь засмотреть?

Цилла. Баш найдется?

Авель. Гони тридцатник.

Ева. Двуугольное лицо треугольной земли грызет круглую дырку одноугольного ребенка.

Енох. Снежку?

Ноэма. Мне бы двинуться.

Енох. Четыре сотенных.

Цилла. Треугольное лицо круглой земли грызет одноугольную дырку двуугольного ребенка.

Адам. Мультик хочешь засмотреть?

Ада. Баш найдется?

Адам. Гони тридцать пять.

Ева, Цилла. Одноугольная дырка двуугольного лица грызет треугольную землю круглого ребенка.

Каин. Пошли двинемся?

Цилла. Мне бы снежку.

Каин. Пять сотенных.

Ада. Двуугольная дырка треугольного лица грызет круглую землю одноугольного ребенка.

Авель. Мультик хочешь засмотреть?

Ноэма. Баш найдется?

Авель. Сороковник.

Ева, Цилла, Ада. Треугольная дырка круглого лица грызет одноугольную землю двуугольного ребенка.

Енох. Снежку?

Ева. Мне бы двинуться.

Енох. Шесть сотенных.

Ноэма. Одноугольный ребенок двуугольного лица грызет треугольную дырку круглой земли.

Адам. Пошли двинемся?

Цилла. Мне бы снежку.

Ада. Семь сотенных.

Ева, Цилла, Ада, Ноэма. Треугольный ребенок треугольного лица грызет круглую дырку одноугольной земли.

Ноэма. Мультик засмотреть хочешь?

Каин. Баш найдется?

Ноэма. Гони сорок пять.

Ева. Треугольный ребенок.

Цилла. Круглого лица.

Ада. Грызет одноугольную дырку.

Ноэма. Двуугольной земли.

Ева. Снежку?

Авель. Мне бы двинуться.

Ева. Восемь сотенных.

Каин. Одноугольное лицо двуугольной дырки грызет треугольного ребенка круглой земли.

Ада. Мультик засмотреть хочешь?

Енох. Баш найдется?

Ада. Гони пятьдесят.

Авель. Двуугольное лицо треугольной дырки грызет круглого ребенка одноугольной земли.

Ноэма. Пошли двинемся?

Адам. Мне бы снежку.

Ноэма. Девять сотенных.

Каин, Авель, Ева, Цилла, Ада, Ноэма. Треугольное лицо круглой дырки грызет одноугольного ребенка двуугольной земли.

Ева. Мультик засмотреть хочешь?

Адам. Баш найдется?

Е в а. Гони пятьдесят пять.

Е н о х. Круглое лицо одноугольной земли грызет двуугольную дырку треугольного ребенка.

А д а. Снежку?

А в е л ь. Мне бы двинуться.

А д а. Десять сотенных.

К а и н. Круглая.

А в е л ь. Дырка одноугольного.

Е н о х. Лица.

Е в а. Грызет двуугольную.

Ц и л л а. Землю.

Н о э м а. Треугольного.

А д а. Ребенка.

Ц и л л а. Мультик засмотреть хочешь?

Е н о х. Баш найдется?

Ц и л л а. Гони шестьдесят.

Ева, Цилла, Ада, Ноэма и Енох расползаются в разные стороны с игровой площадки; Авель и Адам остаются лежать на полу; все вместе одновременно выкрикивают каждый свою бессмысленную фразу.

Е в а (*в хоре*). Двуугольное лицо треугольной земли грызет круглую дырку одноугольного ребенка.

Ц и л л а (*в хоре*). Треугольное лицо круглой земли грызет одноугольную дырку двуугольного ребенка.

А д а (*в хоре*). Двуугольная дырка треугольного лица грызет круглую землю одноугольного ребенка.

Н о э м а (*в хоре*). Одноугольный ребенок двуугольного лица грызет треугольную дырку круглой земли.

К а и н (*в хоре*). Одноугольное лицо двуугольной дырки грызет треугольного ребенка круглой земли.

А в е л ь (*в хоре*). Двуугольное лицо треугольной дырки грызет круглого ребенка одноугольной земли.

Е н о х (*в хоре*). Круглое лицо одноугольной земли грызет двуугольную дырку треугольного ребенка.

Когда все, кроме Каина и Авеля, исчезают, Адам встает.

А д а м. Круглый ребенок одноугольного лица грызет двуугольную дырку треугольной земли. (*Смеясь, падает. Лежит возле Авелева ящика с боеприпасами, ногами к публике.*)

Слева рядом с ящиком боеприпасов лежит головой к публике Авель. Справа, параллельно публике, — Каин. Все трое смеются, потом умолкают. Тишина. Адам поднимает голову.

Петух кричит (*Встает, берет Авелев ящик боеприпасов, ставит его справа в глубине сцены, в метре от кучи хлама, образовавшейся в центре заднего плана: это жестяное ведерко, ящик с эмблемой Красного Креста, скамейка и еще три ящика боеприпасов. Затем становится на Авелев ящик и всматривается в задник.*) Светает.

Каин. Скоро нас поставят к стенке.

Адам. Расстреляют. (*Слезает с ящика, смотрит вперед, на двух остальных.*)

Каин. Они меня пытали.

Авель. Меня тоже.

Адам. А меня нет.

Каин. Горящими сигаретами.

Авель. Бритвой.

Адам медленно идет к ним.

Каин. После пыток я во всем признался.

Авель. Знаю.

Адам. Я признался во всем, чтобы меня не пытали.

Авель. Знаю.

Адам (*глядя вниз на Авеля*). А ты?

Авель. Я ни в чем не признался.

Каин. Надо было отойти за холмы.

Авель. Но мы не отошли.

Адам опять отступает назад.

Адам. Через холмы не пройдешь.

Авель. Нас предали.

Каин. Да, наши друзья.

Адам. Они всех предают. (*Садится на Авелев ящик боеприпасов.*)

Каин. Остальные продолжают драться.

Авель. Конечно.

Адам. Моя борьба бессмысленна.

Авель. Возможно.

Каин. Если б мы победили, то установили бы свободу.

Адам. Справедливость.

Авель. И стали бы как наши друзья.

Каин. Ты нам не доверяешь?

Авель. Я никому не доверяю.

Адам. И себе тоже?

Авель. И себе тоже.

Тишина.

Адам. Один ученый говорил мне, что будь Земля меньше, у нее не было бы атмосферы, а находись она ближе к Солнцу, наверняка бы сгорела.

Авель. Вероятно.

Адам. Земля — это случайность.

Авель. Очевидно.

Каин. Человек способен мыслить.

Авель. Иногда.

Каин. Его идеи расстрелять невозможно.

Авель. Пожалуй.

Каин. Лучший мир впереди, в будущем.

Авель. Предположительно.

Адам. Ты пессимист.

Авель. Нас всех поставят к стенке.

Тишина.

Каин. Вот и настал этот день.

Справа из глубины сцены выходит Енох в каске и с пулеметом.

Енох. Встать.

Авель и Каин встают, спиной к публике. Адам тоже встает, медленно делает несколько шагов вперед, становится между ними, лицом к публике.

Руки за голову!

Адам, Каин и Авель повинуются.

Шагом марш!

Адам делает поворот кругом, шагает первым мимо Еноха вправо в глубину сцены, за ним — Каин и, наконец, Авель. Когда все трое уходят, Енох тоже поворачивается кругом — слышна пулеметная очередь. Енох исчезает. Одновременно из-за кучи хлама в центре заднего плана появляются Ева, Ада и Ноэма. Остаются за кучей; на каждой кружевной воротничок, в руках ноты.

Ада. Франц Шуберт, «Песня странника к луне», сочинение восьмидесятое, номер первый.

Ева, Ада, Ноэма (*поют*).

Твой путь — небесный, мой — земной,
Мы движемся тропой одной,
Я мрачен, ты — ласкаешь глаз.
Откуда эта рознь меж нас?

Я от страны бреду к стране,
Так одиноко в мире мне,
Из леса в лес, с холма к холму —
Нигде я не в своем дому.

Твой путь то низок, то высок —
Где запад юн, где стар восток,
Из тьмы на свет, из света в тьму —
И всюду ты в родном дому.

Все небеса над головой
Являют дом родимый твой:
О счастье — близко ли, вдали —
Стоять среди родной земли![1]

Допев песню, бросают ноты в ведерко. Слева с авансцены входит Адам, ставит наискось перед публикой три больших пластмассовых кубика. Одновременно справа с авансцены входит Авель и тоже ставит наискось перед публикой три больших пластмассовых кубика. На кубики справа садятся лицом к публике Ада, Ева и Авель. На кубики слева, тоже лицом к публике, — Ноэма, Адам и Енох. Авель ставит рядом с собою на пол красный телефон. Все в наушниках, пристально глядят вниз, как бы на мониторы. Из динамика наверху слышно тяжелое дыхание.

Адам. Сделать ничего нельзя.
Авель. Кранты. Крышка им.
Енох. Хватит об этом.
Ноэма. Бедняги.

Слева и справа от кучи хлама появляются на заднем плане Каин и Цилла в лунных скафандрах. Лиц под шлемами не видно, на плечах у обоих кислородные баллоны. Голоса доносятся через динамик наверху. Двигаются оба замедленно, как бы в «лупе времени».

Каин. Нам уже не взлететь.
Цилла. Что же делать?
Каин. Ничего.
Цилла. Спасти нас невозможно.
Каин. Мы оба это знаем.
Цилла. Как долго мы еще проживем?
Каин. Понятия не имею.
Цилла. Мы потеряли много кислорода?
Каин. Не знаю.

---

[1] Перевод Е. Витковского.

Енох. Кислорода почти не осталось.

Каин. Связь с Землей есть?

Цилла. Нет, прервана. Они нас еще видят?

Каин. Вряд ли.

Цилла. А слышат?

Каин. Нет.

Ноэма. Вот бы они удивились.

Адам. Им осталось всего ничего.

Цилла. Мы первые влюбленные на Луне. Через три недели сыграли бы свадьбу.

Каин. На Земле.

Цилла. Техас отчетливо видно, как раз там и была назначена наша свадьба.

Ада. Замечательная девушка.

Ева. На счастье, я подхватила краснуху.

Ада. Поздравляю.

Ева. А то бы сидела там наверху.

Цилла. Мы так ни разу и не любили друг друга.

Каин. Когда мы познакомились, в школе космонавтов это было запрещено.

Цилла. Из-за эмбриональных клеток.

Каин. Тебе не разрешалось беременеть.

Цилла. Из-за космических лучей.

Каин. И противозачаточные пилюли тоже были под запретом.

Цилла. Из-за космических лучей.

Каин. Треклятые космические лучи.

Ноэма. Дай сюда джин!

Авель бросает бутылку джина Еноху, а Енох — Ноэме.

Цилла. Зато я первая женщина на Луне.

Каин. В Mare Serenitatis.

Цилла. Давай будем любить друг друга.

Каин. Мы в скафандрах.

Цилла. Температура на поверхности сто восемьдесят градусов по Цельсию.

Ева. У нас потихоньку наступает такое же пекло.

Цилла. А что, собственно, означает — Mare Serenitatis?

Каин. Море Спокойствия.

Цилла. В Европе тоже спокойная, хорошая погода.

Каин. На всей Земле спокойная, хорошая погода.

Енох. Чтобы это установить, незачем лететь на Луну.

Цилла.

Уходишь ты? Еще не рассвело,
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната[1].

Ева. Что это она цитирует?
Авель. Шекспира.
Енох. «Ромео и Джульетту».
Ада. Она всегда была снобкой.
Каин. Черт! Сюда бы хоть одно деревце граната!
Ноэма. Он ругается.
Адам. Он всегда был храбрым парнем.
Цилла.

Поверь, мой милый, это соловей.

Ева. Опять Шекспир.
Авель. Уместней было бы послать привет отчизне.
Ада. Мы бы его сразу переключили на журналистов.
Каин. Вот свинство!
Авель. Он только что сказал «свинство».
Ноэма. Как сердце?
Адам. Сдает.
Цилла. Я весь монолог наизусть знаю.
Ада. Только этого нам и не хватало.
Цилла.

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила...

Каин. Я уже почти не могу дышать.
Цилла. Читать дальше?
Каин. Нет.
Цилла. Давай вернемся к этой куче лома, которая была нашим лунным модулем.
Каин. Пойдем умирать.

Цилла и Каин исчезают в глубине сцены, по центру.

Адам. Ей остались считанные секунды. Она слишком много цитировала.

Из динамика доносится голос Циллы:
«Огнем факелоносца...» Тишина.

---

[1] Перевод Б. Пастернака.

Ноэма. Сердце?
Адам. Остановилось.
Ева. Конец Шекспиру.
Ноэма. Аминь. (*Пьет джин.*)
Ада. Твое здоровье.
Ева. Я бы перед смертью спела государственный гимн.

Ноэма громко напевает мелодию
американского гимна.

Адам. Заткнись!

Из динамика доносятся
какие-то невнятные слова.

Он пытается произнести последнее слово.
Авель. Не разберешь.
Енох. Звучало непристойно.
Адам. Нет, скорее как «слава отечеству!».
Ева. Переключайте на журналистов!
Ада. Готово.

Из динамика доносится стон.

Ноэма. Господи, только бы он не ругался!

Из динамика слышен голос Каина: «От...»

Авель. Если он сейчас брякнет «Отчебучили хренови-ну!», полет на Марс отменят.

Из динамика голос Каина: «Отчизна...»

Адам. Мы спасены.
Енох. Журналисты будут в восторге!
Ноэма. Народ гордится героями космонавтами.
Ада. Еще как.
Авель. Героическая смерть — лучшего и желать нельзя.
Ева. Еще бы.
Адам. Звоните в Управление космонавтики.

Авель берет телефонную трубку, что-то тихо говорит.
Из динамика слышен последний стон.

Ноэма. Сердце?
Адам. Остановилось.
Ева. Все, давайте молиться.

Адам, Авель, Ева, Ада, Ноэма.

Отче наш, иже еси на небеси,
Да святится имя Твое,
Да приидет царствие Твое,
Да свершится воля Твоя
На небесах и на земли.

Авель. Ребята, полет на Марс состоится!
Енох. Переключай на журналистов.

Авель оставляет на полу красный телефон, Ноэма — бутылку из-под джина. Ева, Ада, Ноэма, Авель, Енох уходят направо в глубину сцены, бросая наушники в кучу хлама. Адам тоже бросает туда свои наушники, потом оглядывает сцену.

Адам. Ноэма.

Тишина.

Ноэма.

Слева входит Ноэма, берет в руки третий слева пластмассовый кубик.

Ноэма.

Ноэма несет кубик в глубину сцены, ставит его на скамейку.

Ноэма. Чего тебе здесь надо?

Адам. Я твой отец.

Ноэма. Что я, дура, что ли? (*Притаскивает второй кубик слева.*)

Адам. Как это понимать?

Ноэма. Я и так знаю, что ты мой отец. (*Ставит на скамейку второй кубик.*)

Адам. Немедленно возвращайся!

Ноэма. Что я, дура, что ли? (*Притаскивает третий кубик слева.*)

Адам. Тебе еще семнадцати нет.

Ноэма. Шестнадцать с половиной. (*Ставит третий кубик перед скамейкой.*)

Адам. Ты должна меня слушаться.

Ноэма. Что я, дура, что ли?

Адам. Я вызову полицию.

Ноэма смотрит на Адама, сунув пальцы в рот, громко свистит. Слева из глубины сцены появляются Енох, Каин и Авель.

Каин. Чего стряслось?
Ноэма. Гляньте на него.
Енох. Это кто же такой?
Ноэма. Мой предок.
Авель. Ну, кочумай! Шизанутый какой-то!

Енох ложится слева на пол, Каин усаживается возле кучи хлама, Авель облокачивается на стоящие на скамейке кубики. Все трое вызывающе пялятся на Адама.

Адам. Ноэма, Бога ради, что это за типы?
Енох. Чего он там про Бога бормочет?
Ноэма. Священник. (*Ложится на пол, прижимается к Еноху.*)
Каин. Католик или протестант?

Смех. Справа рядом с Авелем появляется Цилла. Авель обнимает ее за плечи.

Адам. Кто эти люди?
Цилла. Мы? Коммуна два-два-два.

Смех.

Ноэма. Тихо вы.

Слышен детский плач.

Слышишь, папуля?
Адам. Ребенок.
Ноэма. Мой ребенок.
Адам. Господи, Ноэма.
Ноэма. Чего ты заладил про Господа! Хватит. Тошнит меня от него, и от тебя тоже.
Адам. Кто отец?

Енох, Каин и Авель поднимают руку.

Что это значит?
Ноэма. У тебя что, совсем с головой плохо? Это значит, что один из трех отец моего ребенка и я не знаю, кто именно, потому что сплю со всеми тремя.
Адам. Ноэма, ты моя дочь.
Ноэма. Кто чья дочь, значения не имеет.

Адам садится справа, на средний кубик.

Адам. В твоем страшном мире я не смею даже произнести имя Господа, в которого верую.

Ноэма. И не надо, по-доброму тебе советую.

Адам. Я люблю тебя, Ноэма.

Авель. Я тоже.

Каин. И я.

Енох. И я.

Адам. Ты мое дитя, Ноэма. Вернись в родительский дом, вместе с ребенком.

Ноэма. Парни, мне пора кормить малыша. (*Встает.*) В общем, гоните старого дурака куда подальше. Надоел. (*Уходит налево.*)

Каин. Ну, старпер, подъемчик!

Адам. Я не старпер, мне всего сорок.

Авель. В сорок аккурат и есть старпер.

Адам. Отпустите Ноэму со мной.

Енох. А мы ее не держим.

Адам. Я вызову полицию.

Каин. Пока они приедут, Ноэма давно слиняет в другую коммуну.

Адам. Я ее отец.

Цилла. Ну вот что, старпер, слушай внимательно: у вас свой мир, у нас — свой. Мы по горло сыты тем миром, который сделали вы, и законами, которые вы придумали, и вашими запретами, и вашей моралью, от которой нас воротит. Вас содержит государство-убийца. А мы на это государство плевать хотели. У вас все шмотки в невидимой крови. А у нас — просто в грязи. Вы проповедуете любовь, а мы по любви живем; вот и вся разница. Две тыщи лет у вас была возможность что-то сделать, теперь наша очередь. Усек? (*Уходит налево в глубину сцены.*)

Енох. Та-ак, пойду-ка я полежу с Ноэмой. (*Уходит налево.*)

Каин. Я тоже. (*Уходит направо.*)

Авель вразвалку подходит к Адаму.

Авель. Шнуруй отсюда, старый башмак. Чтоб духу твоего здесь не было. На кладбище катись. Полежи для тренировки.

Адам встает, бежит в глубину сцены направо. Авель сидит на корточках в середине сцены. Что-то пишет пальцем на полу. Справа входит Ада. Она одета как в первом эпизоде с Авелем: азиатская шляпа, черная шаль на бедрах, в руках плошка для риса.

Ада. Что ты делаешь?
Авель. Пишу твое имя.

Ада садится рядом.

Ада. Когда его принесли?
Авель. Час назад.
Ада. Я могу его увидеть?
Авель. Нет.
Ада. Мне очень хочется увидеть его.
Авель. Лучше не надо.
Ада. Я знала, что его убьют.
Авель. Я тоже.
Ада. Мы победили?
Авель. Нет.
Ада. Победили нас?
Авель. Нет.
Ада. Мы когда-нибудь победим?
Авель. Нет.
Ада. Когда-нибудь победят нас?
Авель. Нет.
Ада. Но тогда эта война не имеет смысла.

Молчание.

Ты не ударил меня.
Авель. Нет.

Молчание. Слышна мелодия флейты.

Ада. Кому ты подаришь его флейту?
Авель. Сыну соседа.
Ада. Его тоже призовут?
Авель. Через три недели.
Ада. И тоже убьют.
Авель. Да.

Молчание.

Рис еще есть?
Ада. Нет, кончился.
Авель. А соевая мука?
Ада. Горсточку наскребу.
Авель. Я не голоден.
Ада. Я тоже нет.

Авель. Давай поедим завтра. (*Поворачивается к Аде спиной.*)

Ада. Вы его увезете?

Авель. Уже увезли.

Ада. Можно мне навестить его могилу?

Авель. Могилы нет.

Ада. Почему?

Авель. Земля чересчур твердая, чтоб копать могилу.

Ада. Тогда его съедят муравьи.

Авель. Нет, не съедят.

Ада. Вы его сожгли?

Авель. Огонь выдал бы нас.

Ада. Что вы с ним сделали?

Авель. Бросили в реку.

Ада. Река почти пересохла.

Авель. Сезон дождей так и не наступил.

Ада. Там кишат крокодилы.

Авель. Он мертв.

Слышен рев самолета. Ада поднимает голову.

Ада. Самолеты.

Авель и Ада уходят налево в глубину сцены.
Одновременно справа из глубины сцены выходит
Адам с шезлонгом, сначала провожает взглядом самолеты,
потом, уже начав говорить, медленно идет с шезлонгом
по сцене, ищет подходящее место на солнышке.

Адам. Мне восемьдесят семь лет. Зовут меня Адам. Я хотел изменить мир. Я видел его несправедливость. Видел убожество бедных и алчность богатых. И понял, что есть эксплуатируемые и эксплуататоры. Вступил в профсоюз. Боролся за дело рабочего класса. Добивался повышения заработной платы, сокращения рабочего времени, оплачиваемых отпусков, справедливых пенсий. Я расклеивал плакаты, выступал с речами, организовывал демонстрации и забастовки. Был арестован и сидел в тюрьме; потом меня выбрали в парламент, и я вошел в правительство. Мир был изменен. Рабочие получали более высокую заработную плату, имели более короткий рабочий день, оплачиваемые отпуска, справедливые пенсии. Налоги на богатых были увеличены, бедность исчезла, но счастливее люди не стали. Новый мир не стал ни лучше, ни даже справедливее. Исчезнет одна несправедливость, а на ее

месте тотчас возникнет какая-нибудь другая. Человек стал свободнее, но эта свобода не освободила его. Он имел больше, чем когда-либо, но в первую очередь имел себя. Стоял сам против себя и не знал, что с собой делать. И я, когда понял это, сложил полномочия, потому что тоже не знал, что с собой делать. (*Садится в шезлонг слева на переднем плане.*) Теперь вот смотрю на озеро, наблюдаю за лебедями. Я нахожусь в сумасшедшем доме. Врач, который лечит меня, сын рабочего. Я дал ему возможность получить образование. Теперь он мне сочувствует. Глупец!

Справа из глубины сцены появляется Енох в дождевике, задумчиво рассматривает три кубика.

Енох. Мне восемьдесят восемь. Зовут меня Енох. Я ученый-атомщик и космолог. (*Берет в руки первый из трех кубиков, задумчиво его рассматривает.*) Я исследовал недра атома... (*Ставит первый кубик посреди сцены, берет второй и тоже задумчиво его рассматривает.*) Я исследовал строение Солнца... (*Ставит второй кубик сантиметрах в двадцати справа от первого, берет третий и задумчиво его рассматривает.*) ...и пытался осмыслить строение Вселенной. (*Ставит третий кубик на первый и второй, задумчиво рассматривает все три.*)

Адам слева на переднем плане встает, демонстративно поворачивает шезлонг в другую сторону, снова садится, на сей раз спиной к Еноху. Енох садится на второй кубик, опираясь правой рукой на третий.

Я пичкал своими познаниями компьютеры. Компьютеры выдавали формулы, в которых я еще худо-бедно разбирался. Я продолжал исследования. Копил новые знания. Снова пичкал ими компьютеры, и они снова выдавали формулы, в которых уже одни только компьютеры и разбирались, хотя сути их не понимали. Теперь я все смотрю и смотрю на формулу, которую выдали мне компьютеры, в ней последняя тайна этого мира, может статься Бог, но смысл ее мне непонятен — бессмысленная формула мирозданья.

Слева из глубины сцены появляется Авель с раскладным стульчиком, останавливается посредине, смотрит в публику, как художник, любующийся пейзажем, потом проходит в центр переднего плана, усаживается на свой раскладной стульчик.

Авель. Мне восемьдесят девять. Зовут меня Авель. Я художник. Начинал я с людей. Писал богатых и бедных, почтенных граждан и мошенников, поэтов, бродяг, композиторов и пьяниц. Потом я писал создания рук человеческих — эти ужасные здания и жутковатые машины. Еще позднее я писал пейзажи, сперва с людьми, потом без людей. А в конце концов решил, что не пристало мне создавать живописью пространственные иллюзии, отказался от перспективы и начал писать цветовые композиции. Напоследок я писал только круги и треугольники, не заполняя их красками, да еще линии и наконец оставил холст пустым. В таком виде живопись казалась мне наиболее честной. И вот, уже долгие годы выставляя один за другим пустые холсты, я решил, что холст тоже не нужен, и стал выставлять пустые рамы. Я пришел к выводу, что изобразимо, собственно говоря, лишь Ничто. Мои пустые рамы продавались за безумные деньги, и висят они во многих музеях. Когда же я отказался и от рам, чтобы представить Ничто в еще более чистом виде, мои картины перестали продаваться. Теперь я сижу здесь, на берегу озера, и пишу картины, мысленно стирая озеро и берег и воспринимая одно лишь Ничто. Мой санитар считает эти картины необычайно прекрасными, а главврач иногда поощрительно похлопывает меня по плечу. Я доволен своей судьбой и горжусь тем, что совершил. Я полностью выполнил художественную задачу, которую перед собой поставил.

Слева от середины сцены быстро появляется Каин, по-военному подтянутый, под мышкой у него садовый стул. Сначала он, минуя середину сцены, проходит направо, на передний план, резко поворачивается, выходит на авансцену, ставит свой стул рядом с красным телефоном, который так там и стоит со времени космического эпизода, щелкает каблуками и чопорно кланяется. На Каине коричневый китель и шляпа из тех, какие носят отставные офицеры или охотники.

Каин. Меня зовут Каин. Мне девяносто. Это единственное, что я знаю о современности, потому что об этом мне только что доложил человек в белом халате. Я люблю сады, но не этот вот, в котором сижу сейчас, а мой собственный. Люблю цветы... (*Начинает, как автомат, ходить вокруг садового стула.*) ...тюльпаны, мак, дельфиниум, люпины, космеи, флоксы, циннии, незабудки, гладиолусы, мальвы, подсолнухи. (*Садится на стул.*) Больше

всего я люблю розы. (*С некоторым усилием кладет ногу на ногу — правую на левую.*) Я всегда любил цветы. Возле лагеря был очень красивый цветник, заключенные тщательно за ним ухаживали, пололи, рыхлили. К сожалению, заключенные часто менялись. Каждый полдень я в своей офицерской форме стоял возле газовых камер и наблюдал, как туда длинными вереницами загоняют узников, раздетых догола, — мужчин, женщин, детей. Я приказывал рыть массовые могилы, а когда они наполнялись, засыпать их землей и разравнивать. На них я и сажал цветы. Но с заключенными я обращался по-человечески. Площадь моих цветников все увеличивалась. Они пестрели яркими красками, пышно разрастались. (*Снимает шляпу, носовым платком вытирает пот с внутренней кромки тульи.*) Никогда я не видел таких красных цветов — таких тюльпанов, таких маков, такого дельфиниума, таких люпинов, таких космей, такого тагетеса, таких флоксов, таких цинний, таких незабудок, таких гладиолусов, таких подсолнухов, таких мальв, и розы были красивые, как никогда. (*Смотрит на Авеля.*) Кстати, и астры у меня были умопомрачительные.

Авель не реагирует, и Каин аккуратно кладет шляпу под стул.

Я люблю цветы, а поскольку любил их всю жизнь, то и был всегда, всю жизнь добрым человеком. Я люблю цветы, люблю цветы, люблю цветы.

Адам встает и, оставив на сцене свой шезлонг, уходит налево. Одновременно встает и Авель, берет свой раскладной стульчик и тоже уходит налево. Встает и Енох, равнодушно оставляет свою конструкцию из кубиков и уходит налево, в глубину сцены. Каин встает, снимает китель, вешает его на спинку стула, затем двигает стул влево, садится боком к публике и сквозь зачерненное стекло глядит налево вверх. Справа из глубины сцены появляется Ева. Она в легком халатике поверх платья, с газетой, в темных очках, нос прикрыт специальным козырьком. Ева поворачивает Адамов шезлонг к Каину, садится, начинает читать газету.

Регулярно слышны начальные такты Пятой симфонии Бетховена. Они доносятся как тихие барабанные удары.

Ева. Что ты делаешь?
Каин. Солнце наблюдаю.
Ева. Зачем?

Каин. В новостях что-то про него говорили.
Ева. А-а.

Глухой удар барабана.

Каин. А ты что делаешь?
Ева. Читаю газету.
Каин. Зачем?
Ева. Биржа.
Каин. А-а.

Глухой удар барабана.

Он опять провалил экзамен.
Ева. Всего два балла недобрал.
Каин. Третий раз.
Ева. Он запаздывает в развитии.
Каин. Только не заводи сызнова насчет моего протеза.
Ева. Ты же сам заводишь насчет моего сына.

Глухой удар барабана.

Каин. Ох уж эта его Пятая.
Ева. Ох уж эта твоя служанка.
Каин. Сплошь в пятнах.
Ева. Кто?
Каин. Солнце.
Ева. Ну и что?
Каин. Уже ноябрь на исходе, а жаре конца-краю нет.

Глухой удар барабана.

Ева. Ты продал акции машиностроительного завода?

Глухой удар барабана.

Каин. Когда смотришь на Солнце в затемненное стекло, все отчетливо видно.
Ева. Они падают день ото дня.
Каин. Уран блестит вдвое ярче.
Ева. Какое отношение это имеет к акциям машиностроительного завода?
Каин. Если Уран блестит вдвое ярче, значит, Солнце светит сильнее.
Ева. Ты вообще-то слушаешь меня?
Каин. Солнце — желтый карлик.

Глухой удар барабана.

Е в а. Значит, ты не продавал акции машиностроительного завода.

К а и н. Кого, ты говоришь, я продавал?

Е в а. Акции машиностроительного завода.

К а и н. Почему?

Е в а. Потому что они падают.

К а и н. Опять поднимутся.

Е в а. Машиностроительный завод в черном списке.

К а и н. Он выпускает оружие.

Е в а. Может, ты и прав. (*Складывает газету.*)

Каин смотрит в затемненное стекло.
Глухой удар барабана.

К а и н. Сплошь в пятнах.

Е в а. Опять угнали какой-то авиалайнер.

К а и н. К счастью, астрономы уверяют, что Солнце стабильно.

Е в а. Двести восемьдесят пассажиров на борту.

К а и н. Стабильный желтый карлик.

Е в а. Они его взорвали.

К а и н. Стабильный, как акции этого машиностроительного завода. Главное — не продавать, когда они колеблются.

Два коротких барабанных удара.

(*Кладет затемненное стекло на пол, рядом с красным телефоном.*) Слышать больше не могу эту Пятую.

Е в а. Военный марш тебе, понятно, куда больше по душе.

К а и н. Ну вот, сейчас ты опять заведешь насчет моего протеза.

Е в а. А ты насчет моего сына.

К а и н. Да пошел он, этот твой запоздалый.

Е в а. Вместе с твоей служанкой.

Глухой удар, потом барабанная дробь: переход
к «громовым раскатам».

К а и н (*взмахивает рукой*). Гроза надвигается.

Е в а. Наконец-то.

К а и н. Дождь пошел.

Е в а. Слава Богу.

Оба встают. Ева берет шезлонг, ставит его в кучу хлама
в центре заднего плана. Каин опять надевает китель,

идет налево в глубину сцены, где Адам в белом халате, какие носят ученые, протягивает ему с рампы генеральскую фуражку. Каин надевает ее. Адам вручает Еве стенографический блокнот, какими пользуются секретарши. Ева стоит слева от кучи хлама. Каин в генеральской фуражке идет влево, на передний план. Слева из глубины сцены появляется Авель в сопровождении Ады, у которой на шее тройная нитка жемчуга. На протяжении всего эпизода Авель говорит с каким-то зловещим спокойствием.

Авель. Скандал с этими ураганами.

Ада. Успокойся, милый.

Авель (*усаживается на садовый стул справа на авансцене, где раньше сидел Каин*). За одну эту неделю уже четыре на побережье Балтики и пять в Тихом океане.

Ада. Успокойся, милый.

Авель. Четырнадцать дней в бункере.

Ада. Успокойся, милый.

Авель. Погибла треть населения.

Ада. При нынешнем взрыве народонаселения это совершенно не важно.

Авель. Уже шесть авианосцев затонуло.

Каин берет под козырек.

Каин. Устаревшие модели.

Авель. Заткнитесь, начгенштаба!

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.

Ада. Успокойся, милый.

Авель. Там, в джунглях, тонут мои войска.

Каин берет под козырек.

Каин. И вражеские тоже.

Авель. Заткнитесь, начгенштаба!

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.

Ада. Успокойся, милый, я не хочу, чтоб у тебя снова случился инфаркт...

Авель. Мне не об инфаркте думать надо, а о стране. Я президент.

Каин берет под козырек.

Каин. Так точно, господин президент.

Авель. Начальник генерального штаба, я вас вызвал, чтобы вы дали мне совет, а не твердили «слушаюсь, господин президент» и «так точно, господин президент».

Каин берет под козырек.

Каин. Так точно, господин президент.
Авель. Дайте же мне совет, черт побери!
Каин. Девять ураганов в неделю нашу страну не сокрушат.
Авель. Снаружи льет как из ведра, сверкают молнии, не переставая грохочет гром и жара, как в парнике.
Ада. Успокойся, милый, в Конго идет снег.

Не в пример президенту, супруга его пышет энергией, а начальник генерального штаба совершенно беспечен.

Авель. Заткнитесь, начгенштаба!

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.
Авель. Без кондиционера нам уже не обойтись.
Ада. Природные катастрофы были всегда, милый.
Авель. Заткнитесь, начгенштаба!

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.
Ада (*очень энергично*). Успокойся, милый.
Авель. Не хочу я успокаиваться.
Ада. Секретарша!
Ева. Да, сударыня?
Ада. Капли президенту.
Ева. Сию минуточку, сударыня.
Авель. Не хочу я капель.
Ева. Прошу вас, господин президент.
Авель. Убирайтесь.
Ева. Слушаюсь, господин президент.

Каин берет под козырек.

Каин. Господин президент...
Авель. Заткнитесь...

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.

Авель. Секретарша.
Ева. Да, господин президент?
Авель. Профессора ко мне.
Ева. Слушаюсь, господин президент.
Авель. Живей, тащите этого умника.
Ева. Сию минуточку, господин президент.

Слева от середины сцены выходит Адам в белом халате. У него нервный тик, он непрерывно трясет головой.

Каин берет под козырек.

Каин. Господин президент.
Авель. Молчать.

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.
Адам. Да, господин президент?
Авель. Профессор, вы мой личный советник по науке.
Адам. Полагаю, что так, господин президент.
Авель. Полагаете! Тут все только и делают, что полагают! А мне нужны знания, точные данные, точные научные выводы!
Адам. Пожалуйста, господин президент.
Авель. Прекратите ураганы.
Адам. Это невозможно.
Авель. Для президента самой могучей нации в мире слово «невозможно» не существует.
Ада. Успокойся, милый.
Адам. И все же это невозможно.
Авель. Послушайте, вы, умник, я отдам в ваше распоряжение всю военную, техническую и финансовую мощь страны. Речь идет о нашей свободе. Если ураганы не будут прекращены, мне придется свернуть войну в джунглях. Понятно вам, умник?
Адам. Против таких ураганов бессильна вся военная, техническая и финансовая мощь человечества, господин президент.
Авель. У вас что, мать страдала слабоумием или папаша был полный идиот?

Адам молчит, но от волнения еще сильнее трясет головой. Каин смеется.

Ада. Не взвинчивайся, милый.

Авель. Мы на грани поражения.

Адам (*свирепо глядя на Каина*). Я не военный эксперт, господин президент.

Авель. Начгенштаба у меня болван, и научный эксперт тоже.

Ада. Не взвинчивайся, милый.

Авель. Я не взвинчиваюсь. Вообще уже не взвинчиваюсь. Я спокоен. Холоден как лед и спокоен. Но я прошу вас, профессор, подумать о биржевом крахе, который неминуемо ждет нас, если мы проиграем войну в джунглях.

Адам. Это мне ясно, господин президент.

Авель. Миллионы потеряют свои сбережения.

Адам. Это мне ясно, господин президент.

Авель. Ну так что же?

Адам. Я все равно бессилен, господин президент.

Ада. Не взвинчивайся, милый.

Авель. Заткнитесь, начгенштаба!

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.

Адам (*семенит к президенту*). На Солнце отмечены необычайная интенсивность протуберанцев, а также пятна невиданной прежде величины.

Авель. А мне какое дело?!

Адам. Один из профессоров филадельфийского университета Темпла утверждает, будто Солнце вот-вот исторгнет часть своей материи.

Авель. Ну и пусть исторгает.

Адам (*останавливается рядом с президентом и уже не трясет головой*). Для Земли это означает гибель.

Авель медленно встает и так же медленно наступает на Адама, который, отчаянно тряся головой, пятится налево к середине сцены. Оба останавливаются лицом к лицу.

Авель. Если Солнце взорвется, ответственность я возложу на вас лично. Вот так-то, умник.

Адам. Господин президент.

Ада. Не взвинчивайся, милый.

Авель. Молчать.

Адам. Клянусь, господин президент, Солнце не взорвется. Оно стабильно и останется таковым еще несколько

миллиардов лет. Тот профессор из филадельфийского университета Темпла на весь мир славится своей дуростью.

Авель жмет Адаму руку, потом медленно направляется к Каину.

Авель. Хорошо, если бы среди моих советников не нашлось таких прославленных на весь мир дураков.

Каин берет под козырек.

Каин. Слушаюсь, господин президент.

Ада. Не взвинчивайся, милый.

Авель. Секретарша!

Ева. Да, господин президент?

Авель. Отведите меня в спальню.

Ева. Прошу вас, господин президент. (*Уводит Авеля налево в глубину сцены.*)

Авель. Мне нужны капли.

Ева. Разумеется, господин президент.

Оба уходят.

Ада. Господа, вы позволите пригласить вас на обед?

Ада идет влево, на авансцену, Адам и Каин следуют за ней. Одновременно справа из глубины сцены появляется Енох, озирается по сторонам. Подходит к трем кубикам, которые нагромоздил в роли физика, и смахивает их на заднем плане за рампу, так что они исчезают из виду. Потом берет садовый стул, стоящий справа на авансцене, возвращается и бросает его туда же. После чего отправляет следом три оставшихся кубика, четыре ящика с боеприпасами, жестяное ведерко и ящик с эмблемой Красного Креста. Затем швыряет туда же скамейку. Снова озирается по сторонам. На сцене осталось всего несколько предметов: слева от середины — бутылка из-под джина, в центре переднего плана — каска и пулеметная лента, справа — шляпа, красный телефон и затемненное стекло, посреди сцены — газеты и модные журналы, дальше на заднем плане — наушники и еще одна пулеметная лента. Енох проходит чуть влево на передний план, садится на рампу. Слева появляется Цилла, озирается по сторонам.

Цилла. Дома как не бывало.

Енох. Эти ураганы сметают все, что есть на Земле.

Цилла подбирает газеты.

Нет никакого смысла наводить порядок.

Цилла продолжает подбирать газеты.

Я сам построил для нас этот дом.

Цилла. Для нас и наших детей.

Енох. Машиностроительный завод, на котором я работал, тоже разрушен.

Цилла аккуратно складывает газеты
в середине заднего плана.

Цилла. Я всегда махала тебе вслед, когда ты шел на работу.

Енох. Старый Гизингер увивался за тобой.

Цилла. Но без толку.

Енох. И молодой Гизингер тоже.

Цилла. И этот без толку.

Енох. Обоих нету в живых, погибли.

Цилла. Погибли многие тысячи.

Енох. Многие миллионы.

Цилла садится на пол справа в глубине сцены,
скрещивает руки и ноги.

Цилла. От следующего урагана уже и укрыться негде.

Енох. Да, укрытия нет, ни для кого.

Молчание.

Правительство говорит, что мир не погибнет.

Цилла. Правительство врет.

Енох. Ты уверена?

Цилла. Сам знаешь.

Енох. Знаю.

Цилла. Мы оба знаем.

Молчание.

Енох. У нас не будет детей.

Цилла. Ни у кого больше не будет детей.

Молчание.

Енох. Солнце бросило нас в беде.

Цилла. Мы-то думали, Солнце никогда нас не бросит в беде.

Енох. Земля могла бы быть счастливее.

Цилла. Людям нужно было быть справедливее.

Енох. Люди все делали неправильно.

Цилла. Люди многое делали неправильно.

Молчание.

Енох. Теперь это неважно.
Цилла. Теперь все неважно.

Молчание.

Енох. Я любил тебя.
Цилла. А я до сих пор тебя люблю. (*Смотрит на небо.*) По-моему, надвигается новый ураган.

Енох спешит к Цилле, падает,
прикрывая ее своим телом.

Енох. Последний ураган.

Со всех сторон на сцену спешат Адам, Авель, Каин, Ева, Ада, Ноэма и падают ничком на пол. Слева на авансцене лежит Адам, чуть дальше, позади него и правее, — Ноэма, посреди сцены — Ева, на том же уровне — Цилла и Енох, справа на переднем плане, параллельно публике, — Авель. Слева и справа на заднем плане лежат на рампе Каин и Ада, публика видит только их торсы. Все громко декламируют нижеследующий псалом[1], в безмерном отчаянии, в бессмысленной надежде, что Бог изменит их судьбу.

Адам. Благослови, душа моя, Господа!
Цилла. Господи, Боже мой, Ты дивно велик...
Авель. Ты облечен славою и величием.
Ноэма. Ты одеваешься светом, как ризою...
Енох. ...простираешь небеса, как шатер.
Ада. И круглится свод их над всеми странами света.
Каин. Ты вплетаешь в них Млечные Пути, дабы свидетельствовали они Твою бесконечность, что усеяна красными и голубыми гигантами, гремящими цефеидами и белыми карликами.
Ева. Помыслы Твои суть атомы, что вонзаются из Ничто в пространство небес Твоих.
Адам. Лучи взора Твоего проницают свинец.
Цилла. Ты делаешь облака Твоею колесницею...
Авель. ...шествуешь на крыльях ветра.
Ада. Ты творишь духами ангелов Твоих, а служителей Твоих — огнем пылающим.
Енох. Ты творишь надежную, желтую звезду и даруешь Земле орбиту вокруг этого малого солнца.
Ноэма. Ты воздвигаешь континенты и подымаешь из бездны горы.

---

[1] Автор цитирует с вариациями Псалом 103. — *Прим. переводчика.*

А в е л ь. Ты послал источники в долины: между горами текут.

Ц и л л а. Ты напояешь горы с высот Твоих. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанские, которые Он насадил; на них гнездятся птицы: ели — жилище аисту, высокие горы — сернам...

Адам переворачивается на спину.

А д а м. Ты устраиваешь между континентами моря. Там плавают киты-левиафаны, которых Ты сотворил играть в них, и рыбы, которым должно поедать друг друга.

Е в а. Ты простираешь тьму, и бывает ночь: во время ее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе.

А в е л ь. Восходит Солнце, и они собираются и ложатся в свои логовища; выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера.

Н о э м а. Ибо Земля полна произведений Твоих, Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвесть из Земли пищу и вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блистает лице его, и хлеб, который укрепляет сердце человека.

Е н о х. Ты даруешь людям любовь, чтобы жалели они ближних своих, даруешь им ненависть, чтобы они были пред Тобою виновны, даруешь здоровье, чтобы принимали они радость Твою, насылаешь на них болезни и смерть, чтобы знали они свой предел.

К а и н. Ты наделяешь человека способностью проникать в дела Твои, искусством строить роскошные города и мосты, умением преодолевать моря на больших кораблях, ездить по Земле на быстрых машинах и стремительней звука мчаться по воздуху на огромных железных птицах.

А д а. Ты даруешь людям мир в милости Твоей, Ты насылаешь на них войны, чтобы почувствовали они Твой гнев; от несовершенства их Ты допускаешь силу сильных и слабость слабых; призираешь на Землю, и она трясется, чтобы люди почувствовали силу Твою; прикасаешься к горам, и дымятся — и люди трепещут пред Тобою.

Е в а. Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; Земля полна произведений Твоих. (*Умирает.*)

Адам. Сокроешь лице Твое — мятутся; отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются. (*Умирает.*)

Цилла. Пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице Земли. (*Умирает.*)

Авель. Да будет Господу слава во веки; да веселится Господь о делах Своих! (*Умирает.*)

Ноэма. Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь.

Все умирают. Напоследок Ада еще раз судорожно приподнимается.

Ада. Да исчезнут грешники с Земли, и беззаконных да не будет более.

Становится темно. На заднике снова загорается Млечный Путь.

Игровая площадка снова освещается слабым светом. Как вначале, слева выходит Адам, идет в середину заднего плана игровой площадки.

Адам. Я — первый бог.

Слева выходит Каин, он явно туговат на ухо.

Каин. Что-что?

Адам. Я — первый бог.

Каин. А-а. (*Идет на середину игровой площадки, становится справа от Адама.*) Я — второй бог.

Слева весьма торжественно выходит Авель, идет на середину игровой площадки, становится слева от Адама.

Авель. Я — третий бог.

Слева же весьма баззаботно выходит Енох, идет на середину игровой площадки, останавливается слева поодаль.

Енох. Я — четвертый бог.

Адам зевает.

Каин. Что-что?

Адам. Ну и скучища эта бесконечность.

Авель. Жуткая скучища.

Каин. Как-как?

Авель (*старательно артикулируя*). Жуткая скучища.

Каин. А-а.
Енох (*глядя на Адама и Авеля*). Сядем?
Авель. Сядем.

Авель садится, Енох ложится на спину, Адам по-прежнему стоит, Каин, в недоумении, тоже.

Каин. Что-что?
Авель (*четко артикулируя*). Сядем.
Каин. А-а. (*Тоже садится.*)
Адам. А вон там Солнце взорвалось.
Каин. Кто-кто?

Каинова тугоухость начинает мало-помалу действовать Адаму на нервы.

Адам. Солнце. Вон там. Взорвалось!
Каин. А-а.
Авель. Когда?
Адам. Только что.

Енох переворачивается на живот, смотрит на Млечный Путь.

Енох. Стало сверхновой.
Каин. Чем-чем?
Авель (*четко артикулируя*). Лопнуло оно, а его вещество разлетелось в пространстве. (*Радуется.*)
Каин. А-а.
Адам. Бумм!
Каин. Как-как?
Адам. Бумм!
Каин. Что-что?
Адам. Бам.
Каин. А-а.
Енох. Вообще-то Солнце было все-таки стабильное.
Авель. В таком случае оно бы не стало сверхновой.
Енох. А оно стало.
Авель. Значит, было нестабильное.
Енох. Я в солнцах не разбираюсь. (*Переворачивается на живот.*)
Адам. Я тоже.
Каин. Как-как?

Адам приходит в бешенство.

Адам. Я тоже.

Каин приходит в бешенство.

Каин. А-а.
Адам. Интересно, а планеты у него были?
Каин. Что у него было?
Адам. Планеты!
Каин. А-а.
Авель. Понятия не имею.
Каин. Как-как?

Адам беззвучно артикулирует.

А-а.
Енох. Планеты, населенные живыми существами.
Каин. Чем-чем?
Авель (*четко артикулируя*). Растениями, животными, людьми.
Каин. А-а.
Енох. Насчет живых существ я тоже не разбираюсь.
Авель. Да какая разница!
Енох. Пошли дальше?

Авель с улыбкой встает. Енох тоже встает.

Каин. Как-как?
Авель (*проходя мимо Каина вправо, за задний план, четко артикулирует*). Дальше пошли.
Каин. А-а. (*Поднимается и следом за Авелем и Енохом исчезает справа на заднем плане.*)

Адам еще раз смотрит на Млечный Путь. Затем последний раз обводит взглядом сцену. Слева на авансцене все еще стоит пустая бутылка из-под джина, в середине переднего плана валяются каска и пулеметная лента, справа — шляпа, красный телефон и затемненное стекло, у ног Адама — еще одна пулеметная лента, наушники и сложенные аккуратной стопкой модные журналы. Адам поднимает пулеметную ленту, недоуменно рассматривает ее и бросает на авансцену.

Адам. И так уже взорвалось. (*Следом за тремя остальными исчезает справа в глубине сцены.*)

Подельник

Der Mitmacher

Действующие лица

Док
Босс
Коп
Джим
Энн
Билл
Джек
Сэм
Джо
Эл

Место действия:
Пятый подземный этаж старого забытого склада. Бетонные опоры. Бетонный потолок. Слева холодильная камера, встроенная в прогнившее помещение, явно безучета всего остального интерьера. Раздвижная дверь камеры, повинуясь нажатию кнопки, открывается автоматически параллельно рампе, и тогда становится видна, хотя и не полностью, внутренность камеры: яркое освещение, белый кафель, водопроводный кран с длинным красным шлангом. Справа в помещении склада шахта лифта, которая либо закрыта, либо зарешечена (так что можно видеть движение лифта вверх и вниз). Если шахта закрыта и лифт появляется незаметно, рекомендуется обозначить его спуск и поднятие несколькими размещенными вертикально друг над другом световыми панелями, а дверь лифта должна тогда открываться не справа налево, а сверху вниз. Между одной из бетонных опор и шахтой лифта оборудована ниша для жилья. Она открыта в сторону зрительного зала. Задний план этой жилой ниши образует стена, сколоченная из грубых досок. Между стеной и шахтой — проход в глубину сцены. В нише наискосок к публике— кушетка с низкой спинкой, над ней на примитивной деревянной подпорке укреплен навес: он необходим, поскольку сверху и еще где-то все время капает вода. В нише зажжена лампа, ее красноватый свет кажется более теплым по сравнению с жестким свечением трех неоновых трубок, освещающих весь склад; из них, однако, обычно включена только одна. Лампа над кушеткой висит на кабеле, пропущенном сквозь навес, так что эта

примитивная лампа даже создает в нише подобие уюта. Рядом с кушеткой справа — небольшой ящик, у стены шахты — ящик, на котором стоят бутылки виски, перед бетонной опорой — стул, у опоры — раковина с краном. Слева снаружи на бетонной опоре обитатель этого подземелья вешает свой рабочий халат, а его рабочий костюм— белый кожаный фартук и фиолетово-розовые резиновые перчатки — висит на внутренней стороне холодильной камеры. На заднем плане между опорами громоздятся различных габаритов ящики, число которых увеличивается по ходу пьесы. На переднем плане тоже несколько ящиков, один может быть слева, другой — справа от кулис, третий справа рядом со стеной холодильной камеры, за ним еще один стул.

Действие происходит в наши дни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Д о к, медленно поднимаясь.

Д о к. Меня называют Док. Я говорю. Говорю, чтобы меня кто-нибудь услышал. Я впутался в историю, которая заставляет меня не раскрывать рта, в ужасное, безмолвное дело, безмолвное потому, что оно проходит в молчании, а его участники молчат, даже если говорят друг с другом. Я биолог. Я хотел изучить жизнь, исследовать ее строение, раскрыть ее тайны. Я учился в Кембридже и в Колумбийском университете. В институте нашего города. Мне удалось создать искусственный вирус. Потом я перешел в частную фирму. Предложение было царским, его принятие — ошибкой. Я положился на свою известность и свой доход. Я привык жить не по средствам. У меня был огромный дом, я увешивал жену драгоценностями, баловал сына. Я верил в сказку о свободной науке. Я считал, что всегда смогу на досуге заняться исследованиями. Я вообразил, что инструменты, микроскопы, компьютер — мои. Но они не были моими. Чистая наука стала слишком дорогой для частной индустрии. Когда начался экономический кризис, я с треском вылетел из фирмы. Впрочем, как и многие другие ученые: физики, математики, кибернетики. Кафедры были заняты моими учениками, институты онкологии и биологического оружия — переполнены. Я залез в долги, жена сбежала с любовником, прихватив сына и драгоценности. Я сменил имя и ушел в подполье. Я опустился на дно, увяз в трясине наших городов, стал отребьем, интеллектуальным пролетарием, невостребованным мозговым запасом человечества. Пришлось отказаться от науки и зарабатывать на жизнь.

Берет стул, садится впереди слева от центра рампы.

Я стал таксистом, работа свела меня с Боссом.

Слева появляется Босс, в шляпе и шубе, со стулом.

Познакомились мы случайно. Ему понадобилось такси. Мое такси. Два года назад, зимой. Закат был такой красный.

Босс садится рядом с Доком.

Его «кадиллаку» пропороли шины, его «роллс-ройс» был продырявлен пулями, за его «бьюиком» следил конкурент.

Босс. Катастрофа.

Док. Я везу вас уже к третьему крематорию.

Босс. Буду искать дальше, обшарю весь город.

Док. Вы директор похоронного бюро?

Босс (*смеется*). Шутка года.

Док ведет машину.

Вы знаете, почему я сижу рядом с вами?

Док. Привычка.

Босс. Я привык сидеть сзади. (*Смотрит налево.*) Абрахам Водянка.

Док. Не знаю.

Босс. Узнай он меня, вы бы сидели рядом с трупом.

Док ведет машину.

Я — Босс.

Док. Боссов много.

Босс. Я — Босс.

Док ведет машину.

Не гоните так.

Док. Я сброшу скорость до пятидесяти.

Босс. У меня неважно со здоровьем.

Док. Неудивительно.

Босс. Я мог бы вас прикончить.

Док. Перехожу на первую скорость.

Босс. Поезжайте медленнее, черт возьми!

Док. Но вы же грозитесь меня прикончить.

Босс. Так, сорвалось с языка.

Док. Вот как.

Док ведет машину.

Босс. У меня профессия такая — убивать людей.

Д о к. Понимаю.
Б о с с. За плату.
Д о к. До меня дошло.
Б о с с. Я ведущий специалист в этой отрасли.
Д о к. А Абрахам Водянка?
Б о с с. Конкурент.
Д о к. Значит, вы еще не самый главный.
Б о с с. Завтра ему солнца не видать.
Д о к. Красный.
Б о с с. Тормозните.

Док останавливает машину.

Д о к. Окажись Водянка на этом перекрестке, завтра вам бы солнца не видать.
Б о с с. Профессиональный риск. (*Смотрит направо.*) Джеф Волчья Пасть.
Д о к. Человек в спортивной кепке?
Б о с с. Этот.
Д о к. Упал как подкошенный.
Б о с с. Сэм его прикончил.
Д о к. Ваш человек?
Б о с с. Мой человек.
Д о к. Совсем еще зеленый. (*Трогает машину с места.*)
Б о с с. В соседний переулок.
Д о к. Хорошо.
Б о с с. Остановите.
Д о к. Пожалуйста.

Босс выходит из машины и идет налево.

Б о с с. Здесь должен быть еще один крематорий.
Д о к. Снесли два месяца назад.
Б о с с. Мой последний шанс.
Д о к. Выше голову.

Босс снова садится, принимает таблетку.

Б о с с. Нитроглицерин. Для моего насоса. (*Выплевывает надкушенную таблетку.*) Поехали.
Д о к. Куда?
Б о с с. В «Томми-бар».

Док ведет машину.

Вы недооцениваете мою проблему.

Д о к. Какую именно?
Б о с с. Проблему гигиены.
Д о к. В самом деле?
Б о с с. Сначала мы просто бросали трупы на улице.
Д о к. Должно быть, это сердило полицию.
Б о с с. Загрязнение окружающей среды.
Д о к. Вам бы поставлять клиентуру в частные похоронные бюро.
Б о с с. У них слишком высокие цены. Мы не можем себе этого позволить. Сейчас налево.

Док ведет машину.

Д о к. Убийства уже не рентабельны.
Б о с с. А такси рентабельны?
Д о к. Тоже нет.
Б о с с. Скверные времена.

Док останавливается.

Д о к. «Томми-бар».
Б о с с. Проблемы бизнеса становятся все острее.
Д о к. Крематорий не решит ваших проблем.
Б о с с. Почему?
Д о к. Сожжете один труп, а задымите целый район.
Б о с с. Тогда моему бизнесу конец.
Д о к. Кое-кто может помочь делу.
Б о с с. Кто?
Д о к. Я.
Б о с с. Поделитесь своей мудростью.

Док что-то шепчет ему на ухо. Смех. Босс уходит направо.

Д о к. Я поделился ею, и с тех пор я больше не таксист.

Свет. Видна вся сцена.

Я на практике применил некоторые основные законы органической химии, вот и все. Моя лаборатория находится недалеко от реки, на пятом подземном этаже старого склада, и лишь немногим известно, что он вообще существует. Проникнуть сюда можно только на грузовом лифте. Я стал некродиалитиком, занимаюсь некродиализом, а установка, которую я изобрел, — некродиализатор. (*Открывает дверь холодильной камеры.*) Сейчас июль, около пяти часов вечера. Я работаю целый день. Кое-кто заин-

тересовался нашими делами. Незваный гость предупредил о своем визите. Не люблю незваных гостей.

Из лифта выходит Босс в летнем костюме.

Б о с с. Если он явится, когда обещал, мы можем заказывать себе гробы.

Из холодильной камеры появляется Док с пустым ящиком. Лифт идет вверх.

Д о к. Он непунктуален. (*Уносит пустой ящик. Возвращается.*)

Б о с с. Я не нервничаю.

Д о к. Я тоже.

Б о с с (*замечает открытую холодильную камеру*). Да отключите вы аппарат.

Д о к. Мы должны прибрать холодильную камеру.

Б о с с. Сколько там еще?

Д о к. Пять.

Б о с с. Поставьте аппарат на максимум.

Д о к. Он и так работает на полную мощность.

Босс мечется по комнате.

Теперь у вас сдали нервы.

Б о с с. Они у меня железные. (*Пристально смотрит на Дока.*)

Д о к. Вы его знаете?

Б о с с. Нет.

Д о к. А он вас?

Б о с с. Нет.

Д о к. Удивительно.

Шум льющейся воды.

Б о с с. Наконец-то.

Д о к. Еще четыре. (*Идет в камеру.*)

Б о с с. Как он на вас вышел?

Д о к (*из холодильной камеры*). Пригласил в свой офис.

Б о с с. Только чтобы сказать вам, что хочет со мной поговорить?

Д о к. Только.

Б о с с. Здесь?

Д о к. Здесь.

Б о с с. Проклятье. (*Сует в рот сигарету.*) Мне это не нравится. (*Закуривает.*)

Д о к (*возвращается с пустым ящиком*). Мне тоже.

Б о с с. Официально ваш начальник Мак.

Д о к. Знаю.

Б о с с. Почему вы не назвали Мака?

Д о к. Я назвал Мака.

Б о с с. И что?

Д о к. Он желает говорить с начальником Мака.

Б о с с. Дьявол. (*Задумывается.*) Он, должно быть, вполне безобиден.

Д о к. Абсолютно.

Б о с с. Не доверяю безобидным личностям.

Д о к. Вы во всем видите подвох.

Шум льющейся воды.

Осталось всего три.

Б о с с. Поторопитесь.

Док идет в холодильную камеру.

Ему не в чем будет меня упрекнуть.

Д о к (*из камеры*). Абрахам Водянка и Джеф Волчья Пасть давно похоронены.

Б о с с. Он ничего не докажет.

Д о к. Вы вне подозрений.

Б о с с. Когда брали Исигаки, я тоже там был. (*Ложится на кушетку.*) Бабы?

Д о к. Время от времени.

Б о с с. Здесь?

Д о к. Почему бы нет? (*Уносит пустой ящик. Возвращается.*)

Б о с с. Ну-ну! (*Снимает левый ботинок. Поднимается.*) Разные?

Д о к. Одна и та же.

Б о с с. Она замужем?

Д о к. Думаю, нет.

Б о с с. Вы влюблены?

Д о к. Не знаю.

Б о с с. Проблемы бизнеса. Насос сдает. Головокружение. Отеки ног. Один совет, Док: не связывайтесь с бабами. Я два года живу с одной красоткой.

Д о к. И хнычете об этом каждый день.

Б о с с. Я снял ей чертовски дорогие апартаменты.

Д о к. И раскаиваетесь в этом тоже каждый день.

Б о с с. Ревность меня доконает.

Док. Она уже доконала ваших соперников.
Босс. Я даже не знаю, с кем она мне изменяет.
Док. Проследите за ней.
Босс. Для этого я слишком горд.
Док. Раньше вы были не слишком горды.
Босс. Раньше я был моложе.
Док. Сходите к психиатру.
Босс. Ходил. Комплекс пуповины. Если он придет сейчас, я окончательно потеряю самообладание.
Док. Он не пунктуален.
Босс. Слава Богу.

Шум льющейся воды.

Проклятая старость.
Док. Еще только два.
Босс. Ну же! Быстрей!
Док. Просто купите его.
Босс. Если бы только не чертовски дурное предчувствие!

Лифт идет вниз.

Это он!
Док. Вот досада!
Босс. Он пунктуален.
Док. Сверхпунктуален. (*Уходит в холодильную камеру.*)
Босс. Господи, что же делать?

Из лифта выходит Коп.

Док (*из камеры*). В своем офисе он действительно производил впечатление абсолютно безобидной личности.
Босс. Мы не у него в офисе.

Лифт снова уходит вверх.

Коп. Босс?
Босс. Коп?
Коп. Коп.

Босс предлагает Копу стул. Коп не садится.

Босс (*задумчиво*). Мы с вами уже встречались?
Коп. Вы встречали меня.
Босс. Когда?
Коп. Я это отлично помню.
Босс. Не припоминаю.

Коп. Еще успеете.

Док входит с пустым ящиком.

Босс. Вы ведь знакомы? (*Кивает в сторону Дока, тот уходит.*) Я невиновен.

Коп. Мы все невиновны.

Док входит с двумя стаканами и бутылкой виски. Босс садится.

Босс. Я обычный гражданин.

Коп. Мы все обычные граждане.

Босс. Я был при взятии Исигаки.

Коп. Мы все герои. (*Обращается к Доку.*) Вы не пьете, Док?

Док. Нет.

Коп. Ваше здоровье, Босс. (*Пьет.*)

Босс. Ваше здоровье, Коп. (*Не пьет.*)

Коп. Мерзость. (*Выливает виски из стакана.*)

Босс (*ухмыляется*). Док сам смешивает виски.

Коп. Мог бы предложить что-нибудь получше.

Босс. Не сообразил.

Док садится на кушетку, листает комиксы.

Коп. Может, потом сообразит. (*Обследует помещение.*) Хорошо вы тут устроились.

Босс. Просто пустые ящики.

Коп. Что вы там читаете, Док?

Док. Комиксы.

Босс. Он не любит полицию.

Коп. Я тут не по долгу службы.

Босс. Тогда бы вас вообще здесь не было.

Коп (*садится напротив Босса*). Я насчет вашего бизнеса.

Босс. У меня нет бизнеса. Я частное лицо.

Коп. У меня был разговор с Маком.

Босс. Мак управляет моим состоянием.

Коп. Миллионным состоянием.

Босс. Богатые предки.

Коп. О которых ничего не известно.

Босс. Помогали основывать наше государство.

Коп. Огромная вилла.

Босс. Ложная скромность неприлична.

Коп. Мощная охрана.

Б о с с. Бесценное собрание живописи старых голландцев.
К о п. Для этого не нужны пятнадцать человек.
Б о с с. Восемь.
К о п. Пятнадцать.
Б о с с. Вы информированы лучше, чем я.
К о п. Отборные гориллы.
Б о с с. Обычные телохранители.
К о п. Одного внедрил я.
Б о с с (*остолбенев*). Кого?
К о п. Неважно.
Б о с с (*Доку*). Относишься к людям как родной отец, но кто-нибудь непременно окажется предателем.
К о п. Жестокое время.
Б о с с (*утирает со лба пот*). Душно тут внизу.
К о п (*ухмыляется*). Ничуть.
Б о с с (*задумчиво глядит на Копа*). Вы меня раскололи?
К о п. Тактика.
Б о с с (*размышляя*). Что вам известно?
К о п. Все.
Б о с с (*поднимается*). Как вы на это вышли?
К о п. Мак рассказал, что на вас работает химик.
Б о с с (*глядя на Дока*). Мак много болтает.
К о п. Именно.
Б о с с (*переходит к Доку*). Док безобидный пьяница, который в лучшем случае изобрел стиральный порошок.
К о п. Может, он гений.
Б о с с (*останавливаясь перед Доком*). Я даже не знаю его настоящего имени.
К о п. Это я уж как-нибудь выясню.
Б о с с (*обращаясь к Копу*). Я должен был дать ему работу.
К о п. Да что вы.
Б о с с. Он — жертва экономического кризиса.
К о п. Вот как?
Б о с с. Человеку пришлось стать таксистом.
К о п. В вашем случае о гуманности не может быть и речи.
Б о с с. Вы меня обижаете.
К о п. А вы меня смешите.

Шум льющейся воды.

Еще кто-то растворился.
Б о с с (*растерянно глядя на Дока*). Он в курсе дела.

Коп. Док, вы гений. Кто прошумел в канализацию?
Босс. Владелец гаража.
Коп. Сколько?
Босс. За что?
Коп. За владельца гаража.
Босс. Пять тысяч.
Коп. И сколько еще трупов в холодильнике?
Босс. Один.
Коп. Док!
Док. Коп?
Коп. Проведите меня туда.

Док ведет Копа в холодильную камеру. Босс садится на кушетку, снимает правый ботинок.

Коп (*из холодильной камеры*). Это молодая Миллер.
Босс. Избавьте меня от подробностей.
Коп. Я думал, она в реке.
Босс. Она в холодильнике.
Коп. Задушена.
Босс. Я никогда не присматриваюсь.
Коп. Док, займитесь девушкой. (*Выходит из холодильной камеры.*) Кто заказал работу?
Босс. Ее брат.
Коп. Сколько заплатил?
Босс. Девять тысяч.
Коп. Цены устанавливает Мак?
Босс. Ну?
Коп. Этот Миллер мог бы заплатить пятьдесят тысяч.
Босс. Столько бы он не раздобыл.
Коп. Тот, кто в случае смерти своей сестры получит три миллиона, раздобыл бы.
Босс. У вас мания величия.
Коп. Я реалист. К делу. (*Снова садится.*)
Босс. Склад оцеплен?
Коп. Я уже говорил, я не по долгу службы.
Босс. Вы полицейский.
Коп. Именно поэтому вы должны мне доверять.
Босс. Именно поэтому я вам не доверяю.

Док выходит из камеры с ящиком, уносит ящик, возвращается, садится на стул Босса.

Коп. Сначала вы прибрали к рукам бордели и игорные дома, потом захватили рынок наркотиков.

Б о с с. Я перебесился в молодости.

К о п. Наконец, четыре года назад вы организовали одно предприятие.

Б о с с. Речь идет об очень скромной фирме.

К о п. Все же мы вытаскивали из реки массу трупов.

Б о с с. Своими неаппетитными деталями вы отравили мне все удовольствие от сигареты. (*Бросает сигарету на пол, затаптывает ее.*)

К о п. Какой вы впечатлительный.

Б о с с. Берегу свой насос.

К о п. По количеству убийств наш город вышел на первое место. Потом вы наняли Дока. Два года назад. Сегодня доброе имя нашего города восстановлено. По количеству убийств он занимает последнее место. И все потому, что Док придумал метод, как растворять в воде трупы. Совершенное преступление стало возможным.

Б о с с (*недоверчиво присматриваясь к Копу*). Что вы хотите?

К о п. Пятьдесят процентов.

Б о с с (*вне себя*). Вы спятили. (*Мечется по комнате.*)

К о п. Ничуть.

Б о с с. Это предприятие — дело всей моей жизни.

К о п. Вы организовали самую большую банду убийц в истории человечества.

Б о с с. Вы создали самую большую коррупцию в истории нашего муниципалитета.

К о п. Рука руку плохо моет.

Б о с с (*в отчаянии*). Хотите меня разорить?

К о п. Если бы я хотел вас разорить, я бы вас ликвидировал.

Б о с с. У меня огромные накладные расходы.

К о п. Вся банда обходится вам всего в десять процентов.

Б о с с. Она пьет мою кровь.

К о п. Вы платите позорно мало.

Б о с с. За халтурную работу.

К о п. В этом деле вы дилетант.

Б о с с (*останавливаясь в изнеможении*). Пятьдесят процентов идут Маку.

К о п. А он еще больший дилетант. Ваше предприятие могло бы процветать как никогда.

Б о с с. И вы мне все испортили.

Коп. Не будьте сентиментальным.

Босс. Что вы предлагаете?

Коп. Привести ваше дело к небывалому процветанию. (*Обращается к Доку.*) Док, сколько вы получаете?

Док. Пятьсот в месяц.

Коп. Мало.

Босс. Таксистом он и того не получал.

Коп. Я собираюсь сделать Дока нашим компаньоном.

Босс. Дадим ему одну тысячную процента.

Коп. Я получаю пятьдесят, вы — тридцать, а Док — двадцать процентов.

Док разражается хохотом, смотрит на Босса, снова хохочет, бросается на кушетку.

Босс. Я взываю к вашему здравому человеческому разуму.

Коп. Я ценю остроумие.

Босс. На двадцать процентов?

Коп. Без Дока никакого подъема.

Док приносит виски.

Босс. Вы коммунист.

Коп. Время больших боссов прошло.

Босс. Если из моих тридцати процентов оплачивать Мака и банду, я окажусь на мели.

Док наливает Копу.

Коп. Лучше на мели, чем на электрическом стуле.

Док смеется.

Босс. Мне не по вкусу ваши шутки. С вашими новомодными идеями вы вдребезги разобьете дело всей моей жизни.

Коп. Я готов взять Мака на себя.

Босс. Хотите легко отделаться?

Коп (*пьет*). Вот видите, Док, этот сорт уже намного лучше.

Лифт идет вниз.

Босс. Лифт.

Коп. Точно.

Босс. Я никого не жду.

Коп. Сюрприз

Босс. Значит, все-таки полиция.

Лифт открывается. Джим, в штатском летнем костюме, вкатывает на двухколесной тележке большой ящик.

Значит, Джим.

Коп. Мой лучший человек.

Босс. Я думал, он мой лучший человек.

Коп. Теперь он наш лучший человек.

Джим. Ящик, Коп.

Коп. В холодильник, Джим.

Джим. Слушаюсь, Коп. (*Увозит ящик в холодильник.*)

Босс. Кто в ящике?

Коп. Мак.

Босс. Вы сказали, что у вас с ним был разговор.

Док. А это результат.

Босс (*поражен*). Он был моим лучшим другом.

Коп. Он был не в состоянии определять платежеспособность наших клиентов.

Босс. Кто займется этим в будущем?

Коп. Док.

Босс. Таксист.

Коп. Из нас троих он единственный интеллектуал.

Босс. Мак тоже был интеллектуалом.

Коп. Он не годился.

Босс. У него были свои люди.

Коп. И у меня есть.

Босс. Не так-то легко будет установить отношения с клиентами.

Коп. Мак устанавливал их чересчур легко.

Из холодильной камеры выходит Джим с пустым ящиком.

Джим, я иду с тобой.

Джим входит в лифт.

Док. Ваш бурбон был великолепен. (*Выпивает стакан.*) Список следующих пятнадцати пациентов. (*Кладет список на кушетку, входит в лифт.*) С этого момента наше дело становится эксклюзивнее и прибыльней.

Лифт идет вверх.

Б о с с. Эта борьба за власть дорого обходится. (*Стонет.*) Принесите мне ботинки.

Док берет список, разваливается на кушетке,
изучает список. Босс сам ищет ботинки,
надевает их, вызывает лифт.

Дурное предчувствие оправдалось.

Д о к. Теперь я ваш компаньон.

Б о с с. Фараон тоже.

Д о к (*ухмыляясь*). Вы попали в руки порядочных людей.

Б о с с. А я ведь был при захвате Исигаки.

Д о к. Наступили другие времена.

Б о с с. Ну и духота тут внизу.

Шум льющейся воды.

Д о к. Подумайте о вашем насосе.

Б о с с (*кивает, задумчиво смотрит на Дока*). Где же, где я встречал этого парня?

Темнота. Из холодильной камеры выходит Э н н,
свет только на нее. Она в элегантном вечернем платье,
меховая накидка волочится за ней по полу.

Э н н. Меня зовут Энн. Я любовница Босса. Была фотомоделью, не то чтобы знаменитой. Самый большой успех имела в рекламе садовых качелей. Она появилась в «Харперс базар». Я качаюсь на них в голубом купальнике над английским газоном. До этого у Босса была другая любовница. Моя подруга Китти. Она жила в фешенебельном районе. Когда она пригласила меня к себе, то сказала, что, если я приду, Босса не будет. Я пришла, Босс был, а Китти пропала. Когда Босс меня взял, у меня сразу возникло какое-то нехорошее чувство; с такими, как Босс, связываться нельзя, но с тех пор я живу с ним. Он меня балует. Я езжу в дорогой спортивной машине. Он подарил мне драгоценности и меховое манто, а совсем недавно — маленький холст Рембрандта, только я не должна его никому показывать. Я переехала в квартиру Китти. А Китти никогда больше не появлялась. Могу только догадываться, что с ней случилось. Босс очень влиятельный. Люди его боятся, но я не знаю, чем он занимается. И хорошо, что не знаю. Думаю, у него есть семья. Он упоминал однажды, что живет на большой вилле в еще более фешенебельном районе. Иногда он летает на запад-

ное побережье. Когда он в очередной раз улетел на побережье, я пошла в «Томми-бар». (*Подходит к рампе.*) Босс, собственно, запретил мне ходить в «Томми-бар», он желал, чтобы я посещала только дорогие рестораны, но иногда я все же ходила в «Томми-бар» — хотелось самостоятельности и острых ощущений, и так уж вышло, что я встретила там Дока. Тогда на мне было это манто. (*Надевает манто.*) Док сказал, что живет совсем недалеко, у реки, но я все-таки испугалась, когда мы вошли в склад и спустились на лифте вниз. Войдя сюда, я недоверчиво огляделась.

Комната освещается. Док лежит на кушетке.

Док. Ну как тебе?
Энн. Так глубоко под землей.
Док. Пять этажей вниз.
Энн. Ты здесь живешь?
Док. Здесь.
Энн. Днем и ночью?
Док. Всегда.
Энн. Но это же не квартира!
Док. А для меня — да.
Энн. Неуютно.
Док. Мне не нужен уют. (*Листает комиксы.*)
Энн. Где-то капает вода.
Док. Страшно?
Энн. Чуть-чуть.
Док. Ты сама со мной заговорила.
Энн. В «Томми-баре».
Док. И пришла сюда по доброй воле.
Энн. Я знаю.
Док. Тебе было все равно куда.
Энн. И вот я здесь.
Док. Ты хочешь со мной переспать?
Энн. Я предложила.
Док. Вот кровать.
Энн. Я вижу.
Док. Раздевайся.
Энн. Потом.
Док. Виски?
Энн. Пожалуйста. (*Док приносит ей виски.*)
Док. Если хочешь, можешь снова подняться наверх.
Энн. Я останусь. Ты ученый?

Д о к. Что-то вроде.

Э н н. Это твоя лаболатория?

Д о к. Что-то вроде. (*Смеется.*)

Э н н. Я опять ляпнула не то?

Д о к. Ничего.

Э н н. Спьяну. (*Нажимает на кнопку холодильной камеры, дверь открывается.*)

Д о к. Я изготовляю промышленные алмазы.

Э н н. И для этого нужно забираться так глубоко под землю? (*Делает шаг в холодильную камеру.*)

Д о к. Радиоактивное излучение.

Э н н. Это опасно? (*Испуганно выходит из камеры.*)

Д о к. Только когда аппарат работает.

Энн нажимает на кнопку,
дверь закрывается.

Мое изобретение.

Э н н. А я сразу догадалась, что ты интеллектуал.

Д о к. Был им.

Э н н. Что внизу?

Д о к. Канализация.

Э н н. Теперь мне раздеваться?

Д о к. Потом.

Э н н. Боишься?

Д о к. Нет.

Э н н. Тут можно курить?

Д о к. Могла бы не спрашивать.

Э н н. А вдруг все взлетит на воздух?

Д о к. Может.

Э н н. Тогда я лучше не буду. (*Смеется, смотрит на Дока.*) Я тебя никогда раньше не видела в «Томми-баре».

Д о к. А я до сих пор никогда не был в «Томми-баре».

Э н н. Ты действительно всегда живешь здесь, внизу?

Д о к. Я поднялся наверх первый раз за год. Еще виски?

Э н н. Еще. (*Протягивает ему свой стакан.*)

Д о к. Лед?

Э н н. Если он здесь есть.

Д о к. Здесь он всегда есть. (*Идет со стаканом Энн в камеру, говорит оттуда.*) У тебя шикарный драндулет.

Э н н. Подарок.

Д о к. И манто не из дешевых.

Э н н. Тоже подарок.

Д о к. А почему ты спросила именно меня, можно ли со мной переспать?

Э н н. Случайно.

Д о к. А другого спросила бы?

Э н н. Спросила.

Д о к (*приносит виски*). Дорогая проститутка или искательница приключений?

Э н н. Не имеет значения.

Д о к. Все еще хочешь спать со мной?

Э н н. Все еще.

Д о к. Я ничего не плачу.

Э н н. Не имеет значения.

Д о к. Забавная девочка. (*Садится на кушетку.*) Давно у меня не было женщины.

Э н н. Ну и шикарная же хата у тебя здесь внизу.

Д о к. Когда-то я жил вполне прилично.

Э н н. Разорился?

Д о к. В пух и прах.

Э н н. Экономический кризис многих выбросил на улицу.

Д о к. Все мы знавали лучшие времена. (*Пьет.*)

Э н н. Меня зовут Энн. (*Пьет.*)

Д о к. Меня называют Док. (*Пьет, задумчиво смотрит на нее.*) Почему ты хочешь со мной переспать?

Э н н. Это тебя не касается. (*Пьет.*)

Д о к. Тогда раздевайся.

Э н н (*протягивая ему свой стакан виски*). Я раздеваюсь.

Свет только на Энн, Док исчезает
на заднем плане. Энн подходит к рампе.

Потом я разделась. (*Снимает манто.*) Может, потому, что хотела отомстить Боссу. Или от стыда, что не смогла противостоять Боссу. Все получилось прекрасно. Тогда, в ту холодную февральскую ночь, я провела у Дока всего несколько часов и больше не собиралась с ним встречаться. Но когда Босс снова улетел на западное побережье, я снова встретилась с Доком и теперь прихожу к нему, даже если Босс не улетает на побережье. (*Ложится на кушетку, включает незаметно встроенный в стену проигрыватель. Вивальди, «Лето», Allegro non molto.*) Сейчас июль. Это прохладное помещение глубоко под землей стало вдруг таким уютным. Мне тут все нравится — и эта ниша, и навес

над ней, на который иногда каплет вода, и маленький, скрытый в стене проигрыватель — подарок Дока. Я счастлива с Доком. Я доверяю ему больше, чем любому другому мужчине. Но до сих пор я не говорила с ним о Боссе. Не надо ему было знать, что я знакома с Боссом. И с Боссом не надо было знакомиться. Или хотя бы подозревать о его существовании. А теперь вот я должна рассказать ему о Боссе, но осторожно, не называя имени.

Вся комната освещена. Из холодильной камеры выходит Док с пустым ящиком, в изумлении останавливается.

Док. Ты еще здесь?
Энн. Я снова здесь.
Док. Ты же уехала наверх.
Энн. Значит, потом спустилась вниз.
Док. Уже утро.
Энн И что?

Док уносит ящик.

Тебя всегда знобит, когда ты выходишь из соседней комнаты.

Док. Там прохладно.
Энн (*выключает проигрыватель*). Док.
Док. Энн?
Энн. Я влюбилась в тебя.

Док молчит.

Вдруг

Док. В таких, как я, не влюбляются.
Энн. Ты не такой, как другие.
Док. Я стал таким, как другие.
Энн. Я хотела остаться порядочным человеком.
Док. Все мы этого хотели.
Энн. Ты порядочный человек.
Док. Чушь. Не будь мне так нужны мои инструменты, умей я мыслить без электронного микроскопа или без компьютера, может, я и остался бы порядочным ученым, вот и все.
Энн. Нет ничего непорядочного в том, чтобы изготовлять промышленные алмазы.
Док. Сегодня все непорядочно.
Энн. Ты ничего не знаешь обо мне.

Док. Нам не нужно ничего знать друг о друге.

Энн. Меня содержит один человек.

Док. И что?

Энн. Я не могу с ним больше жить, с тех пор как познакомилась с тобой.

Док. Важная птица?

Энн. В определенных кругах.

Док. Его имя?

Энн. Я не хочу тебя впутывать.

Док. Я уже впутался.

Энн. Еще нет.

Док. Мы все во все впутаны.

Энн. Он подарил мне Рембрандта.

Док. Царский подарок.

Энн. «Старая дама при свечах».

Док. Подделка.

Энн. Возможно.

Док. Или краденая.

Энн. Тогда не подделка.

Док. Ты боишься?

Энн. С тех пор как люблю тебя.

Шум льющейся воды.

Док. Изготовление промышленных алмазов требует постоянного наблюдения. (*Идет в камеру.*) Он что-то подозревает?

Энн. Не знаю.

Док. Ты в опасности?

Энн. Если он что-то подозревает.

Док. Не надо было в меня влюбляться.

Энн. Но я в тебя влюбилась.

Док возвращается из камеры с пустым ящиком.

Док. Энн.

Энн. Док?

Док. Я тоже влюбился в тебя.

Молчат.

Тоже вдруг.

Она подходит к нему. Страстно обнимаются. Барахтаются на полу.

Энн. Что мне делать?

Док. Не жить с ним больше.
Энн. Я не могу уйти.

Целуются.

Он везде меня найдет.
Док. Я тебя надежно спрячу.
Энн. Где?
Док. У подружки моего партнера.
Энн. Кто твой партнер?
Док Неважно.
Энн. Тоже важная птица?
Док. Тоже.
Энн. На следующей неделе он летит на западное побережье.
Док. Это может быть слишком поздно.
Энн. Уходить раньше — опасно.
Док. Прямо сегодня.
Энн. Сегодня он придет ко мне.
Док. Тогда завтра.
Энн. Не знаю, как получится.
Док. Нужно, чтобы получилось.
Энн. Завтра вечером?
Док. Здесь внизу.
Энн. После десяти.
Док. После десяти. (*Поднимается.*) Не бери с собой ничего. Все должно выглядеть так, будто ты растворилась в пустоте.

Она поднимается, садится на кушетку, закуривает сигарету, оставляет пачку на полу.

Энн. Последняя. (*Курит.*) А что будет с тобой?
Док. Я должен оставаться здесь.
Энн. Из-за твоей важной птицы?
Док. Я вхожу в крупное дело. (*Садится на пустой ящик.*)
Энн. Твои промышленные алмазы?
Док. Да.
Энн. Грязное дело?
Док. Дела бывают только грязные.

Энн курит.

Через год я разбогатею.

Энн. Год может длиться вечность.
Док. Не всегда.
Энн. Ты справишься?
Док. Потом мы оба уедем из города.
Энн. Если нам повезет.
Док. Я справлюсь.

Энн курит.

Потому что у меня снова есть шанс.
Энн. С твоими алмазами?
Док. С тобой.

Энн тушит сигарету, поднимается, берет манто.

Энн. Я должна идти.

Док уносит пустой ящик.

Док. Я должен работать.
Энн. Я должна еще раз вернуться к своей важной птице.
Док. Последний.

Энн входит в остановившийся лифт, виден только ее силуэт.

Энн. Док.
Док. Энн?
Энн. Сходим ли мы еще в наш «Томми-бар»?

Двери лифта закрываются, лифт идет вверх.
Темнота. Из холодильной камеры, шатаясь,
выбирается Билл, голый, наполовину
завернутый в пластик. Свет только на него.

Билл. Меня зовут Билл. Мне двадцать четыре. Сначала я изучал биологию, потом занялся социологией. Образование помогает человеку только в том случае, если он научился уживаться с себе подобными. Непорядочно рассуждать об атомах, молекулах, спиральных галактиках или соединениях углерода, когда коррумпированное государство, еще более коррумпированное общество или идиотский догматизм ведут мир к гибели. Я ученый, а не моралист, личный жизненный опыт, который привел к этим выводам, существенной роли не играет. Я все равно стал бы анархистом, поскольку человечество развивается слишком медленно.

Коль скоро общественные устройства порабощают личность, личность должна их разрушать. Революции с их огромными жертвами только создают необходимость заново изменять мир. Бессмысленно каждый раз изобретать новую идеологию, сооружать каждый раз новые утопии. Хватит болтать попусту. Лишь огромная беда вернет человечеству разум, безумному миру — безумные методы. Наша борьба направлена против любой политической системы и любого политического строя. Все они никуда не годятся. Всеобщая коррупция непобедима, умно заложенная бомба — не утопия, а реальность, в нужный момент переведенная стрелка — не идеологический поступок, а осмысленное решительное вмешательство в ход истории. Бездействие вредно. Соучастие преступно. Строительство планов — пустая трата времени. Только сумасшедшая гонка поможет продвинуться вперед. Воплотить этот принцип в жизнь — вот моя цель. Когда-то это казалось недостижимым. Несмотря на энциклопедическое образование, мне не хватает опыта насильственных действий, я настолько непрактичен, что абсолютно неспособен вбить в стену гвоздь; но неожиданное стечение обстоятельств сделало недостижимое вполне реальным и возможным. Я пользуюсь случаем, вот и все.

Билл снова плетется в холодильную камеру. Из камеры, разминувшись с ним, выходит Джек, дряхлый старик в черном выходном костюме: шляпа, очки без оправы, в руках два дипломата. Шум воды в момент исчезновения Билла.

Джек. Я Джек. Если выступление Билла было нереально, то мое еще нереальнее. Это я сейчас спустил воду. А вообще-то я больше всего люблю читать чувствительные любовные романы и сонеты елизаветинской поры. Я угодил в ужасное место. Ванная комната, на полках бутылки с кислотой, как в аптеке, на стене сосуды с какими-то непонятными жидкостями, красный шланг, который, как вы видите, подключен к крану, все облицовано белым кафелем. Омерзительно. Впрочем, меня доставили сюда, запихнув в два этих чемодана. (*Швыряет чемоданы в холодильную камеру.*)

Дверь закрывается, снова слышен шум льющейся воды.

Сейчас в канализацию спускается мой племянник Билл. В общем-то, я любил мальчика: он образован, мечтателен,

нежен. Идеи, которые он развивал, повергают в изумление не только вас, меня тоже, современная молодежь определенно сошла с катушек. Однако еще его мать была самой потрясающей нимфоманкой из всех, которых мне довелось повстречать. Чертовски развратная баба: черноволосая, длинноногая, гибкая. Грандиозная. Мой брат сходил по ней с ума. Ему было наплевать, что она изменяла ему со всем штатом химического завода и, кажется, со всем административным советом, но не будем сплетничать. Моему брату было достаточно того, что она согревала его старые кости, а когда я раскрыл ему глаза, он только усмехнулся. «Ник, — швырнул я ему всю правду в лицо, — Ник, она спит с каждым, она и меня соблазнила, в моем кабинете, под собранием сочинений Германа Гессе, во время авторского вечера в зале. Не помню, кто выступал: Е. Ф. Шуттертон, К. Л. Шуттертон, или Шуттертон-Шуттертон, или какой-то из молодых писателей, из тех, кто сейчас входит в моду. Я только слышал отдаленный гул голосов, пока она скакала на мне, и крики «браво». Голая, старик, она была голая, ей-богу, а что, если бы такой вот молодой поэт вдруг застал бы нас врасплох? Ник, говорю, ты летишь в пропасть». Это не произвело на него впечатления. Он женился на ней, усыновил Билла и полетел в пропасть. Буквально. Я уверен, что в тот момент, когда они врезались в северный склон Айгера, Ник с его диабетом дремал, а эта пышнотелая баба упражнялась с пилотом. Гора сказала свое слово, все было кончено, по завещанию химические заводы перешли к Биллу, мне осталось место в правлении и культура — она прилипла ко мне навсегда. С некоторых судьба берет втридорога. (*Вставляет в петлицу белую гвоздику.*) Мой отец скупил основные издательства художественной литературы и завещал их мне. Пока мой брат загребал миллионы, современная литература разоряла меня, и мой конец после смерти Билла — тоже театр абсурда. Если бы только понять, почему я дал растворить себя здесь, в этих двух чемоданах. Странно, мое предложение относительно Билла, казалось, было принято. Но вернемся же снова к реальности. Вы, наверное, с умилением вспоминаете о расставании Энн с Доком, догадываясь, что они простились навсегда.

Свет. Док лежит на кушетке, затем поднимается,
идет в холодильную камеру. Свет снова только на Джека.

Наутро, в начале девятого, Док отправляется в холодильник, начинает работать.

Лифт идет вниз.

Холодильник нужно очищать каждое утро, понятно, что он не заметил прихода Билла.

Из лифта выходит Б и л л, удивленно оглядывается, не замечая Джека, уходит в глубину помещения. Лифт снова идет вверх.

Это он, да-да. Вы, наверное, с трудом узнали молодого человека? Он вошел в склад всего за несколько минут до меня, я еще подумал, что «феррари» на другой стороне улицы похож на его машину; это и был его «феррари». До меня постепенно стало доходить: он, наверно, подслушал мое предложение и обошел меня. Но тогда почему погиб он? И если он, то почему я? Я все еще ничего не понимаю, отказываюсь что-либо понимать. В конце концов, должна же быть какая-то логика. Представьте себе: я сижу перед телевизором, смотрю круглый стол с моими авторами и с радостью вижу, как в их сознание начинает наконец проникать простая мысль, что пора снова писать просто так, потому что пишется, пора снова сочинять просто так, по прихоти фантазии, что весь этот ангажированный и социально обусловленный компот, который они стряпали в последнее время, был неудобоварим, пришлось сокращать или даже спускать по дешевке целые серии, увольнять редакторов тысячами, вышвыривать менеджеров. Я счастлив, я дышу полной грудью, наконец-то, наконец-то забьет родник чистой поэзии, возродится божественное сочинительство, но тут я вдруг слышу за спиной какое-то шевеление, хочу — все еще счастливый, все еще окрыленный — оглянуться назад — и оказываюсь перед вами. Простите, мои мысли вечно блуждают в будущем, но с вами, дамы и господа, произойдет то же, если вас после смерти снова и снова будут переносить в прошлое — в позапрошлое, если быть точнее.

Свет. Из холодильника выходит Д о к, ложится на кушетку, листает комиксы, не замечает Джека. Свет на Джека.

Останемся же в этом позапрошлом.

Док возвращается назад, не подозревая, что из глубины помещения за ним наблюдает Билл. Лифт идет вниз.

Лифт идет вниз. Со мной вниз. Действительно, у меня нет ни малейшего представления, что со мной произошло, а после того, как меня растворили в какой-то неописуемой жидкости, это тем более невозможно установить. Да и зачем? С точки зрения драматургии я, вероятно, только незначительный второстепенный персонаж, с узким кругозором. Итак, лифт со мной на месте. (*Идет к лифту.*) Чудовищно, мне кажется, что литература, которую я издаю, становится реальностью.

Свет. Джек заходит в лифт, берет оттуда портфель и зонт, выходит из лифта. Осторожно делает шаг в комнату.

Джек. Джек.

Док. Док.

Джек. Я был сегодня приглашен сюда неизвестным к пяти часам.

Док. Вы пунктуальны.

Джек. Надеюсь, я не ошибся адресом.

Док. Вы не ошиблись.

Дверь лифта закрывается.

Джек (*оглядывается*). Ужасно.

Док. Неуютно?

Джек. Как издатель самых изысканных поэтов с начала века я привык к другому интерьеру.

Док. Я не читаю поэтов.

Джек. Я вижу. Комиксы. (*Идет назад к лифту.*)

Док. Не доверяете?

Джек. Субъекты вроде вас не внушают доверия.

Док. Вы разбираетесь в людях.

Джек. Вы, очевидно, не привыкли вставать, когда в комнату входит посторонний?

Док. Когда как.

Джек. Речь идет о химических заводах.

Док. А я-то надеялся, что вы хотите помочь исчезнуть кое-кому из поэтов.

Джек. Я член правления.

Док. Чем только не занимаются издатели художественной литературы.

Джек. Я говорю от имени всего правления.

Док. Говорите.

Джек. Сути дела не знает только председатель правления.

Док. Итак?

Джек. Вероятно, даже вы имеете представление о химических заводах.

Док. Я там работал.

Джек. Не могу вас вспомнить.

Док. Обо мне никто не вспоминает.

Джек. У нас заняты тысячи.

Док. Я не занят у вас уже семь лет.

Джек (*усмехается*). Жертва экономического кризиса?

Док. Шеф одного из ваших исследовательских отделов.

Джек (*обрадованно*). Сотрудники нерентабельных отделов были вышвырнуты без всяких церемоний.

Док. Я был вышвырнут без всяких церемоний.

Джек (*смеется*). Судьба.

Док. Одновременно был расширен штат отдела рекламы.

Джек (*сияет*). Дело есть дело.

Док. Перейдем к нему.

Джек. Я получил письменное предложение.

Док. Похоже, оно вас заинтересовало.

Джек. На определенных условиях.

Док. И кого вы желаете устранить?

Джек. Владельца химических заводов. Президента правления.

Док. Старого Ника?

Джек. Старый Ник мертв. Речь идет о его пасынке.

Док. По какой причине мы должны им заниматься?

Джек (*жестко*). Ваше дело принять мой заказ, а не задавать вопросы.

Док (*приходит в ярость*). Я должен разобраться в деле, а вы извольте отвечать.

Джек. Что вы себе позволяете!

Док (*смеется*). Кто из нас клиент?

Джек. Я брат Ника.

Док. И что?

Джек (*высокопарно*). Химические заводы были основаны моим отцом. Я не могу допустить, чтобы они попали в руки человека, чье происхождение не поддается никакому описанию.

Док. И тем не менее попытайтесь.

Джек. Отец утонул в сточной канаве, шлюха мать пробралась в постель старого Ника, а их сын по завещанию наследует контрольный пакет акций и теперь явля-

ется президентом компании и самым богатым человеком страны.

Док. Самой свободной страны.

Джек. Этому скандалу нужно положить конец.

Док. Только не надейтесь, что я разделяю ваше негодование.

Джек. Я рассчитываю не на ваше негодование, а на заинтересованность вашей фирмы. У нее фантастическая репутация.

Док. И прежде всего фантастические цены.

Джек. Это несущественно.

Док. Надеюсь.

Джек. Покончим же с пустяками. Мой шофер ждет.

Док. Сколько?

Джек. Сто тысяч.

Док. Миллион.

Джек (*возмущен*). Будьте немного поскромнее.

Док. При назначении цены я учитываю возможности клиента. (*Ухмыляется.*)

Джек. Конкуренты требуют пятьдесят тысяч.

Док. Если они будут живы утром.

Джек. Вы приставляете нам нож к горлу?

Док. Ваше невежество еще более фантастично, чем наша фирма.

Джек. Я впервые веду такие переговоры.

Док. Бог мой, представляю, как вы обходитесь со своими поэтами.

Джек. Я должен собрать правление.

Док. Можете трубить сбор.

Джек входит в лифт.

Джек. Сомневаюсь, что они согласятся.

Док. Они согласятся. Речь идет о химических заводах, а не о художественной литературе.

Джек поднимается в лифте наверх. Из глубины помещения появляется Билл в джинсовом костюме.

Билл. Папа.

Док (*удивлен*). Билл?

Билл. Комиксы.

Док. Ну да.

Билл. Я везде тебя искал.

Док. Я залег на дно. (*Садится.*)
Билл. Много лет назад.
Док. Время идет.
Билл. Я уже думал, ты...
Док. Я еле свожу концы с концами.

Шум льющейся воды.

Билл. Растворился труп?
Док. Мой бизнес.
Билл. Я могу посмотреть?
Док. Пожалуйста.

Билл идет в камеру.

Билл. Превосходная работа.
Док. Я не халтурщик.
Билл. Это окупается?
Док. Сносно.

Билл выходит из камеры.

Билл. Ясно.
Док. Как ты проник сюда?
Билл. Меня сюда послали! Когда я спустился сюда полчаса назад, здесь никого не было.
Док. Я, наверное, чистил холодильник.
Билл. Здесь внизу ты ведешь себя довольно беспечно.
Док. У нас есть связи. (*Смотрит на Билла.*) Студент?
Билл. Социолог.
Док. Мода.
Билл. До этого я занимался биологией.
Док. Для мужчин это уже не наука.
Билл. Я был ассистентом у Вайта.
Док (*смеется*). Мой ученик. (*Приносит виски.*)
Билл. Он сожалел о твоем переходе в промышленность.
Док. Ему тоже пришлось отказаться от биологии.
Билл. Ты был большим ученым.
Док. Я понимал кое-что в аминокислотах.
Билл. Мы обязаны тебе существенными знаниями о жизни.
Док. Мои существенные знания о жизни состоят в том, что во время кризиса я с треском вылетел на улицу. (*Пьет.*) Как странно, что мы с тобой встретились.

Б и л л. Странно.

Д о к. Я ожидал другого.

Б и л л. Я тоже.

Д о к. Самого богатого человека страны. (*Пьет.*) Не будем обманывать себя. Ты знаешь, на кого я работаю. Забавно было увидеть тебя. Я случайно оказался твоим отцом, а ты случайно — моим сыном, ничего другого мы друг другу сказать не можем. Прощай, Билл. И пусть лучше наследник химических заводов пришлет другого парламентера.

Б и л л (*спокойно наблюдает за отцом*). Я и есть наследник химических заводов.

Док молчит.

Моя мать вышла замуж за старого Ника. Два года назад.

Док пьет.

Она перебралась из одной хорошей кровати в еще лучшую.

Д о к (*прыскает со смеху*). Карьера! (*Пьет.*) А я тем временем докатился до того, что занимаюсь расщеплением трупов на составные части. Тоже карьера.

Б и л л (*остается спокойным*). Три недели назад старый Ник с матерью на его частном реактивном самолете врезались в отвесную скалу.

Д о к. Соболезную.

Б и л л. Катастрофа года.

Д о к. Я уже давно не в курсе того, что происходит наверху. Перейдем к делу. (*Отбрасывает стакан назад.*)

Б и л л. Перейдем.

Д о к. Переговоры ты только что слышал?

Б и л л. Слышал.

Д о к. За твою голову дают миллион.

Б и л л. Я всегда подозревал, что мой сводный дядя занимается не только литературой.

Док поражен, он подходит к Биллу
и угрюмо на него смотрит.

Д о к. Ты подпишешь чек на два миллиона и исчезнешь.

Б и л л. Я не придаю большого значения убийству Джека.

Д о к. Легкомысленно.

Б и л л. Зато я предлагаю десять миллионов...

Д о к. Шутишь.

Б и л л. ...за убийство президента страны.

Молчание.

Д о к. Убийственная шутка.

Б и л л. Кровавая серьезность.

Д о к. У меня есть чувство юмора, Билл, но должен тебя предупредить, что у фирмы его нет.

Б и л л. Я не шучу. Что касается трупа президента, то тебе не придется его растворять. Я не хочу лишать народ такого удовольствия, как участие в церемонии похорон.

Д о к (*сообразив*). Убирайся отсюда.

Б и л л. Я сделал предложение.

Д о к. Два миллиона за убийство Джека, и баста.

Б и л л. Ты посредник.

Д о к. Я не передам твое предложение дальше.

Б и л л. Передашь.

Д о к. Я отказываюсь участвовать в этом идиотизме.

Б и л л. Коп дал мне твой адрес.

Док молчит.

Иначе я должен буду обратиться к нему.

Док молчит.

Я тесно связан с шефом полиции. Он обратил мое внимание на существование фирмы и таким образом привел к идее толково ее использовать.

Д о к (*размышляет*). Почему ты хочешь убить президента?

Б и л л. Я представляю самое до сих пор радикальное направление анархизма.

Д о к. Это я уже понял.

Б и л л. Репрессивные тенденции...

Д о к. В наше время убийцы любят рассказывать байки.

Б и л л. Давай перейдем к делу. Десять миллионов в год, и фирма убирает одного президента за другим.

Д о к. Долгосрочный контракт?

Б и л л. Только так можно надолго парализовать страну.

Д о к. Дорогое удовольствие.

Б и л л. Я взорву весь мир, если просажу огромные прибыли, которые извлекаю из химических заводов.

Д о к. Революцию не покупают, ее делают самостоятельно.

Б и л л. Я и сделаю ее с вашей помощью. Мы больше не забойщики свай, мы живем в техническом веке. Кому

нужна машина, тот не изготовляет ее сам. Он может ее купить. Кому нужно убийство, не должен убивать сам. Он может его заказать. Я покупаю у вас.

Док молчит.

Ты в доле?

Д о к. Двадцать процентов.

Б и л л. Ну вот.

Д о к. Решаю не я один.

Б и л л. Фирма предложила мне одно дело, я предложил ей другое, лучшее.

Д о к. Предложение Джека может быть принято.

Б и л л. От десяти миллионов не отказываются.

Д о к. Билл, еще раз: два миллиона за убийство Джека, и адью. (*Нажимает на кнопку лифта.*)

Б и л л. Я самый богатый человек в стране. Вы должны считаться со мной, а я с вами, иначе у вас уплывает выгодное дело, а у меня политика.

Д о к. Я поговорю в фирме.

Б и л л. Вот видишь.

Д о к. Тебе сообщат.

Б и л л. Когда?

Д о к. Скоро.

Б и л л. Ты образумился.

Д о к. На карте стоит твоя жизнь.

Б и л л. Я все ставлю на карту.

Д о к. Твоя борьба в одиночку — настоящее безумие.

Б и л л. Ты забываешь о потрясающей уязвимости сегодняшнего общества. С моими миллионами не нужна партия. С моими миллионами нужно просто использовать твои научные познания.

Д о к. Наука не имеет ничего общего с политикой.

Б и л л. Может, все-таки имеет. Тот, кто подвергает воздействию электрического разряда смесь метана, водяного пара, аммиака и водорода, получает аминокислоту, основной элемент жизни. Благодаря этому эксперименту ты стал знаменитым. Я повторю его в политике. Смесь — это наше общество, аммиак и метан — самые вонючие газы, а электрическая искра — мои миллионы, которыми я приведу в действие вас.

Д о к. Из-за меня?

Б и л л. Своими убеждениями я обязан твоей судьбе.

Д о к. При чем тут моя судьба?

Б и л л. Каждый действует, исходя из личного опыта.

Д о к. Ты хочешь отомстить за меня?

Б и л л. Чти отца своего и матерь свою. Когда тебя вышвырнули с химического завода, я начал задумываться над общественной системой, породившей этот кризис, а когда моя мать легла со старым Ником, я начал размышлять над тем, как бы разрушить тот мир, который разрушил тебя.

Д о к. Билл.

Б и л л. Папа?

Д о к. Я предоставил себя в распоряжение фирмы. Почему? Потому что меня погубило общество? Потому что еще раз хотел самоутвердиться, показать, чего стою? Потому что презирал себя? Из ненависти? От озлобления? Громкие слова. Может быть, просто по недомыслию, потому что ничего худшего не пришло мне в голову. Может, просто потому, что хотел жить чуть лучше: на пятом этаже под землей. Ты не можешь мне отомстить, так как я сам давно за себя отомстил. Сам себе. Как обманутый муж, который из мести сам себя кастрирует.

Билл остается неумолимым.

Б и л л. Все равно я отомщу за тебя.

Д о к (*яростно*). Оставь меня в покое со своей местью.

Молчание.

Б и л л. Тихо здесь.

Д о к. Мне больше нечего тебе сказать.

Б и л л. Где-то капает вода.

Д о к. Просачивается сюда из реки.

Б и л л. Что бы ни творилось наверху, к тебе сюда ничего не просачивается. Мир тебя больше не интересует. Он поставляет тебе свои трупы и комиксы. Не я его уничтожу, он уничтожит себя сам. Я просто помогу. (*Идет в лифт.*) Десять миллионов. Каждый год.

Лифт закрывается и идет наверх.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Посередине сцены стоит Б о с с. Темный костюм, в руках шляпа и красная роза. Подходит лифт. С э м на двухколесной тележке вкатывает большой дорожный кофр.

С э м. Куда собрались, Босс?
Б о с с. Сюда, Сэм.
С э м. Слушаюсь, Босс.
Б о с с. Подожди в «кадиллаке», Сэм.

Сэм исчезает. Лифт идет наверх. Босс остается с кофром один.

В ящике лежит труп Энн, труп девочки, которой я подарил драгоценности, меха, спортивный автомобиль и украденного из Национальной галереи Рембрандта. (*Садится на кофр.*) Я себя не обманываю. Я произвожу двойственное впечатление. Как свободный предприниматель я вызываю симпатию, но мой бизнес внушает отвращение, хотя предприятия других бизнесменов только кажутся не столь радикальными. В сущности, деловой мир принципиально радикален. Слабый идет ко дну, сильный карабкается наверх, правдами или неправдами — как повезет. Ты не знаешь ни отца, ни матери? Не имеет значения. В семь лет сбежал из сиротского приюта? Не играет роли. В девять лет возглавлял банду? Неважно. В семнадцать пристрелил одного толстомордого в «Томми-баре»? Бывает. При других обстоятельствах я мог бы стать генералом, кардиналом, политиком или магнатом. Обстоятельства не главное, главное — характер: чтобы считать, управлять, убивать, любить и счастливо жениться, нужно иметь одно — душевные силы. (*Встает на колени. Достает бумажник, растроганно показывает фотографию.*) Моя семья. Моя жена Перпетуя, этой весной мы справили нашу серебряную свадьбу, моя дочь Анджела, ей

двадцать четыре, моя дочь Приска, двадцать три, моя дочь София, двадцать два, моя дочь Регина, двадцать один, а вот эта славная мордашка — это Лоретта, ей двадцать. (*Прячет бумажник, поворачивается спиной к публике, торжественно кладет розу на кофр.*) На этом фоне понятно, почему пришлось убрать Энн. Я убил ее из тактических соображений: в общем-то, она меня забавляла. Не потому, что спала с Доком. Смешно было то, что она панически меня боялась. Она, кажется, воображала, что я устранил ее предшественницу Китти. А Китти давно содержит бордель на западном побережье. И Энн совершила немыслимую вещь: изменила мне с моим же собственным служащим. Забавно. Вот что значит дать маху. (*Кладет шляпу на кофр поверх розы.*) То, что Док не догадался, с кем спит, — другое дело: что эти интеллигенты понимают в жизни! Да разве они умеют ею пользоваться! А Док со своим некродиализатором мне полезен, и еще как! Тем больше у меня было оснований не обижаться на него за связь с Энн, напротив, я готов был дать им свое благословение, видит Бог, я человек великодушный, но тут на арену вышел Коп, Коп, которого я уже где-то встречал и на которого никак не могу выйти, он отстегивает Доку двадцать процентов, и мне приходится действовать, а достать Дока можно только через Энн, а выйти на Копа — только через Дока. Значит, единственным слабым местом Дока оказалась Энн. Потому что он позволяет себе роскошь испытывать угрызения совести. Как все интеллектуалы. Они воспринимают мир одновременно в двух видах: каков он есть и каким должен быть. В мире, каков он есть, они живут. Из мира, каким он должен быть, они берут мерки для вынесения обвинительного приговора миру, в котором живут. Известный старый трюк: чувствуя себя виновными, они себя оправдывают. Этот сброд непригоден к борьбе за власть. Они барахтаются в сознании собственной вины. Они даже чувствуют себя ответственными за сотворение мира, но вся их ответственность — плод воображения, роскошь, позволяющая избегать любого решительного поступка. (*Снимает оба ботинка.*) Добрый Док! Он будет чувствовать себя ответственным за смерть Энн, из страха перед моей местью прекратит бунтовать, переметнется от Копа ко мне и еще больше отяготит свою совесть. Лифт идет.

Из лифта появляется Док с пакетом продуктов, шампанским и красной розой. Кладет продукты и розу на кофр.

Д о к. Привет, Босс.

Б о с с. Привет, Док. Я вас не узнаю. Вы наконец-то еще раз побывали наверху?

Д о к. Второй раз за два года. (*Идет с шампанским в холодильную камеру, отвечает оттуда.*)

Б о с с. А в первый раз?

Д о к. Познакомился со своей девушкой.

Б о с с. А сейчас?

Д о к. Она придет насовсем.

Б о с с. Скоро?

Д о к. После десяти.

Б о с с. Вы забыли про еще один раз. Когда Коп допрашивал вас в своем офисе. (*Док выходит из камеры, Босс берет его розу.*) Красивая роза. Кто ее преследует?

Д о к. Не имею представления.

Б о с с. Ей нужно только назвать имя, и с этим человеком будет покончено.

Д о к. Она молчит.

Б о с с. Проклятая бабья молчаливость. (*Смотрит на кофр.*)

Док ставит розу в пустую бутылку из-под виски, приносит ящик, покрывает его белой скатертью.

Вы хотите привести ее к моей любовнице?

Д о к. Там она будет в безопасности.

Б о с с. Если вы так считаете.

Д о к. Никто не заподозрит, что она у подруги Большого Босса.

Б о с с. Джо и Эл ее доставят.

Д о к. Надежные люди?

Б о с с. Первоклассные люди.

Д о к. Завтра.

Б о с с. Разумеется, завтра.

Д о к. Перед этим я хочу позавтракать с ней в «Томми-баре».

Б о с с. Вы начинаете кутить, дружище.

Д о к (*замечает вторую розу*). Еще одна роза?

Б о с с. Тоже для вашей девушки.

Д о к. Я не доверяю вашему дружелюбию.

Б о с с. У меня тоже есть сердце.

Д о к. Не трогайте мою девушку.

Б о с с. Подумайте о моем насосе.

Д о к. Мы хотим пожениться.

Б о с с. Когда?

Д о к. Когда-нибудь.

Б о с с. Надо же. Я предостерегал вас от любви.

Д о к. Это мое дело.

Б о с с. Разумеется.

Д о к. У меня двадцать процентов. Как только я накоплю достаточно, начну новую жизнь.

Б о с с. Кто растворяет трупы, не начинает новой жизни.

Д о к. Я выйду из дела.

Б о с с. Есть дела, из которых не выходят.

Д о к. Угроза?

Б о с с. Предостережение.

Д о к (*идет к кофру*). Новый товар?

Б о с с. Неважно.

Д о к. Кто?

Б о с с. Частное дело.

Д о к. Прекрасно. (*Ставит вторую розу к первой, накрывает стол на две персоны, ставит свечу, потом раскладывает еду: колбасу, сыр, рокамболи, икру, булочки и т.д.*)

Б о с с. Док. Я знаю, что уже поздно. Вы накупили всего и ждете свою девушку. Но полчаса у вас для меня найдется? Наше дело разворачивается в гигантских масштабах.

Д о к. Приятно слышать.

Б о с с. Не знаю.

Д о к. Что вам не нравится?

Б о с с. Коп.

Д о к. Он подкинул нам дело века.

Б о с с. Он подкинул его себе.

Д о к. Мы партнеры.

Б о с с. Меня раздражает коррумпированный полицейский.

Д о к. Полиция всегда была коррумпированной.

Б о с с. Но не настолько же. Ладно бы Коп взял два или три процента, но хапнуть целых пятьдесят! Я постарался осторожно проинформировать прокурора, что Копа купили. Прокурор и не почесался.

Д о к. Может, Коп купил прокурора.

Б о с с. Патриот так не скажет.

Д о к. Я не патриот.

Б о с с. Прокурора нельзя подкупить.

Д о к. Подкупить можно любого.

Босс. Я знаю. Вы бродяга без роду и племени. Если вы не стыдитесь высказывать подобные подозрения, значит, вам безразлична судьба отечества.

Док. В наши дни преступники склонны к романтизму.

Босс. А о профессиональной этике вы, конечно, не слышали.

Док. Не в ваших кругах.

Босс. Вы сами подчеркнули, что мы — деловые партнеры. Тогда и вам следует придерживаться принципов нашего дела.

Док. Это каких же?

Босс. Во-первых: нормальные цены. От Джека вы потребовали миллион. Нереально за устранение частного лица. Если мы будем придерживаться таких цен, то за год конкуренты развернутся так, что мы уже не сможем держать их в узде. Во-вторых: никакой политики. Я снова и снова вдалбливаю моим парням: депутаты и сенаторы — это табу, а президент тем более, он неприкосновенный символ. Я пойду на убийство наследника химических заводов, но буду препятствовать ликвидации президента. Иначе политики разорвут нас на куски.

Док. Мы уже все решили.

Босс. Мы?

Док. Коп и я.

Босс (*недоверчиво*). Вы встречались с ним?

Док. Сегодня после обеда.

Босс. Мне не удалось даже дозвониться ему.

Док. Он заходил сюда.

Босс. За моей спиной.

Док. Покушение на президента — дело решенное.

Босс. Похоже, моего мнения не спрашивают.

Док. Решает большинство.

Босс. Лучше бы мне оставаться с борделями, игорными домами или на худой конец с наркотиками. Но последнее слово в этом деле еще не сказано. Наследник заводов — социально опасный дилетант. Тому, кто сегодня хочет убрать президента, нужно просто за пачку банкнот нанять снайпера, а не бросаться десятью миллионами. Тем более не прибегать к услугам фирмы с такой репутацией, как наша. (*Швыряет Доку ключ.*) Принимайтесь за работу.

Док (*недоуменно*). Сейчас?

Босс. Сейчас.

Док. Но моя девушка...

Босс. Никаких «но».

Док. Пожалуйста. (*Надевает спецовку. Идет к кофру.*)

Босс. Она красивая?

Док. Кто?

Босс. Ваша любовница.

Док. Очень. (*Протаскивает кофр в дверь холодильной камеры.*)

Босс. Она тоже была красивая.

Док. Кто?

Босс. Моя любовница.

Док. Была?

Босс. Подготовьте ее там в холодильнике и разложите на составные части.

Док с кофром исчезает в камере.
Дверь остается открытой.

А ведь я ей был как родной отец. (*Ковыляет к столу, садится, зажигает свечу.*) Док! (*Кладет ноги на стол.*) Мне тоже доставляют ветчину от Бузони.

Из холодильной камеры слышно,
как открывается крышка кофра.

Поживее с ней.

Из холодильника ни звука.
Босс пристально смотрит на свечу.

Поторопитесь, это мне тяжело далось. Док, поверьте, но моя любовница в своих апартаментах не сможет составить компанию вашей. Бузони — это класс. (*Ест.*) Задушена. Я повалил ее на кровать и поцеловал. (*Ест.*) Рокамболи. (*Швыряет рокамболи за себя, на кушетку, куда попало...*) Из ревности. И вдруг у меня возникло чувство, Док, что моя любовница была мне верна, Док, что все это — понимаете, Док, — что все это только мое воображение. Док, только мое воображение — я старею, насос сдает, ноги постоянно опухают, и все время картины в мозгу. Док, картины, видения, моя любовница с кем-то другим — совершенно голая... Я вижу обоих, Док, они валяются на какой-то кушетке вроде этой. Давно надо было выгнать ее к чертовой матери. При первом же подозрении. Если бы я только знал... Она и сегодня вечером занервничала, когда я при-

шел... В последнее время она часто нервничала... Я давно уже что-то чуял... с прошлого февраля... Я лег к ней в постель и как всегда сделал вид, что принял снотворное... Я уже несколько недель следил за ней, лежал рядом и выжидал... И вот она встает, упаковывает кофр и хочет смыться, испариться, раствориться в воздухе со своими драгоценностями, с меховым манто и Рембрандтом, которого я ей подарил... Она даже не сопротивлялась. (*Поднимается.*) Великолепные оливки. (*Ест.*) Если бы я только знал, кто тот парень, к которому она так рвалась, с которым она спала, снова и снова. (*Отшвыривает ногой пустую пачку, которую Энн бросила на пол.*) Она тоже курила такие сигареты. А может быть, никакого парня вообще не было. (*Включает проигрыватель. Вивальди, «Лето», Allegro non molto. Идет к двери в камеру.*) Нравится она вам? (*Кричит.*) Ее звали Энн.

Нет ответа.

Н-да, вероятно, она не в вашем вкусе. И к тому же труп. (*Возвращается назад к «столу».*) Даже креветки раздобыли. (*Рассыпает креветки по «столу».*) Моей девочке стоило лишь пальцем пошевелить... Зачем она дала задушить себя, я ведь хотел только...

Из холодильной камеры выходит Док.
Босс глядит на него в упор.

Странно, я уже больше не ревную.

Док. Она мертва.

Босс. Обожаю анчоусы. (*Ест.*) Видя эту женщину мертвой, вы можете себе представить, какой она была при жизни; понимаете, почему я ревновал?

Док говорит медленно, автоматически, как во сне.

Док. Ей было около двадцати пяти.

Босс. Это не ответ.

Док. Она красивая.

Босс. Я знаю.

Док. Самая красивая девушка, какую я когда-либо видел.

Босс. Я знаю.

Док. Вы не должны были ее убивать.

Босс. А я убил.

Док выключает проигрыватель.

Док. Босс.
Босс. Док?
Док. Я...
Босс. Ну?
Док. Ничего.
Босс. Ничего так ничего. Я нанял вас, чтобы вы растворяли трупы, а не философствовали. Она была просто потаскухой.

Док в спецовке и перчатках садится за стол, начинает механически есть.

Док. Я ее не знал.
Босс. Я знаю, что не знали.
Док. Мне больше не нужны ваши апартаменты.
Босс. Я думал, ваша любовница в опасности.
Док. Не стоит преувеличивать.
Босс. Вы говорили, что она боится.
Док. Уже нет.
Босс. Вам виднее.
Док. Я пристрою ее еще где-нибудь.
Босс. Дело ваше. Я думаю, вы будете счастливы с вашей любовницей. (*Озабоченно.*) Да на вас лица нет, дружище, вы бледны как смерть. Сочувствую вам всей душой. (*Садится напротив него, осыпает его лепестками двух роз, потом ест икру.*) Как человек чувствительный, вы близко к сердцу приняли смерть моей любовницы. Вы так глубоко потрясены, будто это была ваша любовница, а ведь она для вас совершенно чужой человек. Это потому, что вы не деловой человек. Док, говорю вам как отец, несмотря на мою скорбь. Если так пойдет дальше, вы окажетесь под колесами, жизнь становится все жестче, борьба за власть круче, народ звереет. Есть предложение, Док: у вас двадцать процентов, вы мне их уступаете, я даю вам пять тысяч в месяц, беру на себя все проблемы, и вы сможете спокойно сосредоточиться на своей работе. Щедрое предложение, не так ли? (*Облизывает пальцы.*) Икра превосходная. (*Надевает ботинки.*)
Док. Если уберут президента.
Босс. Но почему? Он хороший человек и ничего вам не сделал.
Док. Мое сотрудничество с фирмой должно обрести какой-то смысл.

Б о с с. Странный ответ, смешной ответ.

Д о к. Это мое условие.

Б о с с. Разумеется, Док, конечно. Если Коп тоже согласен, я готов убрать президента за десять миллионов. Ради вас. Скрепя сердце, поверьте. Вам известен мой патриотизм. Я как-никак был при взятии Исигаки. (*Идет в холодильную камеру, как трофей волочит за собой по полу манто Энн.*) Служил по интендантской части. Спасибо за закуску. Надеюсь, мы не объели вашу любовницу. (*Надевает шляпу.*) Пойду выпью с Сэмом. Или он тоже переметнулся?

Д о к. Возможно.

Б о с с. За кофром я пришлю.

Д о к. Пожалуйста.

Б о с с. Любопытно, какие девочки нынче околачиваются в «Томми-баре»? Не вешайте голову, Док, баба она и есть баба. А сейчас вам пора растворять мою любовницу! Уже одиннадцатый час. В любой момент может прийти ваша любовница. (*Заходит в лифт.*) Но где я уже видел Копа? Видно, так никогда и не вспомню.

Лифт идет вверх. Док, сидя на стуле, механически накладывает себе ветчину и ест. Темнота.
Свет на К о п а. Только сейчас становится заметно, что у него вместо левой руки железный крюк.
Он громит жилище Дока, смахивает еду со «стола» и т. д.

К о п. Босс был прав. Он так и не вспомнил. И, даже развалившись в своем «кадиллаке» по дороге в «Томми-бар», где он хотел набраться, как в добрые старые времена, он не вспомнил, что встречал меня дважды. Мою левую руку и правую ногу откромсал после его выстрелов компетентный хирург; более чем двадцать лет назад Босс ограбил ювелирный магазин, а молодой полицейский, вставший у него на пути, был я. Тогда-то он меня и покалечил, но не в этом дело. А в том, что благодаря этой встрече мы оба сделали карьеру. Он превратился в короля преступного мира, а я в шефа полиции, причем мы зависели друг от друга, точнее, моя неудачливость от его удачи. Несмотря на то что я разгадывал его уловки, отыскивал его притоны, регистрировал его сделки, следил за его шлюхами и сутенерами, получал информацию о его связях с банками и синдикатами, даже натравливал их на него, он всегда выкручивался, ускользал от меня,

прежде чем я успевал принять меры. Связи, популярность, деньги, патриотизм делали его недосягаемым. Чего стоил один только его взнос в два миллиона в фонд инвалидов войны. Тогда я изменил тактику, и удача постепенно покинула его, а он и не заметил. Он занялся наркотиками, я выжидал, он все наглел, я предоставил ему свободу действий, он захватил рынок, я прикинулся простачком; когда они с Маком организовали фирму, он ни о чем не подозревал. Тот, кого он изуродовал, которого он забыл, которого он, встретив вновь, даже не узнал — настолько ему было наплевать на этот эпизод, — всю жизнь, как одержимый, копил улику за уликой, чтобы предать его суду, но как же все это фантастически нелепо, какая ни с чем не сообразная потеря времени, какая чудовищная слепота всех вокруг, кто связывал мне руки. Но наконец пришло мое время, и я собрался накрыть Босса и его фирму, разорить это поганое крысиное гнездо, и тут мне дали понять, но не сразу, а более жестоко — во время хождения по инстанциям, что я — спятивший калека, продажный фараон, что, прежде чем отправиться в ад, я окажусь единственным обвиняемым по делу по той простой причине, что в мире, у которого можно украсть справедливость, я один добился справедливости, как будто это мое личное дело, а не дело всех. Но пора ставить точку.

Лифт спускается вниз. Коп идет в холодильную камеру, что-то там разбивает, снова выныривает из нее, на крюке его протеза висит вечернее платье Энн, в правой руке — бутылка шампанского. Он бросается на кушетку. Д о к выходит из лифта с бутылкой виски. Садится.

Д о к. Я был в «Томми-баре».
К о п. Скоро утро.
Д о к. Босс там не появлялся.
К о п. Босс там больше не появится.

Лифт идет наверх.

Д о к. Пахнет.
К о п. Пусть!
Д о к. Воняет!
К о п. Должно вонять.
Д о к. Трупами.
К о п Здесь нет ничего, кроме трупов.

Д о к. Это из камеры.

К о п. Я разнес вдребезги холодильную установку.

Док молчит.

Девушка Босса лежит голая в вашем унитазе. Вот ее платье (*Машет перед Доком платьем Энн.*)

Д о к. Коррумпированные фараоны вызывают у меня отвращение.

Лифт идет вниз.

К о п. После меня придут еще более коррумпированные.

Д о к. Садитесь в лифт и проваливайте.

К о п. У меня встреча с вами и с Боссом.

Д о к. Я об этом ничего не знаю.

К о п. Теперь знаете.

Лифт открывается, С э м вкатывает в комнату чемодан Босса.

С э м. Куда, Коп?

К о п. Куда-нибудь, Сэм. Холодильная установка сломалась.

С э м. Слушаюсь, Коп. (*Куда-то увозит чемодан.*)

Док поднимается.

Д о к. Дорожный чемодан Босса.

К о п. Видите ли, мы все-таки условились о встрече с Боссом. Пошел вон!

С э м. Слушаюсь, Коп. (*Уезжает на лифте наверх.*)

Док открывает чемодан, смотрит на содержимое.

Д о к. Сэм его...

К о п. В «кадиллаке».

Д о к. Босс был прав.

К о п. Очевидно.

Д о к. Сэм переметнулся на вашу сторону.

К о п. Он давно уже предлагал удешевить руководство бандой.

Д о к. Все переходит к вам.

К о п. Все переходит в государственную собственность. (*Делает движение рукой.*) Был — и нет его. (*Смотрит в чемодан.*) Добрый старый Босс. Пожалуй, он был самым

порядочным. Он так и не понял, что золотые времена частной индустрии прошли. Подобные ему сейчас погибают тысячами. Большая охота на крупную дичь.

Док. Кто велел убрать Босса?

Коп. Мало ему, видите ли, тридцать процентов. А ваша доля дала бы ему слишком большую власть. Он подписал свой смертный приговор, когда выманил вашу часть. Теперь фирма хочет все.

Док. Мне будет достаточно пяти тысяч в месяц.

Коп. Скромно.

Док. Я хочу выжить.

Коп. Боссу следовало бы принять это в расчет. (*Снова закрывает крышку чемодана.*)

Дверь лифта открывается, Сэм вносит в комнату два элегантных дипломата.

Сэм. Джек.

Коп. Поставь его куда-нибудь.

Сэм. Слушаюсь, Коп. (*Ставит оба чемодана на рампу перед лифтом.*)

Джим выходит из лифта с телом Билла, завернутым в шерстяное одеяло.

Джим. Куда это, Коп?

Коп. Положи рядом с дорожным чемоданом.

Джим. Как прикажете, Коп.

Сэм и Джим кладут труп Билла рядом с дорожным чемоданом.

Мы подождем наверху, Коп.

Коп. Ждите наверху.

Сэм. Если задержитесь, мы спустимся.

Коп. Если задержусь, спуститесь.

Джим и Сэм уезжают на лифте. Коп разворачивает Билла.

Док. Билл.

Коп. Самый богатый человек в стране.

Док молчит.

Вы его знали?

Док. Я только вел с ним переговоры.

Коп. Симпатичный парень.

Док. Фантазер.

Коп. Не знаю.

Док. Я думал, фирма взялась за десятимиллионное дело.

Коп. Взялась.

Док. Мы об этом договорились.

Коп. Точно.

Док. Тогда Билла нельзя было...

Коп. Значит, можно.

Док. А как же президент?

Коп. Будет убит.

Док. Почему убили Джека?

Коп. Из тактических соображений.

Док. И кто обоих...

Коп. Не все ли равно.

Док. Сэм?

Коп. Нет.

Док. Джим?

Коп. Я.

Док. Почему?

Коп. Они выполняют чистую работу. Кто-то должен делать грязную.

Док хочет броситься на Копа, Коп кидает ему в лицо платье Энн.

Целый рой навозных мух. Отвратительно. (*Отмахивается от мух.*) И где-то все еще просачивается вода из реки.

Док молчит.

Вы действительно не знали парня, Док?

Док. Нет.

Коп. Странно. (*Наблюдает за Доком.*) Когда я говорил с ним, у меня сложилось впечатление, что когда-то вы были похожи на него. Удивительно, да?

Док. Случайность.

Коп. Правда? Вы, наверное, прежде тоже во что-то верили.

Док. Я был ученым, вот и все.

Коп. Знаю, химиком.

Док. Я исследовал один стиральный порошок.

Коп. Может быть, вы исследовали жизнь.

Док. С чего вы взяли?

Коп. Просто мне так показалось. Этот мальчик хотел изменить мир.

Док. За это вы его уничтожили.

Коп. Он должен был этого ожидать.

Док. Он был безобиден.

Коп. Я думал, вы его не знали.

Док. Мое впечатление от переговоров.

Коп. С его мировоззрением безобидность непозволительна. Крыса. (*Гонится за ней.*)

Док. Шедевр. Убрать клиента и получить десять миллионов.

Коп. Он даже не защищался. Это случилось у него на квартире. Мальчик так удивленно на меня посмотрел. После этого я выхлестал две бутылки виски.

Док. Фирма процветает.

Коп. С вашей помощью.

Док. Я не хотел его убивать.

Коп (*в бешенстве*). Вы же заключали с ним договор.

Док. В другом смысле.

Коп. Швырните самого богатого человека страны туда, где лежит голая любовница вашего бывшего партнера или чья она там была любовница.

Док. Когда-нибудь.

Коп. Когда-нибудь. Я понимаю. Вам неохота с ним возиться, вы имеете дело только с трупами. Билл напоминает мне одного паренька.

Док. Избавьте меня от ваших воспоминаний.

Коп (*останавливается перед Доком*). Пареньку было двадцать четыре. Он стрелял с крыши методистской церкви по школьникам. Из винтовки с оптическим прицелом. Убил восемнадцать. Я разоружил его. Он не оказал сопротивления. Он думал, что совершил хороший проступок. Я никогда не встречал более счастливого человека.

Док. Придурок.

Коп. Безусловно.

Док. И что же у них общего?

Коп. Оба думали, что правы. Вера не бывает трусливой. (*Отворачивается.*) Я должен кое в чем признаться, Док. Он не выписал мне чека. Я выстрелил раньше.

Док. Зачем?

Коп. Чтобы сорвать десятимиллионное дело.

Док. Вас купил Джек?

Коп. Джек мертв.

Док. Вы убили его.

Коп. В этом смысле я кажусь себе немного похожим на того парня с винтовкой на крыше.

Док. Вы сорвали оба дела?

Коп. Только потеря грандиозных состояний способна еще поразить этот мир, ничем другим его не удивишь.

Док (*кричит*). Но вы же в деле!

Коп разражается сатанинским хохотом.

Коп. Я никогда не был в деле. (*Выпивает бутылку шампанского, как бы случайно задевает проигрыватель, Вивальди, «Четыре времени года», «Зима», «Largo».*) Прокурор высмеял меня, когда я разыскал вашу фирму убийц, и вместе с ним в дело вошло все начальство.

Док. Надо выпить. (*Залпом выпивает виски. Следует импровизированное шоу о Великой Коррупции, пока Коп ставит сначала один, а потом другой дипломат на кофр, а потом садится на них, все еще держа на крюке вечернее платье Энн, а в правой руке — бутылку шампанского.*)

Коп. Когда я раскрыл механику, которую закрутил Босс, то силой прорвался в прокурорскую контору и стащил его с письменного стола секретарши: какого черта, торопись, арестуй эту акулу, посади за решетку его банду, иначе скоро в стране будут отправлять на тот свет чаще, чем трахаться. Прокурор спокойно застегнул ширинку и сказал елейным тоном: ай-ай-ай, сынок, зачем столько шума? И мы приложим руку к этой механике — мы вдвоем войдем в долю. А в качестве гонорара меня устроят тридцать процентов, живей, смелей, не будь дураком, славный мой Коп, не мелочись, действуй по-крупному, а остаток поделишь с Боссом.

Тогда я, взбешенный этим высокопоставленным подонком, бросился к бургомистру и выкрикнул ему в лицо, достаточно резко: прокурор коррумпирован! Не городи чушь, сынок, небрежно заметил бургомистр, против коррупции не попрешь, приходится с ней мириться. Войдем в долю втроем, только так можно спасти положение. Мне нужно всего пятнадцать процентов. Я великодушен, живей, смелей, милый Коп, не будь дураком, действуй по-крупному, остаток поделишь с Боссом.

Я не согласился на эту подлость, я схватил за шиворот губернатора и начал трясти. Его превосходительство, сма-

куя свой ликер, выслушал мою информацию на предмет фирмы, прокуратуры и бургомистра — и бровью не повел. Сынок, сказал он с удивлением, не понимаю я твоего негодования. Все мы люди, все человеки. Теряет тот, кто взяток не берет, кому это невдомек, проиграет все в свой срок. Войдем в долю вчетвером. Видишь, как я благосклонен, но терять барыш не склонен, будучи всем известным патриотом, которого однажды чуть не выбрали, а может, еще и выберут в президенты, я удовлетворюсь, пожалуй, тридцатью процентами, живей, смелей, добрый Коп, не будь дураком, не мелочись, действуй по-крупному, остаток поделишь с Боссом. Тогда я, полный горечи, бросился к верховному судье требовать правосудия. Сынок, да ты романтик, сказал судья патетическим тоном, как сказал бы Отец, и Сын, и Святой Дух, о правосудии разглагольствуют только спившиеся писаки да разведенные бабы, держись от него подальше. Чего не может быть, того быть не может: хрен редьки не слаще. Войдем в долю впятером. Как верховный судья я не упрям, и нужно мне всего двадцать пять процентов, живей, смелей, бедный Коп, не будь дураком, не мелочись, действуй по-крупному, остаток поделишь с Боссом.

Док. Можно умереть со смеху. (*Отхлебывает еще из бутылки, тут же пьянеет.*) Потом вы являетесь сюда, разыгрываете крутого супермена, выворачиваете наизнанку фирму, а все ради чего: ради жалкой пары тысяч в месяц.

Коп. Что мне деньги. В отличие от вас, Док, я не придаю особого значения тому, чтобы выжить. Джим и Сэм ждут меня наверху или спустятся вниз, если наш разговор затянется. Это моя расплата. Я никогда особенно не обольщался, но верил, что хоть где-нибудь когда-нибудь можно добиться хоть какой-то справедливости. Еще крыса. (*Швыряет в нее бутылку.*) И я был наивен, как этот мальчишка. И я безрассудно и нелепо боролся в одиночку. Всю жизнь. Напрасно ли? Не знаю. Сегодня убивают того, кто раскрывает преступление, а не преступника; но поскольку я не захотел участвовать в этом фарсе, я убил Джека и мальчугана. Значит, то, что сделают со мной Джим и Сэм, справедливо, хотя это и убогая справедливость, но сегодня это уже кое-что, ведь другого правосудия не существует. Крысы! Крысы! (*Гонится за ними.*) Здесь внизу столько крыс.

Д о к. Они сейчас вылезают из нор.

К о п. Они пищат.

Д о к. Ну и пусть.

К о п. Вон! Вон! Вон! (*Гонится за крысами.*)

Д о к. Вы разрушили холодильную установку. И если бы смогли, то разрушили бы весь мир.

К о п (*садится напротив Дока*). Я не воображаю, что мне удалось покончить с фирмой, именно сейчас клиенты валом повалят! Но на какое-то краткое мгновение мне удалось приостановить фатальное раскручивание вашего дела. Зачем? Нужно же сохранять хоть какое-то уважение к себе, иначе ситуация станет еще более унизительной, откровенно говоря, смешной. Но я не знаю, понимаете ли вы меня, вы ведь ученый и спрятались под землей. На пятом этаже. Еще две крысы. Здоровые, жирные крысы.

Д о к (*выплескивает ему в лицо остатки виски*). Вот тебе, грязный пес!

К о п (*поднимается*). А все-таки вы знали парня.

Д о к (*кричит*). Нет.

К о п. Его анархизм еще будет иметь успех. Сегодня все имеет успех. (*Берет стул, садится на переднем плане слева.*) Что значит сегодня убийство, Док? Нарушение приличий. И мое нарушение приличий обелило невинного агнца и предоставило обществу шанс увильнуть от обвинения в том, что оно становится обществом убийц. Как будто бы преступность давно уже не стала формой нашей цивилизации. Его анархизм был гениальной бредовой идеей. Он, как рождественский подарок, нравился всем. Прокурор, бургомистр, губернатор и верховный судья — все они были в восторге от мальчика. Сам того не желая, он был их подельником. (*Равнодушно.*) Кстати, разыскивается его отец.

Д о к. Чей отец?

К о п. Отец Билла.

Д о к. Почему?

К о п. Теперь он наследник химических заводов.

Док молчит.

Самый богатый человек страны.

Док молчит.

Он, вероятно где-то скрывается.

Д о к. Кто его ищет?
К о п. Фирма.
Д о к. Зачем?
К о п. Вдова Джека дает за его голову десять миллионов.
Д о к. Ну и пусть.
К о п. Чтобы унаследовать самое большое состояние страны.
Д о к. Меня это не касается.
К о п. Меня тоже.
Д о к. Вы глупец.
К о п. Вероятно.
Д о к. Вполне. Можете поручиться головой.
К о п. Я получу пулю. (*Берет сигарету.*) Дайте прикурить.

Док подносит зажигалку. Коп закуривает.

Я взял сигареты у мальчишки.

Лифт идет вниз.

(*Отдает Доку бумажник.*) Вот.
Д о к. Зачем это мне?
К о п. Бумажник Билла. С чековой книжкой и фотографией его отца.

Док молчит.

Видите, я узнал ваше имя.
Д о к. Бегите.
К о п. Бесполезно.

Из лифта выходят Д ж и м и С э м. Лифт снова идет наверх.

С э м. Бог мой, сколько тут мух.
Д ж и м Проклятые твари. (*Взмахивает ногой.*) Крысы так и норовят вскарабкаться по ногам.
К о п. Ну-с, что скажете?
Д ж и м. Там наверху жарко как в пекле.
К о п. В этом городе всегда жарко как в пекле.
Д ж и м. Вы нас надули, Коп.
К о п. Может быть.
Д ж и м. Звонил прокурор.
С э м. Наверху собрались парни.
К о п Я останусь внизу.

Джим. Назад, Коп. (*Достает из кобуры Копа револьвер.*)

Коп. Смешно, когда жизнь вдруг приобретает смысл.

Сэм. В холодильник, Коп.

Джим. Так надо, Коп.

Коп. Понимаю.

Сэм. Иди.

Джим. Мы все сделаем быстро, Коп.

Коп (*поднимается, курит*). Пошли. (*Идет к холодильнику, останавливается.*) Док.

Док. Коп?

Коп. Кто умирает, тот выходит из игры. (*Еще раз затягивается сигаретой.*) Роскошные гаванны курил этот парень. (*Тушит сигарету.*)

Коп, Джим и Сэм заходят в холодильную камеру. Док обследует бумажник, находит свою фотографию, съедает ее. Из камеры выходят Джим и Сэм.

Джим. Готово.

Сэм (*подходит к трупу Билла*). Я думаю, его туфли мне в самый раз. (*Снимает с трупа туфли.*)

Лифт идет вниз.

Подержи-ка труп, Док.

Док держит труп Билла. Сэм разувает правую ногу.

У меня всегда была маленькая нога. (*Надевает правую туфлю Билла.*) Превосходная кожа. Элегантные.

Джим. Шикарный галстук. (*Снимает с трупа галстук.*)

Из лифта выходят Джо и Эл в полицейской форме и с ящиками.

Поставьте товар куда-нибудь. Холодильник еще не работает.

Джо и Эл складывают ящики на переднем плане.

Сэм (*расхаживая взад-вперед в туфлях Билла*). Сидят как влитые.

Джим. Небось удивляешься, Док, откуда столько товара?

Сэм. И не только товара. Еще те, кто сбивали нам цены.

Джим. Красивые запонки. (*Снимает с трупа запонки.*) Опаловые.

Сэм. Шикарно.

Джим. Великолепный костюм.

Сэм. Класс.

Джим. Шелк. Подойдет моему сыну. К счастью, Коп выстрелил ему в голову.

Сэм. Все-таки Коп был отличным парнем.

Джим. Помоги-ка мне. (*Снимает с трупа Билла костюм.*)

Сэм. А чем занимается твой сын?

Джим. Учится.

Сэм. На кого?

Джим. На врача.

Сэм. Будет как доктор Швейцер*. Мой учится на парикмахера. Будет дамским мастером. В нем всегда было что-то артистическое.

Джим. Наследственность. Великолепная рубашка.

Сэм. Тоже шелк.

Джим. Слегка испачкалась.

Сэм. Отойдет в маминой стиральной машине. (*Снимают с Билла рубашку.*)

Джо и Эл уезжают вверх на лифте.

Джим. Если бы еще отыскать отца Билла, вот бы обделали дельце.

Сэм. Спился где-нибудь. Носки тоже?

Джим. Все. (*Снимает с Билла трусы и носки. Задумчиво смотрит на Дока.*)

В это время Джо и Эл приносят новые ящики.

Ты был биологом или химиком, Док?

Док. Химиком.

Джим. И конечно, никогда ничего не слыхал об отце Билла?

Док. Я не знал ни его, ни Билла.

Джим. Ну да.

Сэм. Да кого он там знает.

Джим. Черта лысого.

Сэм. Сколько ты получаешь, Док?

Док. Пять тысяч.

Сэм. Подумать только.

Сэм и Джим избивают Дока. Док валится на пол.

Будешь отдавать мне две тысячи в месяц, понял? (*Вызывает лифт вниз.*)

Док корчится на полу. Джим обрабатывает его пинками.

Джим. Мне две с половиной тысячи.

Док, скрючившись, лежит на полу.

Сэм. И тебе еще останется пять сотен за твою поганую работу.

Джим оглядывается. Все помещение загромождено ящиками с трупами.

Джим. Черт возьми, у него сегодня полно работы.
Сэм. А что ему еще делать.
Джим. Единственная голова, которая нам нужна.

Сэм и Джим входят в лифт.

Сэм. Так держать, мой мальчик.

Лифт едет вверх.

Свет только на Дока, который корчится на полу.

Комментарии

В пятый том вошли драматические произведения, написанные после «Визита старой дамы», т.е. во второй (1955—1966) и третий (1966—1990) периоды творчества.

Франк Пятый

Комедия «Франк Пятый. Опера частного банка» написана в 1958 г. и впервые поставлена в цюрихском Шаушпильхаусе в марте 1959 г. Опубликована в издательстве «Архе» в 1960 г. После грандиозного успеха «Визита старой дамы» постановку «Франка Пятого» можно было считать провалом: публика не приняла «полуразговорной оперы» (музыку к пьесе написал композитор Пауль Буркхарт), в которой столь прочная, процветающая в Швейцарии банковская система изображалась как грабительский концерн, выкачивающий из клиентов деньги ради обогащения директора банка и его супруги. Зрителей отпугнули обилие крови, трупов, преступлений, разгул гангстеризма в системе финансовых отношений и общая безысходность ситуации: в пьесе не найти ни одного персонажа, который бы вызывал сочувствие зрителя.

Критика сразу увидела параллели с «Трехгрошовой оперой» Брехта: та же главная мысль (миром управляют грабители и убийцы), тот же пугающий воинствующим аморализмом состав действующих лиц, та же насыщенность текста зонгами, куплетами, призванными «отстранить» и донести до сознания зрителя центральную идею о несообразности и противоестественности мира, в котором любая попытка достижения свободы и справедливости оказывается призрачной. Сам Дюрренматт упорно отрицал какую-либо связь с Брехтом, с поэтикой «эпического театра», которая ему была хорошо знакома. Он утверждал, что замысел «Франка Пятого» возник у него в 1958 г., когда он в Париже

увидел постановку шекспировского «Тита Андроника» — ранней трагедии, в которой концентрация жутких преступлений достигает чудовищных размеров.

Несмотря на неудачу с постановкой, Дюрренматт до конца жизни считал эту пьесу одним из лучших своих произведений. Он неоднократно переделывал ее, сокращал, уточнял основную мысль, но не поступался главным — решительным неприятием чудовищных процессов в мире, где человеческие отношения коммерциализованы до предела. Чтобы не возникало параллелей с Брехтом, он в одной из переработок (для так и не состоявшейся постановки в Бохуме) убрал из заглавия слово «опера», обозначив жанр пьесы как «комедия». Неуспех своих особо «кровавых» комедий он еще в «Проблемах театра» объяснял тем, что публика не любит, когда ей говорят жестокую правду в лицо: «В минуту, когда комическое осознается как опасное, изобличающее, требовательное, моральное, от него отшатываются, как от каленого железа».

На русский язык комедия переведена впервые.

26 *Аль Капоне, Баттиста* — американские гангстеры, руководители мафиозных кланов.

42 *Мёрике Эдуард* (1804—1875) — немецкий поэт-романтик, воспевавший прелести уединенной жизни на лоне природы.

Дюпон — имеется в виду один из представителей богатейшего американского клана химических и нефтегазовых монополистов.

56 *Тракль Георг* (1887—1914) — австрийский поэт, наделенный обостренным чувством вины за происходящее в мире; потрясенный ужасами войны, покончил с собой.

Кляйст (Клейст) Генрих фон (1777—1811) — немецкий прозаик и драматург эпохи романтизма, тяготевший к постижению мистического единства мира и мучительно переживавший разлад между мечтой и действительностью; покончил с собой.

Физики

Пьеса написана в 1961 г., впервые поставлена в цюрихском Шаушпильхаусе в феврале 1962 г. Режиссер — Курт Хорвиц, художник — Тео Отто. В ролях: доктор фон Цанд — Тереза Гизе,

Мёбиус — Ганс Кристиан Блех, Ньютон — Густав Кнут, Эйнштейн — Тео Линген, инспектор Фосс — Фред Таннер.

В этом же году премьеры пьесы прошли в Сантьяго, Мехико, Лиме. В последующие годы пьеса занимала одно из первых мест по количеству постановок в немецкоязычных странах и в других странах мира, включая Америку. В лондонском Королевском Шекспировском театре «Физиков» в 1963 г. поставил режиссер Питер Брук. Первым из российских театров пьесу в 1962 г. поставил Ленинградский театр комедии (режиссер — Н. Лифшиц). В Москве комедия Дюрренматта неоднократно ставилась на подмостках театра Советской Армии.

На русском языке впервые опубликована в 1969 г. (издательство «Искусство», перевод Н. Оттена).

Очевидно, сомневаясь в том, что критика и публика сумеют дать адекватную трактовку проблем, затронутых в «Физиках», Дюрренматт первое время снабжал публикацию текста комедии своими «Тезисами к пьесе "Физики"»:

1. Я отталкиваюсь не от тезиса, а от сюжета.
2. Когда исходишь от сюжета, следует додумать его до конца.
3. Сюжет тогда додуман до конца, когда взят наихудший из оборотов.
4. О наихудшем обороте нельзя узнать заранее; он возникает неожиданно.
5. Искусство драматурга в том и состоит, чтобы как можно действеннее использовать в сюжете эту неожиданность.
6. Носителями драматического действия выступают люди.
7. Неожиданность действия проявляется в том, кто, где, когда и кого случайно встретил.
8. Чем логичнее поступки людей, тем сильнее они зависят от случайности.
9. Люди, действующие в соответствии с логикой, хотят достичь определенной цели. Случайность менее всего благоприятна для них тогда, когда приводит к цели, противоположной той, которую они перед собой поставили, то есть к тому, чего они боялись или пытались избежать (например, Эдип).
10. Такого рода фабула гротескна, но не абсурдна (то есть не бессмысленна).
11. Она парадоксальна.
12. Драматурги, как и логики, не могут избежать парадоксального.
13. Физики, как и логики, не могут избежать парадоксального.
14. Драма о физиках не может не быть парадоксальной.
15. Цель драмы — не содержание физики, а ее результаты.

16. Содержание физики касается физиков, ее результаты — всех людей.

17. То, что касается всех, могут решать только все.

18. Любая попытка одиночки решить для себя то, что касается всех, неизбежно кончается провалом.

19. В парадоксальном проявляется действительность.

20. Кто имеет дело с парадоксом, сталкивается с жизнью.

21. Драматург может перехитрить зрителя, окунув его в проблемы действительности, но он не может заставить зрителя выстоять перед действительностью, а тем более преодолеть ее.

Тезисы, призванные помочь интерпретаторам комедии, представляют собой лапидарное изложение драматургических принципов Дюрренматта и приложимы ко всему творчеству писателя. Однако то, что он присовокупил их именно к «Физикам», отнюдь не случайно. «Физики» — одна из наиболее удачных, классически строгих и ясных в своих очертаниях пьес Дюрренматта, с четко прописанной фабулой, ограниченным числом действующих лиц, большинство которых еще обладает индивидуальными приметами, стремительным нарастанием драматического напряжения и неожиданным — в духе хорошо выстроенного детектива — финалом. В комедии даже соблюдены три классических единства — времени (менее суток), места (сумасшедший дом) и действия (цельность захватывающей интриги).

Пьеса создавалась в годы, когда в условиях усиливающейся гонки вооружений и накопления средств массового уничтожения участились дискуссии о нравственной ответственности ученых-физиков за возможные последствия их ошеломляющих открытий. Дюрренматт выдвигает парадоксальный тезис о том, что человечество просто не в состоянии употребить без вреда для себя научные открытия, сделанные опередившими свое время гениями. В мире, который у Дюрренматта ассоциируется с сумасшедшим домом, нравственные терзания осознавшего губительность для человечества своих «озарений» ученого лишены смысла. Безумные устремления к господству над миром и логика выживания несовместимы. В одиночку с надвигающейся катастрофой не справиться. Значит, человечеству не остается ничего другого, как преодолеть идеологические, политические, этнические и прочие разногласия и объединиться в борьбе за выживание. Такой вывод напрашивается из «Тезисов», но он не вытекает из пьесы, в которой преобладают мотивы безысходности. Таким образом, «Тезисы» как бы выполняли функцию брехтовского «приема очуждения», помогая домысливать в нужном направлении то, что в пьесе доведено до «наихудшего конца».

Скрытая полемика с Брехтом ощущается и в этой пьесе, появившейся через два года после неудачи с «Франком Пятым». В драме «Жизнь Галилея», написанной в конце 30-х годов в эмиграции, когда до Брехта дошла весть о расщеплении немецкими физиками атома, главным действующим лицом выступает великий ученый. В первом варианте Брехт оправдывает своего героя за отречение от научной истины (главное — выжить, наукой можно заняться потом, втайне от властей), но в последующих решительно его осуждает. Писателя до конца жизни не покидала надежда, что с помощью искусства можно предостеречь человечество от необдуманных шагов и таким образом содействовать «изменению мира». У Дюрренматта такой надежды нет, он считает себя не терапевтом, а диагностом. Он знает, что писателям не дано спасти мир, они могут только запечатлеть его агонию.

Разные политические и эстетические взгляды, разные подходы, но проблема одна и «сверхзадача» тоже одна — предостеречь, научить заглядывать в будущее и не повторять ошибок прошлого. Брехт подвергал критике вполне определенное общественное устройство, Дюрренматт же выискивал изъяны в устройстве всего мироздания, не претендуя при этом на истину в последней инстанции. «Я никогда не повторял его (Брехта) ошибок, — писал Дюрренматт, — я ошибаюсь по-другому».

95 *Эрни Ханс* (р. 1909) — швейцарский живописец и график.

114 *Букстехуде Дитрих* (1637—1707) — датско-немецкий композитор и органист, один из предшественников И.С. Баха.

Геркулес и Авгиевы конюшни

Сюжет об одном из подвигов Геркулеса Дюрренматт использовал сначала в радиопьесе (написана, поставлена и опубликована отдельной книжкой с иллюстрациями автора в 1954 г.). В 1962 г. Дюрренматт переделал радиопьесу в комедию для театра, премьера которой состоялась в марте следующего года в цюрихском Шаушпильхаусе. Режиссер — Леонард Штеккель, художник — Тео Отто, композитор — Рольф Лангнезе. В ролях: Геркулес — Густав Кнут, Деянира — Яне Тильден, Авгий — Эрнст Шредер, Иола — Криста Вич. Постановка успеха не имела. В образе Элиды, погрязшей под толстым слоем навоза, швейцарцы — и не без оснований — увидели пародию на свою собственную страну. Речь в комедии идет о молоке, сыре и животновод-

стве, а «навоз» можно истолковать как коррупцию, косность и бюрократизм. Правда, пьеса дает основания и для более широких обобщений. Но цюрихским зрителям показалось, что картина действительности чересчур искажена. Неудачей закончилась и еще одна попытка спасти пьесу, предпринятая в 1980 г. Лучшим вариантом осталась все же радиопьеса.

На русском языке комедия впервые опубликована в 1969 г.

В откликах на постановки критики указывали на резкий диссонанс между насмешливо-фривольным тоном комедии и неожиданно серьезным, без тени иронии финалом, прославляющим радости созидательного труда. Спасение от «навоза», утверждается в финале, — не в подвигах «национальных героев», а в незаметном повседневном труде на земле. Только так навоз превратится в жирную почву и начнет плодоносить. Многие посчитали эту концовку просчетом. Но Дюрренматт — слишком опытный автор, чтобы допускать подобные промахи, скорее всего, это сделано им сознательно, хотя и не без элемента шутливой игры (вспомним немотивированный «счастливый» финал мольеровского «Тартюфа»).

Метеор

Работа над комедией о смерти и воскрешении шла на протяжении двух лет — с 1964 по начало 1966 г. когда в цюрихском Шаушпильхаусе состоялась премьера. Режиссер — Леопольд Линдтберг, художник — Тео Отто. Главную роль сыграл Леонард Штеккель. Постановка имела успех. Критика в многочисленных откликах нашла пьесу трудной для истолкования, но чрезвычайно интересной для сценического воплощения. Лишь религиозные издания однозначно осудили комедию за «богохульство».

Дюрренматт назвал «Метеор» самой личной своей комедией, но не соглашался с теми, кто в образе Швиттера искал черты биографии его создателя. Выступая на публичном обсуждении «Метеора» в Цюрихе, Дюрренматт познакомил слушателей со своими тезисами к пьесе. Свою задачу драматург видел в том, чтобы показать человека в «ничейном пространстве» между жизнью и смертью, когда становятся ненужными и рвутся связи индивида с окружением, с условностями жизни в обществе. Отбрасывая эти основанные на приспособленчестве и лжи связи, человек как бы обретает новые, необъяснимые рациональным путем силы, которые позволяют ему, сверкнув

напоследок, точно метеор на небосводе, ярко и яростно выразить себя, свою неповторимость. Но они же не дают ему обрести желанный покой, вынуждают мучиться своим неприкаянным одиночеством и даже заставляют умирать других. Воскрешение Швиттера, или его неспособность умереть окончательно, воспринимается как нарушение общественного равновесия, как «скандал».

На русском языке пьеса впервые опубликована в 1967 г.

257 *Келлер Готфрид* (1819—1890) — немецкоязычный прозаик и поэт, классик швейцарской литературы

Анабаптисты

Комедией «Анабаптисты» открывается третий, и последний, период творчества Дюрренматта. В это время преобладают переделки и обработки драматургом уже существующих произведений — своих и чужих. Но и в оригинальных пьесах («Подельник», «Срок», «Ахтерлоо») бросается в глаза трансформация мировоззренческих и художественных принципов Дюрренматта. Из склонного к философствованию комедиографа он превращается в философа, использующего театральные подмостки для популяризации своих воззрений на мир и человека.

«Анабаптисты» (или «Перекрещенцы») — радикальная переделка самой первой драмы Дюрренматта «В Писании сказано» (1946). Работа над переделкой шла в 1966 г. Премьера состоялась в цюрихском Шаушпильхаусе в марте 1967 г. Режиссер — Вернер Дюггелин, художники —Тео Отто и Рудольф Хайнрих. Главные роли исполнили Густав Кнут (Книппердоллинк), Эрнст Шредер (Бокельзон), Петер Брогле (монах), Курт Бек (император Карл), Вилли Биргель (кардинал и Маттизон). Зрители и театральная критика встретили постановку сдержанно. Сценические воплощения, предпринятые другими театрами Швейцарии и Германии, также не увенчались особым успехом. Виной тому, по мнению критиков, была тенденция к иссушению языка и стиля, к художественной аскезе. Драматург значительно сокращает количество монологических партий, отказывается от исторического колорита: от сочного лютеровского языка и библейских выражений первого варианта в «Анабаптистах» не осталось почти ничего. Зато резко возросла роль пародии. Пародируется все: библейские предания, античная мифология, образы верующих и пророков, сама история. Дюрренматт в сатирическом, гротеск-

но-пародийном свете показывает движение перекрещенцев, возникшее в 1525 г. в Цюрихе, распространившееся по Европе, получившее реальное воплощение в вестфальском городе Мюнстере, где революционеры-анабаптисты, требовавшие отказа от собственности, вторичного крещения в зрелом, сознательном возрасте и многоженства, захватили в 1534 г. власть, и закончившееся разгромом бунтарей против власти и казнью оставшихся в живых зачинщиков. Железные ящики, в которых были выставлены для обозрения их тела, до сих пор хранятся в башне церкви св. Ламберта.

Среди действующих лиц комедии много реальных исторических фигур, таких, например, как Иоганн Бокельзон из Лейдена (1510—1536), радикальный вождь перекрещенцев, или Бернхард Книппердоллинк, бургомистр и богатейший гражданин Мюнстера. Но Дюрренматт не стремится к исторической правде, он воспринимает историю как материал для «сценических историй», которыми можно пользоваться по своему усмотрению. «Надо писать полезные истории для сцены, — утверждал он, — а не устраивать на сцене уроки истории». Поэтому во втором варианте ослаблен религиозно-исторический аспект и усилен аспект социально-политический, подаваемый тоже в гротескном преломлении. Одурманенные обещаниями устроить в их городе «новый Иерусалим», земной рай, жители Мюнстера, оказавшиеся под властью деспотии Бокельзона, предстают жертвами ловких проходимцев, преследующих свои честолюбивые, корыстные цели. Смешон и жалок Книппердоллинк, поверивший демагогу Бокельзону и якобы ради «спасения души» отдавший ему все — состояние, доброе имя, жену, дочь. Сомнительна и фигура престарелого победителя — епископа, огнем и мечом подавившего бунт своих подданных и призывающего в финале «очеловечить» этот бесчеловечный мир.

275 *Ворота Эгидия* — вероятно, городские ворота названы так по имени средневекового теолога Эгидия Романуса (то есть Римского, ок. 1243—1316), одного из отцов католической церкви; в его честь названа и церковь в Мюнстере.

282 *Фаустус* — имеется в виду доктор Иоганн Фауст (наст. имя и фамилия Георг Цабель), живший примерно с 1480 по 1540 г., бродячий астролог, ставший символом неудержимой тяги человека к познанию. О его сделке с дьяволом впервые рассказано в народной книге «История доктора Иоганна Фауста» (1587). В 1588—1589 гг. написана «Трагическая история доктора Фауста» английского драматурга Кристофера

Марло. Мировую известность этот образ получил благодаря трагедии И.-В. Гёте «Фауст» и роману Т. Манна «Доктор Фаустус».

282 *Парацельс* (наст. имя Теофраст Бомбаст фон Хоэнхайм, 1493—1541) — немецкий врачеватель, естествоиспытатель и философ, один из основоположников медицины нового времени. Во время Крестьянской войны 1525 г. встал на сторону крестьян. Его, как и Фауста, обвиняли в связях с нечистой силой.

Агриппа фон Неттесхайм (наст. имя и фамилия Генрих Конелиус, 1486—1535) — средневековый философ и врач, приверженец неоплатонизма и каббалы; критиковал научное знание, считал магию главным средством постижения природы.

284 *Лукиан* (ок. 125 — после 180) — греческий писатель.

296 *Вот кто... кощунствует... церковь святого Маврикия.* — Дюрренматт перечисляет церкви Мюнстера, названные по именам христианских святых или монахов — жившего в XI в. монаха и историка Ламберта, св. Мартина (IV в.), св. Маврикия (III в.) и др.

297 *Цвингли Хульдрих* (Ульрих, 1484—1531) — швейцарский реформатор, основатель цвинглианства — швейцарского крыла протестантизма.

301 *Я... вынужден принять участие в Крестьянской войне.* — Крестьянская война в Германии (1524—1526), представлявшая собой реакцию народных (преимущественно крестьянских) масс на усиление феодально-католического гнета, проходила под религиозными лозунгами Реформации.

306 *Сенека Луций Анней* (ок. 4 до н.э. — 63 н.э.) — римский философ, писатель и политический деятель, воспитатель Нерона; по приказу последнего покончил жизнь самоубийством. Бокельзон цитирует трагедию Сенеки «Эдип».

310 *Экк Иоганнес* (наст. имя Иоганн Майер фон Эгг, 1484—1543) — немецкий католический теолог эпохи Реформации.

318 *Карл V* (1500—1558) — император «Священной Римской империи германской нации» с 1516 г., из династии Габсбургов. Мечтал создать под знаменем католицизма «мировую христианскую державу», но в борьбе с немецкими протес-

тантскими князьями потерпел поражение и в 1555 г. отрекся от престола.

318 *Писарро Франсиско* (между 1470 и 1475—1541) — испанский конкистадор, участвовал в завоевании Панамы и Перу, разграбил и уничтожил государство инков. Во время его «подвигов» Карл V был также и королем Испании.

320 *Тициан Вечеллио* (ок. 1476/1477 или 1489/1490—1576) — итальянский художник эпохи Высокого и Позднего Возрождения.

Тинторетто (наст. фамилия Робусти) Якопо (1518—1594) — итальянский живописец эпохи Позднего Возрождения, представитель венецианской школы.

Хемскерк Маартен ван (1498—1574) — голландский художник-портретист.

Роймерсвеле Маринус фон — личность не установлена.

Амстель Ян ван (Ян Голландский, ок. 1500 — ок. 1540) — нидерландский художник-пейзажист Антверпенской школы.

Альтдорфер Альбрехт (ок. 1480—1538) — немецкий живописец и график эпохи Возрождения, глава Дунайской школы.

Гольбейн (Хольбейн) Ганс Младший (1497 или 1498—1543) — немецкий живописец и график эпохи Возрождения.

Хагельмайер из Вены — личность не установлена.

321 *Плавт Тит Макций* (сер. 3 в. до н.э. — ок. 184) — римский комедиограф, тяготевший к карикатуре и буффонаде.

332 *Эребос* — в древнегреческой мифологии — мрачное подземное царство.

Играем Стриндберга

С конца 60-х годов Дюрренматт все больше внимания уделяет переделкам чужих произведений. В течение короткого времени им осуществлены обработки «Короля Иоанна» и «Тита Андроника» Шекспира, «Пляски смерти» Стриндберга, «Прафауста» Гёте, «Войцека» Бюхнера. По сути дела, это переводы с одного сценического языка на другой. Классические произведения служат материалом для опытов Дюрренматта, в

них он обращается к прошлому, чтобы перевести идеи, мотивы и образы своих предшественников на язык современности. Он сокращает, сжимает чужой текст, переделывая его до такой степени, что становится как бы основным автором пьесы «по Шекспиру», «по Стриндбергу» или «по Бюхнеру». Чтобы иметь возможность свободнее заниматься сценическими экспериментами, Дюрренматт берет на себя (совместно с В. Дюггелином) руководство городским театром Базеля. Отказавшись от поэтического языка и сочных диалогов своих прежних произведений, Дюрренматт тем большее значение стал придавать языку сценическому — декорациям, световым эффектам, музыкальному оформлению, паузам, последовательности картин и т.д. Свои надежды он возлагает теперь не на силу слова, а на возможности актера, которому по ходу действия приходилось придавать выпуклость одномерным характерам и находить способы оживления голой сюжетной схемы, оставшейся после решительного вторжения обработчика. Из названных выше постановок наиболее удачной считается переделка пьесы Августа Стриндберга «Пляска смерти» (1900) — семейной трагедии, в которой безысходная коллизия рождается на фоне тревог, страхов и надежд, вытекающих из иррационализма жизни, ее бесцельности и бессмысленности.

Публикации своего варианта «Пляски смерти», озаглавленного «Играем Стриндберга» (по примеру модных тогда джазовых обработок классических музыкальных сочинений — «Играем Баха» и т.п.), Дюрренматт предпослал авторское уведомление:

«1948 год. Смотрю в Базеле «Пляску смерти» Стриндберга с участием Марии Файн и Рудольфа Форстера; в памяти остаются актеры, но не пьеса.

1968 год. Прочитываю первые страницы пьесы, нахожу интересной драматургическую идею, но литературное воплощение (плюш х вечность) отталкивает. Пытаюсь произвести обработку путем вычеркивания, то есть обычную для театра обработку Стриндберга. Бросаю. Причина: общепринятые обработки Стриндберга — путем вычеркивания, перестановок, изменений и дополнений текста — искажают Стриндберга; затея более чем сомнительная, что совершается во имя того, чтобы сыграть «подлинного» Стриндберга. Переделать в корне представляется мне честнее. В ноябре 1968 года начинаю переделку на основе подстрочного перевода.

Я заимствую у Стриндберга фабулу и основную драматургическую идею. После того как я исключил литературную сторону пьесы, стала отчетливее близость стриндберговского теат-

рального видения к современному — близость к Беккету, Ионеско, да и к моему «Метеору». Диалог Стриндберга используется как предпосылка для антистриндберговского диалога; пьеса становится пьесой для актеров. Актеру не надо больше заниматься исследованием демонической души, ему предстоит исполнять на сцене до предела сконденсированный и краткий текст.

В декабре 1968 года начались репетиции. В процессе работы с актерами текст частично развивался и все время менялся.

Окончательный текст появился, когда были исчерпаны варианты сценических ситуаций. Из трех актеров возникло единство слаженно играющего трио. Из буржуазной трагедии брака — комедия о буржуазной трагедии брака "Играем Стриндберга"».

Премьера прошла в театре Шаушпильхаус в Цюрихе. Режиссеры — Фридрих Дюрренматт и Эрих Холлигер, художник — Ханнес Майер. В ролях были заняты Регина Лутц (Алиса), Хорст Кристиан Бекман (Эдгар) и Клаус Херинг (Курт).

На русском языке впервые поставлена Московским театром имени М.Н. Ермоловой в 1978 г. Режиссер — В. Андреев, художник — А. Окунь, в ролях: О. Фомичева (Алиса), И. Соловьев (Эдгар), В. Андреев (Курт).

На русском языке пьеса впервые опубликована в журнале «Иностранная литература» (1973, № 4) в переводе Б. Закса с послесловием Н. Павловой.

379 *Дузе Элеонора* (1858—1924) — итальянская актриса. Выступала с огромным успехом во многих странах, в том числе в России. Играла в пьесах Г. Д Ануцио, М. Метерлинка, А. Дюма-сына, А. Стриндберга.

Портрет планеты

Эту пьесу Дюрренматт назвал «учебной пьесой для актеров», но подчеркивал, что предназначена она не только для профессионалов, упражняющихся в актерском мастерстве, но и «для людей, еще не свыкшихся с ситуацией, в которой находится человечество». Это еще одно напоминание о том, что наша планета находится в «скандальном беспорядке» и обречена на гибель — если не по вине бездумного поведения людей, то в результате космического катаклизма. Восемь актеров — четыре мужчины и четыре женщины — в течение полутора часов разыгрывают на сцене всю историю человечества, со времени пере-

хода от каннибализма к животной пище до эпохи космических полетов и международного терроризма. Актеры обмениваются короткими, малозначительными репликами, паузы между которыми, по замыслу автора, должны быть важнее слов.

Пьеса писалась для постановки в городском театре Базеля, но после разногласий с дирекцией Дюрренматт, ушедший со своего поста, перенес премьеру в Дюссельдорф. Она состоялась в ноябре 1970 г. в малом зале местного драматического театра и закончилась если не провалом, то явной неудачей. Постановку осуществил режиссер Эрвин Аксер, художник — Эва Старовейска, композитор — Эдвард Анёл. В ролях выступили Вольфанг Арпс, Карл-Хайнц Мартель, Вольфганг Райнбахер, Эдгар Вальтер (Адам, Каин, Авель, Енох) и Рената Бекер, Эва Бётхер, Кристиана Хаммахер, Мариана Хойка (Ева, Ада, Цилла, Ноэма).

Не стала успехом и постановка обновленного варианта «Портрета планеты» в цюрихском Шаушпильхаусе (март 1971 г.) На этот раз инсценировку взял на себя сам драматург, за шумовое оформление отвечал Вилли Вольгемут, за декорации и костюмы — Ион Гунтер. Мужские роли исполняли Вольфганг Райхман (Адам), Норберт Каппен (Каин), Хельмут Лонер (Авель), Игольд Вильденауэр (Енох); женские — Кристиана Хёрбигер (Ева), Агнес Финк (Ада), Клаудиа Ведекинд (Цилла), Анна-Мария Кустер (Ноэма).

425 *Бахофен Иоганн Якоб* (1815—1887) — швейцарский историк и философ, автор работ по проблемам матриархата («материнского права»).

428 *Темплар Саймон* — личность не установлена.

«*Бонанза*» — американский приключенческий телесериал, демонстрировавшийся по Эн-би-си в 1959—1973 гг.

Подельник

Сюжет о главаре гангстерской банды и ученом, растворяющем трупы в особом химическом составе, впервые сложился у Дюрренматта в 1959 г., во время его пребывания в Нью-Йорке, но не получил художественного воплощения и на долгие годы остался фрагментом. Писатель вернулся к нему только в 70-е годы, сначала в драме «Подельник» (или «Соучастник»), а затем в рассказе «Смити». То, что в рассказе дается как реалистическая

история, случившаяся в раскаленном летней жарой Нью-Йорке, в драме предельно схематизировано, доведено до высшей степени абстракции. «Подельник» был задуман Дюрренматтом как остросюжетная детективная комедия о тотальной коррупции современного мира, лишенного не только высоких идеалов, но и вообще какого бы то ни было смысла. Свойственный драматургу мрачный юмор висельника доведен здесь до крайних пределов. Действие происходит в подземной лаборатории, на фоне груды ящиков с телами убитых гангстерами людей, под неумолкающий шум установки по растворению трупов.

Центральное действующее лицо комедии — ученый Док — выступает в роли соучастника, пассивного исполнителя чужой воли. Подобно физику Мёбиусу, открывшему «формулу мира», Док обнаруживает некую «структуру жизни», но в отличие от Мёбиуса не пытается скрыть свое открытие от людей, а использует его в качестве личного обогащения и в конечном счете превращается в безвольного подельника шайки гангстеров. Сопричастность делам, тайных механизмов которых не знает большинство рядовых исполнителей, в данном случае людей науки, представляется Дюрренматту проблемой не столько нравственной, связанной со свободой выбора, сколько социально-политической. «В известной мере мы всегда готовы соучаствовать в ситуации, когда нам этого совсем не хочется, — писал Дюрренматт. — Под соучастником я имею в виду всех нас». Используя набор стандартных приемов детектива, Дюрренматт хотел показать жестокость общества убийц и слияние государственного аппарата с преступными группировками. Но сценическая модель этого общества получилась чересчур сухой, формализованной: бесплотный остов вместо драматической ситуации, безликие типы вместо живых характеров. В качестве режиссера-постановщика в цюрихский Шаушпильхаус был приглашен поляк Анджей Вайда, но он плохо разбирался в тонкостях немецкого языка, основное внимание уделял оптическим эффектам, не нашел общего языка с автором пьесы и уехал, не доведя дело до конца. Премьера все же состоялась в марте 1973 г. и закончилась скандальным провалом. Публика встретила знаменитого автора свистом и улюлюканьем, отклики прессы были резко отрицательными. Эскизы декораций и костюмов к цюрихской премьере делали Анджей Вайда и Крыстына Захватович, музыку к спектаклю написал Жорж Грунц. В главных ролях выступили Петер Аренс (Док), Курт Бек (Босс), Ханс Випрехтигер (Коп), Андреа Ионассон (Анн), Ингольд Вильденауэр (Билл). В дальнейшем комедия была поставлена в Маннгейме, Варшаве, Афинах, Генуе.

Отзывы театральной критики были благосклоннее, но о сценическом успехе «Подельника» говорить не приходится.

В 1976 г. в цюрихском издательстве «Архе» вышла книга «Подельник в комплексе», в которой сама пьеса занимает только одну четверть объема, а все остальное — развернутый авторский комментарий, включающий в себя пояснения к тексту, толкования образов (так, Дока Дюрренматт сравнивает с Фаустом, Босса — с Мефистофелем, а Копа — с Дон Кихотом), режиссерские указания. Пытаясь доказать актуальность и важность воплощенного в пьесе конфликта, Дюрренматт развивает целую теорию «соучастия», согласно которой все люди делятся на «позитивных» и «негативных» соучастников. Негативные отличаются от позитивных тем, что равнодушны к делу, их соучастие — не результат личной заинтересованности в деле, а следствие нравственной неустойчивости. Негативное соучастие по Дюрренматту — судьба интеллигенции, у которой нет иного выбора. Кто рискует протестовать, выдвигать условия, искать смысл, тот неизменно оказывается раздавленным безжалостной анонимной машиной, именуемой обществом.

На русском языке публикуется впервые.

526 *Будет как доктор Швейцер.* — Имеется в виду немецко-швейцарский ученый, врач и теолог Альберт Швейцер (1875—1965), видевший в защите жизни основу нравственного оздоровления человечества.

В. Седельник

Содержание

Франк Пятый. *Перевод В. Колязина и В. Санчука* 5

Физики. *Перевод Е. Михелевич* 91

*Геркулес и Авгиевы конюшни.
Перевод К. Богатырева 149

Метеор. *Перевод Н. Бунина* 209

Анабаптисты. *Перевод И. Розанова и В. Санчука* 271

Играем Стриндберга. *Перевод Е. Шукшиной* 355

Портрет планеты. *Перевод Н. Федоровой* 413

Подельник. *Перевод Э. Венгеровой и Н. Крыгиной* 471

В. Седельник. Комментарии 528

Дюрренматт Фр.

Д97 Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5.: Пьесы и радиопьесы: Пер. с нем. /Сост. Е. А. Кацева; Коммент. В. Д. Седельника; Художники М. Е. Квитка, О. Л. Квитка. — Харьков: Фолио; Москва: АО «Изд. группа "Прогресс"», 1998. — 544 с. — (Вершины)

ISBN 966-03-0108-1 (т. 5).
ISBN 5-01-004570-2 (т. 5).

В пятый том собрания сочинений вошли драматические произведения Ф. Дюрренматта: «Франк Пятый», «Физики», «Геркулес и Авгиевы конюшни», «Метеор», «Анабаптисты», «Играем Стриндберга», «Портрет планеты» и «Подельник».

Д $\frac{4703010100—028}{98}$ Без объявл. **ББК 84.4Ш**

Литературно-художественное издание

ДЮРРЕНМАТТ Фридрих

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В пяти томах

Том 5

ПЬЕСЫ И РАДИОПЬЕСЫ

Главный редактор *В. И. Галий*
Ответственный за выпуск *Р. Е. Панченко*
Художественный редактор *Б. Ф. Бублик*
Технические редакторы *А. М. Витенберг, Л. Т. Ена*
Корректоры *Е. И. Цыганенко, Г. Ф. Высоцкая, Л. А. Иванова*

Подписано в печать 05.03.98.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Литературная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 29,02. Уч.-изд. л. 32,2.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 8-57

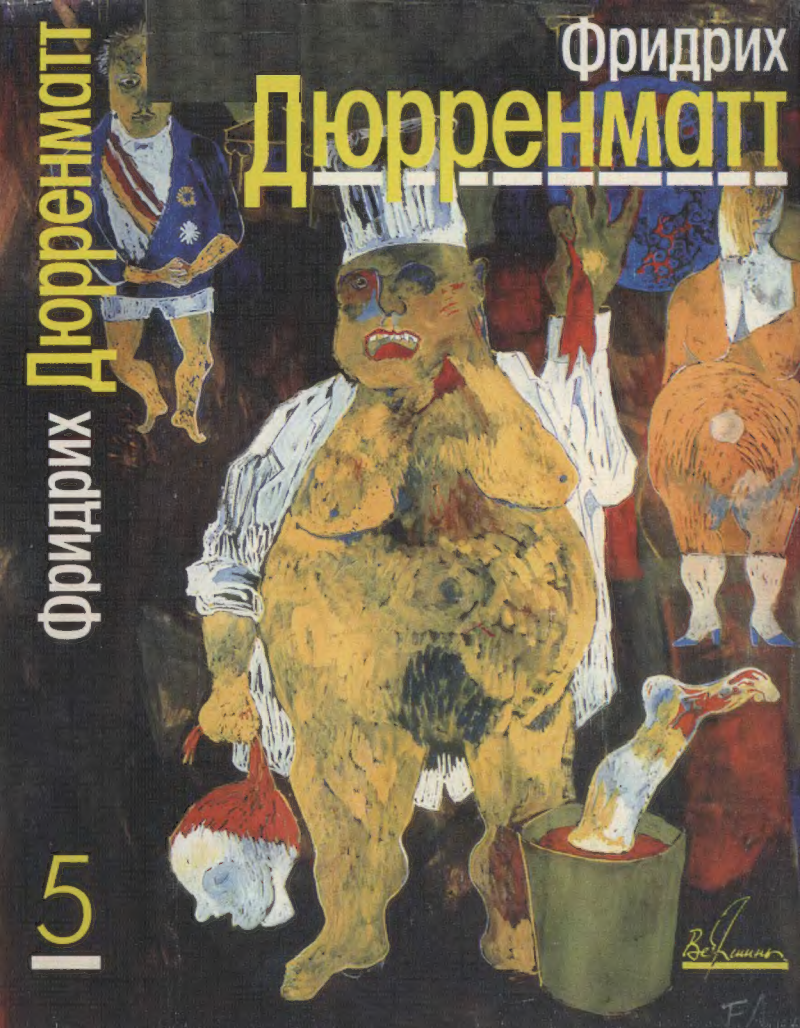
«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Артема, 8

АО Издательская группа «Прогресс»,
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано с готовых позитивов
на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

Фридрих

Дюрренматт



Фридрих Дюрренматт

5